

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

УРОМНЕН КАКИМ МИРОМ

БОРИС ИВАНОВ
АГЕНТ
ТАРТАРА

Частный детектив Ким Яснов подписывает несколько необычный контракт, по которому он должен вести наблюдение за своим клиентом Клаусом Гильде, даже если тот будет настаивать на разрыве. По словам нанимателя, с ним начали происходить некие изменения, и Киму Яснову предстоит как раз выяснить, что произошло и что будет... происходить. Как и следовало ожидать, едва приступив к своим обязанностям, Ким получил уведомление о разрыве контракта. В поисках исчезнувшего клиента Ким оказывается на борту пассажирского лайнера «Саратога», направляющегося на сожженную атомными войнами планету Чур. Параллельным с лайнером курсом следует крейсер Объединенного Космофлота, направленный на уничтожение базы Нелюди на Чуре...

Борис Иванов

Агент Тартара

«Спроси у себя „кто я?“, — говаривал преподобный Бонни, сидя за кружкой доброго пива. — Спроси — и ты не сможешь в этом признаться. Спроси об этом у людей — и тебе солгут. Спроси об этом у Бога. И Бог ответит тебе: „Пойми, кто я, — и ты узнаешь и то — кто ты сам“. На это Грогги, пропустив шкалик, неизменно возражал: „Только дурень пристаёт к Богу с глупостями! Не важно, кто ты есть. Важно то, почему ты вдруг захотел это узнать. Это и будет ответом.“»

Фил Исмаэлит. Воспоминания и мнения о Рыжем Грогги — злобном свистуне и Бонни Пизе — добродетельном проповеднике — тех, кто с ними встречался или о них слышал

Конец человека — знание, но одного он не может узнать он не может узнать, спасет его знание или погубит. Он погибнет — будьте уверены, — но так и не узнает, что его погубило знание, которым он овладел, или то, которое от него ускользнуло и спасло бы его, если бы он овладел им.

Роберт Пенн Уоррен. Вся королевская рать

ПРОЛОГ

СНЕГ

Ничего не было вокруг — только снег. Снег равнины, простершейся в бесконечную даль. И снег пурги — здешней, сухой и злой пурги, заполнившей все пространство стремительным, мелким и редким снегом. Снегом, точно так же непохожим на снег безумно далекой Земли, как не было похоже на земное небо этого мира, превратившееся сегодня в равномерно подсвеченное лучами Звезды слепое бельмо.

Снег, впрочем, только казался редким — в десятке метров уже нельзя было различить хищную поросль заграждения из колючей проволоки.

Он знал, что и тогда, когда пройдет пурга, оно не станет похожим на земное — это небо сожженной планеты. Он вообще не похож на небо — тот опрокинутый колодец прозрачной тьмы, что накрывает этот мир сверху.

Чужие звезды неровно подрагивают на его дне. Или одна — беспощадная Звезда встает в нем.

Ее называют здесь Солнцем. Только она — не Солнце...

В этом небе почти никогда нет облаков. Только изредка появляются они — редкие, немислимо высокие и прекрасные. Вода, покинувшая моря и реки, жметесь здесь к земле. Ползет туманами и низко летящим снегом...

А мысли здесь ходят по кругу, как патрульные отряды, словно тоже боятся не найти дорогу назад в ледяной мгле.

«Так что это — наказание или честь — который год жить в этом мире?» — уже не в первый раз подумал он. Мысль эта давно осточертела. Но он так и не знал ответа на этот наскучивший вопрос.

Нет. Конечно, не наказание. Ты сам выбрал себе эту судьбу — не там, в кабинете командующего разведкой Сектора, — там у тебя уже не было выбора. Ты выбрал эту судьбу раньше, когда подавал заявление в разведшколу. Когда заполнял анкеты и справлялся с тестами... А может, и еще много-много раньше. Нет, это не наказание.

Но разве это честь? Эта черная, словно с эсэсовской срисованная форма? Эти мечи разящие, вышитые на голубом шевроне? И знак Испытания Кровью — это тоже честь? Нет конечно, честь — здесь в Поселении «Полюс». Честь для тех, кто в черном. И ужас и смерть для тех, кто в других цветах.

Ты не сачковал. Ты честно прошел это Испытание. На то была санкция Центра. Но... Не это только в старых сериалах разведчику удастся внедриться в ряды врага, не замавав рук... Теперь и дети знают, что это не так. А уж ты и подавно знаешь, что, даже если тебе и посчастливится бросить в коптящее пламя свой черный наряд и вывести татуировку на плече, знак Испытания навсегда останется с тобой. Он выколот на твоей душе.

Тот, кого он подждал здесь — в сердце пурги, единственном месте, избавленном от чужих ушей и чужих глаз, — подошел незаметно, как и подобает людям Третьей Касты. Но с трех шагов дал все-таки о себе знать сухим кашлем, чтобы ненароком не перепугать партнера. Они оказались совсем рядом — лицом к лицу. Глубоко надвинутые на глаза капюшоны, лица, до ноздрей замотанные шарфами.

— Похоже, мы переходим в ежедневный режим «стыковок», — уныло пошутил пришедший вторым. — Что ни день, то чрезвычайные обстоятельства...

— На этот раз — не просто чрезвычайные, — подтвердил его худшие подозрения тот, кто пришел первым. — Обстоятельства прямо-таки похоронные. Центр не дал добро на наш план. Ты должен понимать, что это означает...

Пришедший вторым молча отвернулся и невидящим взглядом уставился в слепую мглу.

— Ну, порадовал тебя раз, так уж буду радовать до конца... — предложил пришедший первым и тоже отвернулся в пургу. — О резервном плане — ни слова. Так, как будто они там и не получали его...

— Они его получали! — зло ударил кулаком в ладонь пришедший вторым. — Они не хотят брать на себя ответственность...

— Можно, конечно, понять это как то, что они оставляют нам руки развязанными... — без особой уверенности в своих словах возразил пришедший первым. — Как только запахнет жареным, мы можем организовать эвакуацию. Всеобщую или частичную. Но никто там, — он показал глазами вверх, в мутно-белые небеса, — не даст нам команды. Я считаю, и не подумает предупредить...

— Тогда мы — покойники... — спокойно констатировал пришедший вторым. — У нас не больше шансов угадать, когда начнется это. Да и обречена эвакуация. В самой своей идее — обречена. Она может удалиться только в результате восстания. А план восстания — зарубили. У нас один выход. Уйти одним. Плюнуть на все и уйти прочь — к хозяевам этого дурацкого Мира... Или к отверженным... Куда угодно...

— Зарубили не план восстания — он по-прежнему существует... — задумчиво возразил пришедший первым. — Мало того, он даже воплощен в организацию, в систему связи, в запас оружия... Зарубили не план. И не само восстание. Зарубили право отдать команду... Они боятся их — людей Поселения. Не знают, что ждать от них. И потому решили не освободить их, а просто убить.

— Давай начистоту...

Пришедший вторым глухо закашлялся, но справился с одолевшими его спазмами и закончил:

— Ты сможешь отдать команду самовольно?

— А ты сможешь уйти один? Уйти и оставить их всех тут — в жертву высшей безопасности Обитаемого Космоса?

Пришедший первым помолчал и добавил:

— А несанкционированное восстание бесполезно. Нас все равно спалят... Победим мы или нет. Так я повторяю вопрос — ты готов уйти один?

— Нет... — глухо ответил пришедший вторым. — Я... Я давно уже чувствую себя одним из них...

— В том-то и дело, — отозвался пришедший первым. — В том-то и дело, что все мы давно уже одни из них...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
УКУС ОСЫ

ГЛАВА 1

АГЕНТ НА КОНТРАКТЕ

— Так больше продолжаться не может! — с чувством произнес Ким Яснов. Это свое умозаключение он доверил тому единственному собеседнику, который мог всецело разделить его чувства, — лысому попугаю Джерико. Собственно, полное имя птицы было Лорд Иерихонский, и было птичке на вид не менее ста одного года от роду. Других собеседников в пыльной полутьме тесноватого офиса агентства независимых частных расследований «Ким» попросту не было.

Что и говорить — ни сам Лорд Иерихонский, ни его клетка причудливой конструкции не сообщали интерьеру агентства должного уважения. Лорд достался Киму в качестве своего рода наследства от его почти единственного на Констансе друга и бывшего арендатора офиса. Достался, кстати, вместе с неискоренимым табачным духом, впитавшимся, кажется, в самое естество каждого предмета в этом помещении. Не избежал этой участи и весь скарб, принесенный сюда Кимом — человеком если не безгрешным, то по крайней мере некурящим. Теперь от его пиджака, бумажника и даже от любимой записной книжки — да что там от книжки, от подметок, и то! — исходил аромат не вычищенной пепельницы. «Неудивительно, что птичка-то и облысела», — частенько говорил себе по этому поводу Ким.

В дополнение к табачной вони и облезлому попугаю Ник Стокман (а именно так звали бывшего обитателя уютного кабинета) оставил в распоряжение Кима уймищу всякой дребедени, от многочисленных разрозненных колод карт (и Таро и просто игральных) до украшавшей одну из стен уникальной коллекции портретов великих сыщиков двадцатого, кажется, столетия. Вымышленных и реальных.

Еще в ящиках стола отыскалась внушительная связка ключей неведомо от каких дверей, синий блокнот с не понятными никому, кроме самого Ника, записями и пачка банкнот толщиной с толкиеновского «Властелина Колец» вместе с «Хоббитом» и «Сильмариллионом» в придачу. Ким так и не выяснил, в какой части Обитаемого Космоса эти банкноты имеют хождение. Или имели когда-либо. Хотя и много бы дал за то, чтобы это узнать. В остальном содержимое стола и всех других, для того пригодных, мест в офисе было заполнено невероятным количеством пакетиков с кормом для Джерико. Корма было до отвращения много. Чертовой птице отнюдь не угрожала голодная смерть.

О себе этого Ким сказать не мог.

Он с досадой воззрился на висевший на обшарпанной стене постер с изображением Эркюля Пуаро в исполнении Дэвида Суше (был когда-то, то ли в XIX, то ли в XX веке такой сериал), злобно щелкнул кнопкой электрокарандаша и еще раз с чувством повторил:

— Так больше продолжаться не может!

И впрямь — продолжаться это не могло. Попросту кончались деньги. Можно было подумать, что во всей Канамаге — преславной столице Колонии Констанс — народ зарекся совершать сколь-либо предосудительные поступки. С той только целью, наверное, чтобы не дать заработать директору и единственному сотруднику агентства независимых частных расследований. Мало того, они перестали, судя по всему, терять бумажники, деловые бумаги, бестолковых малолетних чад и впавших в детство предков. И даже кошки и собаки не сбегали здесь от своих хозяев. И попугаи от них не улетали, как улетел однажды от своего

хозяйина, весьма почтенного банкира, Лорд Иерихонский. Лорда Ник — тогда старший партнер Кима — благополучно нашел. К сожалению, к тому времени в бега подался его хозяин. Вот его-то сыскать оказалось свыше человеческих сил. Ник оставил Джерику себе в качестве компенсации за предпринятые хлопоты и объявил его счастливым талисманом агентства, именовавшегося тогда «Боулдер, Боулдер и Стокман». Ни одного из Боулдеров Ким уже не застал на Констансе.

Вообще, все арендаторы офиса на втором этаже Хоуп-хауса были неисправимыми романтиками, и всех их уносил неведомо куда поток безжалостного времени. Оставались только неоплаченные счета. Собственно, за аренду помещения, за уймищу коммунальных услуг, которые муниципальные власти якобы оказывали Киму и его предшественникам, за пользование многочисленными информационными сетями и один черт знает за что еще. Уже одни только долги теперешнего агентства независимых расследований грозили к концу месяца превысить все разумные пределы. Ни малейшей возможности заполучить клиента или какого-никакого поручения от более удачливых друзей-конкурентов не предвиделось, а нерегулярные переводы «скромных, но вполне достойных» сумм от родного дядюшки Эрни из Метрополии и от фонда Хаммурапи служили для Кима источником жгучего стыда, но никак не надежд на улучшение благосостояния в сколько-нибудь обозримом будущем.

И даже невинный ужин с Мэри Энн в скромной пиццерии превратился теперь в серьезнейшее испытание для его холостяцкого бюджета.

Нет, так продолжаться дальше решительно не могло!

Но все продолжалось и продолжалось...

Ким снова щелкнул электрокарандашом. Убедившись, что микроаккумулятор этого приспособления безнадежно посажен, он запустил оконфузившееся изделие в противоположный угол офиса — в корзину для мусора. Не попал и высказал Джерику почти все, что он обо всем этом думает.

— Нер-р-рвочки! — обиженно воскликнул Лорд Иерихонский, укоризненно растопырив остатки перьев.

Только настойчивый звук зуммера входной двери, неожиданно прозвучавший в пыльной тишине, уберег плешивого долгожителя от крупных неприятностей.

* * *

Ким выбрался из-за стола и устремился к входному тамбуру, подобрав по дороге злополучный карандаш, вызывающе валявшийся на ковре посреди комнаты. Одностороннее стекло, которым была снабжена дверь офиса, позволяло ему разглядеть в деталях, что же представляет собой его столь неожиданный посетитель. Вполне возможно, столь долгожданный клиент.

За дверью — в коридоре, в который выходили двери еще дюжины контор, порой самого невероятного профиля, — стоял и несколько нервически осматривался по сторонам высокий седоватый тип лет сорока — сорока пяти, одетый не по-здешнему. Скорее всего, в стиле, принятом в Северном полушарии, — гораздо более строгом, чем в Канамаге. В целом вид его, несмотря на оттенок нервозности, вызывал доверие. Что-то привычно знакомое сквозило в его манере терпеливо переминаясь с ноги на ногу и бросать короткие, внимательные взгляды то в одну, то в другую сторону.

«Однако он чего-то боится, — подумал Ким. — Хотя к страху этому еще не привык». Что значит бояться чего-то — долгим, привычным и изматывающим страхом — Ким, к сожалению, уже знал. С год назад он вернулся из командировки на Харур, которую ему сосватал Ник. Денег им обоим это его путешествие не прибавило, но зато Ким теперь хорошо знал, что значат слова «гражданская война» и «заложники»...

Тянуть время, однако, не стоило. Ким вывел на лицо радушную улыбку и отворил дверь.

Реакция посетителя оказалась прямо противоположной ожидавшейся. Войдя в офис, он нервно огляделся по сторонам, словно искал кого-то. На его лице отразилось недоумение. Он сделал шаг назад.

— Вы — не мистер Стокман... — констатировал он непреложный факт.

Констатации этой, впрочем, явно не хватало уверенности, словно гость ожидал, что вот сейчас стоящий перед ним худощавый, загорелый и курносый брюнет с глазами чуть уже, а скулами чуть выше средневропейского стандарта превратится вдруг в коренастого, плотно сбитого, краснорожего и вислоносого толстяка Стокмана. Или что на худой конец старина Стокман собственной персоной вылезет наконец из шкафа и перестанет пугать его — своего, судя по всему, старого приятеля.

Чуда не последовало.

— Ника... Господина Стокмана больше нет... здесь, — пояснил Ким.

В его голосе тоже не доставало уверенности. Уверенности в том, что Ник Стокман сейчас вообще есть где-либо.

— Он...

Гость запнулся.

— Когда же я смогу увидеть господина Стокмана?

Ким и сам был не прочь знать ответ на этот вопрос. Когда Ник несколько неожиданно собрался убыть по своим делам, доверив партнеру — наивному выходцу из изнеженной Метрополии, — свой офис как своего рода приложение к Джерико, требующему кормежки, ухода и общения, Яснов воспринял это как знак высочайшего доверия. Тогда он и не подозревал, что обещанные «два-три дня» обернутся шестью долгими месяцами безнадежного ожидания возвращения партнера. Вид оставленного в его распоряжение почти годового запаса попугаячьего корма укреплял в душе Кима закравшееся туда подозрение. Еще, казалось бы, совсем недавно он чувствовал себя стервятником-трупоедом, перерегистрировав доставшееся ему достояние на свое имя, а заодно списав долги предшественника и дав агентству новое название (не в свою честь, а в память о киплингском тезке). Теперь угрызения совести уже не донимали его — им владело совершенно противоположное чувство. Не будучи кровожадным, Ким с радостью свернул бы Нику Стокману его немытую шею, окажись тот сейчас под рукой.

Короче, ответить на вопрос пришельца Ким не смог бы даже под пыткой.

— Видимо, вам следует зайти немного позже... — произнес он нарочито вежливо, стараясь скрыть обуревавшие его страсти, вызванные воспоминаниями о смывшемся партнере. — Господин Стокман убыл на э-э... довольно продолжительный срок.

— В таком случае...

Несколько растерянный посетитель развел руками:

— Наверное, мне не стоит отнимать у вас время...

— Возможно, он оставил относительно вас какие-то распоряжения... — обескураженно вздохнул Ким, чувствуя, что рыбка окончательно сорвалась с крючка. — Если бы вы

соблаговолили назвать свое имя...

Лицо незнакомца нервно дернулось:

— Пожалуй, вам, молодой человек, не должно быть никакого дела до моего имени...

Он повернулся к выходу и взялся за дверную ручку.

Джерико, не проявлявший до того ни малейшего интереса к происходящему, вдруг перевернулся на своей жердочке вниз головой и хрипло потребовал:

— Задер-р-ржись, Клаус!

Незнакомец вздрогнул, затравленно оглянулся на птичку и пробкой вылетел из офиса.

Ким постоял перед все еще дрожащей от крепкого захлопывающего удара дверью и ожесточенно почесал нос.

«А ведь этого типа и действительно зовут Клаус, — подумал он. — Судя по реакции... А точнее...»

Он вернулся к столу и торопливо открыл блокнот, доставшийся ему в печальное наследство от сгинувшего партнера. Там среди полудюжины имен, записанных торопливым и небрежным почерком Ника, обнаружил только одного Клауса — Клауса Гильде...

Еще раз нервически почесав нос, Ким принялся тыкать кнопки старенького терминала. Добиться толку от мешанины кодированных файлов, заполнявших память Стокманова компьютера, было делом нелегким. Плюнув на эту затею, Ким поднапряг собственную память и начал копаться в доверенном ему шкафу, содержащем предмет особой гордости предыдущего хозяина кабинета — скопище самых настоящих, из картона и пластика, с тесемочками и зажимами, папок с бумагами. Киму этот шкаф представлялся просто декорацией к какому-то историческому фильму. Поиски его, однако, завершились чем-то вроде успеха: из пыльного нутра деревянного монстра ему удалось извлечь тонкую папку, украшенную надписью «К. Гильде» и здоровенной «галочкой», размашисто начертанной красным фломастером. То, что засунута эта папка была вовсе не между закладками «h» и «i» и даже не между «i» и «j», а сразу после «d», поисков, естественно, не облегчило. Вздохнув, Ким уселся за стол и, развязав дурацкие тесемочки, углубился в содержимое папки.

Исходя из толщины скоросшивателя, Ким и не рассчитывал открыть в нем бездну полезных сведений, но то, что на самом деле содержало это вместилище документов, все-таки потрясло его своей скудностью и изысканно-идиотской странностью.

К верхнему обрезу папки канцелярской скрепкой был подколот клочок картона от пачки дешевых сигарет с нацарапанным на нем номером канала связи. Совершенно Киму незнакомым. Вторым документом, вложенным в папку, был рисунок, похожий на кадетские каракули. Сначала Ким принял это за набросок человечка (ручки, ножки, огуречек...), но потом склонился к мысли, что это, скорее, неумело сделанный план или кроки какой-то местности. Так... Еще пять или шесть таких же каракулей — на разношерстных листках: для принтера, из блокнотов, в клеточку, миллиметровка... На двух из них было изображено какое-то подобие пейзажа со звездами и парой лун. Листок лабораторного анализа ДНК. В графе «Имя и фамилия пациента» — небрежные, от руки вписанные «К. Г.». Чистый лист с подколотой к нему этикеткой какого-то лекарства. И еще один листок — из блокнота с наскоро набросанными строчками и без всякой подписи: «Ник, говорю тебе: НЕ СУЙСЯ! Паспорт выписал дядя Кю». Все.

Дурацкая папка не содержала больше ни одной бумажки. Да и не нужна она была по большому счету — вряд ли пугливый Клаус Гильде когда-либо еще появится в офисе «Кима».

На всякий случай он сверил номер, нацарапанный на обрывке картона, с базой данных из украшающего рабочий стол почти антикварного компьютера. Она — эта база, основу которой заложили еще прежние, растворившиеся в потоке времен хозяева офиса, — была значительно полнее и интереснее, чем официальный справочник номеров и кодов каналов связи. Но этого номера в ней не было. Ничего удивительного: Ким и сам арендовал пару вот таких, не зарегистрированных на определенного владельца, номеров. Дело в работе порой необходимое...

Вздыхнув, он вернул скоросшиватель на его не слишком законное место, уселся за стол, вздохнул еще раз и принялся искать по столу свой электрокарандаш. Джерико вновь перевернулся на своей жердочке. «Дур-р-рень! — сурово определил он. — Не спор-р-рь с Судьбой!»

— Джерико, — как можно более вежливо попросил его Ким, — заткнись, пожалуйста. И без тебя тошно.

Понятливый Джерико заткнулся. Зато зазвонил телефон.

От неожиданности Ким подскочил на стуле.

— Слушаю вас! — с надеждой в голосе произнес он.

— Господин Яснов? — осведомился у него бесцветный, но на редкость неприятный голос.

— Совершенно верно, — подтвердил Ким. — Вы говорите с Кимом Ясным директором агентства «Ким». У вас проблемы?

— С вами говорит майор Лесных. Мы уже встречались.

Да, Ким знал майора Лесных. Из госбезопасности Колонии Констанс...

— Скажите, пожалуйста, — не дождавшись вразумительного ответа, продолжил майор, — с какой целью посетил вас господин Клаус Гильде?

* * *

Разговоры с майором — а воленс-ноленс любому агентству независимых расследований приходится взаимодействовать с силовыми структурами своего Мира — и раньше-то не доставляли Киму большого удовольствия. В этот раз ему ко всему прочему пришлось еще исполнять роль полного дурака. Притом дурака, которого подозревают в отменно хитрой игре. А может, и в противном интересам государства умысле.

— Ну что же... — подвел Лесных черту под пятнадцатью минутами довольно нелепых пререканий. — Ваше право сохранять тайну вашего клиента. Но жизнь этим вы не облегчите. Ни себе, ни ему...

По сценарию ему полагалось бы в этом месте разговора с треском бросить трубку. Но вместо этого в ней воцарилось молчание, нарушаемое сопением — хмурым и напряженным. Наступило взаимное ожидание. Похоже, майор испытывал выдержку своего собеседника.

Поскольку сказать Киму было абсолютно нечего, это испытание он прошел блестяще.

— Вот что... — выдал наконец из себя Лесных. — Я немного запоздал с этим звонком. Вам надо знать кое-что...

— Это надо понимать как вызов к вам в кабинет? — уныло поинтересовался Ким.

— Пожалуй, не стоит терять на это время. Вы можете сейчас немедленно связаться со своим клиентом? Можете секретиться как вам угодно. Мы не будем вмешиваться.

— Это вы про Гильде?

— Нет, про Папу Римского! Про кого же еще?!

— Я понятия не имею о том, как с ним связаться, — теперь уже почти что сознательно соврал Ким.

У него на этот счет все-таки были кое-какие догадки. Но неясно было — стоило ли сразу выкладывать этот сомнительный козырь?

— Видимо, уже поздно кидаться за ним вдогонку, — добавил он с легким сарказмом в голосе.

Майор этого сарказма не заметил. Или не счел нужным замечать.

— В таком случае... Если вы все-таки свяжетесь с ним... Или если ваш клиент выйдет с вами на связь... Вы должны сами знать и предупредить его — вы оба находитесь в смертельной опасности...

— В отношении меня это — недоразумение... — возразил Ким.

Но мелкие бисеринки пота уже выступили у него на лбу и губах.

— Можете дурачить меня сколько угодно, но передайте Гильде, что если он желает дожить хотя бы до конца года, то единственный способ сделать это для него — встретиться со мной. Чем скорее, тем лучше! Вы усвоили это?!

Ким прикинул в уме — до конца года оставалось всего ничего. Рождество было на носу. Здешнее дождливое Рождество планеты, на которой Христос не рождался никогда.

— Усвоил, — вздохнул он.

— Передайте ему, что в деле, которое его интересует, уже набралось довольно много трупов. И — послушайте меня внимательно — вы сами, если не хотите повторить судьбу своего напарника, сделайте то, о чем я прошу, как можно быстрее.

— А вам известно, что произошло с ним? — с искренним интересом спросил Ким. — Я уже давно...

И вот тут-то трубка на том конце канала отключилась.

Некоторое время Ким недоуменно смотрел на свой мобильник, потом положил его на место и отстукал на терминале запрос в Сеть:

«ГИЛЬДЕ КЛАУС. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ».

Ответ выскочил на экран почти мгновенно.

Сеть охотно сообщила ему место и дату рождения его странного посетителя. Он оказался уроженцем Канамаги и был на десяток лет старше Кима. Список учебных заведений, снабдивших Гильде своими дипломами, впечатлял, но мало что говорил Киму, так же как и список мест его работы. Впрочем, последняя ипостась таинственного Клауса — совладелец консультационной фирмы «Интертехнолоджи» — вызывала некие смутные ассоциации. Однако после шести лет успешного пребывания в этом качестве, всего несколько месяцев назад, Гильде продал свой пай в фирме и числился теперь просто «предпринимателем».

Запрос по теме «Интертехнолоджи» обернулся для Кима, как того и следовало ожидать, отсылкой к сайту фирмы. Полчаса, потраченные на его изучение, выдали на-гора только тот факт, что речь шла всего-навсего о малом предприятии, совладельцами и сотрудниками которого являлись сам Гильде и некий Соломон Файнштейн. Круг услуг, оказываемых фирмой клиентам, был означен многообещающими, но весьма расплывчатыми фразами,

которые пробудили у Кима некие смутные подозрения, которые он временно «заложил в подкорку», как любил выражаться его деловой партнер.

Наконец попытка выяснить что-либо о втором совладельце «Интертехнолоджи» принесла Киму довольно невнятную справку типа «родился-учился», которая свидетельствовала о довольно высоком уровне образования господина Файнштейна, о том, что он, как и Гильде, не имел проблем с правосудием, и о том, что нынешнее местонахождение его неизвестно.

Несколько минут Ким оцепенело сидел перед экраном, потом потряс головой, поднялся и вытащил из нижнего ящика стола свой «особый», незарегистрированный блок связи и пристегнул его к поясу. Потом снова сел за стол и впал в размышления.

По привычке, предавшись этому занятию, он буравил взглядом чистящего свои перышки Джерико. Индифферентный обычно к этой процедуре Лорд Иерихонский в этот раз нервически попытался уклониться от взгляда своего кормильца. Однако габариты его узилища этого ему никак не позволяли.

Тогда, окончательно предавшись нездоровой ажитации, птица выкрикнула крепкое словцо и, растопырившись на манер прикованного Прометея, в сердцах посоветовала опекуну:

— Нефига мыслить! Нефига!

— М-м-м? — отозвался Ким.

Джерико сорвался с жердочки и повис на ней, зацепившись одной лапкой.

— Пр-р-ропадешь, как дур-р-рак! — посулил ему лысый амулет агентства.

Мыслить, пожалуй, и действительно было нефига.

Так же, как бесполезно было дожидаться, пока истекнут указанные на двери офиса часы работы. Вероятность появления на пороге второго за этот день клиента была достаточно близка к нулю, чтобы Ким Яснов, директор агентства независимых расследований, мог отпустить с работы своего единственного агента, Кима Яснова, немного пораньше.

Ким попетлял немного по центру Канамаги, нашел место на стоянке перед одним из супермаркетов — тех, в которых продается все; от леденцов до подвенечных платьев, прихватил с сиденья взятую в офисе папку, помеченную «К. Гильде», привычно сунул ее за пояс, наглухо застегнул пиджак, запер свой кар и нырнул в довольно густую толпу покупателей. Никто не обращал на него ни малейшего внимания. Всеобщий интерес был обращен только на продуктовые полки. Не то чтобы Констанс испытывал продовольственный кризис — нет. Просто нормальная, свежая продукция ферм и мясокомбинатов была здесь вечно в дефиците. Для того чтобы ужинать не унылыми порождениями линий синтеза «Хемофудса» и «Синтелекса», всегда надо было проявить определенное проворство и инициативу. И народ их проявлял.

Было ли это результатом того, что «зеленые» в парламенте зарубили «Закон о радикальном преобразовании биосферы», или, наоборот, того, что «красные» протащили-таки «Закон о ценах на сельхозпродукцию», знал, видимо, только Господь всемогущий.

Ким и сам был не прочь прикупить к вечернему чаю баночку нормального, не отдающего нефтью или дрожжами, джема. Однако, как говорится, не судьба: не следовало терять время.

Купил он только пакет, в который в кабинке для примерки одежды переложил «дело» Гильде. Там же он принял меры, чтобы максимально изменить свою внешность: нацепил черные очки и натянул по самые уши цветастую вязаную шапочку. Упрятал в пакет пиджак и

закатал рукава рубашки. Измененной, типичной разболтанной походкой чуть перебравшего пива человека про шел через двери супермаркета, выходящие на шумную и переполненную народом Вейник-плаза. На «Венике», как ее окрестила русскоязычная диаспора Колонии Констанс, поймать такси-автомат было раз плюнуть. Киму и плевать не пришлось.

На такси он проделал еще несколько петель по центру, расплатился и вышел около «собачьего» сквера — традиционного места выгула четвероногих друзей человека. В этот час и тех и других там почти что не было. Устроившись на укрытой кустами старомодной садовой скамье, агент несколько минут потратил на то, чтобы удостовериться, что не привлекает ничьего внимания, и извлек на свет божий блок связи.

* * *

Конечно, это было наивно: страховать от «хвоста» вот так вот, кустарными приемами времен «Трех мушкетеров» — и это в век дистанционных методов слежки и «умных» микророботов-шпионов. Но еще наивнее было действовать совсем уж в открытую. Ким хорошо представлял, во что обходится хорошо поставленное техническое отслеживание «объекта», и имел все основания надеяться, что сам он — «объект», таких денег все-таки не стоящий.

Ким по памяти набрал номер канала связи — тот, с клочка картона, подколотого к «делу» Гильде. Конечно, и тут могла быть осечка, но после разговора с майором Лесных следовало использовать хоть малейшую зацепку. Люди из той конторы, в которой служил майор, обычно не пугали людей зря. Бог его ведает, какого джинна выпустил из бутылки его старший компаньон по агентству. Похоже, что этот джинн его слопал и не подавился. А теперь добрался и до него — Кима. Спасибо тебе, старина Ник...

Сигнал вызова звучал в трубке раз за разом. Настойчиво, но безрезультатно.

«Глупо получается, — подумал Ким. — Впрочем, может выйти еще глупее, если окажется, что я звоню, допустим, в стол заказов или прачечную...»

— Слушаю вас, — прозвучал в трубке глуховатый голос.

Ким облегченно вздохнул.

— С вами говорит партнер господина Стокмана... Мне необходимо поговорить с господином Гильде. С Клаусом Гильде..

На том конце линии воцарилось молчание. Потом тот же глуховатый голос — только теперь вдобавок отрывистый, лающий — торопливо проговорил:

— Ждите. Вам позвонят...

— Мой номер... — начал Ким.

— Уже есть. Есть у меня твой номер! — оборвали его с того конца линии.

Пискнул сигнал отбоя, и трубка смолкла.

Ким вздохнул, определил трубку на место, поднялся со скамьи и меланхолично побрел по аллее. Деревья вокруг, как и все в эту пору в Канамаге, имели вид мокрый и бестолковый. Одни из них сбросили листву, другие еще не сочли это нужным. Незаметная морось начинала переходить в мелкий, но довольно частый дождичек.

Ким свернул с аллеи и зашел в ближайшее кафе-автомат — небольшое, на четыре столика, и совершенно пустое. Заказ он сделать не успел — из футляра на поясе тихо запел переливчатый сигнал вызова.

Он сосчитал до трех и торопливо поднес трубку к уху. Как ни странно, голос Гильде он узнал сразу, хотя слышал его всего один раз в жизни и тот не успел сказать ему много.

Гильде был лаконичен и в этот раз.

— Это вы хотели говорить со мной? — отрывисто спросил он Кима.

— Да, — признал тот очевидный факт. — Я — Ким Яснов. Партнер Ника Стокмана...

— Вы знаете, где находится «Речной»? — перебил его Гильде

— Вокзал? — предположил Ким.

— Нет, это ресторанчик на набережной. У нас может состояться долгий разговор.

Ким скривился: он этот ресторанчик знал. Именно там, решив удивить Мэри Энн, он однажды справил с ней и с хохмачом Курихарой их «общий» день рождения (он у всех трех приходился на одну неделю). Брешь в бюджете, нанесенную вечером при свечах, Ким не залечил до сих пор. С тех пор все трое решили, что для «таких вещей» лучше подходит более демократичный «Принц Колымский».

«Надеюсь, что милейший Клаус догадается оплатить счет за двоих, — подумал он. — Как-никак он — приглашающая сторона. В смысле „Речного“...»

— Когда мне подъехать? — деловито осведомился он.

— Можете сделать это сразу, сейчас. Только не приводите за собой «хвост». Я буду сидеть где-нибудь подальше от входа — в «лабиринте»...

* * *

Заботы о том, чтобы не приобрести упомянутый «хвост», отняли у Кима четверть часа. Немного времени ушло на то, чтобы вернуть себе внешний вид, более подходящий для ужина в ресторане. И еще немного на то, чтобы, не привлекая излишнего внимания, отыскать кабинку «кораллового лабиринта» со столиком, за которым отрешенно ковырял салат давешний посетитель агентства независимых расследований.

Гильде жестом указал Киму на место напротив и уведомил одетого а-ля корсар метрдотеля, некстати поинтересовавшегося, «не возражают ли господа, если компанию им составят...», что возражает. Пока Ким делал заказ, Гильде сверлил его внимательным взглядом.

— Я навел о вас справки, господин Яснов, — сообщил он, как только они остались наедине. — Задолго до того, как вы мне позвонили... Даже если бы вашего звонка не было, наш разговор все равно состоялся бы. Не сегодня, так завтра.

Он замолчал. Ким решил выдержать паузу и в том преуспел.

— Днем... — продолжил Гильде. — Сегодня днем я был несколько растерян. Я не думал, что Ник может все бросить и уехать, не поставив меня в известность. Мы с ним слишком долго друг друга знаем... И наше дело слишком важно для того... Для того, чтобы поступать так.

— Это — довольно странная история, господин Гильде... — уклончиво заметил Ким, наблюдая за деятельностью, развиваемой серверовочным автоматом на его половине стола. — К сожалению, Стокман никогда не говорил мне о вас...

— Но он назвал вам мое имя и...

— Он его не называл, — позволил себе улыбнуться Ким. — Его назвал Джерико. А потом я порылся в бумагах...

— Джерико?

— Да. Та птичка, что спугнула вас из офиса.

Гильде некоторое время смотрел на Кима, стараясь взять в толк сказанное. Наконец оставил это занятие, как, видимо, непродуктивное, и снова взял быка за рога.

— Ник... Что вам известно о его планах, о его местонахождении?

— Ровном счетом ничего.

Гильде побарабанил пальцами по столу. Коротко и на странный манер.

— Ну что ж... Мне не остается большого выбора... Ник — единственный человек, которому я мог доверять. А вы — тот человек, которому доверял он. Я предлагаю вам контракт. И хорошо заплачу. Только — при условии полного взаимного доверия.

— Я не работаю иначе, господин Гильде...

— Это — особый случай. Вас будут искушать демоны почище того, что явился Спасителю в пустыне, господин Яснов.

Ким, орудуя ножом и вилкой, старательно завернул кусочек сыра в лист салата, насадил эту комбинацию на вилку и пожал плечами.

— Ну, для нечистой силы у меня найдется пара серебряных пуль, крестное знамение и много-много чеснока... Так что если вы уже пришли к какому-то решению, то... Давайте очертим круг тех обязанностей, которые вы хотите взвалить на меня. В первом приближении. И расскажите мне о тех демонах. То, что сочтете нужным. И я честно признаюсь вам — берусь я за это дело или нет.

Гильде, не без интереса наблюдавший за его манипуляциями, откашлялся:

— Собственно, вам предстоит присматривать за одним лицом. С ним происходит некое... Некое превращение. Он уже совершил несколько странных поступков, этот человек. И, по всей видимости, будет совершать их и дальше. Мне хотелось бы, чтобы вы уточнили суть того, что с ним произошло и происходит. Выяснить его намерения... Прежде чем произойдет что-то... Что-то необратимое, скажем так... Заранее предупреждаю — с ним не просто будет работать.

— Этот человек... Он — высокопоставленная персона?

Гильде покачал головой.

— Не слишком. Собственно, он — из одной с вами колоды. Совладелец некоего подобия вашего агентства независимых расследований. Бывший, собственно говоря, совладелец. Когда я говорю о том, что с ним будет нелегко, то я имею в виду только то, что вам придется иметь дело с человеком профессионально подготовленным.

— Как его зовут, если это не секрет? — с нехорошим предчувствием спросил Ким.

— Не секрет, — пожал плечами Гильде. — Это — я.

Ким откинулся на спинку стула и некоторое время смотрел в глаза своему собеседнику. Потом вернулся к содержимому своей тарелки.

— Ну а кто же те демоны, которые собираются искушать меня? — осведомился он, прожевав сыр.

— Ну, пока я могу назвать вам только одного из них. — Гильде перехватил его взгляд и усмехнулся: — Это, наверное, тоже буду я.

ГЛАВА 2

ПОСЛАНИЕ

Мне было не по себе в этом месте, — рассказывал он. — Не то чтобы я ощущал какую-нибудь угрозу или что-нибудь в этом роде — вовсе нет. Уж скорее наоборот: быть приставленным шпионить за таким беспечным козлом, каким был или казался Рой Хайлендер, означало просто курортное времяпрепровождение, угрожающее разве что полной дисквалификацией человеку, зарабатывающему на жизнь добычей конфиденциальной информации... Нет, просто я не привык работать вот так — с ничем. До сих пор, какое бы ремесло ни служило мне «крышей», я имел дело хоть с чем-то материальным. Металл звенел и ломал сверла. Электрический ток бил. Собаки или какие другие твари — чаще все-таки собаки — норовили цапнуть за палец. Револьвер — дать осечку.

И только здесь, в «Лексингтон Грир Лэбораторис», вы имели дело с э-э... С некими нечувственными сущностями. Все, ну, скажем, практически все реактивы — бесцветные порошки. Прозрачные растворы. Невидимые глазу осадки на белоснежных дисках фильтров. Потусторонний, бесстрастный свет бактерицидных ламп. Химия призраков. Генетическая инженерия нейронных сетей.

Старинное, в два этажа здание, набитое очень дорогой аппаратурой. Доброжелательное, въедливое внимание шефа к мельчайшим деталям работы. Дюжина высочайшей квалификации специалистов, расписание работы которых составлено столь искусно, что, кроме пары слов за чашкой кофе, о личном общении и речи нет. Стремительные пятиминутки и четко расписанные по времени семинары. Стенды с текущими результатами в комнате отдыха. Простенькие сейфы и почти полное отсутствие бумаги — зачем она, если только в сортире нет лишнего терминала компьютерной сети? Простенькие замки на почти никогда не запирающихся дверях. Простенькие телекамеры наблюдения и бестолково бдящие в застекленных загончиках охранники.

Только вот никакой возможности подняться на второй этаж. Можете два года беспрепятственно бродить по коридорам, лабораториям и кабинетам первого или по мастерским, складу или агрегатной подвала, но никаких лифтов или лестниц, ведущих на второй, не найдете. И никаких поводов туда стремиться — тоже.

И еще — звенящий гул, что мерещится тебе время от времени.

Понимание того, что та дичь, за которой идет охота в этих призрачных джунглях, надежно скрыта главным охотником от глаз дипломированных оруженосцев и самое имя той диковинной птицы непроизносимо, пришло не сразу. То, что цель исследований, проводимых фондом Лексингтона Грира, секретна, было как бы вынесено за скобки, так же как и запрет подниматься на второй этаж. Те задачи, что были поставлены передо мной или перед Роже Лефлером — специалистом по ферментам рестрикции, или перед высокой китаянкой, работающей с плазмидами, были ясны и конкретны. Более того, не требовалось большого воображения для того, чтобы усмотреть за всей этой возней с невидимым возможностями конкретных выходов в технологию. Задаваться посторонними вопросами просто не было поводов.

Я бы и не задавался ими — этими посторонними вопросами — и прекрасно бы жил, не зная на них ответа, даже если бы они и забрели мне в голову, если бы. Ну, если бы мне деньги платили только за это. И еще, если бы меня совершенно не волновала судьба Сола. Моего коллеги по довольно странной работе и приятеля — рыжего еврея Соломона Файнштейна, обладателя двух университетских дипломов и прекрасного послужного списка в военной разведке, решившего, после того как разменял пятый десяток, уйти на вольные хлеба в ту, подернутую дымкой профессиональной тайны область услуг, что принято называть по-разному, но с прилагательным «интеллидженс», как правило..

Пусть мне не рассказывают сказок о том, что увлечение рыбной ловлей — невиннейшая из мужских забав, не влекущая за собой больших прегрешений, чем выпивка на свежем воздухе и привычка к преувеличению показателей улова. Меня это занятие свело с Солом и сделало его партнером по бизнесу и доверенным лицом. Это оказалось не самым простым занятием на белом свете.

Но довольно интересным на первых порах. Собственно, это был бы обычный промышленный шпионаж, если бы своеобразная индивидуальность Сола не наложила на этот его не слишком благородный промысел печать какой-то романтической неопределенности. Этому же способствовало и то обстоятельство, что довольно неплохие по всем меркам, к тому же далеко не всегда отраженные в декларации о доходах гонорары, которые стали со временем регулярно набегать нам с каждой из провернутых операций, как вода в песок уходили в обеспечение следующей.

Ибо что-то, а подготовку каждого дела Сол проводил сугубо уникальным, тщательно продуманным способом. Повторялся он редко. За пять лет нашей совместной деятельности я не припомню шаблонного сюжета из тех, что так любят живописать в репортажах на подобные жареные темы.

Само собой разумеется, довольно дорого обходилась покупка источников информации и их проверка. Последнее, пожалуй, подороже первого.

Мало кто догадывается, что дороже всего в нашем деле стоит покупка покупателей.

В соответствии со своими жизненными принципами Сол вовсе не предавался, по примеру своих прототипов, глубокомысленному раскуриванию трубки и ожиданию клиентов за столом своей конторы. Нет.

Рыжий пройдоха исповедовал хорошо известный профессионалам принцип: «Главное — это, зная ответ, подыскать к нему подходящую задачу». Его не волновало, что тем или иным вопросом — ну, например, разработкой новой интегральной схемы в лабораториях фирмы X — вроде не интересуются даже ее закоренелые конкуренты. Если информацию по этой разработке можно было приобрести по сходной цене, он ее брал. Единственное, что могло его остановить, — это собственная интуиция. Она, правда, временами подводила. Но, как правило, если заранее раздобытая информация ложилась в наш сейф, долго она там не задерживалась. Кто-либо из друзей-конкурентов вскорости продавал Солу координаты незаметного человека из фирмы, что не прочь был бы пригласить его на обед для разговора о проблемах микроэлектроники... И товар уходил.

Не знаю точную хронологию того, как развивались дела с «Лексингтон Грир», но покупателя Солу в тот раз сосватали очень солидного. Это его и погубило. Это и мне боком

выходит...

Слишком велик оказался соблазн. Рассчитаться с кредиторами. Прикупить кое-чего из электронных игрушек, столь полезных для нашего бизнеса, — не из тех, что можно найти в каталогах, а на заказ сработанных. Отдохнуть в Метрополии. И так далее...

Сразу признаюсь: не знаю, кто согласился платить за секреты из чуланов Роя Хайлендера, может, и впрямь русские со Святой Анны, как о том говорили много позже злые языки. Я лично в этом сомневаюсь. Кроме того, мне не нужен этот секрет. Мне нужен был сам Сол. Живой. Что-то подсказывало мне все время, что рыжий рыболов жив. Сейчас я уже сомневаюсь в этом... Соблазн оказался слишком велик: мне сдается, что Сол позабыл свое же собственное, довольно мудрое правило, которое гласило, что использовать в нашей работе такую вещь, как доверие друзей детства, можно один только раз — последний. Другом его был Майкл Миллер, человек, с которым он начинал свою жизнь далеко отсюда — в мире, о котором я ничего не знаю, — на старушке-Земле, в большом приморском городе на юге Украины.

* * *

— Запомни его, — говорил Сол, сдавая мне дела перед тем, как нырнуть в темную поляну «Лексингтон Грир». — Это единственный тип, на которого ты сможешь положиться, если придется действовать... без меня. Первичная информация — от этого чудака. Он, конечно, здорово окрысится на меня, если узнает, что его болтовней за стойкой бара старина Сол э-э... слегка злоупотребил... Но то, что мне удалось раскопать по следам этой болтовни, стоит слишком дорого, чтобы проходить мимо. Постараюсь не засветить Майкла, если погорю на этом... Чтобы хоть тебе оставить зацепку.

Я с мрачноватым предчувствием рассматривал фото худошавого энтомолога, автора трудов и справочников по перепончатокрылым нашего континента. Предчувствие заронил мне в душу сам Сол. Ему явно было не по душе то, что приходилось затевать. Он много больше меня знал об этом небольшом кирпичном здании старой архитектуры, приютившемся в глубине густого английского парка.

— Ты найдешь его в секторе экспериментального материала, — пояснил напоследок Сол. — На втором этаже.

Предчувствиям порой приходится верить. Через три недели после благополучного внедрения в вотчину профессора Хайлендера на конспиративной встрече в заблаговременно снятой квартирке в нескольких кварталах от «Лексингтон Грир» Сол, зябко потирая руки, сказал мне:

— Сундук не удастся вычерпать до дна, друг мой. Жалко. Того, что я, как говорится, приготовил к выносу, хватит нашему клиенту за глаза. Но все равно — жаль.

— Ты сам знаешь, Сол, что главное — это вовремя остановиться...

— Да — это главное, — согласился он. — А САМОЕ ГЛАВНОЕ, друг мой, — это вовремя смыться...

Он угнетенно помолчал некоторое время и добавил:

— В течение следующей недели, по четным, проверяешь наши «почтовые ящики» в Нижнем Городе. Там будут все материалы — на цифровых дисках и фотопленке. И кое-какие образцы... Их поместишь в наш холодильник — тот, что помощнее... В любом случае

я с теми документами, что ты подготовил, сматываюсь на «Орбитальный» и пару недель отсиживаюсь у Луиса. Документы оставь в нашей ячейке в камере хранения Космотерминала. Лучше — сразу, завтра с утра. Связь со мной на орбитере — по обычному каналу... В случае чего всякий исходняк — то, с чего я начинал, — в кейсе под пломбой. В моем сейфе. Держи ключ...

Наши «почтовые ящики» оказались пусты. Подготовленные мной на чужое имя билеты и водительские права для Сола никто не забрал из ячейки автоматической камеры хранения. И у Луиса Сол не появился...

* * *

Я не сдрейфил — такое в конце концов уже бывало. Я привел в действие аварийный план. Невиннейший агент страхового общества запросил у «Лексингтон Грир Лэбораторию», нынешнего работодателя одного из его клиентов — Сола Файнштейна (агента по закупкам научного оборудования и реактивов), о гарантиях, существующих на предмет продолжения страховки этого клиента, а я отпустил на лето обоих служащих «Файнштейн — Гильде консалтинг сервис», сдал наш офис в краткосрочную аренду, забрал из сейфа опломбированный кейс, снял со счета фирмы одни суммы, перевел на анонимные счета другие... А все то, что после этого еще оставалось, перевел в наличность. Потом запер свой дом и переехал на конспиративную квартиру. Нет, не ту, где мы встречались с Солом. Другую, о которой он не знал и, следовательно, о которой от него не мог узнать никто. Так было условлено.

На запрос страхового агентства из «Лексингтон Грир», помедлив, ответили, что вот уже вторую неделю агент С. Файнштейн не числится ни в штате этого предприятия, ни по своему последнему адресу. Нового места работы, если таковое имеется, равно как и теперешнего места проживания при своем убытии он не сообщил.

Как ни странно, мое устройство под крыло Роя Хайлендера оказалось, пожалуй, самой легкой из намеченных к исполнению частью нашей аварийной программы. Сол потратил, наверное, половину своей не поддающейся измерению энергии на то, чтобы подготовить почву для внедрения «номера второго» в «ЛГ». Пожалуй, это было единственным, что ему удалось вполне. Данные о моих реальных и фиктивных показателях в области применения автоматизации методов молекулярной биологии (такие действительно были не полным вымыслом — просто со временем, не без помощи Сола, я понял, где лежат деньги, и ушел с университетской кафедры, получив неплохие рекомендательные письма) тоже хорошо помогли делу. Конечно, это был риск. Уже сам факт того, что пришел я в «ЛГ» с невидимой, но в принципе хорошо вычисляемой подачи Сола, мог угробить меня. Весь первый период адаптации в этом замкнутом, малоразговорчивом мирке я ломал голову над тем, не сунул ли я голову в ловушку, расставленную под заботливым и несколько рассеянным взором выцветших голубых глаз Роя Ф. Хайлендера.

Нет. Никакой провокации в действиях окружающих заметно не было. Здесь просто работали — напряженно, тщательно, без дураков — и только того же от тебя и требовали. К такому я привык и выполнять эти условия мог относительно легко и не вызывая подозрений. Другое дело, что выйти на след Сола не представлялось ни малейшей возможности. Равно как и на след той невидимой цели, к которой так настойчиво стремилась маленькая, но

сплоченная и прекрасно вооруженная команда «Лексингтон Грир». Формально их словно и не было — ни агента по закупкам С. Файнштейна, ни конечной цели наших научных хлопот, ни дороги на второй этаж.

Оставались лишь обходные пути: содержимое опломбированного кейса, пустовавшая после исчезновения Сола квартира, предоставленная ему, как и прочим работникам «ЛГ», и вечно запыхавшийся, жизнерадостный Чарльз Э. Порки — частный детектив.

— Я не буду у тебя брать таких денег за такую работу, — уведомил он меня, смахивая пот со своего вечно озабоченного чела. — Это развращает. Ты четверть часа меня пугал и накачивал своими бойскаутскими правилами — «Как себя вести с жестоким и неумолимым врагом»... Самое лучшее, на что я после такого разговора рассчитывал, так это на то, что за месяц работы докопаюсь до ребят, которые за большие деньги покажут мне — ужасной безлунной ночью — могилу того парня, который спалил в мусоросжигательной печи труп нашего общего друга — ты, кажется, его еще глубоко оплакиваешь, — Сола Файнштейна... Расчлененного на кусочки... Ты тоже так думаешь? Если да — так нет!

Чарльз швырнул мне через стол не слишком длинную распечатку.

— Тебе нечего оплакивать друзей, которые живы, здоровы и вот только забыли передать тебе привет оттуда, куда ухлестали с твоими, надо понимать, денежками в кармане... Или с вашими общими, скажем так... Кстати, скажи мне, пожалуйста, как тоже, понимаешь, старому приятелю... Может, ты и с самого начала правильно подозревал, что Сол решил завязать с этой вашей конторой, сгреб денежки до кучи, да и дунул куда подальше от старых друзей?..

Минут пять я подробнейшим образом изучал список маршрутов — в основном «космического каботажа», — которыми Сол за полтора месяца добирался от наших мест до «Памира». До этого перевалочного космо терминала, болтающегося в узловой точке перехода, за тридевять земель от нашего Сектора, он проследовал, ни разу не воспользовавшись документами на чужое имя. Они у него были — уж об этом я знал. Далее, как я понимаю, след терялся...

Я, молча посапывая, достал из кейса одну из наших наиболее надежных чековых книжек и стал своим лучшим «паркером» выправлять чек на имя Чарльза.

Тот с беспокойством следил за моими действиями...

— Послушай, — натянутым тоном сказал он, — все ЭТО ты мог бы благополучно узнать, если бы тебя в свое время научили пользоваться вот этой, — он постучал по старому, еще «белловской» работы блоку связи, — штукой. Я не обирую сопливых детишек... Я не буду дальше заниматься этим делом...

— Ты не потратил ни одного цента зря, — сухо сказал ему я. — Тебе придется еще нести убытки: кое-какие дела придется сбить с рук — понадобится много свободного времени...

Я двинул блок связи по столу к его округлому локтю.

— Закажи-ка на свое имя билет до «Памира». Раз уж ты лучше ладишь с этой техникой. Бизнес-классом, Чарли, на большее у меня кишка тонка. — Я перекинул ему через стол чек.

Некоторое время он изучал его. Потом молча начал набивать номер на древнем многоканальнике.

— Как у тебя с визой и всеми такими делами? Я, кстати, не помню, как называется тот дурацкий Мир, который...

— Чур. Те края сейчас называют Системой Чур. С «Памира» летают только туда.

Никуда больше... — ответил, прикрывая трубку потной ладонью, Чарли. И после короткого диалога с девицей из агентства добавил: — Насчет виз и вообще... — это мои проблемы, Клаус. Но учти: к шантажу, а тем более к мокрым делам я и за милую не...

— От тебя потребуется только одно — найти Сола Файнштейна. Рыжий еврей на Периферии — довольно заметная фигура, правда? И пусть он свяжется со мной. Это все. Не пусть свяжется обязательно...

— Это все? За эти деньги?

— За эти деньги, Чарли, тебе могут... тебе могут сделать плохо, так что не смущайся входить в расходы... Как видишь, дело абсолютно сухое. Как шампанское брют. Ты любишь сухие вина, Чарли? Ну ладно, это твое интимное дело... Но я боюсь, что этим делом с той стороны занимаются люди, которые убивают. И прими во внимание еще один фактор, он не последней важности...

— Какой фактор, Клаус?

— Сол не украл у меня ни цента, Чарли.

Я откинулся в неудобном кресле и прикрыл глаза. Чарли помолчал:

— Ну, я пошел, Клаус...

— Давай, Чарльз...

* * *

На «Памир» Чарли не долетел. И его чек нигде не был предъявлен к оплате.

Нет, он вовсе не исчез бесследно. Его следы легко можно найти. Восьмой квартал девятнадцатого сектора муниципального кладбища Нью-Нью-Мехико на Транзите-3. Захоронение номер 18 501...

Это на полпути туда — к «Памиру».

В конце концов это действительно мог быть просто insult. Люди порой умирают крайне не вовремя...

* * *

Впрочем, о Чарли я узнал много позже. Уже после того, как встретился-таки со специалистом по перепончатокрылым Майклом Миллером.

Нет, я был достаточно умен, чтобы не искать его прямо во владениях «ЛГ», хотя для этого надо было всего-навсего сделать запрос с любого терминала, которыми в «лэбораторис» только печки не растапливали. Но он был бы непременно зарегистрирован, такой запрос. И не хуже перста указующего навел бы чье-то недреманное око на сходство в интересах нового служащего и подозрительного агента по закупкам. Да и искать его было не надо — костлявая пасторская физиономия маячила на всех встречах научного персонала «ЛГ», которые обожал устраивать Хайлендер для поднятия нашего научного уровня. Только вот подходить к Миллеру первым было крайне нежелательно.

Майкл сам подошел ко мне, после того как я парой реплик на очередном «пятничном» семинаре проявил глубокую ошибочность своих познаний в энтомологии. Причем именно в той ее области, в которой Майкл считал себя непререкаемым авторитетом.

А авторитетом он был по вирусным заболеваниям земных ос.

Мне, надо сказать, пришлось немало попотеть, прежде чем я сконструировал эту свою ошибку, выносил ее и придал ей наиболее привлекательный вид. Для этого пришлось перевернуть немало научных трудов, а в первую очередь трудов самого Майкла.

Признаюсь честно: было у меня и несколько неудачных заходов с глуповатыми репликами и замечаниями, на которые Майкл просто не клюнул. Так что удача моя была достигнута нелегким трудом и выстрадана честно...

Непросто было и дальнейшее.

Короче говоря, до первого упоминания об «этом неудачнике Соле» — за кружкой пива в «Сентинелле» — дело дошло не скоро: на второй месяц моей работы в «ЛГ». Тут меня ждал основательный сюрприз.

Майкл, упомянув об этом своем друге детства, от которого остались некоторые недоделанные, пустяковые бумажки, которые доставили мне некоторые хлопоты (мне пришлось немало поусердствовать, чтобы приобрести хоть какое-то отношение к «незавершенке», оставшейся от Сола в здешней канцелярии), расчувствовался. Он, как и полагалось ему по сценарию, считал Сола не более чем неудачником, который был несказанно рад ухватиться за первую попавшуюся возможность получить работу в более или менее стабильной фирме.

— Бедняга просто из кожи вон лез, чтобы удержаться на своем месте, — сокрушенно покачивая головой, вспоминал костлявый Майкл, угощаясь своим светлым. — Понимал, что второго такого места — со стабильным заработком и обеспеченным будущим... Открою вам небольшой секрет, Клаус. «Лексингтон Грир» не совсем частная лавочка... Так вот... я совершенно не мог предположить, что он согласится принять участие в этих биологических тестах в качестве добровольца... Ему, конечно, полагалась за это приличная сумма, но...

— Биологические испытания? — промычал я, прихлебывая свое темное. — На добровольцах?

— Тс-с-с!

Майкл сделал комически большие глаза.

— Это же такой секрет! Очень большой секрет, Клаус... Настолько большой, что только такой предельно нелюбопытный тип, как вы, мог его не заметить где-нибудь на третий день работы на нашего милейшего Роя... Даже мои «малышки» знают его...

— У вас девочки, Майкл? В смысле — дочери?

Майкл прыснул пивной пеной и заржал, привлекая внимание унылых завсегдатаев «Сентинеллы». Так ржать могут только люди, абсолютно лишённые чувства юмора. То, что у них это чувство заменяет, надо называть как-то иначе. Не чувством юмора, во всяком случае...

— Если хотите, то да — дочери. Только они очень больно кусаются, эти милые дочурки...

— Ах, так это вы про ос... — протянул я, разочарованный своей догадкой. — Вы же действительно для них отец родной. Наверное, все их поголовье в этом Мире под вашей опекой.

— К сожалению, нет, — опечаленно ответил Майкл. — Есть уже и бесконтрольные популяции. Прижились-таки здесь...

— Да уж, — заметил я, чувствуя, что рою в нужном направлении. — Меня пару лет назад тяпнула одна такая тварь. Если вы позволите мне называть так ваших «малышек».

Майкл опять захохотал и уведомил меня:

— Нет, вас «тяпнула» не моя «малышка», а ее дикая сестрица... Вот если бы вам досталось от моей воспитанницы — из инсектария со второго этажа — вы бы, наверное, не беседовали здесь со мной...

— Укус у них смертелен, что ли? — осведомился я.

— Ну, будь это так, то по моему старому приятелю Солу уже пришлось бы справлять поминки. Он ведь именно на это подписался — на «поцелуй малышки»... А это — не смерть. Это...

Я не стал подгонять Майкла. Честно говоря, уже тогда его неожиданный приступ откровенности показался мне подозрительным. И я остерегся совать голову в петлю. А напрасно. Пожалуй, этим я и выдал себя: излишняя осторожность так же хорошо привлекает внимание, как и чрезмерное любопытство... И Майкл, не дождавшись моей полагающейся по сценарию реплики, несколько навязчиво закончил свою мысль:

— Это может оказаться хуже смерти...

— Инсектарий... — пробормотал я задумчиво, меняя тему разговора. — Так это они... ваши осы там... звенят?

— Они? — развеселился Майкл. В тот момент он напоминал мне чрезвычайно жизнерадостный скелет. — Так их слышно там — внизу?

— Еще бы! — пожал я плечами. — Я уже начал подумывать о том, чтобы обратиться к психиатру. На предмет слуховых галлюцинаций.

— Неудивительно, — самокритично признал Майкл. — Как-никак двадцать камер, по шесть кубометров каждая...

— Так этот самый Файнштейн, — «вспомнил» я. — Он все-таки заболел после укуса?

— Нет, он не заболел. В том смысле, что не стал чувствовать себя хуже. Он просто изменился. Изменился и ушел от нас. В какое-то свое «никуда»...

— Получается, что Хайлендер выбросил деньги на ветер? — слегка удивленно спросил я. — Или вы рассчитываете, что с Сола еще удастся стясти его вознаграждение?

Майкл пожал плечами:

— Если Рой сочтет это нужным, то, конечно, Солу грозят неприятности по судебной линии. Но... Ведь если нас интересует, как повлияет на человека то или иное воздействие, то нам, наверное, более интересен свободный человек, а не тот, которого держат за руки за ноги на лабораторном столе.

Я, признаться, не слишком хорошо понял, что все-таки имеет в виду хитроумный Майкл, но согласился с ним, глубокомысленно промышав что-то в том духе, что охота, она, как говорят на Святой Анне, конечно, гораздо пуще неволи. И снова чуть-чуть изменил курс, которым следовал наш непростой разговор.

— Вы сами-то как — не побаиваетесь? Или у вас иммунитет?

— Ну... — Майкл задумчиво уставился на опустевшую наполовину кружку. — Какой уж там иммунитет. Просто я достаточно осторожен. И удачлив. Но... иногда мне хочется, чтобы это случилось со мной... Просто ужасно хочется.

И Майкл поднял на меня глаза. Пожалуй, в этот момент он был совершенно откровенен со мной.

Свою первую экспедицию на второй этаж старинного особняка я считал рекогносцировочной. Однако режиссер того спектакля, который мы старательно разыгрываем для него здесь, по эту сторону бытия, решил иначе, и мой первый визит в

царство ос оказался и последним.

Чтобы проникнуть в гости к питомцам Майкла Миллера, я воспользовался старым люком, который с большим трудом обнаружил. Располагался он в потолке небольшой подсобки, куда к концу рабочего дня сервисные автоматы заботливо перемещали оставшиеся после нашей бурной исследовательской деятельности горы лабораторной посуды и инструментов, требующих мытья, ремонта или утилизации. Люк этот когда-то даже был оборудован сигнализацией, но на сегодняшний день особой опасности она не представляла. Главную мою заботу составляло уничтожение всяческих следов в виде осыпавшихся чешуек краски очертившегося в потолке первого и, соответственно, в полу второго этажа контура отверстия люка и тому подобное... Еще, конечно, требовалось определенное время, в течение которого никто в «Лексингтон Грир» не хватился бы меня. Временем таким, естественно, была ночь.

На мое счастье, Рой Хайлендер не был жестким сторонником работы только от сих до сих. То есть от сих до сих — это было святое. Являлось необходимостью. Но если вам взбрело в голову задержаться допоздна или даже переночевать в лаборатории, то особого разрешения на то испрашивать было не надо. И если ваши ночные бдения приносили к тому же какие-то более или менее заметные плоды, то, по крайней мере, от иронических замечаний со стороны шефа на сей счет вы были избавлены. К тому, что бдения за лабораторным столом и компьютером являются моим любимым времяпрепровождением, я коллектив «Лексингтон Грир» приучил легко. У меня даже проснулся искренний интерес к науке. Загвоздка заключалась в том, что нас было, пожалуй, многовато для осуществления моего нехитрого плана. Но все мы — люди, и на уик-энд уровень энтузиазма даже самых честолюбивых и преданных делу сотрудников падал до нулевой отметки. Усвоив эту закономерность, я подготовил все необходимое для своей ночной экспедиции на ближайшую пятницу.

Пятница пришла на тринадцатое, но я просто не придавал этому значения.

Второй этаж старого особняка разительно отличался от первого. Похоже, что здесь не было никакой реконструкции с тех пор, как особняк перешел в руки новых хозяев. На своем месте оставались сохранившие прежний колорит столовая и буфетная, комнаты для гостей и небольшой зал с фортепиано. Время остановилось здесь.

И в этом остановившемся времени поселились осы. Осы, естественно, обитали не просто в зыбком сумраке. В полнейшей дисгармонии с архаичкой архитектуры и интерьера то тут, то там по комнатам и переходам были расставлены неуклюжие прозрачные ящики. Инсектарии. Ящики пучились в пыльную темноту выгнутым пластиком своих стенок, словно их распирало собственное содержимое. А содержимым этим как раз и были осы — мириады и мириады занятых своим делом, размеренно копошащихся насекомых. Не будь я предупрежден заранее, я принял бы их за какое-то вещество. За медленно кипящую и пузырящуюся массу, скрытую за холодно поблескивающей прозрачной твердью.

Одни из этих ульев были подсвечены ярким или, наоборот, еле заметным светом. Другие и вовсе погружены во мрак. И все они звучали.

Низкий, незаметный — как незаметен воздух — металлический звон наполнял прозрачный полумрак второго этажа. Был его скрытой сутью. Я осторожно переходил от одного инсектария к другому, примериваясь, каким бы образом добыть из этих перенаселенных недр дюжину-другую их обитателей — для предоставления оплатившему мою странную охоту заказчику на предмет дальнейшего их изучения. И прикидывал, из

каждого ли «гнезда» брать пробу или ограничиться двумя-тремя из них. Надписи на табличках, укрепленных на подставках-постаментов этих замысловатых сооружений, ничего мне не говорили. Это были просто номера. Иногда — с добавлением цифровых индексов. В бывшей столовой стояли инсектарии с номерами от двадцать пятого по сороковой. В буфетной — от сорок первого по пятидесятый. И так далее. Только одного — «счастливого» номера, чертовой дюжины, не смог я найти в этом звенящем лабиринте.

Конечно, это был, скорее всего, уже чисто спортивный интерес, но как-то уж так получилось, что мне ужасно не хотелось покидать это царство шестиногих. Покидать его так же тихо и безмолвно, как я в него и пришел, без того чтобы не прикоснуться кончиками пальцев к прохладному пластику ящика с осами, означенному как «номер тринадцать». Конечно, это было, в сущности, капризом.

Каприз этот и привел меня к запертой двери.

Собственно, это была единственная запертая дверь на втором этаже старого особняка. Как и положено такой двери, была она сделана на совесть из настоящего, дьявольски дорогого мореного дуба и обита темной, с золотым вытершимся тиснением кожей. Если прикинуть на глазок, ориентируясь по размерам здания, то за дверью этой находился небольшой чулан или кабинет довольно скромных размеров.

Тесноватый, под старину обставленный кабинет я и обнаружил за этой дверью, когда без особого труда справился с нехитрым замком. И в отношении «номера тринадцатого» я тоже не ошибся: он занимал почетное место — среди письменного стола, словно причудливый громоздкий светильник. И, как положено светильнику, он источал свет. Точнее сказать, он источал полумрак. Золотистый, коричневого оттенка сумрак сочился из нег, превращая все вокруг в некое подобие рисунка сепией из старинной книги. А еще — из него сочился недовольный звон. Осы, заточенные в этом ящике, явно были чем-то недовольны. Похоже, с этими «малышками» работали как раз перед тем, как для обитателей второго этажа закончился их рабочий день.

На столе были разложены какие-то инструменты, поблескивающие стеклом и металлом, и стопка расчерченной от руки бумаги — милейший научный натюрморт а-ля XVIII век. С некоторой долей вызова я уселся в антикварное кресло, придвинулся вместе с ним к столу и вперил взгляд в мерзкое копошение, наполнявшее отделенный от меня только тонким листом пластика мир желто-коричневых шестиногих тварей. Мир, чуждый всему человеческому и (интуиция точно подсказывала мне это) полный необъяснимой, смертельной опасности, — слепой и безжалостный.

Долго засиживаться, однако, не стоило. Надо было обзавестись хотя бы одной приличной «пробой биологического материала». Минут десять я изучал хитроумного устройства «шлюз», наверное, предназначенный как раз для таких вот манипуляций по извлечению на свет божий части населения прозрачной темницы. Ей-богу, мне казалось, что изучил я сие приспособление основательно — не столь уж сложным оно и представлялось. Но, поверив этой кажущейся простоте, я совершил последний шаг в заботливо приготовленную для меня ловушку.

Стоило мне сдвинуть с места аккуратно подогнанную к пазам плексигласовую перегородочку, как секции, составляющие нелепую громадину инсектария, разомкнулись, и само это узилище перепончатокрылых разверзлось, с глухим стуком обрушившись на стол всеми своими многочисленными составными частями. Осы даже не вырвались, не хлынули, а — как бы тут найти слово поточнее — изверглись в окружающее пространство Мгновенно

заполнили весь объем тесного кабинета, каждую его щель!

Я обмер.

Собственно, ничего другого мне и не оставалось. Любое движение мгновенно стало бы смертельно опасным для меня. О том, чтобы хоть как-то замести следы своего визита в наполненную сумраком комнатенку, теперь не было и речи. Я сидел, вдавившись в уродское кресло, и, боясь даже вздохнуть, составлял в уме план дальнейших действий. Осы после первого бурного всплеска энергии немного успокоились и теперь, в большинстве своем, покрывали все открытые поверхности комнаты слабо шевелящимся живым орнаментом. Я не стал даже вспоминать, сколько подобных ожогу раскаленным железом «поцелуев малышей» профессора Миллера необходимо для того, чтобы загнать в гроб взрослого и вполне здорового человека. В любом случае этот-то минимум будет мне обеспечен, случись сделать неверный шаг и прогневать обретших свободу узниц костлявого профессора. Так я и сидел — то обмирая, то воскресая в такт наполнявшему пространство вокруг неровному звону осиных крылышек. Сидел неподвижной колодой, и осы ползали по моим рукам и лицу...

Наконец, помолившись Неверному Богу Удачи, я медленно поднялся на ноги и, не отрывая подошв от пола, чтобы — не приведи господи! — не придавить дюжину-другую мерзких тварей, стал выбираться из-за стола. Это заняло у меня минут сорок и стоило, наверное, пары лет жизни. Дальше пошло веселей: словно пародируя спятившего лыжника, волоком передвигая ноги, я двинулся к оставленной открытой двери. Она была все ближе и ближе. Она манила. Олицетворяя собой спасение... И все больше и больше росла моя вера в избавление от этого кошмара.

Жестокое разочарование терпеливо поджидало меня в самом конце. Буквально на пороге выхода из ада.

Разочарование было не только полным и жестоким, но и предельно, несправедливо неожиданным. Тяжелая старинная дверь наполненной жужжащей смертью комнатунки захлопнулась перед самым моим носом! И ключ повернулся в замке. Невидимый мне ключ — с той стороны. И одновременно с тяжелым хлопком, отрезавшим мне путь к свободе, в затылок мне вошел докрасна раскаленный штырь.

Укус осы.

Странно: не помню — закричал ли я. Помню только ощущение полной, парализующей беспомощности, обрушившейся на меня. Беспомощности и потерянности.

А потом в тесной комнатунке заморосило. Мелкие капельки пахнувшей лекарством жидкости мерно зашелестели по жутковатому шевелящемуся коврику из осиных тел, покрывшему все в этой комнате. И перестал шевелиться этот ковер. И звон стих. А последним стих и шорох дождя.

Этот пахнувший лекарством дождик усыпил не только насекомых. Я ощутил его действие почти мгновенно — только принял сперва свое головокружение за результат осинового укуса. Тошнота волной подкатила к горлу, слабость ударила в ноги, сделав их ватными. Еще немного и я наверняка кулем рухнул бы на усыпанный бездыханными насекомыми пол.

Но этого мне не дали сделать.

Майкл Миллер вовремя вошел в боковую, замаскированную под книжный шкаф, дверь. Вошел, бесцеремонно похрустывая раздавленными подошвами его башмаков «малышками». Вошел и подхватил меня под руки.

— Вот так, вот так, Клаус... — приговаривал он, с натугой выволакивая меня в соседнюю комнату.

Натянутый на физиономию респиратор придавал его голосу особо гнусную интонацию. — Свежий воздух вам не повредит, — приговаривал он, кряхтя.

Волок он меня, впрочем, не в одиночку. Кто-то второй помогал ему. Но я плоховато соображал и не сразу узнал его. Только когда этот второй устроил меня на жестком диванчике, отворил высокое окно и как-то по-мальчишески ловко устроился на каменном подоконнике, я сообразил, что помогал доку Миллеру в его возне с моим полутрупом не кто иной, как сам шеф «Лексингтон Грир» — Рой Хайлендер.

* * *

Так необходимая способность соображать быстро возвращалась ко мне с каждым глотком сыроватой ночной прохлады. Я приподнялся и стал ощупывать свой источающий тупую боль затылок. Миллер сдернул с лица респиратор, нагнулся ко мне и тоже заботливо провел ладонью по вздущемуся на месте укуса желваку.

— Ничего, это скоро пройдет... — добродушно бросил со своего насеста Хайлендер. — Конечно, поноет немного, но зато вы можете гордиться: вы теперь — не простой смертный. Вы один из тех, кто получил ПОСЛАНИЕ. Таких на этом свете немного...

— Пока что я — из тех, кто глупо вляпался в элементарную ловушку... — без особого энтузиазма в голосе отозвался я, осторожно переходя в сидячее положение и окидывая взглядом место действия.

Это была просто-напросто ванная комната, облицованная унылым белым кафелем. Видно, никаких особых перестроек она, как и все остальные помещения второго этажа, не претерпела. Только возле стены, отделявшей эту комнатку от кабинета, стояли два каких-то нестандартного вида баллона. От них убегала вверх, под самый потолок целая шеренга тонких трубок — система орошения чего-то, пребывающего там, за стеной, в плохо освещенном кабинете. Например, вырвавшихся на свободу ос. Орошения их чем-то успокоительным.

Впрочем, эта техническая деталь, как и все прочие окружающие предметы, имела значение только с точки зрения тех возможностей, которые они предоставляли мне для того, чтобы вновь обрести свободу.

Да не было, собственно говоря, никаких таких возможностей.

Конечно, два явных непрофессионала, гордых тем, что так ловко скрутили меня, особой проблемы сами по себе не являли. Обоих можно было мгновенно перевести в разряд «недействующих лиц» простейшими приемами рукопашного боя. Только вот была ли гарантия того, что где-нибудь поблизости не ждут своего выхода более подготовленные по этой части ребята. И — в достаточном количестве. Глупо надеяться, что это не так.

А кроме того, гораздо более необходимо, чем вырваться на свободу, мне надо было знать. Знать, что же ожидает меня теперь — после «поцелуя малышки» профессора Миллера. Не стоило суетиться: судя по всему, никто не собирался немедленно умерщвлять меня.

Более того, мне, кажется, собирались что-то сообщить. По крайней мере старались, чтобы я был способен воспринимать информацию.

Никто из обоих моих противников не проявлял признаков нетерпения. Они были совершенно спокойны. Можно сказать — доброжелательны. Миллер по мобильнику давал

кому-то распоряжения в том смысле, что в кабинете надо прибрать — там насекомые расплозились из инсектария. Хайлендер рассеянно выбивал трубку о подоконник.

Была у него такая привычка — вечно возиться со своей трубкой, словно именно состояние его «Данхилла» и определяло основной смысл происходящего в мироздании. Впрочем, закуривал он его редко. В моменты действительно важные.

Впрочем, достаточно о «Данхилле». И о нем, и о Хайлендере можно много рассказать интересного. Но времени нет. В другой раз.

— Вы, видно, считаете, что последует какой-то допрос? — осведомился у меня научный директор «Лексингтон Грир». — Если вы так думаете, то ошибаетесь, — продолжил он, извлекая специальный ершик и вдумчиво проталкивая его в канал трубки. — Мы просто-напросто извинимся перед вами за некоторые неприятности, которые вы пережили, работая на нашем предприятии. По вашей собственной, заметим это, вине... По вашей собственной... Или — скажем, лучше так: по вине тех, кто нанял вас... Вас, Файнштейна и того несчастного, что пришел первым...

Ни про какого «несчастливого, пришедшего первым» слышать мне до сих пор не приходилось. Да, впрочем, и о многом другом, что я узнал в ту ночь.

— Вас, может быть, удивит это, — продолжил профессор, со знанием дела набивая свою трубку табаком, извлеченным из кожаного кисета, который, в свою очередь, появился из вместительного кармана его старомодного пиджака, — Но мы не будем досаждать вам своими вопросами относительно таких в общем-то второстепенных материй, как имена ваших нанимателей, ваши каналы связи с ними, явки, пароли и тому подобное. Ну, просто из соображений человечности. И для того еще, чтобы не тратить времени даром. Все это нам в общих чертах известно — и имена и каналы...

Тут профессор удивился чему-то в своих мыслях, и это его удивление отразилось в некоей гримасе, которую он адресовал, по всей видимости, собственной трубке, с которой по-прежнему не сводил заинтересованного взгляда.

— Да ведь, пожалуй, нам гораздо лучше, чем вам, господин Гильде, известно все это... И поэтому — уже неинтересно.

Его лицо сделалось демонстративно постным.

— Да ведь никто нам и права такого не давал — устраивать агенту Клаусу Гильде допрос с пристрастием только потому, что упомянутый агент проявил повышенный интерес к нашей коллекции насекомых-вирусоносителей. Разве не так?

Я молча пожал плечами. У меня не было никакого желания подыгрывать почтенному светилу науки в его фиглярстве. Мне важен был итог.

— Не дуйтесь, Клаус, — подбодрил меня Хайлендер. — Вы остаетесь не внакладе: вы получите полный расчет без малейших изъятий. Вы будете вольны даже подавать в суд на «Лексингтон Грир» — за незаконное увольнение с места работы. С которой, надо сказать, вы справлялись вполне квалифицированно.

Он наконец оторвался от созерцания «Данхилла» и бросил на меня хотя и короткий, но довольно заинтересованный взгляд. Потом снова сосредоточился на трубке и принялся с величайшим тщанием ее раскуривать.

— Но я думаю, — продолжая ерничать, сообщил он с деланным добродушием в голосе, — что нам это не угрожает. Дело не в том, что мы и так — безо всяких исков и судов — уплатим вам определенную, разумных, конечно, размеров неустойку. Дело в том, что уже в ближайшее время у вас самого возникнут совершенно иные заботы.

— Было бы неплохо, если бы вы просветили меня — какие... — отрешенно бросил я в пространство перед собой.

Эта моя отрешенность не была последствием обморока. Она не была и игрой. Я не хотел прикидываться, да и не мог. Просто это был конец.

Не были бы концом ни смерть, ни допрос какой угодно степени. Ни смерть игрока, ни его мучения на самом деле не есть конец игры. Собственно говоря, все это не имеет к ней никакого отношения. Они — смерть и мучения существуют в нашем мире — здесь и сейчас. А у игр, которые мы ведем, свой мир. И случается, что погибшие под пытками выигрывают у живых.

А вот такое: «Валяй-ка ты, братец, на все четыре стороны... Не интересны нам твои секреты...» — это и было настоящим концом игры. Шахом и матом.

Безразличие навалилось на меня немой, безликой тушей. Было ли мне и впрямь интересно продолжение этой истории?

— Ну вот видите, — снова обратил на меня свой взор Хайлендер, — какой же это допрос, если это вы уже задаете мне свои вопросы? И, поверьте, вы получите на них ответы. Да, да — на любой вопрос! Ну, почти на любой...

— Чем же я обязан такой щедрости и такому великодушию? — с какой-то автоматической иронией осведомился я.

— Видите ли... — Хайлендер, вздохнув, пристроил дымящийся «Данхилл» на плиту подоконника. — Мы, господин Гильде, заинтересованы в том, чтобы знать теперь вашу тайну...

— Вот как? Мою? Вы только что говорили, что у вас нет вопросов ко мне.

— Вопросов? Упаси бог, Клаус! Вопросы — это то, на что вы могли бы ответить... А своей тайны вы еще и сами не знаете, Гильде... Вам только предстоит ее узнать... Мы говорим о тайне, а не о глупых секретах конспирации. О тайне, ради раскрытия которой мы нисколько не боимся раскрыть вам кусочек другой тайны — нашей... Мы этого не боимся: то, что узнаете вы от нас, — уже проданный секрет. И деньги от этой продажи потрачены... Мы, можно сказать, продали ключик от того сейфа, в котором покоится тайна, ради раскрытия которой и существует «Лексингтон Грир». Но по-прежнему только мы знаем, как этот ключик повернуть. Впрочем... — Он не глядя ухватил валяющийся поодаль «Данхилл» и сунул его себе в рот. Пыхнул ароматным дымком. — И этот секрет, он тоже будет продан. Дайте только срок... Мы за свои секреты не держимся. Другое дело это то, что мы, разумеется, не собираемся расставаться с ними просто так, даром.

Хайлендер добродушно попыхивал трубкой и присматривался к моей реакции на его довольно путаную тираду. Я отвлекся на то, чтобы бросить взгляд по сторонам. Миллер закончил свои переговоры по мобильнику, устроился в сторонке, на краю ванны, и не проявлял особого желания прерывать речь шефа. Он вроде даже не особенно внимательно слушал его. Скорее уж его привлекали звуки, доносившиеся из-за стены кабинета, — похоже, там шла уборка.

Хайлендер проследил за моим взглядом.

— Так что не в ключике дело... — продолжил он, найдя, видимо, сложившуюся диспозицию вполне приемлемой. — И даже не в том секрете, как этим ключиком отпирается некая шкатулка. Ящик Пандоры, скажем... Дело в том, что в этом ящике находится. Надеюсь, вы нам это расскажете, Клаус. Или кто-то, кто пойдет по вашим стопам. Тот, кто следующим получит Послание.

Я смотрел на дока с терпеливой ненавистью. Глядел достаточно долго, и док этот гейм игры в гляделки проиграл-таки. Чуть поперхнулся табачным дымом, парой взмахов сухой ладошки разогнал повисшее на миг перед его лицом сизое облако и осведомился:

— Вас, похоже, не волнует даже то, о каком Послании идет речь?

— Я просто надеюсь, что, сказав «а», вы скажете и «бэ», профессор...

— Верно, Гильде... От того, чтобы поговорить о Послании, я не удержусь... Собственно, затем мы здесь и собрались. Чтобы поговорить о Послании. О самом древнем и важном для рода людского Послании...

— Таковыми пока что считаются Евангелия, — сухо парировал я велеречивое вступление Хайлендера в любимую, видно, им тему.

— Евангелия не такой уж древний документ, Гильде. То Послание, о котором говорю я, старше Святого Писания в десятки тысяч раз. Даже — в сотни тысяч. Оно древнее ископаемых ящеров, это Послание...

— Тогда оно, пожалуй, и не людям вовсе было адресовано, — пожал я плечами. — И даже не динозаврам. Наверное, просто от одного бога к другому...

Меня самого поразили этот странный, холодновато-академичный тон, который неожиданно для самого себя выбрал я для разговора с профессором. Впрочем, такое довольно часто случается с определенным типом людей именно в тот момент, когда решается их Судьба. Я знал это из того минимума психологической премудрости, который положен мне по чисто профессиональной надобности. И удивляться, собственно говоря, не должен был бы. Да я и не тому удивлялся, что странное хладнокровие овладело мной. Я удивлялся чему-то другому.

Такое чувство посещает вас иногда во сне: ты вдруг узнаешь о себе нечто такое, что напрочь меняет всю твою жизнь. Только вот, проснувшись, никогда не помнишь — что. С тобой не остается ничего, кроме только этой странной, оттуда — из сна — пришедшей и тем не менее твердой уверенности в том, что что-то ушло от тебя навсегда и так, как было до этого, не будет уже никогда больше... Сейчас это чувство владело мной и заполняло мою душу ледяной, темной водой. Осиный яд уже был во мне.

— От одного бога к другому? — Хайлендеру чем-то понравилась эта формулировка. — В этом вы, пожалуй, правы. Тот, кто отправлял Послание, вовсе не имел в виду того, что его получатели всенепременно будут ходить на двух задних конечностях и переговариваться с помощью звуков. Достаточно было того, чтобы они могли читать генетические тексты и были способны заниматься генетической инженерией. Не важно как — с помощью ли рук и ферментных препаратов, с помощью ли телекинеза, магии и нечистой силы — не важно...

— И что же сказано в этом Послании? — задал я ожидавшийся от меня вопрос. — И кто его послал? Как всегда, господь бог — грядущим поколениям?

— Именно для этого вы и нужны нам, — прервал меня Хайлендер. — Вы прочитаете Послание. Только читать вы его будете не глазами. Его будут читать ферменты ваших клеток, их молекулярные рецепторы, мембраны синаптических контактов. А вы уже станете для нас его переводчиком. И тогда оно заговорит с нами на языке людей. Впрочем, я вижу, мне придется начинать издали...

Я продолжал неприязненно смотреть на своего велеречивого собеседника. Его манера

говорить донельзя раздражала меня. Но я уже имел некоторое представление о складе ума и характере научного руководителя «ЛГ» и потому даже не пытался остановить его. Это был самый короткий путь, которым в предложенных обстоятельствах можно было добраться до истины. Иным способом выражать свои мысли профессор Хайлендер пожалуй что и не мог. Вообще, никогда и нигде. Разве что на пожаре...

* * *

— Эта история началась давно, — профессор с удовольствием затянулся дымом хорошо соусированного табака. Чувствовалось, что ему не впервой излагать свою фирменную байку. Укрывшийся в тени Майкл зевнул — настолько незаметно, насколько ему позволяли талант и обстоятельства.

— Давно... — продолжил Хайлендер. — Еще тогда, когда жив был сам старый Лекси Грир. Собственно, он и начал ее — эту историю... У профессора молекулярной палеонтологии и наследника огромного состояния своих весьма состоятельных предков — Лексингтона Мэррихауза Грира — был свой пунктик. Точнее, считалось, что это был именно пунктик: он заявлял, что знает, где искать Послания Предтечей. Сама по себе вера в то, что такие Послания должны где-то существовать, — достаточный повод для того, чтобы прослыть чудачком, — не так ли, Клаус? А уж претензия на то, что именно ты — и никто другой знает, где искать их, ставит автора подобных заявлений на почетное место среди изобретателей перпетуум-мобиле, обладателей подлинных карт с указанием расположения кладов Нибелунгов и наездников на машинах времени.

Между тем Лексингтону Мэррихаузу Гриру нельзя было отказать в логике.

И одним из тех немногих, кто сразу и окончательно принял его логику, был ваш покорный слуга, тогдашний его аспирант Хайлендер.

Тут шеф «ЛГ» отвесил аудитории (представленной мною и Майклом Миллером) церемонный и почти лишенный даже тени самоиронии поклон.

— Логика старика Лекси была весьма проста: Предтечи, как известно, причастны к появлению жизни совершенно разного типа в различных уголках Вселенной. Если принять гипотезу о том, что они существовали вообще, и если и существовали, то только одни какие-то Предтечи, а не несколько разных протоцивилизации. А уж если они сеяли повсюду жизнь — и притом жизнь потенциально разумную, такую, которая стала бы зародышем новой цивилизации, — для каких-то своих, им одним понятных целей, то странно было бы, если они оставляли этот свой «посев» без присмотра. Как-то они должны были позаботиться о том, чтобы дальнейшую судьбу своих питомцев направлять, программировать. Этой цели должны были служить Послания. Они не должны были быть просто скопищами знаков. Послания по самой логике своего предназначения были еще и механизмами самореализации. Получив каким-то образом сигнал о том, что препорученная их заботам цивилизация достигла наконец какой-то определенной стадии своего развития, какого-то ключевого его этапа, такое Послание «самораспечатывалось» бы и само сообщало своим подопечным какую-то необходимую им на этом этапе информацию. Ключевую информацию для ключевого этапа.

Я пожал плечами:

— Положим, я не вижу в этих рассуждениях такой уж железной логики. Скорее, это

просто сумма благих пожеланий. В общем-то — не слишком оригинальных

— В общем-то, если рассуждать с самого, так сказать, начала, то действительно до этого момента цепочка рассуждений моего учителя не претендует на большую оригинальность... Его, однако, извиняет то обстоятельство, что он и не разрабатывал этих предложений. Все они были высказаны задолго до того, как он сказал свое слово. Для него они были уже просто отправной точкой... Точкой, если хотите, опоры для дальнейшего поиска. Аксиомой.

— Аксиомой так аксиомой, — снова пожал я плечами.

И плечи и шея у меня затекли и были налиты болью — тупой и жгучей одновременно. Похоже, что яд «малышек» Миллера был сильнее, чем у простых ос.

— Гораздо интереснее то, как старик Грир рассуждал далее. — Хайлендер выпустил к потолку клуб сизого дыма. — Прежде всего он задумался над тем носителем, на котором должно было быть написано такое Послание. Над материалом, в который оно должно было быть воплощено. По крайней мере, то Послание, которое было адресовано грядущей цивилизации Земли. И пришел ко вполне обоснованному выводу: ни один из реально существующих материалов для этого не подходит.

Подумайте сами — речь идет даже не о миллионах, а о миллиардах лет. А всего лишь за несколько тысяч лет время съедает пирамиды фараонов. За куда меньший срок оно хоронит в песках города, заливают морями территории. Можно было бы, конечно, высекать письмена на хранимых вечным покоем космического вакуума скалах Луны или других лишенных атмосферы небесных тел. Но нет никакой гарантии того, что цивилизация — адресат такого Послания будет находиться на стадии космической экспансии. Что она станет рыскать в Космосе, выискивая на всех случившихся по пути камнях иероглифы и пиктограммы. Причем непременно в тот самый критический период своего развития, когда они должны будут ей пригодиться.

И тут Грир столкнулся с еще одной непростой проблемой, которую как-то должны были решить авторы Послания. Это — проблема распознавания Послания как явления искусственного. Рассудите сами: ведь и это тоже вовсе не гарантировано — то, что разумные существа весьма отдаленного будущего воспримут некое скопление знаков, рисунков, сигналов любой природы именно как Послание одного Разума другому. Что они не воспримут его просто как некую игру природы или что заметят его вообще. Потому что — мы знаем это теперь, а Предтечи должны были знать еще в те, незапамятные, времена, — нет единого, абсолютно верного для всех типов Разума критерия искусственности.

Гайка — абсолютно искусственный с точки зрения нормального человека предмет. Но это только для него — существа, обитающего в среде, порожденной техногенной цивилизацией, веками изготавливающей металлические предметы правильных форм. А вот корри, у которых даже космические корабли наполовину живые, первоначально в этом изделии видели всего лишь причудливой конфигурации кристалл. И наоборот, типичный для корри искусственный инструмент биологический скальпель — плод йюху — для непосвященного представителя хомо сапиенс — это просто забавного вида корешок, и заблуждение это может дорого обойтись любителям крутить в руках незнакомые предметы.

Но и это еще не все. Мало того что Послание должно сохраниться в течение невероятного долгого времени, мало того что оно должно быть однозначно, недвусмысленно распознано как некий осмысленный текст. Оно должно еще быть прочитано и понято. Прочитано и понято существами, о языке и мышлении которых отправители Послания не могли знать

ничего или почти ничего! Как-никак Предтечи доверили «доводку» жизни в подопечных Мирах до стадии возникновения Разума эволюции — мастеру малопредсказуемому.

Ну а теперь... — Хайлендер понимающе подмигнул мне. — Надеюсь, мне не стоит предлагать вам угадать с трех раз, какое решение нашел Грир для всех этих проблем разом? Верно, Клаус, верно. Послание написано на языке генетического кода. Разбито на компактные блоки, многократно повторено и помещено в клетки практически всех предковых форм земных тварей, имевших перспективное эволюционное будущее. Упрятано там — среди молчащей ДНК. Так что сохранность Послания в веках гарантирована — оно беспрестанно переписывается заново, притом каждая новая копия многократно сверяется с предшествующей. И оно существует в миллиардах экземпляров, в том числе и в наших с вами клетках. Нам не надо искать его ни в глубинах океанов, ни в недрах наших Миров, ни в бездне Космоса. Оно всегда с нами.

Собственно, секрет «Лексингтон Грир» состоит в том, как мы распознаем фрагменты Послания, отличаем их от прочих генов. Секрет невелик — техника генетической маркировки известна чуть ли не с двадцатого столетия. Просто объем анализов был очень велик. Был у нас и второй секрет — сейчас мы с ним практически простились. Это тот «ключик», который запускает Послание как систему. Приводит его в действие.

Гениальность Лексингтона Грира в том и состояла, что он понял, что время Послания наступит тогда, когда Разум, которому оно адресовано, научится манипулировать с собственными генетическими программами. Он может никогда не выйти в Космос, может не разгадать и не распознать какие угодно письма и сигналы, но от познания самого себя не уйдет никуда. И информацию, которая составляет самую его биологическую суть, читать сможет.

Впрочем, кроме гениальности старику Гриру сопутствовала и немалая доля удачи. В частности, без ложной скромности скажу, что ему повезло на учеников и помощников. Ему всего за несколько лет удалось вычислить и из нескольких разбросанных по разным геномам блоков собрать «ключ». Вирусную ДНК, запускающую первые из сложной цепи реакций, которые из рассыпанных по «молчащей» части генома блоков склеивают активную систему генов. И эта система начинает изменять главное в человеке — его мозг, превращая его во что-то, что человеком уже, наверное, называть не стоит.

Чего-то такого я ожидал. Какой-нибудь подлянки в этом духе. Некоторое время мы молчали. Потом я повернулся к молчавшему до сих пор Майклу и сказал скорее утвердительно, чем с вопросительной интонацией:

— И переносчиками этого «ключика» являются ваши «мальшки»?

— Ну что ж, вы догадливы, Клаус, — отозвался тот со своим характерным гоготанием и с таким видом, словно эта моя догадливость могла меня выручить в сложившейся ситуации. — У вируса Грира, видите ли, довольно экзотический цикл воспроизведения В свободной форме он существует только в клетках единственного вида ос. А в организме млекопитающих этот вирус дает только несколько новых поколений и потом перерождается в форму, уже не способную к дальнейшему размножению. У этого вирусного поколения своя задача. Каждая его частица атакует клетки нервной системы и активируется в них уже как часть Послания. Обеспечивает его «сборку» в единую систему. Запускает своего рода молекулярный компьютер. Вот о нем мы знаем довольно мало. Биохимическая машина безумной сложности. Тут работы на десятилетия. Что она делает, какова ее задача? У нас на этот счет пока только гипотезы...

— Ну если и гипотезы, то не такие уж гипотетические, — неуклюжим каламбуром прервал его Хайлендер.

Ему, судя по всему, не слишком понравилась столь скромная оценка достижений руководимых им лабораторий.

— Собственно, основное об этой биохимической машине мы узнали, — веско продолжил он, сделав затяжку. — Это — тестер нейронных цепей. Некое средство изучения мозга, в клетках которого «проснулось» Послание. Оно исследует возможности этого мозга, принимает какое-то свое решение и изменяет течение процессов в нем. Заставляет исполнять какую-то, заданную еще Предтечами, задачу.

— И?.. — поинтересовался я чуть более нервно.

— Ну, что касается лабораторных животных, то на этом дело и кончается... — усмехнулся шеф «ЛГ». — Сначала — короткий период беспокойства, а затем собачки, кошечки и кролики благополучно возвращаются к вполне обычному для них образу жизни. А ферменты и всякая прочая химия, которая синтезируется в клетках их мозга в ответ на вторжение вируса, постепенно оттуда исчезают. Молекулярный компьютер-тестер саморазбирается. За ненадобностью. У приматов дело затягивается. Шимпанзе изменяют свое поведение необратимо. У них возникает «синдром исследовательского поведения». Жалко бедняг... А вот с людьми дело обстоит иначе: у них изменения в психике идут по нарастающей... Кстати, не рекомендую вам, категорически не рекомендую, применять для того, чтобы э-э... очиститься от вируса, какие-либо медикаменты. Особенно современные сильнодействующие генноинженерные препараты. Результат может оказаться роковым.

— Это — приятная для меня перспектива, — криво усмехнулся я. — А что же будет со мной без медицинского вмешательства? Меня тоже ожидает развитие «синдрома исследовательского поведения»? Или что-нибудь более интересное?

— К сожалению, мне трудно ответить вам, — ответил такой же кривой улыбкой Хайлендер. — У нас ничтожная статистика — всего трое. Это считая вас. И оба ваших предшественника уже вне зоны нашего контроля... Да нет! — он взмахнул руками, отгоняя мою скверную догадку. — Ни смерть, ни безумие вам, судя по всему, не угрожают. Если бы мы подозревали такое, то не стали бы затевать такую злую шутку... Нет никаких оснований считать, что ваши предшественники покинули этот лучший из миров. Всего лишь эту планету. И — опять-таки к сожалению — никто из них не счел нужным поделиться с нами своими планами.

— Да, отношения с подопытными кроликами не сложились, — согласился я с достаточно, надеюсь, злой иронией в голосе. — Боюсь, что не сложатся и со мной. И статистика у вас неважная. С чего бы это?

Хайлендер с неожиданной для него легкостью соскочил с подоконника и, зябко поежившись, принялся затворять створки окна.

— Покойный Грир, — хмуро бросил он, не оборачиваясь (что-то там у него не ладилось со сложной конструкции шпингалетами), — считал, что переходить к этому этапу исследований небезопасно. Не столько для того, кто станет получателем Послания, сколько для окружающих. Для Человечества в целом. Тот, кто испытает Послание на себе. Неизвестно, что он прочтает в этом Послании и какую весть принесет в этот мир... Примерно так говорил старик. А он был далеко не глупым человеком — Лексингтон Грир. С его мнением стоит считаться. Особенно если принять во внимание его собственную судьбу.

Об этом я кое-что знал. Как-никак наводил справки об основателе той «конторы», в

которую предстояло внедряться. Лексингтон Грир умер не совсем своей смертью.

— Есть мнение, — продолжал Хайлендер, — что старик знал на этот счет больше, чем успел рассказать нам... Много больше.

— Успел? — подкинул я наводящий вопрос. — Вы имеете в виду — что-то помешало ему?

— С вами теперь можно говорить начистоту... — Хайлендер наконец справился с непокорными створками и теперь удовлетворенно созерцал дело рук своих, не проявляя ни малейшего желания обернуться ко мне. — Старик Грир, — задумчиво продолжил он, — был, скорее всего, самым первым испытуемым. Примерил собственное открытие в первую очередь на себя самого. Вполне в духе естествоиспытателей старой закалки. Впрочем, мы уже никогда не узнаем об этом. Старика кремировали без вскрытия — по его завещанию. Полиция не всегда уважает такого рода волю умершего, но в данном случае проявила снисходительность. Оно, впрочем, и не требовалось — это вскрытие. Согласитесь: падение с восемнадцатого этажа — причина весьма веская для того, чтобы покинуть общество живых. Достаточно было установить простой факт, что покойному никто не помогал отправиться в его последний полет, и дело закрыли.

— Обстоятельства, однако, не исключают... — заметил я.

Хайлендер наконец удостоил меня прямого взгляда.

— Разумеется. Многие, в том числе и я, считают это самоубийством. На это многое указывает. Грир оставил нам обстоятельное письмо — «на всякий случай», как выразился в нем сам. Накануне составил новое завещание. И — это самое подозрительное — сжег свои дневники и массу других бумаг. Весь личный архив...

— И после этого вы говорите, что испытуемому не угрожает ни смерть, ни безумие?

— Почти два года мы колебались. И наконец пришли к выводу, что это все-таки частный случай. Нечто, связанное с особенностью личности самого Грира. Чтобы понять, о чем идет речь, надо хорошо представлять этого человека. Он был фанатично предан идее научного прогресса. Познаваемости мира. Необходимости достижения истины любой ценой. Эта-то истина его и убила. Что-то в ней оказалось несовместимо с этим его фанатизмом... Во всяком случае, Перальта убедил нас в этом. Мы были очень близки со стариной Лекси при его жизни — я и Джанни Перальта. Джанни, пожалуй, ближе, чем я. Он и убедил нас, что причиной смерти учителя стал его собственный научный фанатизм. И предложил себя в подопытные кролики. Как человека без предрассудков.

— И он...

— Меньше чем через месяц после введения «ключа» он прекратил вести дневник. Потом прекратил вообще какие-либо отношения с «ЛГ». Скрылся. Покинул планету. Это все. Следующим стал ваш друг — Сол... Поверьте, это был несчастный случай. Правда, мы присматривали за Солом после того, как он выдал себя — двумя-тремя неосторожными поступками. Но мы не планировали делать из него испытуемого. В этом не было умысла. Мы... Ну разве что мы не стали препятствовать развитию событий...

— И когда он последовал по стопам господина э-э... Перальты, вы решили и мне предоставить такую же возможность?

— Коллега Миллер уже отметил, что вы догадливы, — Хайлендер снова кислотовато улыбнулся мне.

— Отчего же вы так плохо приглядываете за своими подопытными? — поинтересовался я. — И что вы намерены делать со мной? Запереть в клетке? Или предпримете что-нибудь

покруче?

— Да оттого, что мы ощущаем постоянный интерес к нам со стороны сразу нескольких, как говорится, «компетентных служб» — как здешних, так и федеральных. И не хотим давать им ни малейшего повода шантажировать нас...

— Несанкционированные опыты на людях. Насильственное их удержание... — прикинул я. — Это потянет на много... Почему же в таком случае вы уверены, что я просто не сдам вас полиции?

Шеф «Лексингтон Грир» потер висок и поморщился.

— Это далеко не в ваших интересах, Гильде... На что вы будете жаловаться? На то, что забрались в чужой кабинет и там вас укусила оса? Пустое. Вы только подставите себя. — Он с досадой щелкнул пальцами. — Я, видите ли, вовсе не убежден в том, что исчезновение Перальты и вашего компаньона не их рук дело. То же самое может приключиться и с вами. И там — в руках у этих господ — вам придется уже по-настоящему стать подопытным кроликом. Про свободу тогда можете забыть навеки. Вы, случайно, не увлекаетесь старой литературой? Фантастикой двадцатого века, например?

— У меня несколько другие литературные интересы, — пожал я плечами.

— Тогда бессмысленно объяснять вам, что такое «синдром Сикорски»... — безнадежно махнул рукой Хайлендер. — Все наши спецслужбы поражены этой заразой. И не скрывают этого. Даже, сдается мне, гордятся этим. Разведка, контрразведка, Спецакадемия, Федеральное управление расследований... Все они по несколько раз ненавязчиво объясняли нам, что не прочь взять «ЛГ» под свое крыло. Но старик Грир больше всего на свете ценил свободу. И нас всех заразил этим. Вы, я думаю, тоже не чужды этой страсти. Так что мы найдем общий язык. Раз уж так вышло, то постараемся извлечь из случившегося э-э... обоюдную пользу. На этот раз мы будем лучше присматривать за вами — с вашего, Клаус, на то согласия, — а вы постарайтесь держать язык за зубами и делать вид, что ничего не произошло... Надеемся, что вы не откажетесь и от определенной э-э... материальной компенсации за тот риск, которому подвергаетесь. И потом... В конце концов, если действительно действие Послания обернется чем-то дурным для вас, то если уж кто и сможет вам помочь, так это только мы...

Он помолчал и добавил:

— По-моему, у вас просто нет никакого выбора, Клаус...

* * *

Клаус Гильде отбил костяшками пальцев по столу короткую дробь, и Ким словно очнулся от чем-то загипнотизировавшего его рассказа.

— Так вы пошли на соглашение с этими людьми?

— Пошел... — Гильде неприязненно поморщился. — Пошел. И обманул их. Точнее, думал, что обманул. Забрал свой пай из «Интертехнолоджи» — это наше второе предприятие, существовавшее для отмывания денег, — и уже год нахожусь на подпольном положении. Однако пока выходит, что я обманул только самого себя. Да, пожалуй, еще Ника Стокмана. Я, видите ли, решил обратиться к нему как к профессионалу. Как к одному из немногих профессионалов, на которых в здешних краях можно положиться. — Он тяжело вздохнул. — Моя ошибка состоит в том, что я не был с ним достаточно откровенен. И тем

спровоцировал его на не откровенность в отношении меня.

— Ник болезненно относился к таким вещам, — согласился Ким. — Клиент должен полностью доверять агенту, которого нанял. Иначе он может довольно сильно подставить его. Впрочем, не мне вас учить...

— Это и случилось. Я — против своей воли — Ника подставил, — сухим, угрюмым тоном согласился Гильде. — Я его просто-таки толкнул в объятия «Лексингтон Грир». Боюсь, что он повторил путь Сола и мой. Только под еще более жестким наблюдением господ Миллера и Хайлендера. Я же только лишился старого и надежного приятеля и довольно большой суммы денег.

— М-да... — согласился Ким. — Ник никогда не работал бесплатно. Даже на близких друзей. Много вы ему ассигновали?

— Об этом уже не стоит беспокоиться, — отрешенно махнул рукой Гильде. — После ликвидации пая в «Интертехнолоджи» я стал довольно состоятельным человеком. У меня хватит средств, чтобы оплатить вашу работу на меня, начиная с нуля. Ведь Ник не внес в вашу общую кассу сумму от продажи облигаций «Ноланса»?

О кассе своего агентства Ким мог рассказать много всякого. Не налоговому инспектору, конечно. Но сейчас он напряженно пытался вспомнить: что из ее скудного содержимого могло быть определено как «облигации»? Должно быть, это недоумение столь ясно отразилось на его лице, что Гильде счел необходимым уточнить:

— Довольно надежное капиталовложение. Из разряда бумаг, абсолютно не поддающихся подделке. Они, видите ли, не отпечатаны, а выращены каким-то секретным биологическим способом — его знало только казначейство Гаротты. Как вы знаете, ни Гаротты, ни ее казначейства в природе не существует уже более полустолетия. Так что копировать эти бумаги можно только молекулярно-квантовыми методами. Но это — тот случай, когда, как говорится, овчинка выделки все-таки не стоит...

— Тогда я не понимаю вообще ничего, — развел руками Ким. — Какую такую ценность могут представлять облигации, выпущенные казначейством Мира, который умудрился взорвать свое солнце и даже пепла после себя не оставить? На рынке ценных бумаг этим бумагам цена — ноль. Будь они хоть трижды уникальны.

— Вы возмутительно невежественны, агент, — вздохнул Гильде. — На рынке ценных бумаг эти облигации давно не фигурируют. Цену на них надо искать в каталогах нумизматов...

Странная мысль посетила Кима.

— Стоп! — сказал он и полез в бумажник. — Те облигации, они не похожи вот на это?

Он вытащил то, что считал купюрами не известной никому валюты — из той здоровенной пачки, что без толку захламляла ящик его рабочего стола в агентстве. Давно расставшись с надеждой добиться от кого-нибудь хоть какого-то толку по части выяснения их номинала и курса он просто по привычке таскал с собой этот листок, испещренный многочисленными символами и надписями на языке, которого не знал никто.

— Ого! — одобрительно воскликнул Гильде. — Это, разумеется, они! Я вложил в «Ноланс» — в желтую серию — большие деньги. И, пожалуй, был некоторое время основным их держателем на этой планетке. Выходит, Ник поделился с вами своим гонораром... И даже не объяснил, что эти бумажки коллекционеры охотно покупают по две сотни за штуку. Правда, не федеральными кредитками, конечно, а местными «тугриками», но все же... Я рассчитывал, однако, что он сбудет всю партию оптом — это было бы много

удобнее... Бедняга, видно, не хотел засветиться. Как, впрочем, и я...

— Вы говорите — по две сотни за штуку? — несколько невпопад перебил его Ким. — Пожалуй, большая часть гонорара Ника осталась мне на память. Там почти девятьсот таких бумажек.

Гильде озадаченно потер лоб:

— Знаете, в высшей мере неосторожно было со стороны Ника держать такие деньги в обычном сейфе просто так — в офисе...

Ким не стал уточнять, где именно на самом деле хранил его несколько экстравагантный компаньон столь ценные, как выяснилось, бумаги.

— В таком случае, — с некоторым облегчением констатировал Гильде, — считайте, что вы получили аванс, и аванс солидный. Вы беретесь за дело? Я подготовил примерный текст договора... Контракта. Прочитайте.

Ким взял в руки покрытый убористым, разбитым на аккуратные «коробочки» пунктов и под-под-под-пунктов текстом и быстро пробежал его глазами. Собственно, он уже знал, что подпишет контракт.

Единственное, что никак не давалось ему, это понять, откуда взялась эта его уверенность.

— Итак, первое, чего вы хотите, это чтобы я установил за вами негласное наблюдение и связывался с вами только по вашему вызову или если обнаружу некую опасность, угрожающую вам?

— Вы правильно поняли меня. Это — первое. Второе, вы беретесь установить — существует ли за мной слежка. И если да, то кто ее осуществляет. Это вовсе не обязательно люди «Лексингтон Грир»...

На этот счет Ким уже мог кое-что рассказать Клаусу. Но тот не дал ему вставить ни единого слова в свой — сухой и отрывистый — монолог.

— И третье. Вот это — специальное приложение.

Он протянул Киму отдельный листок. Тот пробежал его глазами и посмотрел на Гильде с сомнением.

— Это... Это — достаточно странный пункт... Вряд ли какой-нибудь юрист согласится заверить его...

— Ну, это не ваша забота, агент. Скажите одно: вы согласны подписать контракт?

Ким молча достал электрокарандаш, сделал в основном тексте пару пометок (в нем надо было кое-что уточнить, а кое-что и поправить) и перекинул оба листка Гильде.

— Вот в таком виде — да...

«Господи, — подумал он, — что движет мной? Я сую голову в петлю, которая утащила бог весть куда уже троих. И тащит еще одного. Что движет мной?»

— Отлично, — сухо подвел Гильде черту под деловой частью разговора.

Даже не взглянув на пометки Кима, он сложил листки и спрятал их в нагрудный карман.

— Встретимся завтра в десять — в «Белом тезисе»... — констатировал он. — Я подготовлю все необходимые бумажки. Вам осталось взять на себя еще только одно обязательство. Устно.

Ким ответил ему вопросительным молчанием.

— Вы должны дать мне слово... — пояснил Гильде. — Честное слово никогда не соваться в «Лексингтон Грир». Обходите их за километр. За парсек!

— Что ж, — пожал плечами Ким. — Я даю вам такое слово.
У него и в самом деле были совсем другие планы на этот счет.

* * *

«Белый тезис» — ресторан изысканный и достаточно удаленный от центра Канамаги, был местом почти идеальным для деловой встречи. Допустить, что содержатели столь аристократического заведения опустятся до сотрудничества даже с самой могущественной из спецслужб, было бы просто верхом нелепости. Вот только ассортимент в баре не радовал ни разнообразием, ни дешевизной: посетитель мог угоститься здесь всем, чем пожелает, если, конечно, его желания благоразумно ограничивались лишь ледяным шампанским и охлажденной осетриной (прямая доставка из Метрополии — тариф известен). Рассчитывать на что-либо иное (ну, на хорошо разогретую пиццу по умеренной цене, например) здесь было бы крайне самонадеянно.

Гильде молча положил выправленный и уже подписанный им контракт, и Ким так же молча подписал все его копии. В молчании же они опустошили бокалы обогащенной углекислым газом кислятины стоимостью в половину недельного оклада рядового клерка каждый.

— Через час я заверю бумаги у надежного юриста, — прервал молчание Гильде. — И тут же передам вам ваши экземпляры. И вы сможете сразу приступить к работе.

— С вашего позволения, приступлю к работе прямо сейчас, господин Гильде, — возразил Ким. — У меня есть к вам кое-какие вопросы, ответы на которые мне давно пора бы знать. И кое-какая информация, которую давно пора знать вам. А контракт вы можете переслать мне почтой.

Он бросил на стол тощую папку с размашистой надписью «К. Гильде» и лихой галочкой.

— Будь по-вашему, — пожал плечами его наниматель.

Ким коротко кивнул и перешел к делу: обрисовал Гильде «оперативную обстановку», начав с предупреждения господина Лесных и закончив собранными за вчерашний вечер и сегодняшнее утро сведениями о том, кто и когда интересовался делами «Интертехнолоджи» и «Файнштейн — Гильде консалтинг сервис». Тут у него были свои каналы информации. Если кто-то чем-то в Канамаге интересовался всерьез, то информация об этом быстро становилась товаром, который можно было как купить, так и продать, ориентируясь на текущий спрос и предложение.

После этого он раскрыл давешнюю папку и стал выкладывать на столик листки с малопонятными каракулями, поразившими его при первом знакомстве с этим слишком уж своеобразным досье.

— Как я понимаю, Ник придавал этим э-э... рисункам некое значение, — преодолев странное внутреннее смущение, начал он. — Он никогда не хранил ненужной макулатуры...

— Э-э... — Гильде поднял на Кима недоуменный взгляд, — Маку... Как вы сказали?

— Макулатура. Бумажные отходы. Это — из старорусского. Тогда были проблемы с носителями. И раз использованную бумагу снова пускали в дело: изготавливали картон и все такое — второсортное.

— А-а... — пожал плечами Гильде. — Это довольно сложно объяснить... Макулатура...

Гос-с-споди...

С минуту он молчал, перебирая разношерстные листки.

— Это — сны, — сказал он наконец как-то глухо, словно самому себе. — Видите ли, агент... Через некоторое время после «поцелуя» воспитанницы дока Миллера мне начали сниться сны... Даже не так. Ко мне начали приходить воспоминания о снах... Которые снились мне когда-то... То были какие-то знамения... Символы... Хорошо понятные мне там, в мире сна... И ничего не говорящие в этом мире, где живут другие люди, тикают часы и светит солнце. Некоторое время я пытался выразить это... Вот такими вот знаками. В общем-то это было глупостью... Ник честно пытался разобраться в этом. Консультировался с психиатрами... Но потом это прошло...

— Они перестали вам сниться — эти сны?

Клаус удивленно глянул на Кима:

— Перестали? Почему же... Они по-прежнему приходят ко мне — воспоминания о снах... Только они стали другими... Пожалуй, мне сложно вот так сразу в двух словах — объяснить это...

Ким помолчал. Ему довольно трудно было хоть как-то реагировать на такой ответ.

— Вот это... — Он пошевелил пальцем записку, уведомляющую кого-то (наверное, все-таки Ника Стокмана) о том, что некий паспорт выписан не кем иным, а самим «дядюшкой Кю». — К чему это относится?

— Это... — Гильде усмехнулся. — Вы все-таки новичок в Большой Колонии, агент... «Дядя Кю» — это здешнее прозвище федеральной контрразведки. Видите ли, меня немного беспокоило то, что когда я решил «лечь на дно» — а для этого, как вы понимаете, агент, требуется более или менее достоверная ксива — то ксиву эту мне сделали слишком легко. А вот эта записка... Мне, кстати, Ник ее не показывал... Так вот, эта записка недвусмысленно показывает, что я нахожусь «под крышей» ребят в погонах... Ксиву придется менять.

— А вообще... — Ким откашлялся как можно деликатнее. — Что вы намерены предпринимать в ближайшее время? Вы должны понимать, что ваши планы на будущее теперь — предмет моего профессионального интереса...

— В ближайшее время, — улыбнулся Гильде, — я собираюсь немного разобраться в себе самом. Но для этого мне предстоит разобраться очень во многом... Это — длинный путь. Если я вам понадоблюсь, то вот мои координаты.

Он набросал на вырванном из блокнота листке несколько строк и бросил в остававшуюся открытой папку.

— Ну что же... — пожал плечами Ким. — Воля ваша. Только поставьте меня в известность, если вам на этом пути попадется что-то важное для... нашего с вами дела. Кстати...

— ? — отозвался Гильде.

— Сол Файнштейн не долетел до Чура, — сообщил Ким, получивший этой ночью справку. — Он свернул на какую-то странную станцию. «Вулкан 1001». Вы что-нибудь знаете о таких вещах?

— Нет, — подумав, ответил Гильде.

— И никто не знает, — вздохнул Ким.

Заверенный экземпляр контракта он получил тем же вечером.

Ощущение того, что он взялся не за свое дело, не покидало Кима. Оно было сильнее даже легким холодком закрывшегося в его душу страха перед чем-то потусторонним, уже завладевшим судьбой его работодателя и теперь маячившим где-то на горизонте его собственной судьбы.

«Ладно, — сказал он сам себе. — Ладно. В конце концов Клаус Гильде, судя по всему, вполне платежеспособен. И я в любой момент могу расторгнуть контракт. Да и работа предстоит, в сущности, непыльная — присматривать за человеком, который сам хочет, чтобы за ним присматривали. Такое занятие, может, и сделает из меня дурака, но уж героем мне быть не придется».

Он ошибался.

Потому что далеко отсюда, на борту космокрейсера «Цунами», его второй капитан, Федор Манцев, уже вскрыл пакет с секретным предписанием за номером 21/40.

ГЛАВА 3

МИССИЯ «ЦУНАМИ»

Предписание было коротким.

«С МОМЕНТА ОЗНАКОМЛЕНИЯ С НИЖЕИЗЛОЖЕННЫМ, гласили его скупые строки, — ВЫ НАХОДИТЕСЬ В НЕГЛАСНОМ ПОДЧИНЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИССАРА СЕРГЕЯ Д. ГОРСКОГО ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧ ПРЕДУСМОТРЕННОГО ПЛАНОМ «СИКОРСКИ». ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КОМИССАР ОЗНАКОМИТ ВАС С НЕОБХОДИМЫМИ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ МАТЕРИАЛАМИ. ОТВЕТ НА ПАРОЛЬ «ИЗВЕСТНЫЙ ВАМ СИНДРОМ». ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА ДЕЛАТЬ КАКИЕ-ЛИБО ЗАПИСИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОЕКТОМ «СИКОРСКИ», НА ЛЮБОМ НОСИТЕЛЕ. ДАННЫЙ ДОКУМЕНТ ПОДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ ПРОЧТЕНИИ».

Следовала дата и подпись директора Отдела секретных операций Объединенного Космофлота-2.

Капитан криво усмехнулся. Формально никакие предписания никаких директоров не могли быть ему указом. «Цунами» не входил в состав ОКФ. «Цунами» вообще не был ни кораблем Федерации Тридцати Трех Миров, ни кораблем людей. Его арендовала у Директората для нужд своей обороны Дружественная Цивилизация корри. Правда, самих корри на борту крейсера было раз-два и обчелся, но почти полтысячи человек, составляющих его команду, честно следовали духу и букве контрактов, подписанных ими с арендаторами корабля. Точно таких же, каким был контракт, подписанный самим капитаном Манцевым.

Скажи кто капитану хотя бы с год назад, что на пороге присвоения очередного звания он подаст рапорт об отставке и пойдет в наемники к «плюшевым мишкам», он немало посмеялся бы над подобным бредом. Но после пары бесед за закрытыми дверями Отдела Манцеву стало не до смеха. Капитан вполне осознавал, что корри — только подставные фигуры в игре, которую затеяли верхи Федерации, и ему надлежит под видом честного служения Дружественной Цивилизации на деле исполнять тайную политическую волю Директората. Волю, воплощением которой на борту «Цунами» являлся милейший толстяк — чрезвычайный комиссар Федерального Директората Сергей Дмитриевич Горский.

Впрочем, это для него, капитана Манцева, Сергей Дмитриевич был чрезвычайным комиссаром. Для всех прочих смертных он был всего-навсего экспертом по отношениям с нанимателями судна. Не более. Роль эту Горский играл достаточно умело и ничем, кроме познаний в области истории и культуры Дружественной Цивилизации, не выделялся среди офицерского состава экипажа крейсера.

Но Манцева ничуть не обманывала маска слегка отрешенного, не от мира сего, как говорится, добродушного эрудита, не сползавшая с лица порученца высшего руководства Федерации. Он прекрасно понимал, что присматривать за ним — капитаном тыщетоной громады, начиненной огнем и смертью, — не пошлют рассеянного размазню. И поэтому молил Бога лишь о том, чтобы предстоящее задание не было бы слишком грязной работой. Надежда на то была, конечно же, иллюзией. И сегодня этой иллюзии предстояло рухнуть.

Кэп вынул из держателя трубку коммутатора, ткнул клавишу, «помнившую» номер мобильного Горского, и осведомился у Сергея Дмитриевича, не сможет ли тот немедленно проконсультировать его, капитана Манцева, по вопросам, связанным с «известным вам синдромом».

— Я уже ожидаю вашего вызова. У вас в предбаннике, — сообщил ему голос с легким акцентом коренного жителя Метрополии.

Манцев нажал на очередную кнопку и поднялся навстречу входящему в кабинет чрезвычайному комиссару.

— Ну что ж, Сергей Дмитриевич, — приветствовал он посетителя, — давайте знакомиться в новом качестве. Мне приказано перейти в подчинение к вам. В негласное, как сказано в моем предписании. На время выполнения плана «Сикорски». Так что, как говорится, жду ваших указаний.

Демон флотской гордости подзуживал его издевательски испросить у новоявленного начальства разрешения присесть, но другой демон, демон здравомыслия и жизненного опыта, убедил капитана просто-напросто грузно опуститься в кресло за столом-пультом и жестом пригласить старину Горского располагаться напротив и чувствовать себя как дома. Так было проще ненавязчиво определить, кто все-таки является хозяином в этом кабинете. И на корабле вообще.

— Я сам не более часа назад вскрыл свое предписание, — сообщил Горский, устраиваясь на предложенном ему месте. — И, признаюсь, несколько шокирован его гм... прямолинейностью в отношении того, как в нем определена наша с вами субординация...

Этот реверанс ничуть не обманул Манцева. Уж слишком ледяным оставался взгляд прозрачных светло-серых глаз собеседника, слишком жесткими были приспущенные уголки его маленького, вечно напряженного рта. Слишком прямо сидел он в удобном, располагающем к расслаблению кресле. Слишком долго он ждал этого часа (ждал и боялся), чтобы не выдать себя уймой мелочей, хорошо заметных капитанскому глазу, привыкшему улавливать нюансы настроений своих непростых начальников и подчиненных. Странно: за все без малого двадцать лет своей службы в Космофлоте капитан Манцев ни разу не встретил ни одного из представителей обеих этих категорий, которого можно было бы назвать простым. Такие пристраивались где-то еще.

— Не будем обсуждать приказы руководства, — пожал плечами капитан. — Перейдем к делу. Мое предписание не содержит никаких конкретных указаний. Только ссылку на вас.

— Дело настолько щекотливо, что вы очень быстро поймете, почему это так... Дело касается не просто межцивилизационных отношений. Предполагается, что «Цунами» выполнит приказ командования Сил Оборона Дружественной Цивилизации и уничтожит на необитаемой части поверхности планеты Халла некий источник потенциальной опасности... Только и всего. Вся проблема состоит в том, чтобы как можно меньше людей и корри знали и о самой этой операции, и...

Горский замялся.

— И о природе цели, подлежащей уничтожению...

— На первый взгляд это — элементарная задача. Нет необходимости даже выполнять орбитальные маневры. Если хорошо известны координаты и характеристики цели...

— Они известны достаточно хорошо.

— В таком случае не только корри и люди из экипажа, но и я сам можем спокойно ничего не знать об этой самой, как вы выразились, «природе цели, подлежащей

уничтожению». Мы выведем на цель боты-автоматы и ударим по цели со стандартным превышением мощности над необходимой для гарантированного результата. После этого забрасываем на место применения средств поражения контрольные зонды, убеждаемся, что ничего, кроме воронок, там нет, рапортуем по инстанции и удаляемся на базовую траекторию...

— Все это было бы прекрасно... — Горский задумчиво повертел перед собой пальцами рук, словно стараясь разобрать на части невидимую головоломку. — Но та цель, по которой нам предстоит работать, не будет дожидаться, пока боты подойдут к ней на расстояние ракетного удара. Она окажет сопротивление.

— Вот как? — Капитан потер переносицу. — Там, на этой цели, есть кому сопротивляться?

— Есть, — нехотя признал Горский. — Кроме того, думаю, что уже на дальних подходах к этой цели нас будут ждать сюрпризы...

— Это — война?

Голос капитана стал глух.

Горский помолчал — чуть дольше, чем требовалось для осмысления двух слов и одного вопросительного знака.

— Нет... — наконец ответил он с чуть натянутой улыбкой. — Вы же лучше меня понимаете, что войны не начинаются вот так — без всякой подготовки, одним диверсионным рейдом на ничейной периферии... Пусть даже с участием крейсера класса «Цунами».

— Ну, Сатторийские события именно с такого рейда и начались... — резонно возразил Манцев. — И потом мало никому не показалось... А о том, была подготовка или нет, — простым смертным, вроде нас, никто доложить не спешит. Однако не буду гадать. Как я понял, нам предстоит кое-что более сложное, чем учебные стрельбы?

— Полноценный диверсионный рейд, капитан, — жестко отрезал Горский. — Причем в очень сжатые сроки — с момента выхода в сектор Чура. Нельзя допустить, чтобы цель была эвакуирована...

— Получается, что она весьма мобильна, эта цель... Это — база пиратов? Там имеются боевые корабли?

— Последнюю такую базу ликвидировали еще накануне прошлых выборов, — с чуть заметной улыбкой напомнил чрезвычайный комиссар. — Но боевые корабли противника, как одно из препятствий, вовсе не исключаются. Можете называть это базой. Хотя условное название цели у нас будет другим. В документах она проходит как «ферма»...

— И что же разводят на этой «ферме»? И кто разводит? — поинтересовался капитан.

Горский изменил позу, слегка сгорбился и словно похудел и состарился — настолько изменилось выражение его лица и осанка.

— Вот что. Выслушайте меня по возможности без эмоций, капитан... Мне придется начинать издалека... Вы ведь знакомы с так называемой «гипотезой Барристера — Потоцкого»? С теорией палеоэкспансии?

— Это что-то из области криптоистории Человечества? — осведомился Манцев. — Вы знаете, Сергей Дмитриевич, я не увлекаюсь такими материями... И из истории вообще только Глебова в основном читал.

Это было святой правдой. Служба оставляла капитану Манцеву не так много времени на чтение, не относящееся к вопросам космической навигации и новостей военной науки. Так

что в памяти его ридера, покоящегося в держателе у изголовья постели, любопытствующий мог бы обнаружить только давно ставшую классикой «Историю войн Империи» Аристарха Глебова да еще разве что с полдюжины файлов из серии военных мемуаров.

— Ну, по крайней мере вы, капитан, должны были быть наслышаны о вещах, связанных с...

— Я мало интересуюсь сказками и сплетнями, комиссар...

— Бога ради, не титулируйте меня напрямую. Я был и остаюсь для вас экспертом в чине армейского капитана. Прикомандирован к экипажу вверенного вам...

— Хорошо, господин эксперт. Так или иначе, а придется просвещать меня по части и криптоистории, и этих ваших... Барристера и как его — поляка...

— Потоцкого... Очень известные исследователи. Потоцкий написал еще «Этнографию Шарады». А Барристер по сю пору — директор департамента демографии в Метрополии. Как видите, оба — специалисты в вопросах народонаселения. А с народонаселением Федерации, не говоря уже обо всем Обитаемом Космосе, мы имеем много головной боли. Да вы и сами должны представлять положение дел, капитан... Если во времена Империи все стояло на контроле и учитывалась не только каждая живая душа, но даже вся ее родословная до бог знает какого колена, то в период Изоляции, когда рухнуло, казалось бы, все, рухнула и вся демографическая статистика Человечества...

В этом Горский был прав — с учетом населения Обитаемого Космоса дела обстояли сложно. Даже в области простой его статистики. Правда, эту статистику при Империи так усердно секретили и искажали, что исчезновение ее заметили только специалисты из посвященных. Однако, когда Человечество из тяжелой комы наложившихся друг на друга кризисов и междоусобиц стало выходить на свои в панике оставленные космические рубежи, картина, которую оно застало на этих рубежах, вовсе не напоминала ни того, что было «до того», ни даже того, что собирались там увидеть земляне.

Одни Миры вымерли. Другие (тщательно сохранявшиеся в резерве) были своевольно заселены невесть кем и невесть как. Это не говоря уже об отдельных территориях разных планет, до которых Человечество успело добраться к тому времени. А судьба самих уцелевших Миров сложилась уж и вовсе непредсказуемо. Богатая ископаемыми, обеспеченная мощной экономической инфраструктурой Парагея утонула в трясине гражданских войн и превратилась в конгломерат общин старателей, живущих в вечной вражде с разбойными кланами «технорыцарства». Абсолютно бесперспективная Океания, лишившись имперского присмотра, совершила экономический рывок, превосходивший все, что знала в свои лучшие времена сама Метрополия, и стала одним из главных «центров влияния» в Обитаемом Космосе. Считавшиеся чисто искусственной, нежизнеспособной колонией Дальние Базы выросли в зону процветания военных технологий, конкурирующую с Комплексом все той же, стремительно отодвигающейся на второй план Метрополии... И все это — только цветочки по сравнению с совершенно парадоксальными, всем социологическим и политическим законам не подчиняющимися цивилизациями Колонии Святой Анны, Шарады, Харура и Мира Молний — бродячей, почти мифической планеты, не имеющей своего солнца...

И население всех этих Миров, из которых Тридцать Три умудрились-таки найти общий язык и образовать Федерацию, учету и контролю поддавалось довольно слабо. И речи не было о том, чтобы как-то организовать подобие переписи и паспортизации в неполной дюжине Блудных Миров, так и не пожелавших в Федерацию входить вообще. А в самой этой

наследнице Империи мирно уживались цивилизации настолько разные, что учет и контроль для каждой из них становился «вещью в себе». Тут были и законопослушная Малая Колония Квеста, и никому, кроме своих рехнувшихся, вечно воюющих императоров-киборгов, не подвластный Харур, и патриархальная Прерия-2, и «матеральная республика» Химеры. И был еще прошедший через пламя атомной смерти Чур...

Ко всему добавился фактор быстрой миграции населения Обитаемого Космоса. Этот феномен сопровождал «второе пришествие» землян в заброшенные было колонии. С тех примерно пор, благодаря подешевевшей энергетике и повсеместному распространению технологий подпространственной связи и транспорта, любой среднеобеспеченный житель Обитаемого Космоса стал способен хотя бы раз в жизни перебраться в другой конец федерации. И хотя далеко не всех ее граждан тянуло в странствия, уследить, кто же все-таки в путь тронулся, стало теперь вообще делом невозможным.

— Все это было бы не столь страшно, — продолжал Горский, имея в виду все эти плачевные для любого порядочного чиновника обстоятельства, — если бы никого, кроме нас, — людей, пришедших с Земли, — в Обитаемом Космосе не было...

— Так... — Капитан откинулся в кресле. — Сейчас вы будете мне говорить, что Инферна отторгла у Федерации целый Мир, а корри уже начали селиться в пределах Солнечной системы...

— Речь не идет об этих двух цивилизациях... С корри мы, как видите, прекрасно ладим, а ранарари с Инферны слишком малочисленны, чтобы видеть в них серьезную угрозу. Другое дело — Чур, Прерия... Там мы сталкиваемся с э-э... с противником иного рода... Вы ведь должны были читать некоторые циркуляры, капитан... Секретные инструкции Спецакадемии относительно возможности проникновения на борт кораблей, совершающих подпространственные переходы, неких «гостей»... Предположительно — биороботов. Гостей из Тартара.

Капитану эти циркуляры и инструкции читать приходилось. Капитану огромного космокрейсера вообще приходится читать массу всякой чуши. Реагировать на нее и о принятых мерах рапортовать по инстанции. Не все знают про эту сторону жизни «отважных космических воинов». Но, будучи трезвым реалистом, он считал гораздо более вероятным то, что все эти биороботы, «зомби» и «тени» порождены не таинственными обитателями запредельного и мифического Тартара, а затуманенными мозгами сотрудников Академии Специальных Исследований, которым для того, чтобы оправдать свои повышенные оклады, приходится придумывать по пять новых кошмарных «угроз человечеству» в квартал. Истинную угрозу, по его, капитана Манцева, мнению, для этого, Человечества представляли только самые обыкновенные дурни, составляющие значительную его часть. Пока что во всем населенном Космосе людям приходилось сражаться только с себе подобными.

— Значит, ожидается нашествие из подпространства? — осведомился он с некоторым унынием.

— Есть основания думать, что оно, в некотором смысле, уже началось, капитан... Горский сморщился, словно взяв под язык совсем несладкую пилюлю.

— Я перехожу к изложению секретных данных. Включите вашу «шарманку», Федор Павлович...

Манцев откашлялся, чтобы означить свое отношение к совершенно излишним, по его мнению, мерам безопасности, и повернул тумблер на панели системы блокировки подслушивания.

— Так вот, капитан, те самые биороботы «не нашего производства» — вовсе не выдумка перестраховщиков. Их существование доказано, и их появление в различных точках Обитаемого Космоса отмечают уже более двадцати лет. Причем они не просто появлялись, капитан... Они появлялись все чаще и становились все совершеннее. Они все менее отличались от людей. Даже на уровне клеток и молекул, из которых они состоят. И они постоянно учились. Поведение первых известных нам экземпляров напоминало поведение, гм... слабоумных маньяков. Как можно понять, в их задачу входило только выполнение простейших заданий... Собрать биологический материал, предметы, инструменты, которыми пользуются люди... Наблюдать реакцию людей на те или иные действия и события. Они довольно часто появлялись в тех местах и в то время, когда складывались различные экстраординарные ситуации. Перед авариями, перед природными или техногенными бедствиями. На обреченных на гибель кораблях. Это породило даже своего рода фольклор...

Насчет фольклора Манцев был в курсе. И даже не то чтобы верил в байки младшего летного состава, но принимал их в расчет. «Ну, хотя бы как психологический фактор», — говорил он в тех случаях, когда его упрекали в «потакании суевериям». Да, капитан, бесспорно, считал досужими выдумками рассказы о «лишних» членах экипажей и «пассажирах из ниоткуда», которые то ли предчувствовали беду — вроде эпидемии на борту, пожара силовой установки или неожиданного вхождения в зону жесткого излучения — то ли каким-то образом такие беды подманивали. Но сам он никак не хотел бы услышать, что где-то на вверенном ему космическом судне завелась какая-либо нежить. Тем более что по своим размерам судно это приближалось к небольшому астероиду, а по сложности внутренней планировки давало сто очков вперед последним версиям лабиринтов из компьютерных игр.

Теперь — поскольку чрезвычайный комиссар заверил его в том, что чертова нежить вполне материальна, он мог позволить себе взглянуть на проблему в другом ракурсе.

— Так ведь тогда, наверное, сами хозяева этих роботов и подкидывают нам эти фокусы... Помещают своих наблюдателей поближе к месту действия и ставят на нас свои опыты — как на крысах или лягушках... — предположил он.

— Возможно... Даже — очень возможно, — согласился Горский. — Но, может статься, они и не столь уж м-м... агрессивны. Есть мнение, что тот вид Разума, что обитает в Тартаре, совсем по-другому соотносится с нашим пространством и временем. Обладает, так сказать, даром провидения... Впрочем, это не имеет большого значения для нашего разговора. Значение имеет то, что последние, если так можно выразиться, «модели» этих биороботов уже могли общаться с людьми и даже гм... стали находить себе своего рода сообщников... Это — очень деликатная тема, капитан...

Тема и впрямь была деликатной. Настолько, что чрезвычайному комиссару было в свое время ведено как можно меньше затрагивать ее при инструктаже Манцева. Высшее политическое руководство Федерации опасалось — и не без основания, — что осознание обществом того, что любой встречный, а то — не приведи Господь! — и кто-то из близких может оказаться Нелюдью или слугой нечеловеческого разума, будет иметь весьма неприятные последствия. Начиная с распространения фобий и мании всеобщей подозрительности и до самой натуральной «охоты на ведьм». А такую охоту могли возглавить совсем нежелательные лица и политические группы. Поэтому всю работу «новой инквизиции» (как сами себя окрестили члены «Объединенной Комиссии по выявлению

разумной активности негуманоидного типа») засекретили почище, чем секретят разработки новых систем вооружений.

Горский был не последним человеком в этой Комиссии и принял немалое участие в ликвидации последствий проникновения Нелюди в Колонию Чедера и на территорию Объединенных Республик Прерии-2. На Прерии дела обернулись совсем плохо — только с большим трудом удалось представить происшедшее там как некое дело о промышленном и военном шпионаже, что вызвало массу политических последствий. Все Тридцать Три Мира Федерации и секреты друг у друга воровали, бывало, и собственные армии и космические флоты норовили вооружить покруче, но жили, в общем, мирно. Пойманных с поличным агентов обычно обменивали, а до смертоубийства доходило только тогда, когда в дела оказывалась замешана мафия. Так что процесс «Шести портов» прозвучал на фоне такой идиллии, как неприличный скандал в благородном семействе. Однако, как считало руководство Федерации, лучше уж было пожертвовать репутацией Прерийской демократии, чем допустить, чтобы в СМИ просочились слухи о том, что одна из мощных научно-технических корпораций планеты управлялась практически чужими.

— Я ничему не удивляюсь, — пожал плечами Манцев. — Если уж в Средние века находились желающие продать душу Дьяволу, то сейчас охотников до этого бизнеса — не меньше... Вот только чем тут делу может помочь военно-космический флот, Сергей Дмитриевич? Мой крейсер бомбит и стреляет. Высаживает десант... Но это как-то «из пушки по воробьям» получается...

— Воробы нынче сильно подросли, Федор Павлович, — вздохнул чрезвычайный комиссар. — К сожалению... И иметь дело нам теперь придется не со штучными роботами, которых все ж таки можно выявить и тестами, и специальными приемами. И не с сотней-другой выродков, которые даже не представляют, на кого они на самом деле пашут. Нам придется столкнуться с людьми. С тысячами самых настоящих людей...

Капитан наклонился вперед, ожидая объяснения.

— Видите ли... — Горский поджал губы и пару-другую секунд потратил на то, чтобы подобрать слова. — Сначала у нас были только некие предположения... Дело в том, что уже первые «визиты» нежити в Миры Периферии сопровождались исчезновениями людей. Часть их можно было отнести за счет тех самых катастроф и аварий. При взрыве энергоблока на корабле, например, о каких-либо останках его экипажа говорить не приходится. Но, как показали специальные расследования...

Специальные расследования показали такое, отчего у лиц, ответственных за контроль над «разумной активностью негуманоидного типа», волосы дыбом встали. Горский не стал вдаваться в подробности. Капитану Манцеву вовсе не следовало знать слишком много относительно целой системы подпольной работорговли, существовавшей на двух из пяти Миров Фронтيرا. Там — на только еще готовящихся к заселению планетах — сгинуть без следа было легко. Так что «новая инквизиция» и Федеральное управление расследований приложили немало сил, чтобы выяснить, куда и какими путями исчезал «биологический материал» из поселений Первопроходцев и какими странностями расплачивались за угнанных в загадочную неволю неведомые заказчики. Еще больше попотеть пришлось, чтобы удержать полученную информацию в секрете. Так что чрезвычайный комиссар не спешил посвящать собеседника в детали тех не столь уж давних дел. Он предпочел быть лаконичным.

— В целом, капитан, установлено, что в ряде мест Обитаемого Космоса — прежде

всего, в секторе Чур — Инферна — Прерия — существовали так называемые Порталы. Принято так называть постоянно действующие выходы из того — другого пространственно-временного континуума, который принято называть Тартаром. Только вот практически сразу после обнаружения все Порталы закрывались. Это иногда сопровождалось разными спецэффектами. В простейшем случае все просто взлетало на воздух в радиусе двух-трех километров. Но даже не в самих Порталах дело. Ими пускай занимается Спецакадемия.

Манцев не возражал, чтобы Спецакадемия продолжала заниматься всеми делами, связанными с Тартаром и его посланцами, и не путала в дело боевые корабли, придуманные не для того, чтобы воевать с нечистой силой. Он не стал делиться этим своим соображением с чрезвычайным посланцем и вывел на свой дисплей выражение живейшего интереса к тому, в чем же все-таки состоит дело — раз уж не в Порталах?

Дело действительно было не в них.

Важны были совсем другие находки, сделанные в окрестностях этих нор, уходящих в Тартар на ненаселенных планетах, к которым вели тропы тайного траффика рабов и «меновых товаров». Там, в труднодоступных горных пещерах или под гермокуполами, в зарослях чуждых всему земному, смертоносных «лесов», были найдены первые следы человеческих поселений.

Престранными были эти поселения.

Скорее концентрационными лагерями хотелось их назвать. Или — фермами...

— То есть вы хотите сказать... — перебил Манцев чрезвычайного комиссара, когда тот, следуя несколько обходными путями, дошел до этого момента своего инструктажа. — Вы хотите сказать, что эти твари скупали краденый народ, чтобы разводить их, как морских свинок?

— Разводили их уже не сами «твари», капитан. По всей видимости, мы зевнули довольно основательный период времени. Дали противнику возможность развивать эту игру по своей инициативе и по своим правилам. Пока мы робко сопоставляли факты и искали шаткие подтверждения несмелым гипотезам...

Горский снова поморщился. Горькая пилюля, похоже, все еще не рассосалась у него под языком.

— В общем, пока мы занимались ерундой, Нелюдь успела заполучить в свое распоряжение уже второе, а то и третье поколение людей, воспитанных под контролем их «посредников» и выросших в полной изоляции от Человечества. Обучаемое неизвестно как и неизвестно чему... Впрочем, я неверно выразился. Это сначала мы только предполагали что-то неопределенное. Теперь это стало более или менее ясно.

— Армия вторжения? — не столько предположил, сколько определил капитан.

— Армия вторжения, — подтвердил чрезвычайный комиссар. — Вторжения, которое началось и продолжается уже несколько лет. Вторжения тихого и незаметного. Ставшего уже привычным — как шум дождя за окном. Причем Барристер и Потоцкий уверены, что мы имеем дело не с одним таким вторжением. Они в свое время ввели в оборот словечко «палеоэкспансия» и носились с ним как с писаной торбой — имея в виду то, что некоторые из Миров Обитаемого Космоса представители рода человеческого проникали задолго до начала эры космических перелетов. В доказательство своих соображений приводили всякие парадоксы, связанные с историей заселения Шарады. Как и все древнее и космическое, дело это списывали на Предтечей — благо никто не знает, с чем их едят. Этим они наделали немало шуму...

Комиссар говорил правду: шуму Барристер с Потоцким в свое время наделали. Впрочем, только после того, как на Желтых Лунах обнаружили целую колонию — и немаленькую — самых настоящих людей, утверждающих, что их предки вовсе не прибыли туда на космических кораблях и вовсе не в период Экспансии, а были доставлены в незапамятные времена богами Злых Ветров, о возможности палеоэкспансии Человечества заговорили всерьез.

— Однако шут с ними — с этими проделками древних Предтечей или бог его ведает кого, — продолжал Горский. — Как видите, они только подтверждают то, что мы не ошибаемся в наших предположениях. Но нам теперь косвенных доказательств уже не надо. Имеем прямые.

— И много там оказалось народу — в этих «странных поселениях»? — с интересом спросил Манцев.

— Это смотря по тому, что понимать под словом «много»... — вздохнул Горский. — В общей сложности — около трех тысяч. Трупов в основном.

— Они их уничтожали, когда...

— Когда обнаруживали, что мы их засекли — эти селения... Или же сами жители этих селений оказывали нашим отрядам сопротивление — до самого конца. Понимаете — само их население! Состоящее из людей! Они даже детей своих убивали, чтобы те... Это было относительно легко там — погибнуть всем скопом... Поселения... базы — можно и так их назвать — располагались или на поверхности безатмосферных планет, либо на планетах, в атмосфере которых протянуть долго было невозможно. Достаточно было нарушить герметизацию жилых помещений — и готово...

— Сами, говорите...

Капитан с обескураженным видом откинулся на спинку кресла.

— Так что же, получается, что их — этих инкубаторских — уже воспитали в том духе, что...

— В духе ненависти и страха, капитан. Ненависти и страха к Человечеству. Теперь мы это знаем точно. И надо сказать, у их хозяев — тех, из Тартара — есть все основания к нам эту ненависть и этот страх испытывать. Если они вообще способны испытывать эмоции, похожие на человеческие... Дело в том, что, как показывают результаты наших исследований, последние крупномасштабные опыты с гравитационными эффектами разного рода — те, что наши физики производят с помощью «оружейников» Чура, — вносят крупные возмущения в физические условия, существующие в Тартаре. Представляют для них существенную угрозу. Формально получается, что мы первыми объявили войну целой Вселенной — Тартару. Да и фактически так тоже получается...

Манцев выжидательно молчал. Вопросы межцивилизационной дипломатии не были ни его сильной стороной, ни сферой его интересов.

— Таким образом, — Горский хрустнул костяшками пальцев, — в качестве ответной, так сказать, меры Тартар решил нанести Человечеству удар. Возможно, удар на уничтожение. Но самое главное — нанести удар этот он может только руками людей. Потому что те создания... твари, населяющие эту бездну, не в состоянии ни адекватно воспринимать, ни осмысливать события в нашей Вселенной — в той, что составляет «поверхность» пространства. А для того чтобы создать внутри Человечества «пятую колонну», которая бы справлялась с задачами восприятия и осмысления этого мира и действий обычных людей, но сама была бы преданна интересам Тартара, они и стали

создавать «странные поселения». Но то были первые эксперименты. Основная работа по масштабному клонированию человеческих существ, их обучению, воспитанию, программированию не могла проводиться в тесных куполах «ферм» на безжизненных планетах.

— Я, кажется, начинаю догадываться, к чему вы клоните... — заметил Манцев. — Чур?

— Чур, — согласился Горский. — Планета Халла, как она числится в официальных каталогах. — Конечно, не подарок с точки зрения обустройства жизни. Там еще ядерная зима. Но есть атмосфера, пригодная для дыхания, есть обширные территории, на которые еще не вернулись люди. И есть точки выхода из подпространства. Порталы. По сути дела условия, близкие к идеальным для той затеи, которую задумала Нелюдь. Впрочем, теперь уже не только задумала, но и осуществила. Теперь вы понимаете, какого рода цель предстоит поразить «Цунами»?

Манцев откинулся в кресле, прикрыл глаза:

— Сколько их там?

— Не менее двадцати тысяч. Это довольно компактная база, имитирующая человеческое поселение.

— Но ведь это и есть человеческое поселение...

— В некотором смысле — да...

Горский тоже ощущал определенную неловкость. Но четко следовал полученным инструкциям.

— Люди Чура вывели наших на эту... Базу?

— Будем называть это так, как оно проходит по документам, — «ферма»... Да, это разведчики Чура натолкнулись на нее. Они, знаете ли, заранее готовятся к атомной весне, производят рекогносцировку на предмет заселения пригодных для жизни территорий, предотвращения катастроф, связанных с таянием снегов, остаточной радиации и все такое... В один прекрасный — точнее, не очень прекрасный — день у них одна за другой бесследно пропали несколько групп разведчиков. Они перешли на косвенные методы — там у них еще с довоенных времен крутятся вокруг планеты спутники слежения за поверхностью. С которых все еще с грехом пополам можно считывать информацию... Ну, они серьезно заподозрили, что у них на Юге, в приполярной зоне, расположена хорошо замаскированная и хорошо охраняемая база Нелюди. Дальше им помогли мы и подтвердили их догадки.

— «Хорошо охраняемая» — это?..

— Это значит, способная дать отпор нападению как по поверхности, так и с воздуха и из космического пространства. Нам может прийти нелегко, капитан. Там эшелонированная оборона. Включая космических «охотников». Того типа, что пощипали в свое время «Тристар».

Манцев чуть было не присвистнул, но воспитание помешало.

— Это они до такой степени наловчились воспроизводить нашу же военную технику?

— Возможно, не воспроизводить. Просто покупать. Или вы думаете, в Федерации не найдется таких, кто продаст Дьяволу не только душу, но и партию космических перехватчиков последнего образца?

— Я всегда был прекрасного мнения о нас — людях, — желчно отозвался Манцев. — Вижу, и в этот раз не ошибся...

— Да, с этим ошибиться трудно, — понимающе улыбнулся Горский.

Улыбка у него вышла кривая.

— А на поверхности, — продолжил он, — бродят мега-роботы. Уже не наши. С Джея, наверное. И всякая боевая кибертварь помельче. База укреплена. Есть плазменные пушки и все такое... В общем, так просто не пройдешь. В наш компьютер я ввел все имеющиеся данные. Под кодом вашего доступа, конечно. Так что у вас есть время ознакомиться. Но самое неприятное состоит в том, что с «фермы» уже идет активная инфильтрация ее «выпускников» в Миры Обитаемого Космоса. По несколько десятков агентов в месяц...

Манцев в ответ снова промолчал, закрыв глаза. Потом наклонился к Горскому:

— Послушай, комиссар. Я, конечно, не дока в таких вопросах, но... Ведь такие сведения нельзя получить чисто аппаратурными методами. У вас что, есть на этой... «ферме» внедренные агенты?

Теперь наступила очередь Горского промолчать с закрытыми глазами. Наконец он снова поглядел в глаза Манцеву:

— Вы меня ни о чем таком не спрашивали, а я вам ничего такого не отвечал, Федор Павлович. Надеюсь, мы с вами друг друга поняли...

— Понять-то поняли. Но, когда я ударю по «ферме» этой антиматерией, они — ваши внедренные — что, тоже будут гореть и испаряться, как и все остальные двадцать тысяч?

— Этим занимается отдельная группа. Та, что работает с людьми Чура. Так что не берите в голову. Каждый делает свое дело.

Некоторое время оба молчали. И оба понимали, что вариантов нет. За каждым из них стояла машина, способная перемалывать в пыль не то что человеческие судьбы — целые миры. И глупо было путаться в ногах у такой машины, заливаясь розовыми соплями эмоций.

— А сами чуровцы... Они как смотрят на это дело? — глядя куда-то в пространство, спросил Манцев.

— Мы не спешили информировать на этот счет людей Чура. Для них там — только Нелюдь. Иначе может получиться непредсказуемая реакция. Мы слишком плохо представляем себе их психологию. С одной стороны, это твердый коллективистский этнос, сбитый в Стаи Людей и Псов, скованный жесткой дисциплиной, а с другой — имели место эксцессы, связанные с проявлением нами, землянами жестокости. Жестокости, понимаемой в их смысле этого слова. Совершенно неизвестно, что последует, когда им станет ясно, что на их планете, на их, собственно, глазах, люди Федерации спялят заживо двадцать тысяч человеческих существ...

— Неизвестно также, — не удержавшись, заметил Манцев, — что последует, если хоть слово об этом просочится в СМИ Федерации...

— Вы правильно понимаете ситуацию. Правда, людям не впервой бомбить людей, и средства пропаганды быстро расставят все по местам, но... Все же лучше, если о сути дела будут знать лишь компетентные люди. И корри... Поэтому и народам Чура, и корри, и Мирам Федерации все преподносится так: с помощью разведслужб Федерации на поверхности Чура у его Южного полюса была обнаружена база Нелюди — специфических мутантов, характерных только для этого Мира и ведущих враждебные действия против народов Чура. Руководство этих народов обратилось к боевому кораблю Цивилизации Корри, случившемуся поблизости, с просьбой оказать им помощь в борьбе с Нелюдью. Дружественно настроенные корри провели операцию по уничтожению враждебной людям жизненной формы, чем укрепили братские отношения между обеими цивилизациями — Чура и своей... Такая вот псевдоквазия...

— Ну что же. — Капитан Манцев поднялся. — Мне остается только ознакомиться с

документацией по вопросу и разработать план боевой операции... Прошу вашего разрешения, комиссар, ознакомить с целью и задачами операции, в пределах необходимости, следующих членов экипажа...

— О, не надо так формально, капитан.

Горский тоже поднялся. Улыбнулся благожелательно:

— Разумеется, привлекайте к разработке и выполнению операции всех специалистов, которых сочтете нужным. Только не забудьте подать мне потом список, пожалуйста.

Он еще раз улыбнулся:

— Я рад, что вы все восприняли правильно, Федор Павлович. Честно говоря, я ожидал что вы будете оспаривать некоторые моменты полученного задания.

— Я участвовал в пяти кампаниях, Сергей Дмитриевич. И знаю заклинание, которое надо произносить, когда тебя искушает Бог или черт.

— Какое же?

— «Если этого не сделаешь ты, без тебя обойдутся»...

— Правильное заклинание.

Горский шагнул к двери. Обернулся.

— Примите, однако, во внимание один важный момент из того, что я вам сообщил...

— Какой именно?

— Инфильтрация агентуры с «фермы» уже идет вовсю. И сопротивление нашей миссии может быть оказано и на этом уровне. Поэтому, во-первых, еще раз внимательно пересмотрите личные дела членов экипажа

Манцев остолбенело смотрел на него.

— А во-вторых, учтите, что в пределах Обитаемого Космоса нам предстоит проделать еще два скачка. И после каждого придется иметь дело с массой незнакомых людей — обслуживающий персонал промежуточных станций, местная администрация и бог весть кто еще. Некоторых из них по долгу их службы придется пускать на борт «Цунами». Вы должны принять все меры против диверсии. Ведь наверху могла быть утечка информации И потом, космокрейсер, идущий к дружественному Чуру, не может не привлечь внимания. Так что надо быть готовым ко всему.

— В частности, — определил Манцев, — к тому, что чуть ли не каждый встречный на нашем пути это...

— Агент Тартара, капитан.

* * *

Первый капитан принимал второго в рубке управления крейсером. Так сказать, на нейтральной территории. На время совещания капитанов дежурные пилот и штурман были переведены в запасную рубку — благо никаких маневров «Цунами» в ближайшие десять часов предпринимать не собирался

Манцев излагал план предстоящей операции лаконично и предельно ясным языком. Как и предусматривала «легенда», речь шла об уничтожении необитаемой, но чрезвычайно опасной базы Нелюди, примостившейся у полюса планеты Халла. При этом, хотя выполнению такого задания и сопутствовал определенный риск — база не была вовсе уж беззащитной, — сама по себе планируемая операция была предельно проста.

Тем не менее у Федора Павловича сложилось впечатление, что напарник слушает его со вниманием скорее напускным, нежели искренним. Что-то явно мешало ему сосредоточиться на обсуждении боевой задачи.

И второй капитан был прав.

Первый капитан «Цунами», Тоох, страдал. И страдал жестоко.

Никому из людей — грубых и черствых душою порождений дарвиновской эволюции — страданий его понять было не дано. И неудивительно — первый капитан человеком не был ни единой секунды за все сто с небольшим лет своего пребывания на этом свете. Как, впрочем, и все семьдесят семь стажеров-корри, составляющих «первый экипаж» арендуемого Дружественной Цивилизацией крейсера. Собственно, боевой экипаж «Цунами», составленный из представителей рода человеческого, вежливо именовался «вторым», точно так же, как «вторым капитаном» был и настоящий капитан крейсера — Федор Манцев.

Цивилизация Корри была счастливой находкой одной из совершенно бесперспективных, но престижных сверхдальних экспедиций периода заката Империи. В последующие за первыми контактами землян с жителями Планеты Больших Деревьев отношения двух цивилизаций развивались ни шатко ни валко, как, впрочем, и предвидели специалисты по межцивилизационным контактам. Причина таких скромных успехов была предельно банальна: такие миролюбивые, словно с лукасовских плюшевых мишек срисованные (разве что с добавлением пушистых беличьих хвостов), корри никакого интереса (кроме чисто академического) для Человечества не представляли. Как, впрочем, и род людской для корри. До поры до времени.

Первым впечатлением от корри было: милые, но пустячные дети природы. Представители идеальной «биологической» цивилизации, не знающие даже колеса, но в совершенстве владеющие искусством управления биосферой своего Мира. Искусством непостижимым и совершенно бесполезным для людей.

Правда, было о чем задуматься — начиная с первых еще встреч людей и корри. Например, о том, почему при полном несовпадении образа жизни и взаимоотношений с матерью-природой корри пользовались языком, который, если не считать несовпадения по частотам, не представлял трудности для изучения техногенно мыслящими людьми. Да и не только язык и мышление корри были подозрительно понятны людям. Даже их анатомия и обмен веществ слишком уж напоминали нечто земное.

Десятилетия спустя произошел конфуз, и немалый выяснилось, что корри обитают не только на скудных островках лесов Планеты Больших Деревьев. По крайней мере в трех других, совершенно различных мирах экспедиции землян встретили эти странные рощи, населенные «плюшевыми медвежатами» — «тэдди», уже вполне информированными о существовании докучливого и гроыхающего своими грязными и непослушными технологиями Человечества.

Гирр, Янг и Янковски, последовательно обнаружившие новые Миры Корри, были первоначально настолько обескуражены своими находками, что оказались самыми яркими противниками гипотезы о единстве происхождения «медвежат» и отстаивали — вопреки фактам и здравому смыслу — теорию о том, что все четыре совершенно одинаковых островка этой цивилизации образовались самостоятельно, в результате конвергенции видов — это-то в довольно различных по своим природным условиям Мирах. Немного погодя корри сами рассеяли эту иллюзию, которая крайне их удивила. Точно так же, как и полная

неспособность людей странствовать по галактике на живых и разумных звездолетах — созданиях древней странствующей цивилизации Орро.

О звездолетах этих исследователи корри, вообще говоря, уже слышали, но воспринимали их как некую метафору. Как красочный плод изофренного воображения забавных созданий, не имеющих ни малейшего представления о Космосе и способах преодоления расстояния между разбросанными по нему Мирами. Как выяснилось, исследователи эти — в основном лингвисты и нейробиологи — довольно поверхностно трактовали фольклор «тэдди». А попросту говоря, не поняли того, что имеют дело с потомками высокотехнологичной, некогда широко распространившейся по галактике цивилизации. Время ее существования с трудом поддавалось исчислению — во всяком случае, оно значительно превышало срок жизни Человечества, даже если начинать отсчет этого срока со времени появления первых приматов.

«Плюшевые мишки», да и вообще вся Цивилизация Корри были чем-то вроде следующей за техногенным этапом стадии развития этого Мира, рассыпавшегося на десятки малосвязанных между собой колоний, избравших путь биологизации своего образа жизни. Одни эксперты считали теперь, что исходная, технократическая цивилизация-матка не существует уже более трех тысяч лет. Другие — что она просто устранилась от дел своих дочерних филиалов и присматривает за ними издали, вмешиваясь в ход событий только тогда, когда обстоятельства того требовали. А с людьми дела иметь не хочет. Так или иначе, «детьми природы» обитатели всех четырех Миров Корри сделались сравнительно недавно и в полной мере сохранили все свое биологическое сходство с предками-технократами, порядком, видно, напоминая Ното. Сходство не только и не столько в анатомии (на уровне добродушной пародии), сколько в логике мышления, в психологии. Благодаря этому сохранилась и возможность взаимопонимания людей и корри.

Конечно, основательным препятствием в установлении этого взаимопонимания было, как водится, несовпадение звуковых диапазонов, на которые были настроены речь и слух людей и корри. Для людей разговор «мишек» — неторопливых и обстоятельных по своей природе — состоял из задумчивого похрипывания и задумчивых вздохов, прерываемых время от времени встревоженным цокотом и пронзительным верещанием. По счастливой случайности, правда, человеческий язык и глотка могли-таки справиться с формой наивежливейшего обращения («хоо», сказанное с придыханием) к собеседникам-корри. Во всем остальном приходилось полагаться на электронный перевод. Вещь, безусловно, замечательную для ведения философских диспутов или чтения общеознакомительных лекций по вопросам Контакта, но крайне скользкую в использовании для быстрого и надежного взаимодействия боевых экипажей космических крейсеров. И хоо Тоох уже основательно намучился с беспрерывно возникавшими по этой причине на борту «Цунами» двусмысленными ситуациями и недоразумениями.

Но не это было основной причиной его страданий.

Корри глубокого дискомфорта, поразившего душу первого капитана, лежали куда глубже. Они уходили в глубину истории и психологии Цивилизации Корри. В самую сердцевину расхождения между историей и психологией людей и обитателей Миров Больших Деревьев. Великих Зеленых Шатров, как называли этих древесных великанов сами корри.

Корри были неспособны убивать.

Убивать тем не менее приходилось. И приходилось именно с тех пор, как великодушная

и немислимо жестокосердная Цивилизация Людей простерла над кронами Великих Зеленых Шатров свою дружественную длань.

А ведь даже своих извечных сожигательниц (ароматных пушных блох — обитателей их уютного подшерстка) корри оберегали от полного уничтожения и только время от времени давали им укорот путем окуривания себя и своих жилищ изгоняющими насекомых благовониями или предаваясь традиционным пляскам вокруг костров из смолистых веток кустарника цок. Собственно говоря, потребность в уничтожении всякой вредной живности и различные сбои в поведении мирных обычно видов, с которыми традиционно соседствовали корри, время от времени ставили «мишек» перед лицом суровой необходимости призвать на помощь насилие и смерть, но это либо воспринималось как немислимая, поколениями неизгладимая трагедия, либо... Либо не воспринималось вообще. Не воспринималось, будучи выведено за рамки обыденного обрядностью и традициями.

Именно земляне с их варварски прямой логикой и полной неспособностью сопереживать страданиям живых существ (включая собственных собратьев по биологическому виду) поставили корри перед жестокой необходимостью взглянуть фактам в лицо. Притом совершили они это из самых лучших побуждений: стали на защиту Планеты Больших Деревьев от агрессии космических бродяг — сукку. Именно тогда, теперь уже более сорока лет тому назад, было положено начало военному союзу двух Дружественных Цивилизаций, от которого корри, и хоо Тоох в частности, понесли немалые моральные страдания.

Слов нет, если бы не войска Федерации Тридцати Трех Миров, Планета Больших Деревьев была бы превращена в точно такое же полубезжизненное космическое тело, множеством которых отметила свои скитания Кочующая Цивилизация. Не то чтобы сукку были особо жестоки или злонамеренны. Просто судьбы иных Разумов во Вселенной их не трогали. Если подходящая для очередной сотни на четыре лет, не больше, стоянки одного из их караванов планета оказывалась населена какими-либо тварями — не важно, разумными или нет, — то тем хуже для этих тварей: придется им потесниться и дать место кораблям сукку для высадки бригад рабов-строителей. И не для отдыха их после дальнего перелета в иные Миры. Нет, для возведения ремонтных и строительных цехов, разработки шахт, создания плантаций... Короче, для обеспечения каравана сукку всем необходимым для следующего перегона их бесконечного странствия.

По всей видимости, редко Кочующей Цивилизации удавалось найти общий язык с хозяевами планет, которые им довелось посетить. По крайней мере так можно было заключить из результатов космоархеологических экспедиций, напавших на след этих неутомных странников. И судя по всему, на поиски этого общего языка сукку много времени не тратили: в ход шли мощное и в избытке имеющееся оружие и отработанная стратегия и тактика вторжения. В наследство уцелевшим жителям оставалась их собственная планета, изрытая карьерами, покрытая развалинами городов, превращенная в подобие обгорелой головешки. И плюс к тому — полная возможность скатываться в каменный век, в полное вырождение на развалинах своих цивилизаций, прошедших «горячую обработку» — термин этот утвердился именно с подачи космоархеологов. Собственно, именно вследствие такой вот «благотворительной деятельности» сукку Федерация Тридцати Трех Миров «разминулась» по крайней мере с тремя относительно близко расположенными и родственными по своей природе Мирам землян цивилизациями.

Ясно, что Федерация не горела желанием столкнуться лицом к лицу с космическими

кочевниками. Мало того, когда впервые эсминцы-разведчики тридцатимиллионного каравана сукку наконец-то попали в зону достоверного обнаружения — совсем недалеко от Мира Великих Зеленых Шатров, — были предприняты все меры для того, чтобы Дружественная Цивилизация не повторила судьбу ее предшественниц по встрече с разбойными бродягами Вселенной. В какой-то степени встреча с сукку была просто подарком судьбы для лобби Армии и Комплекса при правительстве Федерации. И войкам и производителям вооружений очень уж остро не хватало достаточно серьезного внешнего врага.

Людей можно было понять в их стремлении отразить угрозу на самых дальних подступах. Противостоять ей, играя на упреждение. Можно было понять и их стремление не обходиться для такого противостояния одними только своими силами — в конце концов, на космические сражения такого масштаба, какие разразились бы при лобовом столкновении с сукку, военная машина Федерации не была рассчитана.

Вообще, с точки зрения такого конфликта, Человечество имело в запасе только два козыря — точнее сказать, сукку почему-то этих козырей не имели. У людей были коллапс-пушки, дальнобойность которых превышала радиус действия всех видов вооружения Кочующей Цивилизации. И еще — люди знали секрет путешествий через подпространство. Но у них не было таких армад космической техники и таких энергетических ресурсов, которые представлял собой даже один-единственный караван сукку. Поэтому Федерация лихорадочно начала поиски союзников. На такую роль в первую очередь, конечно, напрашивалась цивилизация-жертва. Мир Больших Деревьев...

Хотя большой пользы от «мишек» в бою не предвиделось, да и в экономическом отношении Дружественная Цивилизация существенного перевеса в балансе сил никак не обеспечивала. Тем не менее действуя по поговорке «с паршивой овцы — хоть шерсти клок», Федерация втянула-таки корри в военный союз. Иначе было бы не объяснить миллиардам налогоплательщиков, чего ради крейсера и огромные армии брошены на защиту от неведомого неприятеля Мира, населенного блохастыми летучими белками — пусть даже сами эти белки и разумные, а блохи у них источают дивные ароматы.

Преславная (почти без жертв со стороны Союзных Космических Сил) победа над кочевниками сблизил корри и людей до положения, ставшего для многих — для хоо Тооха, например, — причиной головных болей. Конечно же за малыми исключениями вся боевая техника Союзных Сил принадлежала Федерации или была у нее арендована на «исключительно благоприятных условиях», а корри были представлены в основном стажерским составом и многочисленными советниками, пребывающими где-то в счастливом далеке от непосредственного места проведения боевых действий. Но вот теперь таким, как он — корри, покинувшим родной дом и посвятившим жизнь защите своего Мира от безжалостного врага, — приходилось платить за это двойную цену.

Первой ценой было осознание того, что и он — именно он, а никто другой — в ответе за те, невидимые ему, жизни, что были загублены в ходе Великого Отражения. Пусть ответ этот был коллективный. Пусть их было и немного, этих жертв, — всего-то около двух тысяч потерянных со стороны Союзных Сил и неопределенное количество нападающих, — для корри жизнь даже единственного существа, способного мыслить и страдать, была неопишуемой в людских словах трагедией. И хоо Тоох вынужден был эту трагедию переживать при каждом упоминании о своем участии в той исторической битве.

Но была и вторая цена. Вторая расплата. Совсем иная. Расплата не за то, что уже было

совершенно, а за то, что еще только предстояло совершить. И если за прошлое, за уже сделанное, отвечать можно было не одному, а все-таки с кем-то вместе, то теперь хоо Тоох должен был держать ответ перед самим собой один на один.

Первый капитан «Цунами» прекрасно понимал, что он (а с ним вместе и весь «экипаж-стажер») втянут в некую хитроумную и, похоже, кровавую комбинацию. Комбинацию, которую люди разыгрывали против людей же. Именно так: одни люди — против других. Пусть люди Чура против некоей Нелюди. Пусть эти и другие непонятности вписаны в планы и тактические разработки... Все равно: и заказчиками и исполнителями предстоящей операции были именно люди — представители вида *Homo sapiens*. Сапиенсами вполне могли оказаться и те, против кого операция эта затевалась. А вот ответственность за то, что могло выйти из этой затеи, автоматически ложилась на корри. И лично на него, первого капитана Тооха. Это было нечестно. Хотя то, что в политике по-другому не бывает, было прописной истиной и для обитателей Мира Больших Деревьев, облегчения от этого первый капитан не испытывал.

Поэтому со дня получения приказа Объединенного Командования хоо Тоох был замкнут и скуп на слова. Свой разговор со вторым капитаном он выдержал в тоне почтеннейшего послушания, чем вверх глубоко уважаемого им Федора Павловича в озадаченную растерянность. Конечно, кэп Манцев уже успел привыкнуть к вечно послушно-покаянному виду своего партнера. Исключительный (хотя временами и чересчур своеобразный) такт «тэджи» вообще был притчей во языцех среди тех, кому приходилось иметь с ними дело, но в этот раз вид хоо Тооха был просто как-то уж совсем запредельно покорен.

— Мне кажется, — позволил себе предположить Федор Павлович, — что у вас, хоо капитан, есть некие э-э... сомнения в обсуждаемом вопросе? Или, быть может, даже возражения относительно каких-то моментов моего плана?

Он помолчал, стараясь увидеть что-либо понятное военному уму в таких выразительных глазах-блюдцах собеседника. Сколько ни учи людей — этих заблудших потомков невоспитанной праобезьяны, — а понимание того, что прямой взгляд, зрачки в зрачки, глубоко оскорбителен для любого корри, все никак не доходило до сознания этих туповатых приматов.

— Ведь это первая у нас с вами совместная боевая операция... — пояснил Федор Павлович. — Поэтому не хотелось бы, чтобы хоть малейшее недоразумение...

— В этом нет никаких сомнений, — с ласковой интонацией, словно увещевая малое дитя, заверил его хоо первый капитан.

Кибер-переводчик, как всегда, все испортил, изложив мысль кэпа Тооха утробным баритоном телевизионного диктора.

— Безусловно, между нами не должно быть никаких недоразумений, капитан, — продолжал Тоох, недовольно косясь на него. — Поверьте, я хорошо понимаю вас — ведь мне довелось участвовать в Кампании Отражения, — правда, всего лишь младшим офицером эсминца боевого охранения...

Манцев с уважением глянул на собеседника, конечно, он был знаком с личным делом своего напарника, но всякий раз забывал то немаловажное обстоятельство, что тот уже побывал стажером на боевых кораблях Федерации в те времена, когда сам он — нынешний капитан первого ранга, — пожалуй, еще только под стол пешком хаживал.

— Поэтому я... — тут хоо Тоох на секунду-другую погрузился в задумчивое молчание. — Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы, капитан, хорошо представляли мои

действия в обстоятельствах, которые я означу, как непредвиденные...

Преодолев свою врожденную покорность этикету, хоо Тоох заставил себя все-таки посмотреть в глаза собеседника.

— Под непредвиденными обстоятельствами, капитан, я понимаю только одно: тот случай, когда на объекте нашей атаки — на этой столь беспокоящей народы Чура базе Нелюди... Если там окажутся... Если мне станет известно, что там все-таки находятся люди... Или иные разумные существа, капитан... Живые и разумные... Вы должны отчетливо осознавать, что в этом случае я буду вынужден отдать приказ о приостановке операции. В какой бы ситуации мы при этом не оказались.

Последовало напряженное молчание. Этот монолог нелегко дался хоо Тооху. Его коротенькая шерстка, окаймляющая острый контур ушей, искрилась мелкими жемчужинками пота.

— Я осознаю это, капитан, — как можно более веско произнес Федор Павлович. — Вполне отчетливо осознаю...

— И еще...

Первый капитан «Цунами» явно преодолевал труднейший психологический барьер.

— Впрочем... — продолжил он: — Впрочем, это — уже не служебная информация, Федор Павлович.

Манцев просто остолбенел — это был второй за всю историю его знакомства со своим напарником случай, когда корри назвал его по имени-отчеству. Первый был при их взаимном представлении, в кабинете адмирала.

— Вы можете не брать мои слова в расчет, — заверил его первый капитан. — Но... Короче говоря, если потом... Через некоторое время... Если станет известно, что в этой операции, в результате моих действий все-таки погибли люди... Или другие разумные существа... Живые и разумные, — добавил он скороговоркой стандартную формулировку, принятую в Мирах Зеленых Шатров. — Если выяснится нечто подобное, то, сами понимаете, единственно возможным для меня выходом будет Прыжок с Вершины...

На вершины Больших Деревьев корри забирались редко — еще реже, чем спускались на почву родной для них планеты. Такие восхождения «тэдди» совершали обычно в ритуальных целях. И одним из таких ритуалов почитался тот самый, упомянутый хоо Тоохом Прыжок. Сами по себе Прыжки были делом для корри — племени летучих, хотя и разумных, белок — обычным. Но тот Прыжок, который имел в виду первый капитан, отличался от всех других. Он всегда бывал последним.

— Я понял вас, — медленно произнес Манцев, поднимаясь из кресла и сглатывая ставшую неприятно горькой слюну. — Думаю, вам не придется выполнять это м-м... спортивное упражнение...

* * *

Когда дверь личного кабинета за его спиной задвинулась и вошла в пазы, оставив наконец второго капитана наедине с собой, Манцев отпер капитанский сейф, достал из особого отделения флягу с медицинским спиртом и стакан. Налил себе на три пальца и выпил не закусывая.

«В конце концов, — сказал он себе, — предстоит выполнить элементарную боевую

задачу: преодолеть зоны заградогня, атаковать поверхностный планетарный объект и уничтожить его. Только и всего».

Он ошибался.

Потому что в нескольких тысячах километров от «Цунами» на трап космического лайнера дальнего следования «Саратога» уже ступили два строго одетых джентльмена.

Они ничем не выделялись бы на фоне безликой армии облаченных в деловой камуфляж (темный дорогой костюм, галстук, атташе-кейс) странствующих бизнесменов — эти двое. Но среди наряженной в свитера и немодные джинсы оравы научных сотрудников, заполонивших «Саратогу», смотрелись белыми воронами.

Один из них — тот, что был помоложе на вид, — неусыпно бдил у предназначенного к погрузке на борт лайнера багажа — шести невеселого вида контейнеров.

Второй — тот, что выглядел постарше, — сразу же обратился к дежурному офицеру с просьбой о немедленном конфиденсе с капитаном лайнера.

Ответственный за погрузку мичман Денис Глебов не слишком хорошо знал смысл сего старинного слова, но чисто практическим умом сообразил, что кэпу Хеновесу сейчас — в разгар подготовки к рейсу — только разных фиглей-миглей и не хватает. И переадресовал назойливого пассажира к старпому Звонареву. Тот провел четверть часа в грузовом отсеке, наедине с обоими строго одетыми господами и их полудюжиной здоровенных ящиков, после чего посоветовал господам использовать оставшееся до старта время для того, чтобы получше обустроиться в своих каютах, а сам, с чуть перекошенной физиономией, проследовал напрямик в кабинет к кэпу.

* * *

Разговор у старпома с капитаном был короткий, деловой и касался в основном вопросов чисто хозяйственных. Лишь под конец Звонарев вернул в излагаемый слегка обалдевшему от изобилия проблем капитану текст нечто неординарное:

— А еще эти чудаки просят нас помалкивать о покойниках.

Кэп в этот момент прикидывал в уме — не будет ли выгоднее оплатить штрафные санкции вместо того, чтобы менять разметку штурцов внешних коммуникаций корабля на полагающуюся по здешним дурацким правилам, а потому пропустил главное мимо ушей.

— Просили?.. — рассеянно переспросил он, двигаясь размеренными шагами из одного угла каюты в другой. — Они э-э... в самом деле просили?..

— Просто умоляли, кэп, — заверил его Звонарев. — Господин Клини считает, что на него здесь будут косо смотреть, если все на борту будут знать, что по их милости летят в компании жмуриков...

Гарсиа Хеновес словно налетел вдруг с размаху на кирпичную стенку. Он резко остановился и остолбенело уставился на старпома.

— Какие жмурики?! Какие, черт возьми, чудаки?! Вы что, со вчерашнего не отошли, Фил?

Филипп Звонарев, как человек умеющий пить, был глубоко уязвлен таким подозрением:

— Жмурики — самые настоящие. Проверил лично. В спецконтейнерах, при полном наряде. Общим числом шесть штук.

Старпом перечислил по памяти номера грузовых мест.

— Ч-черт!

Капитан стремительно рванул к терминалу и отбил на клавиатуре короткую дробь. Некоторое время озадаченно рассматривал экран, украшенный выданным в ответ сообщением, потом, не меняя выражения лица, перевел взгляд на Филя так, словно это он лично проволоч на борт «Саратоги» полдюжины покойников.

— Видите ли, сэр... — счел нужным сообщить свое личное мнение о сложившейся ситуации старпом. — Если хотите знать, то я сам — прежде всего — косо смотрю на всю эту историю. Нет, я в приметы не верю, но как-никак покойник на борту... Нехорошо... Да и нелепо все это. Но что поделаешь — запрета на такие перевозки нет... И пока мы сюда пилили от «Вулкании», никто нас не предупредил о том, что нам тут приготовили такую вот посылочку. На борт сообщили, как обычно, только массу, объем и сумму страховки...

Кэп Хеновес ухватил старпома за язычок замка-молнии, украшавший его служебную куртку.

— А за каким? За каким же чертом этому Клини сдалось возить покойников к черту на кулички — на Чур?

Что и говорить, основания для удивления у кэпа были. И основательные: даже открытие техники подпространственных переходов не сделало межзвездные перевозки дешевым делом. Удостаивались чести быть транспортируемыми на борту космических лайнеров и грузовозов только самые необходимые и незаменимые в местах назначения материалы и изделия. Или уж предметы роскоши, за которые заказчик готов был переплачивать, самое малое, вдесятеро против цены аналогичного товара местного производства.

Так что отдавая богу душу в каком-нибудь из дальних Миров, уроженец Федерации не мог питать никаких иллюзий относительно возможности быть преданным земле в родных краях. Только высокопоставленные политики, иерархи крупных церковных конфессий да уж очень богатые обитатели Метрополии или Миров вроде Океании могли рассчитывать на такую роскошь. Обычно такие перевозки сопровождалось многочисленными сообщениями в печати, ритуальными выкрутасами и уж точно никогда не оставались незамеченными. А тут экипажу «Саратоги» был преподнесен самый настоящий сюрприз. И сюрприз не из приятных. Покойник на борту — тут Фил Звонарев был прав — считался одной из самых худших примет для всякого, кто хоть что-то смыслил в космонавигации.

— Понимаете... — попробовал объяснить он. — Этот тип... Похоронный агент Клини утверждает, что... В общем, он и напарник его — тоже люди подневольные... Они исполняют завещание... Те шестеро — это люди из первых миссий на Чур. Они завещали себя похоронить там...

— И что — так разом все и померли? Все — до кучи?

— Нет. У них было что-то вроде братства, все шестеро — весьма состоятельные граждане. И по уставу этого братства, когда последний из них отойдет, как говорится, в лучший мир, то всю компанию должны отправить в столь дорогие им края. Они заранее все организовали. Оплатили бальзамирование и провоз. В общем, если хотите — поговорите с господином Клини сами. Мое дело — поставить вас в известность...

— Считай, что поставил... — махнул рукой кэп Хеновес.

* * *

— Они все проглотили как милые, — с удовольствием констатировал похоронный агент

Клини. — С этой стороны мы подстрахованы достаточно хорошо, — заверил он своего партнера

— Мы могли бы и не страховаться вовсе, — мрачновато возразил тот.

Он старательно обрабатывал щеточкой свой пиджак, распяленный на спинке противоперегрузочного кресла и, казалось, не имел в уме никаких других забот.

Разговор происходил в каюте младшего из партнеров, тщательно обысканной на предмет присутствия «жучков» и других родственных им сюрпризов. Пришлось немного повозиться с камерой внутреннего наблюдения, обнаружившейся-таки в довольно укромном уголке под потолком. Зато теперь можно было вкушать заслуженный покой, более или менее свободно обмениваясь соображениями относительно достигнутых успехов и предстоящих планов.

— Будут господа пассажиры любопытствовать относительно нашей с вами профессиональной принадлежности или не будут, основного плана это не изменит...

— Пожалуй, — согласился Клини. — Но так — спокойнее.

— Да, спокойнее, — согласился напарник. — Единственный, кто нас теперь должен заботить, это наш, так сказать, коллега. Как-никак, а он все-таки настоящий агент Тартара. И может выкинуть номер...

— Пока не выкинул, — устало вздохнул Клини. — Нам просто не стоит мозолить ему глаза. Ни ему, ни кому другому... Главное нам предстоит там — у Чура. А от наших попутчиков особых сюрпризов ожидать не приходится...

Но и они ошибались — эти двое. Их планам не суждено было сбыться. Потому что на борт космического транспортного судна «Саратога» еще на пересадочном орбитере «Вулкания» был принят в качестве пассажира второго класса бывший капитан Объединенного Космофлота, а ныне свободный предприниматель Лесли Коэн. Впрочем, в конечной точке его пути — на орбитере «Химмель-14» — его ждали в абонентском ящике заботливо отправленные до востребования другим рейсом документы, из которых следовало, что предъявителем их является навигатор высшей категории, уволенный из ОКФ за нарушение кодекса офицерской чести, Кэннет Кукан. В отличие от ксивы, предъявленной им при покупке билета на рейс «Саратоги», те документы были подлинными.

* * *

Кэн Кукан производил на окружающих довольно сильное впечатление. Был он всегда загорел, броваст, облачен в нечто полуспортивное, наводящее на мысли о членстве в дорогом яхт-клубе где-нибудь в Метрополии, профиль имел медальный, а взгляд — орлиный. Говорил всегда веско и со значением. Наводил на мысли о близости к высшему обществу и золотой богеме.

Зарабатывал он на жизнь крупными кражами. Чаще всего — со взломом.

Правда, как заметил некогда один опытный сыщик, говоря о представителях преступного мира в целом: «Мало кому из них удастся сводить концы с концами, если хотя бы время от времени они не подрабатывают законным путем». Кэн Кукан не был исключением.

Кэна Кукана искали полицейские службы пяти Миров и Федеральное управление расследований. Правда, под именами, которые к его собственному ни малейшего отношения не имели. Если навигатору и приходилось временами «присесть на нары», то всегда по чужому паспорту. Свои настоящие документы он берег как зеницу ока. Ведь они давали ему — специалисту с почти безупречной репутацией — возможность время от времени наниматься для выполнения пары каботажных рейсов где-нибудь на Периферии, где мало кто интересовался его прошлым. Сейчас он рассчитывал вполне честно наняться на пару рейсов где-то на участке Трассы «Чур — Прерия» и «срубить» сумму, необходимую и достаточную, чтобы, уже под очередным псевдонимом, добраться до Океании. Там он был намерен предпринять «гастроли» дуэтом с одним из блестящих мастеров своего дела Дмитрием Шаленым. Тот присмотрел и рассчитал неплохой вариант крупной поживы.

Океания была крупным импортером очень дорогих материалов и компонентов для тамошнего «суперхайтеха». И не менее крупным экспортером весьма дорогостоящих продуктов этих своих технологий. Менее драгоценной, но все же достаточно привлекательной добычей могла стать всякая экзотика, добытая в глубинах океана, покрывающего всю поверхность этого Мира, и в донных рудниках. Разумно организовав систему пересадок с прибывающих на планету дальнобойщиков и на таковых с нее убывающих, можно было наварить неплохую сумму. Главное состояло в том, чтобы сопровождающие груз (прибывающий, как правило, в стереотипных корабельных сейфах) обнаружили, что сопровождают пустоту, только тогда, когда пара их попутчиков уже покинула бы борт очередного корабля.

Идея была богатая: дальнобойщики вовсе не изобилуют вертящимися под ногами пассажирами и членами команды. Эти мрачноватые полупустые громады тянут от одной точки перехода до другой только хорошо пригнанный в грузовых отсеках материал низкой и средней ценности и сейфы с материалом ценности высокой и сверхвысокой. Соответственно почти весь контингент их пассажиров составляют лица, груз сопровождающие. А те редко снисходят до того, чтобы неотлучно дежурить при товаре. Те, у кого хватает денег на губернацию, в таковой пребывают. Остальные (а их, как правило, раз-два и обчелся) предпочитают ошиваться в корабельном баре, казино или в виртуалке, а не шляются по пустынным коридорам и отсекам своего летучего узилища. Дежурная смена экипажа всегда занята по горло и по судну зря не болтается, а сдавшая дежурство смена — тем более.

Это было идеальными условиями для идеального дуэта Кукан — Шаленый. Кэн был отменным специалистом по проникновению в запертые и опломбированные помещения космических судов. Дмитрий — по вскрытию сейфов. У каждого из них была и вторая специальность.

Кукан был еще виртуозом-карманником. Это не приносило больших денег, но могло в нужный момент обеспечить партнеров бесценной информацией: чьими-то документами, записями, ключами и бог его знает чем еще, с чем объект предварительной обработки предпочитает не расставаться ни при каких обстоятельствах. Такое порой сильно облегчает жизнь.

Шаленый (более известный в соответствующих кругах как Шишел-Мышел) был неплохой боевой единицей в рукопашном бою. Это был не результат знания

многочисленных боевых искусств, а природный дар Божий. Любому гению дзюдо в присутствии Шишела рекомендовалось отдыхать. Об этом знали и Дмитрия побаивались. Хотя и ходили слухи, что Дмитрий в свое время дал своему русскому Богу зарок: людей не убивать.

Нутро космического дальнбойщика — самое подходящее место, где рукопашный бой может неожиданно решить все дело. Разные газовые пистолеты и баллончики в закрытых малых объемах — оружие обоюдно опасное. Огнестрельное и импульсное оружие в стенах космического корабля применяют только отчаявшиеся идиоты. А поэтому в распоряжении сражающихся остаются только парализаторы, ножи да собственная ловкость.

В общем, гастролы предстояли перспективные. Но и в пути не следовало терять форму. Кукан подождал, пока сервисный робот уложит его чемодан на кровать — гибрид антиперегрузочного ложа и чего-то в стиле ампир — и оставит его в одиночестве.

Затем стал приводить себя в порядок. Справившись на информационном дисплее о том, который на борту час, он потратил полчаса на душ и переодевание к обеду. Как уведомил его дисплей, обедать на борту принято было в кают-компании, в присутствии капитана и офицеров экипажа. Впрочем, можно было заказать обед и к себе в каюту. Кукан выбрал первый вариант приема пищи. Надо было посмотреть, что за компания собралась на борту кораблика, который забросит его в сектор Чура. Это могло оказаться полезным.

* * *

Кэн уже успел заметить, что от типового дальнбойщика миниатюрная «Саратога» отличалась в невыгодную, с его чисто профессиональной точки зрения, сторону. Теперь, поглощая салат и чинно перебрасываясь ничего не значащими словами с соседями по столу, он убедился, что первое его впечатление было верным. Народу на борту хватало. И лезть в «гибернаторы» никто из праздношатающейся публики явно не собирался. Все тут только затем и собрались, похоже, чтобы прекрасно провести время на судне с повышенным комфортом, в полете перезнакомиться и все разузнать друг о друге.

Команда суденышка тоже была нетипичной — это он понял, еще не добравшись до кают-компании, — борт-техники и всякая прочая корабельная живность слишком много суетились, корча из себя персонал высочайшего класса и попадаясь на каждом шагу с неукротимым желанием узнать, чего угодно господину экс-капитану (кто-то уже поставил здешний народ в известность о том, что на борту находится их бывший коллега).

И здесь еще были стюарды — настоящие, живые стюарды. Целых шесть. Для обслуживания летящих первым классом. О, как Кэн ненавидел эту породу людишек — и не настоящий экипаж, и не пассажиры. Разновидность живого багажа. Только багажа жрущего, дьявольски услужливого и всюду сующего свой нос. Вот этим-то пришей-пристегаем явно нечего будет делать большую часть полетного времени, кроме того, чтобы шататься по судну, исполняя всякие идиотские поручения и просто из любопытства.

И ко всему, как венец всех неудобств, на борту были дети. Трое четырнадцати-пятнадцатилетних подростков. На удивление бесхозных и любопытных. Но, присмотревшись, можно было заметить, что не совсем уж бесхозных. Один из них был вроде сам по себе и поручен заботам стюарда, присматривавшего за тем, чтобы ребенок не испытывал неудобств. Одно из двух: либо родители странного чада находятся на борту, но к

столу не выходят, либо эти родители настолько бездушные скоты, что отправили чадо в другой Мир в одиночку, только приплатив команде за присмотр за ним в полете. Среди взрослых мальчик держался чинно, но временами, зазевавшись, начинал слишком пристально рассматривать кого-нибудь из попутчиков. Взгляд у него был пристальный и не очень детский и поэтому вызывал легкую оторопь.

Впрочем, наиболее часто этот взгляд останавливался на тех, кто как раз никакой оторопи вроде не испытывал — на двух его однолетках, сидевших за столом прямо напротив него. Эти двое парнишек были настолько странны, что Кукан даже призадумался было: не занесло ли его на один корабль с какими-то инопланетянами. С мутантами, быть может.

Только слегка напрягши свою память, он понял: это дети с Чура.

* * *

Ребята были худы, загорелы и одеты совсем не для обеда в кают-компании — в короткие кожаные куртки и шорты. Волосы ребят были светлые и золотистые. Кто-то коротко остриг их — чуть криво, но совершенно одинаково. Загар у них был немного неровный, и от этого лица казались чумазыми физиономиями беспризорников. Кукану сперва показалось, что ребята ко всему еще и босы. Но, заглянув осторожно под стол, он узрел, что на ногах у ребят — сапоги. Такие же, как и верхняя одежда, — короткие, из сильно потертой кожи. А чуть выше у каждого к ноге были пристегнуты ножны — для очень длинного кинжала или короткого и тонкого меча.

«Слава богу, — подумал Кукан, — что этих маленьких бандитов уговорили не брать оружие с собой — в Космосе нравы не должны быть уж такими терпимыми». Чуть позже он убедился, что ошибся, когда заметил, чем ребята ковыряют пищу.

Кстати, и ели они что-то совсем не то, что было подано к общему столу.

Ребята держались за столом свободно, но не как обычные дети, а как дети какого-то древнего, очень рано взрослеющего народа. Близнецами они не были, но, как это бывает с представителями незнакомых рас, с первого взгляда ими казались. На посторонних они, казалось, не обращали внимания. Но, как и у их визави, это было блефом — на любопытные его взгляды они отвечали точно такими же. Это у них выходило непроизвольно.

Кэн не сразу понял, что за обоими малолетними разбойниками присматривает их бонна — высокая блондинка с тонкими чертами узкого лица, которое не портил даже несколько длинноватый носик. Портило его выражение — строгое и холодноватое. Непрístupное. Годами, кстати, она если и отличалась от своих подопечных, то от силы раза в два. Не больше. Временами она наклонялась к тому из них, по правую руку от которого была посажена, и проводила с ним короткие переговоры. Тогда лицо ее оживлялось и становилось моложе.

«Какие-нибудь наследные принцы какой-то из атомных династий, — подумал Кэн. — Их папаша — посол где-то в Метрополии. Они у него погостили и теперь возвращаются „нах фатерлянд“. К своей родине — сожженной и засыпанной снегами. В сопровождении личной гувернантки. Все логично».

* * *

И еще двое привлекли его внимание. Ничем не замечательные джентльмены в темном. Интуиция редко подводила Кукана. «За этими двумя — деньги», — почувствовал он. И, занимая место за столом, сел рядом.

При этом испытал легкий укол сожаления. «Стоило бы оказаться поближе к строгой фрейлейн, — подумал он — Кажется, она не так строга, как хочет показаться. Впрочем, нам далеко лететь — время еще есть».

Все собравшиеся за обеденным столом во главе с капитаном выглядели оживленными и только того и ждали, чтобы сунуть нос в чужие дела. Ну что ж, в конце концов и сам Кэн собирался основательно сунуть свой нос в дела кое-кого из этой компании.

Так что застольный разговор он поддержал охотно и уже собирался вслух выразить сожаление в том, что никто не представил собравшихся друг другу, когда капитан легким постукиванием по пустому бокалу привлек всеобщее внимание. Видимо, он счел нужным сперва предоставить пассажирам возможность покончить с легкими закусками. И дожидаться самых нерасторопных или просто бестолковых, не сумевших найти пути в кают-компанию.

— Господа, — начал он, поднявшись с места и внося в свой голос приличествующую случаю долю торжественности, — нам с вами предстоит провести вместе более сорока суток. Поэтому давайте представимся друг другу.

Все изобразили на лицах величайшее внимание. Сервисные автоматы принялись разливать шампанское, а стюарды — мешать им обслужить заодно еще и малолетнюю часть пассажиров. Таковым был подан клюквенный морс.

— Итак, командир экипажа ваш покорный слуга капитан гражданского Космофлота высшей категории Гарсиа Хеновес...

Засим последовало представление господ офицеров и краткая отменная характеристика каждого из них. Было сказано доброе слово о самой «Саратоге» — суденышко получило в свое время секторальную медаль как лучшее космическое судно в своем классе.

После такой интерлюдии последовало представление господ пассажиров: несколько церемонное, но традиционное. Сосед Кукана слева — тот из двоих строго одетых господ, который в большей мере смахивал на священника, был представлен первым. Правда, с некоторыми запинками.

— Господин Раймон Клини, агент э-э... страхового общества, — чуть покривил душой капитан. — Он э-э... контролирует доставку некоего э-э... груза.

Конечно, капитан Хеновес придумал несколько странное занятие именно для страхового агента, но что-то, какую-то псевдоквазию соорудить было необходимо: как-никак присутствие похоронного агента на космическом судне не рассматривается как добрая примета. Слава богу, что можно было ни словом не заикаться про жутковатый и нелепый груз, которым обеспечила «Саратогу» его идиотская контора. Да, в общем, никто и не обратил внимания на небольшую семантическую неувязку в его словах. Кроме Кэна Кукана, разумеется. Но и тот благообразно промолчал.

Второй из респектабельных господ, наделенный восточной внешностью, был определен как Ли Чориа — секретарь господина Клини. В конце концов телохранитель — это в каком-то смысле секретарь своего нанимателя.

Ребят с Чура звали, разумеется, странными, гортанными именами: Ган Ваар и Фор Граах. Правда, они вроде не были детьми какой-нибудь шишки из своего Мира. Они были всего лишь двумя из сорока четырех детей, которых по программе культурного обмена пригласили в Метрополию — проходить спецпрограмму обучения «основам земной

цивилизации» при трех крупнейших университетах. Ган год провел в Москве, Фор в Массачусетсе. Сопровождавшая их строгого вида девушка оказалась сотрудницей федеральной дипслужбы Анной Лоттой Крамер. Хотя оба парнишки и говорили вполне прилично на галактическом пиджине, временами требовалось ее вмешательство, чтобы уточнить, что хотели сказать ее подопечные.

Третий из подростков оказался жителем Метрополии Валентином Старцевым, летевшим к своим родителям, устроившимся работать на «Хевисайде» — недавно созданной станции-институте на геоцентрической орбите Чура. Тут капитан опять запнулся и добавил нечто о том, что рад приветствовать на борту «Саратоги» самого молодого из самостоятельных пассажиров, которых только знал этот сектор Трассы.

За всем этим чувствовалась какая-то недосказанность. Но Кэну не хотелось осложнять себе жизнь чужими секретами — ни трудами по проникновению в их суть, ни знанием этой сути. Он, благостно улыбаясь, дождался, пока кэп закончит представлять друг другу пассажиров, большинство из которых для него интереса не представляли. То был сменный экипаж на комплекс исследовательских орбитеров, крутящихся вокруг Чура. Дождавшись, он приготовился наконец опрокинуть бокал начавшего уже выдыхаться вина.

Однако капитан отнял у слушателей еще пару минут, закончив свой спич чисто информационным пассажем:

— За время полета, господа, мы совершим последовательно три под пространственных перехода, или, как принято говорить, «скачка». Первый предстоит нам через десять суток полета и приведет нас на орбиту вокруг Колонии Констанс. Там нам предстоит принять на борт еще двоих пассажиров. Второй скачок будет осуществлен еще через пятнадцать суток полета к следующей точке перехода. Он доставит нас к пересадочному комплексу «Памир», самостоятельно дрейфующему в глубоком Космосе. Там будет проведена необходимая коррекция полетных установок — это займет не более двух суток. Затем будет осуществлен скачок в область пространства, прилегающую к системе Чур. Оттуда, уже в режиме обычного планетарного полета, «Саратога» за две недели совершит переход до орбитера «Химмель-14», вращающегося, как вам известно, по относительно низкой орбите вокруг так называемой планеты Халла, которую ее жители именуют Миром Чур... Там, как это ни жаль, нам предстоит расстаться окончательно, а «Саратога» отправится в обратный путь, чтобы вернуть в цивилизованный мир...

Кэн заметил, как замерли лица у обоих загорелых парнишек. Снова им напомнили, что их родина до звания «цивилизованной» еще не доросла. Капитан явно проявил бестактность, но и не думал ее замечать.

— ...вернуть в цивилизованный мир очередную смену исследователей — смелых людей, работающих рука об руку с народом Чура в поисках путей восстановления биосферы этой некогда прекрасной планеты...

«Черта с два! — подумал Кукан. — „Оружейники“ Чура — вот ради чего сидят там, в ближнем Космосе и на поверхности планеты, ваши смелые люди... Впрочем, действительно смелые — без кавычек...»

Был наконец провозглашен тост за встречу на борту «Саратоги», подано жаркое, и обед начался.

Клаус вовсе не доставлял Киму тех хлопот, которых можно было ожидать, исходя из его рассказа. И исходя из тех деталей его жизни в последние недели, которые установил Ким, покопавшись немного в делах своих коллег из опустевшего и ставшего похожим на дом с привидениями бюро частных расследований «Файнштейн и Гильде».

Что до «Лексингтон Грир Лэбораторис», то тут ему пришлось проявить исключительную осторожность. Но, кажется, все-таки напрасно. Стоило ему сделать пару невинных запросов в Сети, и контрольная система его блока связи зарегистрировала признаки прослушивания. Судя по всему, прослушивание было чисто контрольное — оно прекратилось на третий день.

Сам Клаус все эти дни преспокойно путешествовал по «Основной Сети», накручивая порой довольно крупные суммы за информационные услуги с использованием подпространственной связи. Киму оставалось только благополучно снимать через свой терминал регистрацию маршрута и чуть ли не весь следующий день пытаться разобраться в смысле того, что все-таки вело Гильде по путаным лабиринтам информационных систем всей Федерации.

Понять это было достаточно трудно.

Сначала у Кима сложилось стойкое впечатление того, что Демон, вселившийся в Клауса Гильде, твердо решил повысить свой образовательный уровень: Клаус пустился в плавание по общеобразовательным и научно-популярным сайтам. Бегло просмотрев их сотни полторы, он перешел к разделам научно-технических обзоров, а от них — к специальным обзорам. Причем к обзорам из самых невероятных и нестыкующихся друг с другом областей — от космогонии до тонкого химического синтеза. Потом последовала лавина запросов уже на оригинальные статьи, сообщения, материалы съездов и конференций. И тут Ким понял, что не успевает за сутки просто даже прочитать список тем, по которым Гильде сделал запросы и получил материалы. Получалось, что тот обрабатывал информацию быстрее, чем иной компьютер.

А еще были письма. Лавина писем. В основном вопросы к специалистам (Кима уже не удивляло, что один спец оказывался филологом, а другой — физиком-ядерщиком). Насколько мог понять агент на контракте, вопросы, которые Гильде рассылал чуть ли не по всему Обитаемому Космосу, были отнюдь не глупы, и письма, которые начали сыпаться в ответ, свидетельствовали о том, что специалисты эти были порядком озадачены.

То, что разобраться в сути дела он не сможет, Ким понял довольно скоро. Оставалось попытаться разобраться в его форме. Это тоже было не легко. Ясно было одно: Гильде не лгал. Он перестал быть обычным человеком. Может быть, даже человеком вообще. Он превращался.

Во что?

Все это было научным феноменом, который сам по себе уже был достоин того, чтобы, теряя галоши, бежать в Академию наук и любоваться потом своей физиономией в журналах из самой Метрополии. Но...

Ким впервые ощутил соприкосновение с Тайной.

И предавать эту Тайну не хотел.

Между ними, Тайной и ним, уже возникли отношения вполне интимные. Хотя интимность эта была совсем не того сорта, о которой он мечтал, приглашая Мэри Энн на ужин (и получая в ответ отказ, украшенный очаровательной улыбкой профессиональной специалистки по связям с общественностью. Что само по себе стоило немало).

Все горы распечаток, заполнивших тесноватый офис Кима, не давали ни малейшего намека на то, каков может быть ответ на этот вопрос. Лорд Иерихонский косо посматривал на них и временами замечал Киму: «Хламец убир-р-рать! Убир-р-рать!» Но Киму было не до того.

Ощущение бега наперегонки с локомотивом не оставляло его.

Через пару недель такой жизни Ким отправился на личную встречу с диковинным клиентом, назначив ее в ресторанчике университетского кампуса. Не бог весть какая конспирация, но все ж таки... Насчет конспирации у Кима были свои соображения: тот поток информации, что шел сейчас на адрес рядового абонента Сети, просто не мог остаться незамеченным. И если кто-то разыскивал Гильде по этому признаку, то Клаус уже давно был под соответствующим колпаком. А вместе с ним и он — Ким Яснов, агент на контракте.

Ким ожидал увидеть перед собой изможденного неврастеника, только и помышляющего поскорее вернуться назад — к нейротерминалу Сети. Но Клаус Гильде, усевшийся за столик напротив него, был тем же самым Клаусом Гильде, которого так успешно опознал Джерико полмесяца назад.

— Рад видеть вас живым и здоровым, — приветствовал Клаус своего детектива.

— А у вас были на этот счет опасения? — осведомился Ким. — Кстати, что заказать вам? Пиццу?

— Нет, только кофе. Что до опасений, то я вам их уже высказал в прошлый раз. Если за это время вы еще ничего не заметили, то это вовсе не означает, что с нами обоими так ничего и не произойдет. Не с такими людьми мы связались. Не расслабляйтесь, агент. Да, впрочем, вы и не выглядите расслабленным. Скорее усталым немного. Я, кажется, доставляю вам большие хлопоты...

Он помолчал немного, наблюдая за приближающимся к ним сервировочным автоматом, на подносе которого дымилась пара чашечек с кофе. Потом как-то отрешенно бросил:

— Знаете, если вам покажется совершенно бестолковым... бесперспективным это мое поручение, то... Не бойтесь выйти из игры — не тратьте свое время. И не беспокойтесь о задатке и о тех расходах, которые...

— Я фактически не потратил еще ни пенса, — пожал плечами Ким, — И о перспективности дела рано еще судить. Что до усталого вида — это есть... И верно, это вы меня обеспечили головной болью... Я... Я, собственно, и хотел увидеть вас, чтобы оценить ваше физическое состояние после такой работенки, что вы проделали... Скажите, как вам это удастся... Вы... Вам действительно удастся понять всю ту кучу галиматьи, которую вы прокачиваете сквозь свой мозг?

Лицо Гильде на мгновение словно погасло. Он как-то ушел в себя. Потом пробарабанил пальцами по столу уже знакомую Киму угрюмую мелодию.

— Понимаете, агент... В то время, когда я сижу с нейротерминалом на башке, мне и не приходит в голову, что я делаю что-то необычное. Для меня вполне ясны все эти формулы, схемы, выкладки... Если я чего-то не понимаю, я делаю запрос, читаю ответ и начинаю понимать нечто новое для меня — вот и все... А когда отключаюсь от Сети, я просто перестаю думать об этом...

Он опять отбил кончиками пальцев по столику замысловатую мелодию. Недовольно поморщился, словно поймал себя на каком-то противоречии.

— По крайней мере, я перестаю думать об этом сознательно. А вот в подсознании... Там идет какая-то работа. Я каждый раз осознаю это, когда снова подключаюсь к Сети...

Вам, наверное, знакома такая штука: какая-то задача совершенно непонятна для вас, кажется бестолково сформулированной... Вообще не укладывается в сознании... А потом — сутки-другие спустя — вы снова с тяжким вздохом беретесь за нее и — хлоп и готово! Оказывается, вы все это время думали о ней, ворочали в башке с боку на бок, подгоняли свои мозги под нее...

— Известный психологический феномен, — согласился Ким.

Мысль о психологии заставила его задуматься о психологах. Но он не стал отвлекаться.

— Так, значит, вы не ощущаете ничего необычного и вам не кажется, что вся эта масса информации, которую вы проглатываете, остается непереваренной? Мне очень трудно проверить это...

— Вам остается верить мне на слово, агент.

— В таком случае...

На мгновение Ким запнулся, затруднившись сформулировать элементарно простой вопрос. Ему казалось, что ответить на него Клаус должен был, не дожидаясь, пока он, агент на контракте, задаст его.

— В чем причина? Зачем вы делаете все это? Что вы ищете по всему Обитаемому Космосу? Почему вы ни словом не обмолвились со мной об этом?

И снова лампочка, подсвечивающая изнутри добродушное на первый взгляд лицо Клауса Гильде, погасла. Он глядел на Кима абсолютно пустыми глазами. Впервые с далеких детских лет — с тех пор, как как-то раз на заброшенном чердаке он заглянул в глаза Тьме, — Ким ощутил беспричинный, иррациональный страх.

Но, конечно, он подавил в себе это глупое чувство.

— Знаете...

Теперь уже Гильде не мог подобрать слов для того, чтобы выразить что-то очень простое, совершенно ясное ему, но для других...

— Знаете, агент... С вами не бывало такого, что во сне... Точнее, на грани сна и бодрствования... Вам является какая-то мысль... Мысль, которая кажется сверхценной. Гениальной. Вы прекрасно понимаете ее. Перекачиваете на языке. Формулируете в прекрасном афоризме. И успокоенным засыпаете. А проснувшись — теряете ее напрочь.

Ну, как будто там — на грани — вы были богом. Всемогущим и всезнающим. А вернувшись в будни, сохранили лишь эхо... Тень того великого знания. И самое страшное состоит в том, что вы понимаете, что не можете даже сформулировать то, что осталось от этого знания в вашем земном мозгу... Потому что это чуждо всему тому, с чем тебе приходится иметь дело в этой жизни... Не знаю, поняли ли вы меня...

Ким помассировал виски:

— Давайте сформулируем это грубо... Примитивно... Вы просто не помните, с какой целью расходуете десятки тысяч баксов на э-э... какое-то странное самообразование. Ну — не можете объяснить. Так?

— Наверное, проще будет сказать, что именно так.

Гильде устало откинулся на спинку плетеного стула. Стало ясно, что понятным ему быть не суждено. В этот раз.

— Тогда...

Ким с отвращением посмотрел на чашечку с бурдой, которую в ресторанах Колонии Констанс именовали кофе. Подумал. Подумал еще раз. И снова взял быка за рога:

— Тогда я хочу предложить вам такой вариант... В общем, я предлагаю подключить к

нашему расследованию еще одного человека... Специалиста.

— Бог мой, да кого угодно! — Гильде поморщился. — Главное, чтобы этот ваш специалист не узнал ничего лишнего. Что до расходов...

— Огорчу вас. Этот специалист может узнать все лишнее. Я говорю про психозондирование.

Наступила пауза.

— Это неприемлемо! — с неожиданной резкостью почти выкрикнул Гильде. И вдруг доверительно наклонился к Киму: — Вы думаете, что я жажду сохранить в тайне какой-то позор? Или, может, хочу разбогатеть на том своем секрете, которого сам не знаю? Хрена!!! — Лицо его дергалось.

Ким осторожно скосился на чашку. Нетронутая. И ведь — кофе. Не коньяк...

— Я не хочу путать в дело больше ни одного человека! — срывающимся шепотом продолжил Гильде. — Потому что за этим стоит Смерть! Мне достаточно того, что я подставил тебя, агент! Запомни: всех нас ждут смерть и забвение!

Ким молча смотрел сквозь побелевшее лицо собеседника. Он не знал, что ответить странному клиенту. Он не знал, прав ли он будет, настояв на своем. Стремное это было дело.

— Я гарантирую вам полную конфиденциальность, — наконец выдал он из себя. — Если вам интересна моя точка зрения...

По всей видимости, Клаусу была все-таки интересна точка зрения собеседника. По крайней мере, так можно было расценить его молчание.

— Так вот, я считаю, что это может сильно сдвинуть дело с мертвой точки. Если вы в своем... э-э... обычном состоянии не можете сформулировать м-м... стоящую перед вами цель... Тогда под гипнозом... Может быть, ее будет способен сформулировать тот, кто в вас... Его сможет разговорить специалист. А специалист, которого я хотел привлечь... Я имею в виду профессора Кобольда, — уточнил Ким, — Альфреда Кобольда. Вероятно, вам попадалось это имя...

Собственно говоря, Альфред Иоганн Кобольд был единственным козырем Кима в этой игре. И вообще — единственным его «патроном» на Констансе. Так сложилось, что профессор Кобольд, проводивший на юрфаке Магаданского университета спецкурс психозондирования, и пригласил молодого и способного выпускника Кима Яснова попробовать свои силы в качестве стажера какого-нибудь агентства частных расследований на родной для него — дока Кобольда — планетке. И составил ему протекцию. Можно сказать, даже свел с не слишком удачливым Ником Стокманом. В Кобольде Ким был уверен, как в самом себе.

Как ни странно, на Гильде имя Кобольда произвело почти магическое впечатление. Должно быть, у него с ним связаны были какие-то свои воспоминания. Во всяком случае, выражение его лица слегка изменилось. Именно так, слегка, как меняется лицо человека, услышавшего что-то очень важное для себя, когда он не хочет, чтобы это заметил собеседник.

— Вы знакомы с Кобольдом? — уже несколько другим тоном осведомился он. — Это меняет дело... Собственно... Нам с Солом пришлось в свое время консультироваться с профессором Кобольдом. И, пожалуй, вы правы... Это сильнейший специалист по психозондированию на Констансе. Я сильно колебался некоторое время. Не мог выбрать, к кому из двоих людей, которым могу доверять, обратиться: к Нику или к Кобольду?

— И выбрали все-таки Ника...

— Точнее, вас, агент. Что до Ника, то я боюсь, что оказал ему скверную услугу, втравив в это дело. Я старался ориентироваться на человека, психологию которого больше понимаю. Ник, вы и я — одного поля ягоды. Я могу представить себя на вашем месте, а вас — на моем. Чего не могу сказать о докторе Альфреде Иоганне.

Он отхлебнул кофе, поморщился и отставил чашку подальше от себя.

— Дело в том, агент, что, пока будет протекать зондирование, я не буду знать результатов. Первым, кто узнает о том, кто есть я, узнает док. Не я. И неизвестно, какие меры он примет, поболтав с тем, который внутри меня. Кто знает, что за программу загрузили в меня Предтечи? Хотя я и верю в его способности как ученого и в то, что доктор блюдет клятву Гиппократата. Знаете, это человек, в котором гражданское чувство может перевесить здравый смысл.

— Я постараюсь подстраховать вас.

— Сомневаюсь, что док пойдет на присутствие третьего лица на сеансе психозондирования...

— Но вы на него соглашаетесь — на этот сеанс? Я хорошо знаю профессора Кобольда и думаю, что нам удастся найти с ним общий язык.

Некоторое время Гильде сосредоточенно думал, молитвенно сложив ладони перед собой. Потом поднял глаза на Кима:

— Ну что ж. В конце концов, чем раньше мне станет ясно мое предназначение — тем лучше. Хотя, может быть, следовало дать плоду созреть. Иначе им можно отравиться...

Он достал из нагрудного кармана массивную серебряную монету и искоса глянул на Кима.

— Загадывайте.

— Орел — сеанс, — пожал плечами Ким. — Ну а если выпадает решка, то мы не будем беспокоить профессора.

Гильде поставил монету на ребро и резко крутанул, превратив в волчок. Секунд пять она вращалась почти бесшумно, а затем «затараторила» все громче и громче, заставив всех немногочисленных посетителей кафе повернуться в сторону столика, за которым Ким и Клаус пытались управиться с остатками кофе.

— Орел, — констатировал Гильде, бросив взгляд на легшую наконец плашмя монетку. — Считайте, что уговорили меня, агент.

* * *

Профессор Кобольд был рад помочь Киму, которого не без основания считал одним из своих учеников. Конечно, тренаж Яснова в области психозондирования и субпороговых техник ограничивался семестровым курсом. Он давал слушателям не умение работать на уровне профессиональных психотехников, а только общее представление о возможностях этих методов. Но несмотря на это с Кимом можно было беседовать как с вполне грамотным человеком, не выслушивая все то море глупостей, которое вываливают обычно на голову специалистов простые смертные, объясняя, чего они, собственно, от этих специалистов хотят. Хотели, как правило, чудес.

Ким чудес от профессора не требовал. Он просто коротко описал ситуацию, поменьше останавливаясь на детективных подробностях сюжета и не называя конкретных имен и

названий. В общем, после неудачного эксперимента на себе человек начал чудить и хочет знать, к чему эти его чудачества могут привести. Состояние клиента Ким описал как можно более точно и подробно. Да и имя его не имело смысла скрывать — Клаус Гильде и Альфред Иоганн Кобольд были знакомы.

Услышав, о ком идет речь, Кобольд — человек на вид флегматичный, с тяжелыми, бульдожьими чертами лица, — похоже, разволновался. Он поднялся из своего кресла и навис над Кимом всей своей почти стокилограммовой фигурой.

— Знаете, Ким, вы не первый, от кого я слышу эту или очень похожую историю. Примерно полгода назад кое-что из этого мне рассказывал ваш партнер. Он не поделился с вами этой информацией?

— Возможно, Ник просто не успел этого сделать. Именно тогда он убыл по делам — надолго...

Киму вовсе не хотелось подчеркивать скандальный характер истории с исчезновением Ника. Но док Кобольд был калачом тертым и имел свои источники информации. Он принялся мерить шагами свой огромный кабинет — сплошной антиквариат и самая современная аппаратура в хорошо подобранных пропорциях — с явно озадаченным видом.

— Вы не нашли такое поведение вашего напарника, гм... странным? — осведомился Кобольд. — Скажу вам больше. Мы уже почти что договорились с ним о встрече с теперешним вашим клиентом, но неожиданно господин Стокман исчез с горизонта, оставив меня в некотором э-э... недоумении. Однако я не привык навязывать свои услуги клиентам и ходить за ними по пятам. Так что я не принимал никаких мер, чтобы возобновить контакт с Ником Стокманом. Я в конце концов специалист в области психотехники, а не сыщик и не налоговый инспектор.

Он резко обогнул свой тяжелый и большой, как сельский выгон, стол и тяжело опустился в кресло. Пробежал кончиками пальцев по клавишам компьютера.

— Одним словом, Яснов, не будем откладывать дело в долгий ящик: я приму господина Гильде сегодня же после обеда. Обычно я принимаю клиентов только с утра, но утренние часы у меня расписаны на полгода вперед. Делаю для вас исключение. Меня что-то настораживает в этой истории...

— Если, с согласия клиента, я попрошу вашего разрешения...

— Нет. — Кобольд поморщился, протягивая Киму листочек с указанным на нем временем сеанса. — Вы же неплохо себя показали на семинарах по служебной этике... Согласие клиента мало что значит. Среднестатистический гражданин плоховато себе представляет, насколько опасным может оказаться разглашение информации, связанной с тайной личности. Впрочем, не мне вам разъяснять элементарные вещи. Да я просто и не смогу нормально работать в присутствии, гм... постороннего. Извините меня за такой термин...

— Нет, что вы... — Ким поднялся с кресла: — Я, признаться, сглупил. Но я рассчитываю...

Кобольд вышел из-за стола, всем своим видом подтверждая, что разговор окончен.

— Да, безусловно, я поделюсь с вами результатами своего анализа, — заверил он Кима. — И если сочту возможным, то и с исходным материалом. У меня вся информация сохраняется тут.

Он осторожно коснулся корпуса модного компьютера:

— Я свяжусь с вами, как только выловлю из своих записей что-нибудь серьезное.

Что-то серьезное док Кобольд выловил очень скоро. В тот же вечер.

Мобильник в кармане Кима разразился переливчатой трелью как раз в тот момент, когда он, перед тем как покинуть офис, менял воду в поилке Лорда Иерихонского и корм в его кормушке. На сердце было беспокойно. Слишком уж надолго затянулся сеанс психозондирования, на который он благословил Клауса Гильде. Тот обещал связаться с ним сразу по выходе из кабинета дока Кобольда. Но сейчас, судя по индикатору определителя номеров, звонил Киму явно не его странный клиент.

— Извини, Джерико, — виновато попросил он пернатого приятеля и с легкой тревогой спросил в трубку:

— Алло, это вы, док?

— Угадали, — мрачно ответил своим низковатым голосом Кобольд. — Вот что... Я только что закончил первичную обработку данных по зондированию... нашего клиента. Результаты очень тревожные. М-м...

— Это — не для телефона? — предположил Ким.

— Снова угадали, Яснов. Я сейчас сделал запросы и жду ответов. Лучше будет, если вы завтра будете у меня как можно раньше. Не бойтесь разбудить меня. Мне, кажется, предстоит бессонная ночь.

— Не знал, что доставлю вам столько хлопот.

В голосе Кима прозвучали вина и огорчение. И они были искренними.

— Не стоит извиняться. Хорошо, что вы вовремя сообразили обратиться ко мне.

Наступила короткая пауза. Потом Кобольд несколько неуверенно спросил:

— Послушайте, Яснов... Вам ничего не говорят слова «проект „Погружение“»??

Ким напряг память и, подумав секунд тридцать, не кривя душой признался:

— Нет. Ровным счетом ничего не говорят.

— Ну что же... Этого следовало ожидать.

— Если это существенно, то я попробую навести справки.

Там, на своем конце линии связи, доктор Кобольд испустил тяжелый вздох:

— Вот что, Яснов, не теряйте зря времени. Это все не здесь — на Чуре... И занимается этим Спецакадемия. Так что ваши шансы получить хоть какую-нибудь справку равны нулю. Только привлечете к себе внимание. А вот на здешние дела вы времени не пожалейте и навестите-ка нашего клиента. Просто посмотрите. Оцените его состояние. Он беспокоит меня. Постарайтесь его... Постарайтесь его не вспугнуть.

— Меня — тоже, — заметил Ким. — Меня он тоже беспокоит. Он обещал встретиться со мной сразу после вашего сеанса. Вы ведь закончили относительно давно?

— Два часа назад. Будьте с ним предельно корректны и... И — осторожны. Завтра в шесть жду вас.

Ким посмотрел на сигнализирующую «отбой» трубку мобильного и отключил связь. В карман трубкой он попал только со второго раза.

— Нер-р-рвочки! — заметил ему Джерико, выделявая акробатические фортели на своей жердочке. — От Судьбы не уйдеш-ш-шь, агент!

Клаус Гильде не отвечал на вызовы по линиям связи. Ким, не говоря плохого слова, строго поглядел на Джерико, проверил, хорошо ли заперта его клетка, запер за собой дверь офиса и, порывшись в карманах, вытащил заблудившийся в них мини-пульт. Потыкав кнопки, он подозвал свой дремавший на стоянке за ближайшим углом кар.

Ким тронулся в направлении Старого города, время от времени повторяя вызов. Клаус упорно не брал трубку. Над Канамагой опустилась летняя бархатная ночь. Но для агента на контракте она была ночью тревоги. Словно соглашаясь с ним, ночь дохнула вдоль узких улиц ветром, проникнутым горьковатым ароматом осеннего дождя. И звезды, чужие звезды чужого для Кима Мира, были тоже уже осенними — мерцающими, горькими и тревожными. Они исчезали за стеной карабкающихся в небо туч одна за другой.

В вестибюле «Миранды», как всегда, никому не пришло в голову поинтересоваться личностью позднего гостя. Ким беспрепятственно поднялся на пятый этаж и принялся терзать сенсор дверного звонка номера 510. Гильде не ответил ни на звонки, ни на стук в дверь, ни на оклики. Дверь обладала довольно хорошей звукопроводностью, и можно было слышать и гулко раздающиеся в пустоте номера трели звонка, и эхо ударов в дверь, и какой-то еще непонятный, нерегулярный, но отчетливо слышимый звук, напоминающий возню встревоженного, но упорно молчащего человека. И еще ко всему этому добавились звуки первых капель, прилетевших с потемневших небес.

Благословляя свою догадливость и проклиная расшалившиеся нервы, Ким извлек из бумажника резервный ключ-карточку, изготовил к бою легкий, в Метрополии сработанный парализатор и по возможности бесшумно отпер дверь номера 510.

Номер был наполнен запахом начинающегося дождя — окна были открыты настежь, и ветер из раскинувшегося за окном парка продувал обе комнаты насквозь. Из-за туч, завладевших наконец небесами, в комнате было темно как в подвале.

Ким еще раз окликнул невидимого молчуна, продолжавшего сосредоточенно возиться где-то у противоположной стены, и, так и не получив ответа, принялся шарить по стене в поисках выключателя. Свой фонарик он, разумеется, забыл в бардачке кара. Выключатель, как и следовало ожидать от такого уродского отеля, как «Миранда», располагался не как у людей — не с той стороны и чуть ли не на полметра выше, чем принято было на Констансе. Все время, пока агент нащупывал проклятое устройство, он ожидал получить как минимум удар по темени.

Включив наконец освещение, агент убедился, что страх его был напрасен. Обе комнаты номера были пусты. Таинственное шуршание издавала раздуваемая ветром штора, задевавшая близко от окна стоящий стул. На стуле, где раньше, напоминая древний рыцарский шлем, возвышался громоздкий нейротерминал, теперь валялся лишь отключенный соединительный кабель.

Ким пожал плечами и, двигаясь настолько бесшумно, насколько это ему позволяла сноровка, обошел вокруг рабочего стола. Компьютер, стоявший на нем, не был выключен и работал в «дремлющем» режиме. К экрану его терминала скотчем был прикреплен конверт с его, Кима Яснова, именем и адресом.

Ким, однако, не стал торопиться с прочтением оставленного ему послания. Он обошел по периметру обе комнаты, заглянул в ванную и туалет, попытался высмотреть хоть что-то внизу под окнами и только тогда, изрядно намочив голову под хлещущим за этими окнами дождем, вернулся к терминалу. Распечатал конверт и прочел:

«Господин Яснов.

Я расторгаю заключенный с вами контракт и полностью освобождаю вас от взятых на себя обязательств. Я не имею к вам никаких претензий и оставляю за вами сумму аванса, взятого вами. Я оплачиваю также предусмотренную контрактом неустойку (чек прилагается). Надеюсь, вы также не имеете никаких претензий ко мне. Я покидаю Колонию Констанс на долгое время. Прошу вас сохранить информацию, полученную от меня, в тайне. Прошу также не проявлять в дальнейшем никакого интереса к моим делам и моей судьбе.

Сим также аннулируется приложение к контракту, переданное мною вам в запечатанном конверте. Вы правильно поступите, если предадите его огню, не вскрывая. Это больше в ваших интересах, чем в моих.

Искренне ваш, Клаус Гильде».

Документ был украшен датой текущего дня, но не был юридически заверен. Это оставляло за агентом некоторую свободу рук.

Ким вытряхнул из конверта и вправду вложенный в него чек и некоторое время любовался довольно круглой суммой, изображенной на нем. Потом спрятал его в бумажник и взялся за компьютер.

Как только он прикоснулся к клавиатуре, экран дисплея ожил и по нему сквозь мультипликационные джунгли каменноугольного периода побрели разных пород динозавры периода несколько более позднего. Ким поморщился — совсем недавно ему пришлось видеть подобную заставочку в информационном сообщении на сайте «Осторожно — Вирус».

Через минуту он убедился, что оказался прав: в компьютере Гильде буйствовал «Дино» — непреодоленный еще «компьютерной медициной» вирус, вычищающий напрочь содержимое сколь угодно хорошо защищенной памяти почти всех типов компьютеров, имеющих хождение на рынках Обитаемого Космоса. Комп, арендованный Клаусом Гильде, не представлял теперь ни малейшего интереса для всех тех, кто мог заинтересоваться его, Гильде, дальнейшей судьбой.

«Не мог он просто очистить блок памяти, — недоуменно подумал Ким. — Видно знал, что после простой очистки специалистам удастся иногда вытягивать кое-что с „виртуальных дисков“. А „Дино“ работает без осечек».

Впрочем, горевать о бездне потерянной информации не приходилось — Ким уже убедился, что разобраться в том, что прокачивал Гильде через свой комп, просто невозможно. Если, конечно, не поможет гениальное озарение, на что рассчитывать Ким не привык. Гораздо важнее было хотя бы предположить, куда мог унести Клауса Гильде овладевший им Демон. Хоть какой-то свет на это могло пролить то самое запечатанное приложение к контракту, спалить которое настоятельно рекомендовал пропавший клиент.

Ким потратил еще около часа на тщательный обыск номера 510, включая невычищенный мусорный бачок и пространства, в которые мог бы завалиться хоть клочок бумаги. Ничего путного ему обнаружить не удалось. Разве что следы пепла в раковине. Неудивительно — если человек вычистил память своего компа, то уж бумаги, если таковые у него имелись, сжечь он был просто обязан.

Вторым важным, но вполне банальным обстоятельством было отсутствие дорожного

багажа Гильде. Но ведь написал же человек, что убывает надолго, — удивляться было нечему... Еще немного головной боли добавлял дорогой нейротерминал, происхождение которого (куплен Гильде? Взят им в аренду?) было неясно. Что, вообще, он будет делать в пути с этой штукой, стоящей столько, сколько престижный, по индивидуальному заказу сработанный кар? Впрочем, скорее всего, нейротерминал Клаус сдал на хранение в абонентский ящик ближайшего отделения «Федерального резервного» или другого подходящего для проклятой штуковины банка. Или просто вернул хозяину. Не стоило ломать голову еще и над этим.

Номер 510 Ким запер и не стал тревожить администрацию отеля лишними вопросами, кроме двух-трех — он задал их шустрому пареньку, возившемуся с настройкой коридорного киберуборщика. Паренька интересовал не только капризный агрегат, но и дела жильцов гостиницы. За небольшую мзду он заверил агента, что никто не заходил этим вечером за жильцом 510-го номера. Тот вернулся из города один и один же покинул гостиницу. Да, с чемоданом. И с сумкой, кажется...

* * *

Лорд Иерихонский без особого восторга воспринял нарушение своего ночного уединения. Он сурово отчитал Кима, посмеявшего за полночь возвратиться в офис «Кима» и нахально усесться за свой рабочий стол с явным намерением снова заняться делами.

Мрачно глядя на неистово богохульствующую птицу. Ким отпер стальной ящик, содержащий «Приложение к контракту». Положил его на стол перед собой. Рядом поместил письмо Клауса о расторжении этого самого контракта и призадумался. Демон любопытства, владевший им, нашептывал, что раздумывать тут, собственно, не о чем: Клаус Гильде был бы полным идиотом, если бы полагал, что нанятый им агент так вот легко откажется от столь хорошо оплаченного дела. Еще глупее было бы полагать, что Ким, словно исправный бойскаут, выполнит дикую просьбу клиента и сожжет составленный тем документ, даже не заглянув в него.

Правда, воспоминания об отличных оценках по «принципам служебной этики» больно кольнули его, когда он, с хрустом взломав сургуч печати, вытащил на свет божий листок синеватой бумаги с несколькими строчками принтерной печати, завитушками подписей и красной печатью юрисконсульта.

«Я, Клаус Гильде, удостоверение личности номер...» — прочитал Ким.

Кроме номера удостоверения личности в документе была указана еще масса признаков, имеющих целью удостоверить личность вышеупомянутого Гильде. И только потом шел текст довольно удивительный.

«...сим подтверждаю, что предоставляю Киму Яснову, директору агентства независимых частных расследований „Ким“, право впредь считать недействительными все мои распоряжения в отношении прекращения действия контракта, заключенного мною с вышеназванным агентством, в том случае, если он будет находить эти распоряжения отданными мною под принуждением или в результате нарушения умственной деятельности. В случае моего обращения в суд соответствующие обстоятельства подлежат проверке экспертной комиссией.

Вперед до решения суда господин Яснов может продолжать действовать так, как если бы упомянутый контракт оставался в силе».

Следовали дата, подписи самого Клауса и какого-то плохо знакомого Киму юриста. А также печать и гербовые марки.

* * *

Ким потер лоб, пытаясь понять, кто из юрисконсультов Канамаги мог оказаться таким идиотом, что заверил этот страннейший документ. Некоторое время он рассматривал обе подписанные Гильде бумаги — письмо и подтверждение своего права не подчиняться клиенту, держа одну в правой руке, а другую — в левой, словно определяя, которая же из них перевесит другую. Потом махнул рукой и кинул обе в сейф.

— Полный маразм, — констатировал он, поглядев на часы.

— Мар-р-разм!!! — подтвердил Джерико.

Ким достал из стенного шкафа походную раскладушку и начал укладываться спать прямо в офисе. Поздно было добираться домой — до встречи с доком Кобольдом оставалось четыре часа.

* * *

Он уже почти канул в темную воду сна. Почти ушел по зыбким тропинкам тревожных сновидений. И тут его окликнул знакомый голос дока Кобольда:

— Послушайте, Яснов... Вам ничего не говорят слова «проект „Погружение“»?

Он обернулся — там, во сне...

— Вот что, Яснов, не теряйте зря времени. Это все не здесь — на Чуре...

Ким усилием вырвался наконец из проклятого омота и присел на ужасно неудобной раскладушке.

— Ч-черт!!! — воскликнул он.

— Люди спят, скотина! — отозвался из темноты Джерико.

Ким нащупал на полу свою туфлю и запустил ею в направлении дерзновенных звуков. Потом, испытывая чувство вины перед разразившимся оскорбленным кудахтаньем Лордом Иерихонским, он там же, на полу, нащупал положенный туда мобильник и набрал номер канала связи дока Кобольда.

Трубка ответила короткими прерывистыми гудками.

Ким чертыхнулся и окончательно перешел в положение сидя. Набрал другой номер Трубку не снимали долго. Наконец хриплый голос с того конца линии осведомился

— Какого черта?!

— Это я. Ты меня узнал, Миша? — осведомился Ким.

— Узнал, — с ядом в голосе отозвался поименованный Мишей. — Ты знаешь, который сейчас час?

— Да, я знаю это, Миша... Но очень нужно, поверь.

— Что тебе нужно? Что я могу для тебя сделать в такое время?

— Ответь мне на два вопроса. Наверное, тебе придется сделать звонок в диспетчерскую Космотерминала.

— Очень, очень мило...

Стали слышны скрипы и глухие проклятия, произносимые женским голосом. Киму стало совсем неловко, но он продолжал дожимать ситуацию. В конце концов Михаил Ветров, заместитель начальника полиции Космотерминала, был немного обязан Нику Стокману, состоял в его приятелях и понимал, что напарник Ника не будет тревожить его ночью ради ерунды.

— Слушай, Миша, тебе сложно узнать, когда ближайший пассажирский рейс к Чуру?

— Вот это как раз и несложно. Ты думаешь, корабли к Чуру тут ходят как электрички монорельса? Ошибаешься — не чаще четырех рейсов в год! И второй в этом году будет прокручиваться вокруг Констанс завтра. Лайнер «Саратога». Грузопассажирский. Челнок — в два тридцать ночи. Второй — в три пятнадцать. Что еще?

— Много пассажиров забирает здесь?

— Скорее всего, никого. Только грузовые операции. Навести справки?

— Если можно. И если пассажиры все-таки есть, то поименно... А если будут еще и приметы...

Михаил только крикнул, давая понять, что своими просьбами Ким все же мог бы поставить его и в менее глупое положение.

— Ладно, — нехотя произнес он наконец. — Жди звонка.

Ждать пришлось примерно полчаса. Чтобы не отключиться и не проспать сигнал вызова, Ким занялся разговором с уязвленным Джерико, успокоил незаслуженно пострадавший талисман агентства и все-таки чуть не уснул за этим занятием. Во всяком случае, он не смог сразу врубиться и осознать сообщение, которое недовольный Михаил повторил ему раза три.

Клаус Гильде действительно оплатил перелет вторым классом до орбитера «Химмель-14», обретающегося в системе Чура. Имени своего скрывать он и не подумал. И в этом была своя логика. Ни аванса, ни неустойки, ни всех, вместе взятых денег, которыми располагал Ким Яснор, не хватило бы, чтобы оплатить подобное путешествие. Так что Гильде отсекал от Кима «золотой занавес». И отсекал надежно.

Оставалось только поблагодарить Ветрова, вновь безрезультатно попытаться дозвониться до Кобольда и завалиться спать, резонно рассудив, что утро вечера мудренее.

К особняку профессора Кобольда Ким подъехал точно к шести часам утра. И все-таки опоздал на встречу с ним. Он все равно опоздал бы на эту встречу, даже если бы выехал сразу после звонка Ветрова. Впрочем, это он понял позже.

А сейчас у него просто неприятно засосало под ложечкой, когда он увидел припаркованные у входа кары. Сразу три. Бросающийся в глаза чопорной белизной и красными крестами фургончик «скорой помощи», раскрашенный в цвета Колонии Констанс полицейский джип и стального окраса «Линкольн», из приоткрытой дверцы которого ему помахал усталого вида мужчина в немного помятом строгом цивильном костюме — майор госбезопасности Лесных.

Ким аккуратно припарковал свой «Сириус» рядышком, вылез из машины и на ставших слегка ватными ногах двинулся к майору. Тот молча подвинулся на сиденье и похлопал по освободившемуся месту, предлагая Киму сесть рядом. Тот не стал противиться.

— Я говорил вам, что нам суждено все-таки встретиться... — задумчиво констатировал майор, протягивая Киму помятую пачку сигарет. — Ах да — вы же не курите. Совсем запамятовал...

И майор изобразил виноватую улыбку. Его лицо было серым, словно после бессонной ночи. Впрочем — почему «словно»?

— Ведь вам было назначено в шесть у профессора? — это было скорее утверждение, чем вопрос. — Там — у него в бюваре — мы нашли запись...

— Что произошло? — чуть более отрывисто, чем хотел, спросил Ким. — Профессор Кобольд арестован? Или?

— Вот именно, что «или»... — устало отозвался майор, зубами вытягивая из пачки сигаретину — такую же усталую и слегка помятую, как и он сам. — Остается выбрать одно из трех: несчастный случай, самоубийство... Или просто убийство. Кстати, вас не было сегодня ночью дома. Вы, часом, здесь не второй раз за эти сутки?

Ким снова испытал неприятное чувство под ложечкой — при мысли, что единственным свидетелем, который мог бы подтвердить его алиби, является престарелый лысый попугай Джерико.

— Я провел эту ночь в офисе... — несколько растерянно пробормотал Ким. — Впрочем, — тут в его голосе прибавилось уверенности, — я делал оттуда несколько звонков. Это можно проверить по компьютеру узла связи...

— Хлипкое алиби по нашим временам... Кстати, переведите ваш кар на автомат и отправьте в гараж. Отсюда мы поедем в мою контору... На моей машине.

Лесных стал вылезать из машины.

— Пойдемте, вы опознаете труп... Кстати, приготовьтесь отвечать на тот же вопрос, что задал вам я, но уже — полицейскому детективу. Увереннее ворочайте языком. И сошлитесь на меня. Как на свидетеля. Это насчет вашей ночевки в офисе. Признаюсь — мы за вами приглядывали последние дни. А вот за доком присмотреть не догадались...

В сумрачном кабинете профессора Кобольда их встретили четверо.

Мрачноватый и сутулый брюнет в штатском, не подавая Киму руки, представился лейтенантом Фрагатти. Его кучерявую шевелюру украшала ранняя седина, а мешки под глазами старили лейтенанта лет, верно, на десять. Лейтенант просматривал вываленные на диван бумаги дока.

Второй полицейский чин — тоже в штатском — не счел нужным ни представиться, ни даже повернуть голову в сторону вошедших. Он сидел пригорюнившись в кресле профессора и с тоской смотрел на экран дисплея профессорского компьютера. На экране этом по джунглям каменноугольного периода брели анахроничные динозавры.

Ким сглотнул ставшую вдруг горькой слюну.

Еще двое — тоже не поспешившие представиться — молча стояли у агрегата психозондирования и молчали. Они были в форме полиции Колонии Констанс.

Был в комнате, собственно говоря, и пятый — сам профессор Кобольд — на полу, накрытый белой простыней. Сама процедура опознания не заняла много времени. Покойный выглядел как огурчик — ни тебе снесенного выстрелом черепа, ни крови, заливающей перекошенные мукой лица принявших смерть от пули, ножа или выстрела импульсного бластера. Профессор улыбался, как и при жизни, — властно и величественно, глядя вдаль, где он, без сомнения, видел то, что уже не дано видеть живым.

— Не беспокойтесь об алиби свидетеля Яснова, — поторопился пресечь наметившуюся инициативу лейтенанта майор Лесных. — Когда будет надо, мои люди подтвердят, что он в эту ночь находился совсем в другом месте. Если у вас есть к нему еще какие-то вопросы, то задавайте их сразу. Мне надо доставить типа в нашу контору.

Фрагатти неприятно поморщился:

— Вы арестуете его?

— Скорее всего, это будет лишним. Я бы даже посоветовал вам, лейтенант, не брать с него подписку о невыезде...

— Даже так? — Лейтенант пожал плечами. — Ну что же... Вы знаете, что мы всегда прислушиваемся к советам, исходящим от вашего департамента. Тогда всего один вопрос. — Он повернулся к Киму: — Когда и по какому поводу вы виделись с покойным последний раз?

— Вчера, около часу дня, — честно сознался Ким. — Я хотел, чтобы профессор провел сеанс психозондирования с моим клиентом...

— И кто был этим клиентом?

— Стоп. Это уже второй вопрос, лейтенант, — обрезал нить только еще начавшегося разговора Лесных. — Вы обещали всего один. А если говорить серьезно, то вы вторгаетесь в область государственной тайны.

Фрагатти опять пожал плечами:

— Вы здорово помогаете следствию, майор. Вы и ваш департамент.

Лесных проигнорировал иронию, ясно прозвучавшую в словах лейтенанта, и взял Кима за локоть.

— Я увожу свидетеля. В случае, если он вам понадобится, обращайтесь лично ко мне.

— Так когда и отчего погиб профессор Кобольд? — нарушил Ким воцарившееся в салоне «Линкольна» молчание.

— Картина вырисовывается такая, — морщась как от хинина, отозвался Лесных. — Доктор заблокировал предохранители своего агрегата, напялил на голову колпак психозонда и врубил машинку на полную мощность. Ну и этим стер всю свою память обо всем. О том, как надо дышать, например. Так мои люди его и нашли — мертвого как египетская мумия и с проклятой кастрюлей на голове. Когда догадались заглянуть к доку в кабинет.

— А что они потеряли там, в этом кабинете?

Ким позволил себе задать вопрос несколько раздраженным тоном. Оказывается, по части алиби у самой госбезопасности не все было в порядке. Но Лесных раздражение Кима взволновало не более, чем жужжание мухи.

— Они потеряли Клауса Гильде. Вашего клиента. Он очень ловко оторвался от слежки, когда вышел от профессора. И мои ослы не сразу догадались, что он может и вернуться в дом Кобольда.

— Вы подозреваете, что Гильде сделал это?

Киму снова привиделись динозавры, бредущие по экрану дисплея.

— Но ведь вы сказали, что Кобольд сам надел на себя шлем психозонда, — тем не менее начал он отрабатывать защиту своего клиента.

— Я сказал, что такой представляется картина происшествия, — сухо оборвал его Лесных. — Но я не сказал, что такова она есть в действительности. И я не сказал, что убийцей является именно Гильде. Он мог вернуться и убить профессора, а мог и не возвращаться. У профессора были и другие пациенты. А убийца скорее всего как раз именно пациент Кобольда. На шлеме нет ничьих отпечатков пальцев, кроме тех, что оставил сам Кобольд. Но это еще ровным счетом ничего не значит: в конце концов шлем его могли заставить надеть обманом. Или просто под дулом пистолета.

— Вы знали о сеансе, который провел Кобольд с Гильде?

— Знали. Но не смогли вовремя наладить прослушивание кабинета. А память компьютера господина профессора разрушена. Именно это больше всего наводит на мысль о том, что убийцей Кобольда был кто-то из его пациентов.

— «Дино»? — осведомился Ким.

— А, вы тоже успели заметить эту заставку? Да, вы правильно догадались, агент.

Ким помолчал. Ему не хотелось делиться с Лесных своими догадками. Он перевел разговор в другое русло.

— Я должен буду дать вам официальные показания?

— Как бы не так, агент, — Лесных снова поморщился. — Я — только передаточная инстанция. С вами будут говорить шишки из Спецакадемии. Кажется, они предложат вам поработать на них. А мне ваш Гильде сдался не больше, чем прыщ на сиденье... Ну вот и подъезжаем.

Раньше Ким никогда не обращал внимания на аккуратный двухэтажный особняк, затесавшийся среди каменных громад центра Канамаги. Иногда ему случалось проезжать, а то и проходить мимо него. Невнимательное чтение позеленевшей от времени вывески у входа оставило у него впечатление, что в особняке гнездится то ли согласительная палата по вопросам метрологии, то ли что-то еще — не менее скучное и бесполезное.

Но вещи всегда не таковы, какими они кажутся.

На этот раз кибертеннисист обставил Вальку в пух и прах. На табло со счетом было даже противно смотреть. Хорошо еще, что во «внутреннем дворике», где были расставлены тренажеры, никого не было, чтобы посмеяться. Валька бросил ракетку и уныло побрел к выходу. И тут его окликнули.

— С кем ты летишь, мальчик? — высокая длинноносая девушка положила руку на плечо Вальке и заглянула ему в глаза. — Кто тебя сопровождает?

Валька пригляделся к ней. Странная какая-то это была девушка — он ее заметил сразу, как только немного освоился на «Саратоге». На лайнере дальнего следования трудно не перезнакомиться со всеми поголовно пассажирами и членами экипажа. Разве что залечь на всю дорогу в гибернацию или просто не вылезать из каюты до конца рейса. Ни того, ни другого Валька делать не собирался. В конце концов из всех бесчисленных миллиардов людей, населяющих Обитаемый Космос, очень немногим выпадает случай оказаться на борту космического дальнобойщика, а если тебе повезло в неполные четырнадцать отправиться из одного конца Федерации в другой, с Синдереллы — на Чур-орбитер «Хевисайд», то ты уж ни за что взаперти сидеть не станешь.

«Нет, — сказал себе Валька в этом месте своих рассуждений. — Нет! Запомни, дурачок, что ни на какой Синдерелле ты никогда не был. Не был! Летишь из Метрополии. Ме-тро-поли-и! С космодрома „Алис-Спрингс“ — челноком на борт лайнера дальнего следования „Евразия“. И на „Евразии“ — до системы Сириуса, на пересадочный орбитер „Вулкания“... Ф-ф-фу!!! А дальше — чистая правда: лайнером дальнего следования „Саратога“ до Чура Нет. Не до самого Чура, как назло. Только до орбитера „Хевисайд“ Нет. Даже еще и не туда — до другого орбитера. Какого-то тоже с немецким именем... „Химмель“...»

Но даже с головой, набитой враньем, взаперти не сидится.

Так что Валентин за неполную неделю своего странствия успел узнать в лицо всех обитателей тесноватого мирка пассажирского отсека «Саратоги», а с некоторыми даже и подружился, со стариком Лесли например, только не с этой длинноносой и двумя странными ребятами, при которых она состояла не то нянькой, не то гувернанткой. Казалось бы, как раз со своими сверстниками Вальке сойтись было бы проще всего, но только не с этими двумя. Потому что это были мальчишки с Чура. Похожие друг на друга — должно быть, братья, очень легкие, прямые, со светлыми глазами и почти бесцветными, словно седыми шапками пушистых волос. И с ними были Псы. Псов этих — знаменитых Псов Чура — Валька видел всего один раз, когда одним очень ранним утром натолкнулся на братьев с их собаками и с «нянькой» в пустынном кольцевом коридоре «нулевого» яруса. Впечатление было сильное.

А то, что еще один человек задает ему вопросы, Вальку насторожило.

— Я лечу один. Но за мной приглядывают люди из экипажа, мисс м-м... Мисс Крамер. Мисс Крамер — ведь так? Извините... Капитан нас знакомил, когда мы все первый раз собрались в кают-компанию, но я плохо запомнил... Вы — сопровождающая...

— Правильно. Крамер. Анна Лотта. Только не зови меня «мисс Крамер», а то я начинаю себя чувствовать старой училкой. — Она чуть запнулась. — А вот я была невнимательна. Когда капитан нас знакомил. Тебя зовут каким-то таким именем... В честь святого... Ах да — Валентин.

— Дурацкое имя. И мужское и женское сразу. Можете звать меня просто Валька.

Русские так говорят...

— Ты — русский?

— Вообще — да. Но родители жили в Новой Зеландии. А теперь завербовались на Чур На «Хевисайд»...

«Жесткие у него мама с папой, — подумала Анна. — Так вот бросить парнишку одного в галактике — догонять их через тысячи парсеков... Впрочем, что я о них знаю?»

Она улыбнулась:

— Ладно. Мое имя — тоже дурацкое. То есть оно само по себе и неплохо: Анна... Или Лотта. А когда имя двойное — это как-то... Знаешь — с претензией. Как Мария Антуанетта... Так что можешь меня звать Аника. Или Лотти... Как выберешь.

— Я подумаю, сопровождающая... — пообещал Валька.

Анна улыбнулась:

— Не стоит. Похоже, ты уже выбрал...

Валька смущенно шмыгнул носом:

— А... А зачем вам все это надо? — вдруг решился напрямую спросить Валька. — Зачем вам все это знать про меня?

Сопровождающая хмыкнула:

— Видишь ли... Я к тебе обращаюсь от имени и по поручению... Короче, я должна передать вам вызов на поединок, благородный дон!

Сопровождающая комично расшаркалась и с помощью воображаемой шляпы описала в воздухе хитроумную кривую, зацепив пол ее пером. Потом, прищурившись, пояснила:

— Понимаешь, на Гана ты произвел большое впечатление. Когда фехтовал на тренажере. Он сказал, что на Земле он не видел, чтобы так это делали. И он хочет, чтобы ты с ним «поработал»...

«Все, прокололся... — уныло подумал Валька. — Так и знал, что кто-нибудь что-то да заметит...»

— Так подошел бы сам и предложил бы... — пожал он плечами с напускным безразличием.

— О, ты их не знаешь — этих чуровцев...

Анна улыбнулась усталой улыбкой:

— С ними трудно. Они такие вещи воспринимают очень всерьез. Никогда не подходят знакомиться первыми. Тем более если хотят вызвать на соревнование. Обязательно нужен кто-то третий, кто их знакомит...

— Ну хорошо. А когда?

— Знаешь, по утрам — ровно в шесть, когда дают невесомость, — они сюда приходят. Им нравится кувыркаться в воздухе. А потом — фехтуют. Ты встаешь так рано?

Валька смутился. Последнее время он совсем выбился из режима. Особенно после того, как стал до глубокой ночи слушать рассказы «старика Лесли» о разных Мирах, куда ему доводилось «ходить на разных посудинах»...

— Хорошо, я могу прийти, — обещал он. — Только... Я видел — они фехтуют на своих... Ну, типа на кортиках. Я такого не люблю.

— Нет, конечно. Эти железяки у них останутся в ножнах, а драться вы будете теми пластиковыми штуками, которые для этого предназначены. Их там, — она кивнула в сторону спортивных автоматов, — выдает робот.

— Тогда нет проблем, — сказал Валька. — Я приду завтра.

* * *

— Вам долго пришлось ждать? — человек в белом халате, наброшенном поверх формы десантных войск, был, похоже, искренне огорчен тем, что приглашенному издалека пришлось провести лишние четверть часа в пустоватой и неудобной приемной.

— Нет, не слишком, — вежливо пожал плечами Ким.

Действительно, он ждал недолго, если брать в расчет время, проведенное в соседней комнате. Годы ожидания настоящего дела за пустым столом частного детективного агентства (в штате которого числился только один человек — сам Ким Яснов, частный исследователь) — не в счет. Другие годы — учебы в Метрополии и стажировки в двух лучших агентствах Федерации — тоже не в счет. Скрытая жалость во взглядах старых приятелей-однокашников, давно и прочно устроившихся в этой жизни, и совсем нескрытый упрек в интонации сестры, когда речь ненароком заходит о планах на будущее, осторожные намеки стариков родителей на то, что можно замолвить пару слов в Министерстве Колонизации, если уж так не идут дела. Все это не в счет. Сейчас частному исследователю Киму Яснову следовало выбросить из головы все лишнее и сосредоточиться на главном: на том, зачем его пригласили в офис филиала Федеральной Академии Специальных Исследований в Канамаге. Кажется, ему собирались предложить что-то стоящее.

— Ну вот и прекрасно, — оценил ответ Кима офицер. Ким безуспешно пытался угадать скрытые под полами халата знаки различия.

— Давайте сюда ваши документы, пожалуйста...

Ким протянул ему карточку идентификатора и лицензию. Два документа, с которыми он не расставался никогда.

— И разрешите представиться — Йонг, — протянул ему руку хозяин кабинета. — Полковник Хесус Йонг...

Он открыл расположенную позади его стола неприметную дверь и кивнул кому-то там за ней находящемуся.

— А это — господин Хью Лошмидт... — представил он вошедшего в ответ на его приглашение в кабинет румяного блондина в штатском.

Представлять Кима он, видимо, считал излишней формальностью.

— ...Собственно, он и введет вас в курс дела, — продолжил полковник. — Я только решу с вами ряд принципиальных вопросов и не буду вмешиваться в дальнейшее.

Знание протокольных церемоний явно не было его сильной стороной. Почувствовав неловкость наступившей паузы, Йонг наконец сообразил предложить присутствующим располагаться в креслах вокруг средних размеров стола для заседаний.

— Садитесь, господа, разговор у нас будет долгим...

После этого и сам соизволил опуститься в кресло у отдельно стоящего столика, которое было развернуто в направлении типового демонстрационного дисплея — стандартного набора кабинетов руководителей среднего звена.

Пока они рассаживались и присматривались друг к другу, полковник Йонг, пошарив по столу в поисках нужных распечаток, сообщил:

— Мы с господином Лошмидтом обратились к вам, господин Яснов, со своим

предложением по рекомендации декана Чудова. — Полковник Йонг сделал небольшую паузу, давая частному детективу сообразить, что за крут людей вовлечен в предстоящее дело. Затем продолжил: — Понимаете, приходится действовать, основываясь на личных рекомендациях и контактах. Наша работа, к сожалению, — полковник вновь многозначительно воззрится на Кима, — имеет специфику, которая м-м... почти исключает э-э... конкурсный подход к подбору кандидатур для заключения контрактов.

Вопреки ожиданиям обоих господ работодателей, упоминание декана Чудова для Кима было признаком неважным. Декан не слишком помог ему в той — прошлой — жизни. В отличие от покойного дока Кобольда.

— А по какому поводу вы обратились к нему за рекомендацией? — чуть нервно спросил он.

— Дело в том, господин Яснов, что волею судеб вы оказались втянуты в историю весьма деликатного характера...

Полковник осторожно коснулся клавиш дисплея, и на экране возникло небольшое, довольно симпатичное здание. Можно было даже прочесть вывеску у входа: «Лексингтон Грир Лэбораторис». Ниже — дата основания.

— Историю эту наша Академия отслеживает уже довольно давно, — продолжал полковник. — Несколько лет. Создано Особое исследовательское звено, изучающее проблему Генетического Послания... Именно им руководит профессор Лошмидт. Мне, я думаю, нет нужды объяснять вам, о чем идет речь. Во всяком случае, у вас будет время побеседовать с профессором Лошмидтом об этом столь же подробно, как беседовали вы с господином Гильде. Потом. А сейчас нам надо решить вопрос принципиально. Да или нет. Или решительно отсечь вас от участия в наших делах. Как постороннего. Или использовать ваши способности. Как нашего человека. Подписать с вами контракт. И, поверьте, контракт гораздо более выгодный, чем тот, что вы подписали с Гильде.

— Простите, а почему ваши люди непосредственно не займутся этим сами?

— По той простой причине, — подал наконец свой голос Лошмидт, — что Гильде выказал вам доверие. Нашим людям будет в тысячу раз труднее добиться его доверия. Кроме того, Спецакадемия не хочет ссориться с Комплексом.

— А «Лексингтон Грир», это — Комплекс?

— Вы не знали этого? Теперь — знайте. Это существенно. Но доверие к вам Гильде — самое существенное в этом деле.

Ким вспомнил о двух бумагах, подписанных Клаусом, лежащих в сейфе офиса агентства. Но решил промолчать об этом. А вслух осведомился:

— Так в чем же будет состоять та работа, которую вы мне предлагаете?

— В том, — охотно пояснил профессор, — что вы последуете за нанявшим вас Клаусом Гильде хоть на край Вселенной, хоть к черту на рога и выясните смысл той миссии, которой его наградили укусы осы!

* * *

Ким откинулся в кресле.

В сущности, ему предлагали второй оплаченный контракт за одну и ту же работу. За открытие одной и той же Тайны. Правда, Тайны, которая убивает.

— В принципе я согласен взяться за такую работу. Но... последовать за Гильде мне придется не к черту на рога. Хотя и в похожее место — в Систему Чура.

— Вот как? — Лошмидт был приятно поражен. — Так вы уже успели самостоятельно вычислить его маршрут? Пожалуй, мы были правы, когда остановили свой выбор на вас.

— Вы готовы финансировать такую командировку? Принимая во внимание то, что отправляться мне придется уже этой ночью?

Лошмидт обменялся короткими взглядами с Йонгом.

— Ну что же... — пожал плечами полковник. — Если вы найдете условия контракта приемлемыми, то уже этим вечером окажетесь на борту «Саратоги». Ведь вы имеете в виду этот лайнер?

По части своевременного получения информации в Спецакадемии все было в порядке.

Сделка, на которую собирался дать согласие Ким, пахивала шельмовством. Похоже, что он рисковал интересами клиента. Но, в конце концов, его клиент сам не слишком честно повел себя в этой игре.

— А вы не считаете, что Клаус Гильде должен быть арестован по подозрению в убийстве Альфреда Йоганна Кобольда? — задал он провокационный вопрос.

— Этот вопрос решаем не мы, — уведомил его полковник, став в ответ на провокацию сух и официален. — Прокуратура решает этот вопрос с подачи следственных органов. С учетом интересов безопасности государства и Федерации в целом. Пока его арестовывать никто не собирается.

«Порядочное свинство затевается, однако, — подумал Ким. — Комплекс платит, док Хайлендер ставит опыты на людях, люди эти вытворяют бог знает что, а Спецакадемия руками агента на контракте хочет снять со всего этого навар, отделавшись оплатой командировочных и суточных на одного средней руки нанятого детектива. И — никакой ответственности за возможные эксцессы. Но что движет мной? Кажется, не только желание оплатить счета. Дурацкое любопытство — вот как она называется, моя движущая сила. Дурацкое любопытство!»

— К сожалению, — начал он осторожно, — все предыдущие м-м... жертвы того, что вы назвали «кусом осы», пока что исчезали бесследно. Вы не опасаетесь, что?..

— У вас неточная информация, — вяло улыбнулся Лошмидт. — Но это простительно. Мы знаем кое-что об их судьбе.

Полковник Йонг поднялся с места и достал из ящика стола лист бумаги с гербами Федерации и Колонии Констанс. Положил перед Кимом.

— Расписка о неразглашении. Прочитайте и распишитесь. Запомните свой код. У вас в любой момент могут потребовать подтверждение вашего разрешения.

Киму никогда не приходилось расписываться на бумажке, дающей столь высокий уровень доступа.

— Чудесно, — заметил профессор Лошмидт, провожая глазами путь расписки со стола в сейф.

В его голосе чувствовалась уверенность в том, что наживка проглочена и предстоит урегулировать только технические детали.

— Считая Клауса Гильде, — продолжил он, — нам известны четверо, кого лаборатория Хайлендера «отоварила» Генетическим Посланием. Первым был известный вам Джанни Перальта. Тот вариант Послания, что ввели ему, был неполон. Или, наоборот, содержал в себе какие-то лишние элементы. Но и это, ложное, Послание отправило его в долгое

путешествие. Вы знаете, где мы нашли в конце концов Джанни Перальту?

— Мне что — догадаться с трех раз? — В голосе Кима опять послышалась нотка раздражения. — Сол Файнштейн гадал-гадал — не разгадал, Клаус Гильде гадал-гадал — не разгадал, Ник Стокман вроде тоже гадал-гадал и не разгадал... Так что куда уж мне...

— Не злитесь, — усмехнулся Лошмидт. — Русские говорят, что на злых воду возят...

«Господи, он меня будет учить русскому фольклору», — со вздохом подумал Ким.

— Так вот...

Лошмидт кивнул Йонгу, и тот пробежал пальцами по клавиатуре дисплея. На экране возник портрет человека с круглым лицом и довольно буйной шевелюрой. Портрет уменьшился в размерах, уехал в верхний правый угол экрана. Его сменил горный пейзаж. Темнеющее небо над блеском заснеженных вершин. Первые звезды в этом небе складываются в земные созвездия Северного полушария. На первом плане — приземистое, сложенное из грубых каменных плит здание необычной архитектуры.

— Так вот, Джанни Перальту нашли в Метрополии. В тибетском монастыре. Он впал в мистицизм. За короткое время превратился в специалиста по магии, эзотерике, ясновидению и тому подобным материям. Ему бы прямая дорога в «желтый дом», да, слава господу, есть еще такие места, как эти монастыри, где вволю можно предаваться медитации и всяческому самосовершенствованию... А вот с Солом Файнштейном вышло хуже...

На экране возник новый портрет. Голографические портреты Соломона Файнштейна были хорошо знакомы Киму. А вот то, что пришло на смену снова стянувшемуся вправо и вверх изображению, было чем-то для него малознакомым. Точнее, Киму довольно часто приходилось видеть такое в хронике, учебных файлах и бог знает где и когда еще. Орбитальный цех. Точнее, орбитальный производственный комплекс. А может, и не орбитальный вовсе, а один из тех, как правило, секретных, что болтаются в Глубоком Космосе, упрятанные в недра какого-либо из «угольных мешков», незримые и неведомые простым смертным.

Ким вопросительно взглянул на Лошмидта.

— Научно-производственный комплекс «Вулкан-1001», — пояснил тот. — Гордость нашей Академии. И не только ее. В его создании кто только не участвовал. Там разрабатывали новейшие методы сверхдальних перебросок энергии. Думаю, не надо объяснять значение этого объекта. Так вот, Файнштейн проявил незаурядные способности, чтобы устроиться на «Вулкан». Учтите, что он был человеком не того возраста и не того образования, чтобы быть принятым на работу куда бы то ни было по обычной схеме. Собственно, он просто не должен был ничего знать о самом существовании этого комплекса. Но он сумел доказать высшему руководству свою необходимость. Он то ли раздобыл где-то, то ли сам создал — под действием происшедших в его организме и сознании перемен — какую-то весьма оригинальную разработку...

Естественно, что после этого на него опустили колпак секретности. И так же естественно то, что никакие попытки вычислить его судьбу не могли дать ни малейшего результата.

— Одну секунду... — взволнованно остановил его Ким. — Скажите, а он — Файнштейн — не производил перед этим широкого информационного поиска? Не лазил по Сети как сумасшедший?

— Вы рассуждаете по аналогии со случаем Гильде?

«Так я и знал, что Клаус именно поэтому попал к ним под колпак!» — подумал Ким.

— Именно по этой аналогии я и рассуждаю, — признал он.

— Что ж, значит, вы довольно быстро схватываете суть дела. Это — уединение и невероятно глубокий «заплыв» в Сети — характерно для всех «ужаленных». В том числе, кстати, и для самого первого — Перальты. Только он поиск производил в области, которая плохо контролируется нами, — в области мистики, эзотерики, учений об измененных состояниях сознания. Мы это обнаружили уже после того, как вычислили самого Перальту. Так сказать, ретроспективно.

— Значит, эти люди — «ужаленные» — становятся чем-то вроде фильтров, через которые прокачиваются огромные объемы информации? — скорее признал, чем спросил, Ким. — Только вот в поисках чего?

— Вот это-то мы и хотим установить, — усмехнулся Лошмидт. — Не без вашей, заметьте, помощи. Есть несколько предположений. Одно — мое личное... Это, впрочем, не должно влиять на ход ваших собственных мыслей. Мне кажется, что суть Генетического Послания состоит в том, чтобы руками людей восстановить во Вселенной цивилизацию Предтечей. Их Мир. Они предвидели свою гибель. Никто точно не знает, отчего они погибли. Или ушли. Но они каким-то образом предвидели такое развитие событий. И оставили для разумных существ, которые унаследуют после них Вселенную, программу, которая этих наследников заставит снова воспроизвести Предтечей. Или подготовить их возвращение в этот Мир оттуда, куда они ушли, — из других галактик, из параллельных миров, из подпространства, из небытия... Я не знаю, откуда именно. И никто не знает. Впрочем, об этом потом. Вас в дорогу снабдят материалами с более внятными изложением и этой гипотезы, и других. А сейчас я немного увлекся.

Он помолчал, морщась и лоя, видно, ту мысль, с которой сбил его вопрос Кима.

— Вот еще что: одной из способностей, возникающих у «ужаленных», является способность к проникновению в различные защищенные от вторжения посторонних информационные блоки. Очевидно, у Предтечей существовала информатика, в основе своей сходная с нашей теперешней. Не всегда мы в силах найти следы такого проникновения. Так что надо быть готовым к тому, что тот же Гильде будет гораздо больше вашего осведомлен о некоторых секретах Федерации. В частности, о ходе наших изысканий в отношении Генетического Послания.

— Это радует, — криво усмехнулся Ким. И, обменявшись с обоими собеседниками кислыми взглядами, постарался вернуть разговор в покинутое было русло. — Так что же, теперь первый из «ужаленных» общается с богами где-то на Тибете, а второй — занимается научными исследованиями на «Вулкане-1001»?

— Не совсем так, — мрачно ответил ему Лошмидт. — Не совсем так...

Он снова кивнул полковнику, и тот выдал на экран следующее изображение. Ким еле слышно крикнул от удивления и досады.

Все в той же беззвездной бездне висел все тот же «Вулкан-1001». Только теперь — исковерканный, как детская игрушка, попавшая под колеса грузовика. Вместо строго выстроенной, почти симметричной системы сверкающих цилиндров, шаров, многогранников, соединенных тончайшей паутиной тросов, креплений, растяжек, в Космосе болталось обезображенное скопление смятых и разорванных остатков этих конструкций. Оно — это скопление — образовывало что-то вроде кольца, окружившего темный провал ничем не заполненного центрального пространства, из которого было выброшено все, что составляло прежде завораживающую мозаику обитаемого космического комплекса.

Голографический экран дисплея настолько натурально передавал бездонность пустоты Космоса, что Ким невольно ухватился за подлокотники кресла. Он облизал ставшие вдруг сухими губы.

— Три месяца назад, — продолжил Лошмидт, — связь Центра с «Вулканом-1001» прервалась. Были предприняты меры для выяснения причин этого. Вот что передали посланные в эту э-э... область дпространства автоматические зонды.

— Комплекс взорвался? Полетел какой-то из реакторов?

— Сейчас вопрос этот расследуется. Очевидно, результатов приходится ожидать не так уж и скоро. Скоро только кошки рожают, господин агент...

— Там... Там погибли все?

— Да нет. Только триста человек примерно. Остальные — около двух тысяч — уцелели, и сейчас их эвакуируют оттуда. Делать им там больше нечего. Комплекс непригоден к дальнейшей эксплуатации. Поэтому исследования в той области, которой занимался тамошний народ, свернуты. И надолго.

Лошмидт замолчал на несколько секунд, досадливо прикусив губу.

— Впрочем, не только поэтому. При катастрофе погибли не случайные люди. Выжжено практически все интеллектуальное звено разработчиков проекта. Его, так сказать, мозговая боеголовка. Погибла уникальная документация, экспериментальные установки. То, что там взорвалось, было не реактором...

— Вот как? А что же еще может дать такой... эффект? Ну, кроме боеголовки с антиплазмой, конечно.

— Ну, — покачал головой Лошмидт, — такой боеголовке там, скорее всего, просто неоткуда было бы взяться. Это — первое. А второе — характеристики взрыва совершенно нетипичны ни для действия аннигиляционного оружия, ни для «пошедшего вразнос» реактора. Это — нечто новое в такого рода практике. Да все реакторы Комплекса, как раз если и были разрушены, то не в результате того, что взорвались сами. Они получили, так сказать, вторичные, внешние повреждения.

— Тогда...

— Скорее всего, то, что произошло, — результат именно экспериментов по переброске энергии. Единственное, что сохранилось от документации, связанной с той разработкой, которую предложил руководству «Вулкана» Файнштейн, так это то, что она относилась к идее, получившей лет пять назад широкое распространение, — «выкачивать» энергию прямо из недр звезд. Не собирать зеркалами рассеянное излучение их относительно холодной поверхности, а напрямую, через какое-то подобие подпространственных туннелей получить доступ к тем их областям, что расположены ближе к центру — в зоне миллионноградусных температур и невообразимых давлений.

— Я читал на эту тему сайенс-фикшн, — припомнил Ким.

— На какое-то время, похоже, это перестало быть сайенс-фикшн, — пожал плечами Лошмидт. — Но сейчас — снова ею стало. И надолго. Скажу вам по секрету: это уже не первая крупная катастрофа на этом пути...

Он осекся, видимо раздумав выдавать собеседнику слишком много информации.

— По всей видимости, эта затея им — людям с «Вулкана» — удалась. Наверное, не без помощи идей, с которыми к ним пришел Файнштейн. И именно удача и погубила их. Возможно, они «проглотили» слишком большую порцию энергии. Из центра какого-нибудь Бетельгейзе. Впрочем, как вы видите, я слишком часто говорю «возможно» да «наверное».

Вернемся к сути дела. К судьбе «ужаленных».

— Я правильно вас понял, что Сол Файнштейн оказался среди этих трехсот погибших?

— Среди двухсот семидесяти двух, от которых даже пепла не осталось. По документам они проходят как «пропавшие без вести». А вот среди сорока четырех, тела которых удалось обнаружить и «собрать», тридцать восемь человек удалось опознать. Должен вас огорчить: среди опознанных один — ваш хороший знакомый. Николас Стокман.

— Гос-с-споди! — Ким удивленно приподнялся из кресла. — Его-то как туда занесло?!

Он понимал и раньше, что, скорее всего, с его старшим партнером стряслось что-то странное и за каким-то углом его подстерегла безноса. Но то, что старина Ник ушел из Мира сего по такой странной дорожке, поразило его не меньше, чем если бы он узнал, что является потомком и наследником инопланетянина.

— Как его туда занесло, спрашиваете? Да по следам Соломона Файнштейна. Через «Лексингтон Грир Лэбораторис» и через укус осы. А затем через «плавание» по Сети. Я вижу, господин Стокман не слишком делился с вами своими маленькими секретами... Полагаю, что он был запрограммирован как дублер Файнштейна. Да и сам Файнштейн в этом руку приложил: отслеживал тех, кто шел по его следу, и в нужный момент, когда понял, что один из его преследователей сам претерпел изменение сознания, организовал все так, что и Стокмана приняли на «Вулкан» на какую-то работенку. Может, ассистентом Файнштейна.

Ким потер виски. Преображение сразу двоих содержателей детективных агентств в физиков-теоретиков не укладывалось у него в голове.

— Тогда естественно предположить, что Гильде должен был бы пойти по той же дорожке, только после гибели «Вулкана» дорожка эта оборвалась и ему пришлось свернуть куда-то на окольный путь.

— Вовсе нет. Скорее всего, он вышел на совершенно другую дорогу и пошел по ней в совершенно другом направлении. Вы ведь пытались разобраться — по хронике его запросов в Сети и писем, — на чем сосредоточились его интересы. Простите меня, но я не думаю, чтобы эрудиция позволила вам в одиночку понять в этом хоть что-либо. У нас этим занималась аналитическая группа из двадцати специалистов. И неплохих специалистов, поверьте мне.

Лошмидт снова кивнул Йонгу, и на экране возникла движущаяся схема: раскинувшаяся на испещренном надписями экране, она сжималась в неровный круг, затем — почти в точку.

— Это — примерная схема того, как сужалась область интересов Гильде по мере того, как он «накачивал» себя информацией из Сети. Вот желтым — аналогичная динамика для случаев с Файнштейном и Стокманом. Для Файнштейна — посложнее, для Стокмана — попроще. По отработанному, так сказать, пути... Как видите, точки схождения у этих двоих лежат совсем в другой области, чем в случае Гильде. Клауса Гильде больше не интересуют вопросы транспорта энергии. Сфера его конечного, терминального, так сказать, интереса — это теория гравитации и сверток пространства. А это — прямая дорога на Чур. Именно там происходит самое интересное в этой области. Наши физики совместно с тамошними э-э... учеными разрабатывают весьма интересные проекты.

— Так что будет неудивительно, — предположил Ким, — если Гильде неожиданно явится в руководство одного из таких проектов в роли новоявленного гения и, как и Файнштейн, предложит какую-то, как вы выразились, «разработку»...

— Вы совершенно правильно сформулировали нашу основную версию-прогноз. Еще раз

должен сделать вам комплимент — вы хорошо схватываете суть дела. А потому прежде, чем вникать в суть дела уже детально, не ознакомьтесь ли вам с текстом вашего контракта?

На стол перед Кимом легла покрытая убористо набранными строками распечатка.

* * *

Теперь это, пожалуй, можно было назвать дружбой. Сначала это было просто взаимным интересом. Интересом немного враждебным, потом — окрасившимся в цвета соперничества. Потом — в цвета уважения. А под конец они начали шутить друг с другом. Хотя шутить с подростками с Чура — довольно тяжелое занятие. Не то чтобы у них не было чувства юмора. Просто оно у них было свое — совсем другое, чем у Вальки.

Сегодня утренний сеанс фехтования и рукопашной не состоялся. Фор был почему-то не в духе и, сделав пару выпадов, неожиданно предложил сыграть в «ряды» — игру на Чура всем известную и почитаемую весьма простой. Чтобы в нее выиграть, требовалось одно: быть очень догадливым. После первых двух конов у Вальки начал ум заходить за разум. Он смешал разложенные на краю бассейна фигурки и предложил пойти посмотреть на Констанс.

Как и полагалось порядочному космолайнеру, «Саратога» была оборудована смотровой палубой — на самом деле надежно упрятым под броней обшивки залом для просмотра голографической панорамы, которую передавали сюда внешние оптические сенсоры, расположенные на корпусе корабля. Но, как то диктовала традиция, в зале этом все было сделано так, чтобы забредающим в него пассажирам казалось, что они выходят на платформу, парящую непосредственно в Глубоком Космосе.

Как правило, картина звездного неба довольно скоро приедалась зрителям и их число уменьшалось, возрастая, пожалуй, только в момент приближения к какому-нибудь пересадочному узлу или к стоящей внимания планете. Сейчас таким предметом интереса служила Колония Констанс — огромная голубоватая жемчужина на черном бархате небес, подбитом сверкающими гвоздиками звезд.

Зрелище это было, безусловно, красиво, но, честно говоря, точно такое же, а зачастую и куда более впечатляющее можно увидеть, зайдя в любой видеосалон. Тем более что никто из пассажиров «Саратоги» решительно ничего не потерял на этой симпатичной на вид планетке. Тем не менее практически все они этим утром оказались на смотровой палубе, исполняя своего рода ритуал космических путников.

Когда Валька и его новые друзья присоединились к ним, услужливый электронный гид уже спешил сообщить собравшимся, в каком году и кем была впервые обнаружена и названа планета, служащая местом промежуточной остановки космолайнера, и кто осуществил первую высадку на ее поверхность. С неизбежностью, заложенной в самой природе ознакомительных лекций, последовали сведения об уникальном (до долей процента) совпадении массы, диаметра и состава атмосферы Колонии Констанс с соответствующими планетологическими характеристиками старушки-Земли. Вот только длительность суток и года подкачала, но не сильно. В сутках было только двадцать три с половиной земных часа, а год длился примерно четыреста двадцать земных суток.

Последнее, впрочем, практически не имело значения, поскольку из-за характерного наклона орбиты к плоскости эклиптики и огромной поверхности океанов и внутренних

морей смена времен года на обоих материках и многочисленных архипелагах Колонии почти не ощущалась, и ставшие уже аборигенами планеты переселенцы с Земли пользовались в своих целях слегка модифицированным земным календарем, в который была введена дополнительная «плавающая» неделя.

— А действительно, очень похоже на Землю... — счел нужным вслух восхититься Валька.

И покосился на окружающих — не попал ли пальцем в небо.

— Нет, — задумчиво бросила стоявшая за спинами Гана и Фора Анна, — Земля, она как-то более... ну, более пестрая что ли. Ты разве не заметил?

— А пока мы будем крутиться вокруг нее, — Валька кивнул на голубую жемчужину, — нам включают невесомость?

Отвлекающий маневр удался, и сопровождающая принялась вполголоса объяснять ему, что, во-первых: не невесомость «включат», а двигатели постоянного разгона выключат, а во-вторых, расписание пребывания в невесомости и выполнения разных маневров есть на каждом терминале и надо его знать, чтобы обойтись без синяков и шишек...

Гид тем временем уведомил слушателей, что толща океанов Колонии насыщена огромным количеством водорослей разных видов, которые и послужили поставщиками атмосферного кислорода планеты, а поверхность суши, за исключением горных вершин, покрыта густыми лесами, в которых обитает относительно небольшое количество видов не слишком высокоорганизованных травоядных животных. Хищников практически нет. Практически нет и микроорганизмов, опасных для человека и земных животных и растений.

— Прямо рай земной, — заметил кто-то из собравшихся.

И тут же поправился:

— То есть, тьфу, неземной как раз...

Гид поспешил разочаровать его, сообщив, что ни местные животные, ни растения не представляют пищевой ценности для человека, ввиду несовпадения их аминокислотного и какого-то еще состава с составом земных организмов. Интродукция же таких до сих пор продвигается со скрипом, и большая часть населения Колонии питается продукцией химических пищевых синтезаторов.

Последовала еще чья-то ироническая реплика:

— Счастливыцы...

И народ начал расходиться, хотя гид бодро перешел к истории освоения Колонии и последовавших за этим политических пертурбаций. Политической жизнью планеты, на поверхность которой твоя нога никогда сроду не ступала и не собирается ступить никогда, можно было заинтересовать лишь очень уж скучающего субъекта.

Мальчишки тем не менее задержались на смотровой-главный образом потому, что опершись о перила, препятствующие по замыслу дизайнеров падению зрителей в «глубины Космоса», старый космический волк Лесли Коэн буркнул себе под нос:

— И вот у этой-то милой и цивилизованной планетки мы и потеряли навсегда грузовой модуль с «Фантагино». Четыреста тонн стабилизированного трития. И славного малого Поля Вострикова — в придачу.

Валька тут же воробьем взлетел на перила и устроился на них, свесив правую ногу. Фор и Ган тоже решили задержаться. Ребята уже знали, что вслед за таким вот зачином — при наличии благодарной аудитории — последует леденящая душу история с обязательным завершающим пассажем: «Расскажи мне все это кто другой, я не поверил бы ни единому его

слову. Но я видел все это сам, вот этими, ребята, глазами...»

Когда этот пассаж был в бог весть знает какой раз успешно пройден и стало ясно, что старик Лесли торопится куда-то по делам в отсек экипажа, мальчишки двинулись в игровой зал, обсуждая по дороге подробности только что выслушанной истории.

— Если бы у людей Чура были звездолеты, — заметил Фор, — то они все-таки не делали бы с ними таких глупостей...

— Как знать, — возразил Ган. — Одни глупостей бы не делали, а другие — вместо них — делали бы. И еще как.

Он помолчал и добавил:

— Я не понял только одного: почему старик Лесли так говорит... Например: «И тогда секунд заорал мне по селектору: „Держись, старина Кэн!“» И так — несколько раз...

— Наверное, жаргон такой, — пожал плечами Валька.

* * *

— Вот ваши билеты, полис и все прочее...

Полковник Йонг двинул по столу в сторону Кима большого формата конверт.

— Оказывается, на чертовом «лайнере повышенной комфортности» второй класс оплачивается чуть ли не как люкс на нормальном корабле.

Ким изобразил на лице живейшее сочувствие и отправил конверт в сумку.

— Так... Ваше удостоверение на ношение огнестрельного, импульсного и холодного оружия на борту космических судов.

— У меня уже есть такое.

— У наших бумажек котировка повыше, чем у тех, что выдает полиция, — хмуро улыбнулся полковник. — Теперь — внимание. Ваш фальшконтракт. Тот, что вы покажете Гильде в обоснование получения от нас проездных. Прочитайте внимательно. Вы должны заняться проблемой Нелюди. Только не вздумайте действительно тратить на нее хоть минуту времени. Ваш объект — Гильде, и только Гильде... Тут — конспект вашей легенды. Извольте выучить назубок и вернуть мне. Мы со своей стороны будем поддерживать именно эту версию. Это — ваши кредитные карточки. На предъявителя. Вот эти — белые — по идее принимают к оплате даже на Чуре.

Постарайтесь сохранять все чеки и счета. Ответность она и на Чуре ответственность.

Ким со вздохом сгреб карточки и принялся заботливо раскладывать их в бумажнике.

— Медкомиссию пройдете в окружном госпитале. Я дал им знать, чтобы вас не мурыжили долго.

— Очень вам обязан.

— Теперь — спецоборудование... Ваш выход, профессор.

Ким с интересом воззрился на раскладываемые перед ним предметы.

— Это и это — на крайний случай. — Лошмидт отодвинул в сторону невзрачный электрокарандаш и довольно безвкусный брелок для ключей. — Одно стреляет, другое выбрасывает парализующий газ. Прочтете вот эти инструкции. Здесь и сейчас — после нашего разговора. И вернете эти бумажки лично мне.

Профессор двинул к Киму массивные часы на кожаном ремешке.

— Наш стандартный регистратор. Повышенная надежность. Блокировка подслушивания

и контрблокировка. Ну и инструкция к нему. А это... — Лошмидт потряс в воздухе еще одной карточкой. — Это то, что вам не следует показывать кому попало... Никому не следует знать, что мы имеем отношение к таким вещам...

Ким уже понял, о чем идет речь. У него самого во внутреннем кармане покоилась почти точно такая же «такая вещь»... Впрочем, афишировать этого не стоило.

«Будем надеяться, что Спецакадемия фабрикует электронные отмычки качеством повыше, чем чистodelы с Мелетты», — подумал он, выслушивая разъяснения профессора о правилах пользования «универсальным ключом».

— Так... Теперь держите и внимательно изучите вот это.

На стол перед Кимом легли отмычки другого рода — четыре по-разному оформленных документа, подтверждающие, что господин Яснов является внештатным сотрудником четырех служб безопасности четырех различных Миров, каждый из которых имел соглашения о взаимопомощи и сотрудничестве с федеральными силовыми структурами. Бумаги были бесспорной липой, но выглядели вполне солидно. Ни в одной из них ни одним словом не упоминалась Спецакадемия и ее к агенту Яснову отношение.

— Смотря по обстоятельствам, вы сможете предъявить то или иное из этих удостоверений, — щедро разрешил Киму Йонг. — В случае, если последуют на этот счет запросы, мы организуем их подтверждение. А вот ваш экземпляр нашего с вами контракта я настоятельно вам рекомендую при себе не иметь. Вы могли бы на время своего отсутствия доверить документ...

— Благодарю вас, — торопливо прервал его Ким. — Он уже находится в надежном месте.

— Ну что же...

Йонг с деланным равнодушием отошел к окну. Лошмидт извлек из стола внушительного вида бумажник:

— Это — типовая аптечка. Старайтесь держать при себе. Кажется, с этим все. Связь с нами поддерживайте через обычный мобильник. Он у вас хорошо защищен. Через корабельный узел связи. А на Чуре — напрямую.

— Вы тоже туда собрались?

— А как же! Группа поддержки. Только мы с полковником, с вашего позволения, не будем перегружать борт «Саратоги». Нас прихватит крейсер ОКФ. Он отбывает в те же края. Вот наш кодовый канал там... Запомните — борт боевого корабля Федерации «Цунами».

— Ну что ж... Вы, я чувствую, очень неравнодушны к тайнам господина Гильде...

— Это вам следовало понять давно. Теперь главное. Наденьте это...

— Надо же... Циркониевый браслет. Антикварная штука.

Ким чуть поправил точно легший на запястье браслет из тускло поблескивавших причудливых металлических пластинок,

— С этим не расставайтесь никогда. Если вам оторвет левую руку, наденьте его на правую. Это — молекулярный регистратор. Будет писать все звуки, электромагнитные сигналы и голографическое изображение всего, что происходит вокруг вас в радиусе сорока метров. Не поддается обнаружению. Не боится воды и умеренного нагревания. Нет способа его заблокировать — только при полном уничтожении прекратит запись. Емкость памяти — терабайты. И еще, после соответствующей настройки — сейчас я этим займусь — он будет присматривать за вашим здоровьем и, случись что, выдаст радиосигнал. Будет сигналить и если вы снимете его с руки. Или с вас снимут...

Ким постарался хотя бы отдаленно представить себе стоимость тусклой металлической ленты, обернувшейся вокруг его руки, — и не смог.

— Ну что ж, постараюсь начинить его информацией поинтересней, чем мой ночной храп.

— Очень надеюсь на это, — заверил его профессор. — Но постарайтесь сберечь и вот это запоминающее устройство, — Он перегнулся через стол и аккуратно постучал кончиками пальцев по лбу агента. — Поверьте, это будет не так легко.

* * *

— Ты сама виновата в том, что этот тип никак не отвяжется от тебя! — с убежденностью в голосе сказала тетушка Розалинда своей непутевой племяннице Мэри Энн Мак Брайд.

За неимением у бедной сиротки других родственников на Констансе тетка Розалинда считала своим долгом наставлять родственницу на путь истинный и делала это с регулярностью и упорством, достойными лучшего применения.

— Господи! Да я вот уже недели две не оказываю этому несчастному никаких знаков внимания! — с раздражением возразила Мэри Энн. — Бедный парень, наверное, весь извелся — не понимает, за что я его так.

— Вот-вот! Ты жалеешь его! Ты не можешь сказать ему «нет»! Ты все время говоришь «может быть»! А между тем, когда вполне достойные парни постоянно видят тебя в обществе этого индейца, они теряют надежду сблизиться с тобой.

— Меня уже давно не видят в его обществе. И он не индеец. У него кто-то из предков был из Кореи. А родился и учился он в Метрополии, в Сибири. И ведет себя очень прилично. Не могу же я, как последняя неврастеничка, ни с того ни с сего закатить ему истерику и поссориться на веки вечные?!

— Прилично вести себя с девушкой, с которой ты хочешь строить семью, это значит прилично зарабатывать и зарабатывать стабильно, а не зависеть от того, с какой ноги встанет сегодня фортуна! Подумай, какую семью могут образовать здесь, на Констансе, стажерка юрфака и частный детектив-неудачник без практики?

— Кто тебе сказал, что мы уже собрались организовывать семью?! — взвилась Мэри Энн. — Мы просто друзья, и то, что ты вмешиваешься в наши отношения...

Неизвестно, к каким еще аргументам прибегли бы обе стороны в развернувшейся дискуссии о дружбе между мужчиной и женщиной, если бы дебаты эти не прервал звонок в дверь.

— О господи! — воскликнула тетушка Розалинда, всплеснув руками. — Меня сейчас хватит удар!

Она указала рукой на экран внешнего наблюдения, укрепленный над дверью гостиной, в которой происходил разговор.

— Этот тип теперь приперся прямо к тебе домой!

— Ну и что в этом такого? — возразила Мэри Энн, несколько демонстративно нажимая кнопку открытия входной двери.

Этажом ниже запел моторчик и щелкнули замки, пропуская в квартиру предмет столь бурного обсуждения директора и единственного сотрудника агентства независимых частных

расследований «Ким».

— Привет! — весело чирикнула Мэри Энн, сбегая по лестнице и имея в арьергарде далеко не столь гостеприимно настроенную тетку Розалинду. — Что это за прелесть ты притащил?

Прелестью была поименована затейливой формы клетка, которая содержала в себе лысого и недовольного всем происходящим попугая. Ким держал ее в правой руке. В левой у него был небольшой саквояж.

— Я зашел попрощаться... — начал Ким. — Видишь ли, я тут подцепил контракт на хорошую сумму. Государственный. Но вылетать должен срочно. И мне совершенно не с кем оставить Джерико...

— Ага! — с удовлетворением отметила Мэри Энн. — Так это и есть знаменитый Лорд Иерихонский! Тот самый, который тебя так доставал. Мерзкое, надо сказать, создание.

— Это, однако, не лишает его права на жизнь, — вздохнул Ким.

— А по-моему, он очень мил... — неожиданно встала на защиту диковинной птицы тетка Розалинда. Впрочем, если подумать, Джерико не мог быть ей немил, раз он доставал настырного метиса.

— Оч-ч-чень... — скромно подтвердил ее мнение Джерико.

— Ладно, тогда вы и будете чистить ему клетку! — поймала ее на слове Мэри Энн, принимая упомянутый предмет из рук Кима.

— Это достаточно делать всего два раза в неделю, — торопливо вставил Ким. — А вот воду ему лучше менять дважды в день. А корм — вот его тут надолго хватит. Надо только, чтобы кормушка не пустовала.

Он протянул Мэри Энн саквояж. Та подхватила его, быстро передоверив клетку с Джерико тетке, которая тут же принялась пристраивать ее на подоконнике. Джерико весьма скептически наблюдал за этими эволюциями.

— На всякий случай — вот ключ от офиса, — добавил Ким со вздохом. — Там ты найдешь этого корма еще с полтонны...

— Ты улетаешь надолго? — с тревогой в голосе осведомилась Мэри Энн, прикидывая вес саквояжа. — Кстати, куда, если не секрет?

— Сперва до «Памира». Это — дрейфующий пересадочный комплекс... — несколько неопределенно ответил Ким. — А там — дальше...

Он не стал уточнять срок своего отсутствия.

— Пожалуй, стоило бы отметить твой контракт и твой отъезд, — бросив на тетку ядовитый взгляд, предложила Мэри Энн. — Чашечкой кофе у Мартинеса.

— Облом, — с неподдельным огорчением отозвался Ким. — У меня до посадки на шаттл — шесть часов. А мне надо с медиков содрать еще четыре карантинные справки. Но на слове тебя ловлю: отметим по возвращении. У Мартинеса.

Симпатичная мордашка Мэри Энн скривилась в обиженной гримасе.

— Ладно, Ким, За мной не заржавеет. Буду кормить твоего уroda и вспоминать о тебе. Если хочешь — даже лить слезы. А ты уж давай — со щитом или на щите...

Ким почувствовал себя совершеннейшим негодяем.

— Ну, я погнал, — бросил он смущенной скороговоркой. — До скорого, Мэри Энн, до свидания, мэм. А ты веди себя хорошо, Джерико...

В том, что Лорд Иерихонский внемлет его прощальной просьбе, Ким порядком сомневался. А потому, оказавшись наконец в кабине своего кара, он рванул с места с

максимально возможным ускорением. И его вздох облегчения был порядком замешан на чувстве вины.

— Ты его обидела, — сообщила тетка Розалинда, имея в виду Лорда Иерихонского. — По-моему, это старая, полная достоинства птица. Естественно, что ей нелегко приходится с этим типом...

— Стар-р-рая! — растроганным эхом откликнулся Джерико. — Стар-р-рая стер-р-рва! Не-на-ви-жу!!!

Убедившись, что необходимое действие на аудиторию оказано, старая, полная достоинства птица закрепила достигнутый результат: перевернулась на жердочке вверх ногами и, находясь в своей излюбленной позе, подмигнула тетке Розалинде и предложила:

— Тр-р-рахнемся р-р-разок, кр-р-расотка?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РЕЙС «САРАТОГИ»

ГЛАВА 6

ЗНАКОМСТВА НА «САРАТОГЕ»

Самым неприятным в предстоящем полете для Кима была неизбежная первая встреча со своим противоречивым работодателем на борту корабля. Если бы Гильде не был профессиональным детективом, можно было бы быть спокойным насчет того, что ему нетрудно окажется «впарить» более или менее правдоподобную версию того, как агенту удалось в считанные часы раздобыть уйму денег на оплату путешествия к Чуру и преодолеть все формальности, для такого путешествия необходимые. Но в том-то и была беда, что таких версий сам Гильде мог за полчаса сочинить огромное количество. А потому и «расколоть» их все до одной.

Поэтому, взбегая по трапу «челнока» — второго и последнего, доставлявшего груз и единственного пассажира на борт «Саратоги», — он испытывал неприятное ощущение где-то под ложечкой. Гильде благополучно убыл туда еще с первым шаттлом, и теперь, судя по приложенному к билетам расписанию внутренней жизни корабля, его ожидал не слишком приятный сюрприз в виде встречи с Кимом визави за завтраком в кают-компании.

* * *

Сюрприз достался, однако, самому агенту. И не один, а сразу несколько.

Первым из них (и относительно приятным) было то, что Клаус к завтраку не вышел. И, соответственно, отсрочил момент предстоящего сложного разговора. Если бы дело ограничилось только этим, Киму оставалось бы только возблагодарить Бога и приступить к гренкам с абрикосовым желе. Но были и другие сюрпризы.

Второй был тоже достаточно приятен и предстал перед ним в виде аристократически тонкого профиля соседки по столу. Выражение лица девушки было не слишком стервозным, и новому соседу она была явно рада. Приятное соседство хоть в какой-то степени компенсировало далеко не приятные предчувствия, владевшие агентом.

Третий сюрприз трудно было назвать приятным или неприятным. Окинув взором собравшихся за столом, Яснов увидел до боли знакомое лицо. Ким готов был поклясться, что физиономию эту — загорелую и мужественную — он уже видел. И видел не в очередном сериале, а скорее всего в каком-то файле, из рассылки какой-нибудь из служб криминальной информации. И было это явно не на Констансе. Память на лица у Кима была прекрасной.

Должно быть, он с излишним вниманием всматривался в лицо своего визави, потому что тот широко и располагающе улыбнулся в ответ на проявленное к нему внимание и попросил передать ему баночку с джемом. Кэн Кукан привык привлекать к себе внимание и не почуял беды. Во всяком случае, не придавал значения тому, что тип напротив не только внимательно к нему присмотрелся, но и несколько раз покрутил настройку своих массивных часов.

Баночку Ким охотно передал. Именно в момент выполнения этой невинной просьбы судьба преподнесла ему очередной подарок, что было уже явным перебором.

Капитан Хеновес — во исполнение принятого на борту «Саратоги» ритуала — приступил к процедуре взаимного представления нового пассажира и «маленького, но

дружного» сообщества путников, уже обживших гостеприимный корабль. Настроен кэп был игриво и потому после короткого изъявления сожаления о том, что «предприниматель, следующий по своим делам», господин Клаус Гильде, вероятно, предпочел несколько часов здорового сна присутствию за общим столом, объявил нечто, слегка развеселившее всех, за исключением разве что мрачноватых господ Клини и Чорриа.

— Господа, — доверительным тоном сообщил он. — Смею заверить: те из вас, кто не доверил ценности и какие-либо э-э... документы сейфам «Саратоги», могут вздохнуть с облегчением. Если что-нибудь из предметов такого рода неожиданно испарится из ваших апартаментов, если у вас совершенно бесследно пропадет любимый портсигар или шлепанцы или если среди нас просто окажется серийный убийца, то в вашем распоряжении теперь наш, так сказать, корабельный Шерлок Холмс... Разрешите вам представить директора одного из лучших агентств частных расследований Колонии Констанс господина Кима Яснова, которого его деликатные — тс-с-с! — обязательства перед клиентами влекут в столь экзотические и удаленные от его отечества...

«Директор одного из лучших агентств» вежливо приподнялся и, натужно улыбаясь, ответил полупоклоном на жиденькие аплодисменты, последовавшие за столь иронически-помпезным представлением его персоны. Мысленно поименовал кэпа Хеновеса придурком и, опускаясь на свое кресло, отсалютовал честному народу тихо шипящим бокалом. По случаю раннего часа, когда даже лошади и аристократы не пьют шампанского, бокал был наполнен невинным джин-тоником.

* * *

Еще один из сидевших за столом выдавливал из себя радушную улыбку с большой натугой.

«Опять Господь мне подянку подкинул, — зло сообщил сам себе Кэн Кукан. — Это ж в дурном сне такого не увидишь, чтобы чертовы ищейки в такие места своим ходом перлись. Куда ж от них, сволочей, теперь деваться? Не та Периферия стала, совсем не та! И ведь надо же аккурат под бочок к белобрысой фрейлейн устроился!»

— Так вы, оказывается, сыщик? — тихо осведомилась соседка Кима. — Как интересно... Или вас лучше называть «частный детектив»?

— В наше время это называется «агент», — также тихо объяснил Ким. — «Агент на контракте»... А вас как титуловать, мисс?

— Тс-с-с, — поднесла тонкий палец к губам его новая знакомая. — Сейчас кэп вам представит нас всех по очереди...

Она не ошиблась, и несколько минут спустя Ким получил возможность выразить собеседнице свой глубокий интерес к ее головоломной, по его мнению, задаче. Правда, сделать это он чуть не забыл — по той простой причине, что именно в этот момент неугомонное подсознание выдало ему результат своей подпольной работы: он вспомнил наконец, когда видел изображение франтоватого брюнета, сидевшего напротив него, и какой текст сопровождал это изображение. Если человек напротив, представленный ему как Лесли Коэн, действительно носил это имя, то он сам — Ким Яснов — был, без сомнения, Папой Римским.

Так что конца завтрака Ким дожидался с нетерпением и был настолько рассеян, что,

надумав продолжить знакомство со своей соседкой, молвил:

— Простите, Мэри Энн, как вы смотрите на пару сетов в теннис через полчаса? Здесь, судя по рекламному буклету, есть что-то вроде спортзала...

— На пару сетов в теннис я смотрю положительно, — сердито ответила та, — но Мэри Энн зовут какую-то другую вашу знакомую...

«Вот она — кара господня за неверность даме сердца, — упрекнул себя Ким, направляясь в корабельное отделение связи. — Это ж надо так обмишуриться... Везет мне на знакомых с двойными именами!»

Подумав, он не стал направлять свой запрос в полицейскую информационную Сеть Федерации, а адресовал его на борт «Цунами». В конце концов пусть свой хлеб отрабатывают полковник Йонг и профессор Лошмидт. Их уровень доступа к Сети намного превосходил уровень доступа рядового пользователя, которым был простой директор агентства «Ким».

* * *

До пары сетов в теннис Анна Лотта таки снизошла. Собственно, теннис и легкая, ни к чему не обязывающая болтовня заняли у Кимачесе время до того неожиданно наступившего момента, когда гонг призвал господ пассажиров к обеденному столу. За которым Клаус Гильде также не подумал появиться. Анна Лотта, решив, видимо, что чересчур много времени уделила новому знакомому, обрела чопорный вид и с едой покончила решительно и быстро. После чего вместе со своими подопечными убыла для продолжения занятий по «Основам земной цивилизации» и по «Наукам и умениям», которые были необходимыми компонентами в составе культуры людей Чура. Оставшись наедине со своими проблемами, Ким снова ощутил их масштаб и немного запаниковал.

Прежде всего следовало выяснить, действительно ли Клаус Гильде находится в своей каюте (или в каком-то другом месте) и жив ли он. Не мешало бы также знать, подозревает ли Клаус о том, что его агент на контракте находится на борту «Саратоги» и если да, то как он к этому относится. Самым простым способом сделать это было снять трубку любого из видеофонов, развешанных чуть ли не по дюжине в каждом помещении пассажирского отсека, и, справившись в бортовой службе информации, позвонить Гильде прямо в его каюту. Но был ли самый простой способ самым умным, Ким сказать затруднялся.

Сутки-другие он решил-таки выдержать, не предпринимая активных действий, а остаток времени до предстоящего ужина провел, изучая пассажирский отсек «Саратоги». Честно говоря, распорядок жизни больших лайнеров, где пассажир второго класса волен был принимать пищу в столовой-автомате тогда и в том обществе, которое ему заблагорассудится, был ему гораздо более по душе, нежели аристократически-семейная манера приема пищи, принятая на этом мини-лайнере. Так что Гильде, с порога отвергнувшего здешние традиции, можно было понять.

Тишина и безлюдье на борту после вечернего приема пищи окончательно докончили агента. Анна Лотта, обменявшись с ним парой слов относительно последних новостей из Метрополии и неважно заваренного чая, вновь удалилась доучивать вверенных ее заботам так неуловимо напоминающих волчат мальчишек с Чура премудростям земной Цивилизации. Очевидно, считалось, что у них ни одна секунда не должна была пропасть

даром, без пользы для укрепления вечной дружбы между Федерацией Тридцати Трех Миров и Цивилизацией Чур.

Бар «Саратоги» показался Киму чересчур уж претенциозным заведением. Дизайнер, оформлявший это тесноватое помещение, явно был большим почитателем изысканной старины. Точнее сказать — одного только Бердсли. Ким вообще-то не обладал большими познаниями в области истории искусств. Но по совершенной случайности именно на этом мастере начала двадцатого века он собаку съел. О, это было прекрасным воспоминанием ранней юности — работа с самим Грековым — легендарным Греком из Питерского филиала Управления... Правда, в роли всего-навсего стажера, но зато — в расследовании знаменитой теперь истории с «Двумя Бердсли»... История получила широкую огласку, и Ким даже удостоился быть походя упомянутым в обстоятельном репортаже «Криминального ревью».

Мазила, оформлявший бар, с успехом довел манеру своего кумира до полного абсурда. Что до цен, то Киму так и осталось непонятным, почему спиртное здесь наливают не из микропипеток, а закуску отмеряют не в каратах.

Короче, ни малейшего желания задерживаться у стойки он не испытал.

Зал «виртуалки» — прекрасно, надо сказать, оборудованный — он покинул, ограничившись коротким его осмотром на предмет присутствия в нем Гильде. Эта коммерческая реализация идей епископа Беркли почему-то никогда особо не привлекала Яснова. Даже слегка пугала его темным, подсознательным намеком на то, что окружающая действительность может вдруг оказаться лишь зыбким сном.

В курительной — имитации чего-то очень старинного и респектабельного — и библиотеке — тоже вполне декоративной — он не задержался. Гильде не было и здесь, читать и смотреть фильмы можно было и в собственной каюте, с компа, не мозоля глаза народу, а курением агент не грешил сызмальства.

На корабле оставалось еще достаточно мест, достойных всяческого внимания. Но были и более разумные способы заглянуть в них, не болтаясь по всему кораблю. Давала себя знать бессонная ночь, убитая на посадку на борт «Саратоги». Свое сделал и перебор сетов в теннис — манера игры Анны Лотты с непривычки основательно умотала его. Кимом владело привычное желание наедине с собой в конце дня немного осмыслить его события и прикинуть планы на день следующий. Все это взяло верх, и Ким не торопясь направился в свою каюту.

Путь туда он выбрал несколько неудобный, но зато проходивший мимо каюты, в которой, согласно справке бортовой информационной системы, был размещен странствующий по своим делам предприниматель Клаус Гильде.

* * *

Собственно говоря, смешно было рассчитывать на то, что созерцание стандартной гермодвери гражданского образца, хотя бы даже и в эксклюзивном исполнении, даст ему что-то необходимое для принятия хоть какого-нибудь толкового решения. Скорее, Ким надеялся на свои эмоции, на то, что неожиданно для себя надавит на сенсор входного звонка и как ни в чем не бывало поздоровается с Клаусом. Он уже почти окончательно решил, что именно так оно и будет, когда подошел к каюте номер 14.

На двери болталась табличка «Не беспокоить».

Ким постоял немного в задумчивости. Затем пожал плечами и медленно двинулся дальше по круто изгибающемуся коридору. Что-то мешало ему. Что-то было не так...

Он резко обернулся.

Из сдвинутой чуть в сторону двери напротив на него пристально смотрели любопытные мальчишечьи глаза.

Мальчишка молниеносно среагировал на разоблачение и дернул рукоятку, пытаясь мгновенно скрыться в каюте. Но гермодверь космолайнера была наделена немного большей инерционностью, чем садовая калитка, и мгновенно захлопнуть ее мог только синхронный взрыв пары-другой аварийных силовых патронов. Сообразив это, мальчишка потянул рукоять в другую сторону и широко распахнул проход перед Кимом.

— Мистер? — сказал он, широко улыбаясь.

— М-м-м? — вопросом на вопрос отозвался ввергнутый в некоторое недоумение агент.

— Капитан... Он правду сказал, что вы — сыщик? — осведомился мальчишка. — Да? Ловите преступников?

— Ну... Это сейчас не так называется... Сейчас говорят агент...

Странное изменение произошло с глазами мальчишки. Они заблестели каким-то веселым, но чумным, чуточку нехорошим блеском.

— Агент? Нет, правда агент... Нет — лучше сыщик. Так как-то старомодно, но...

— Но в целом верно. А ты — тот самый «пятнадцатилетний капитан», что летит на Чур в одиночку? Валя Старцев?

— Не на сам Чур... — торопливо поправил его Валька. — И мне только четырнадцать...

У Кима сложилось впечатление, что Жюля Верна Валентин не читал.

— А вы... Вы и сейчас кого-то ловите?

— Ну, понимаешь...

Ким почесал в затылке.

— Агентства независимых расследований, — стал объяснять он, — не только преступлениями занимаются. И не только преступников разыскивают. Я вот, например, однажды по контракту полгода разыскивал двух хамелеонов с Гринзеи. А это почище, чем отловить самого хитрого грабителя. Грабитель не может притвориться ботинком или клюшкой для гольфа...

— Ух ты! — восхищенно выпалил Валька. — Они, правда, так могут?

— Правда, — заверил его Ким. — Они — полиморфы. Их же часто по ТВ показывают. Ты разве ни разу не видел?

— И вы их поймали? Обоих?

— Поймал.

Ким почесал нос и решил оставаться честным до конца.

— Одного — поймал сам. А другого отловил один хитрющий жулик. И пришлось платить ему выкуп — хозяева очень хотели, чтобы у них была этих хамелеонов именно пара — самец и самка. Жулика того потом поймали, но это уже другая история...

Валька с уважением посмотрел на взрослого, который, судя по всему, не стал преувеличивать своих заслуг в деле спасения неземных зверушек.

— А сами эти... хамелеоны. Они как потом — жили нормально? И размножились?

Честно говоря, Ким мало интересовался дальнейшей судьбой предполагаемой четы гринзейских псевдоящериц. У него хватало других забот.

— Да, у них все было окей, — заверил он любопытного собеседника.

— А как вы их ловили? — с интересом спросил Валька. — Расскажите?

Ким, ощутив некоторую неловкость, огляделся, поправляя галстук. Разговор на пороге явно затягивался. Валентин понял его по-своему.

— Да это... Вы давайте, заходите, — бесхитростно предложил он. — У меня чай хороший есть — с Земли... А то Ган и Фор только в восемь от себя выползут. И поговорить не с кем.

«Парнишка, должно быть, ужасно скучает», — подумал Ким.

— А ты с ними дружишь? — спросил он.

— Угу, — отозвался Валька. — Они — странные такие. Как эльфы... Заходите, не стойте.

«А Толкиена он вроде читал», — отметил агент.

Он благодарно улыбнулся и шагнул в широко раздвинутую дверь.

* * *

К тому времени, когда часы в уголке экрана дисплея корабельной сети ненавязчиво сообщили, что бортовое время «Саратоги» точно двадцать ноль-ноль, Ким убедился, что чай у Валентина действительно хороший, сам Валька — благодарный слушатель, а он — Ким Яснов — не лишен способностей профессионального рассказчика. Радуюсь, что не успел надоесть своему новому другу, Ким отклонялся Вальке, спешившему на встречу со своими странными сверстниками. Перед дверью, внутреннюю сторону которой украшало зеркало, агент задержался на пару секунд — поправить галстук.

Странное, мимолетное движение в глубине призрачного пространства привлекло его внимание: там, за его спиной, Валька, занявшийся было уборкой со стола пластиковой утвари разового пользования, отвлекся на то, чтобы мгновенным, каким-то несвойственным для него, чуть вороватым жестом подхватить со стола и поставить на ребро небольшой прямоугольный предмет — стандартную, снятую поляроидом или кодаком карточку.

Да, точно карточку. Ким ее заметил — краем глаза — брошенную на стол лицом вниз. Стоп. Не просто брошенную. Валька положил ее так, усаживая Кима за стол. А теперь снова повернул — чтобы видеть то, что на ней изображено. Ладно, у таких вот мальчишек, в одиночку странствующих по галактике, не может не быть каких-то секретов. Бог с ними — с детскими тайнами. Агенту на контракте хватает и взрослых тайн — например, тайны предпринимателя, путешествующего по собственной надобности, Клауса Гильде.

* * *

Табличка с просьбой не беспокоить обитателя каюты номер 14 продолжала болтаться на двери, за которой должен был находиться Клаус Гильде. Но почему-то у Кима все более крепла в сознании уверенность, что либо нет за ней никакого Клауса, а если он там и есть, то вряд ли в трезвом уме и добром здравии.

Он решительно надавил сенсор дверного звонка.

Звонком, впрочем, раздавшуюся в глубине каюты и еле слышную сквозь дверь трель назвать вряд ли можно было. Нажимая сенсор раз за разом, Ким выслушал добрую дюжину

таких трелей. Покуда он занимался этим делом, из дверей своей каюты выкатился Валька и, с интересом посмотрев на Кима и атакуемую им дверь, скрылся за крутым поворотом коридора. Ким прибег к последнему приему настырных посетителей: рискуя переполошить всех обитателей отсека, постучал в дверь рукояткой складного ножа. Никакой реакции со стороны Клауса не последовало.

Пора было переходить к более современным, хотя и куда менее законным методам установления контакта со странным клиентом.

Пускаться в ход свои отмычки Ким поостерегся. Бог весть какие изменения произошли в сознании человека, всего несколько недель полностью доверившегося своему агенту на контракте. А они наверняка произошли в нем — нормальные люди редко с таким упорством не реагируют на попытки посетителей привлечь к себе их внимание. Сейчас от него в ответ на «несанкционированное вторжение» в его жилище, похоже, можно было ожидать всего. От иронического приветствия до удара по маковке чем-нибудь тяжелым. Как среднее арифметическое мог рассматриваться просто грандиозный скандал.

Так что стоило привлечь к делу технику посложнее. Таковая в распоряжении Кима имелась.

* * *

Вывесив на своей двери точно такую же табличку, что и его клиент, Ким тщательно запер за собой все наличествующие замки.

«Ладно, — констатировал Ким, — два с небольшим часа ты потерял: тоже мне — Шахерезада нашлась, сказки детям на ночь рассказывать... Правда, — сгладил он, самому себе адресованный упрек, — есть в этом и плюсы. С забавным мальчишкой подружился, не дал ему со скуки пропасть. И чай у него — действительно замечательный. Кто его так заваривать научил? Вообще, с подростками дружить бывает для дела полезно. Шерлок Холмс лондонскую пацанву на все сто использовал...»

Он усмехнулся собственной наивности. Скорее всего, его потому всегда тянуло на общение с неуспевшими повзрослеть подростками, что сам он так еще до конца не стал взрослым.

«Ладно! — сказал он себе. — Нечего разводить сантименты! Пора браться за дело!»

Открыв чемодан, он извлек на свет божий свой переносной комп — на вид слегка уже устарелый и слегка громоздкий, но хорошо «заапгрейженный» и оснащенный многими «специальными функциями».

Весьма специальными.

Пригасив освещение, он занялся подключением своего верного компа к корабельной Сети.

Само по себе деяние это не могло рассматриваться как противозаконное. В явное противоречие с недвусмысленными положениями Трех Конституций Ким вступил лишь тогда, когда, осенив себя крестным знаменем и порядком попотев, взломал защиту видеоканала службы внутренней безопасности «Саратоги».

На этой стадии его действия, хотя и были предосудительными, все же не представляли очень уж крупного греха: камеры, совершенно открыто установленные в узловых пунктах корабля — местах общественного пользования, узловых переходах и тамбурах — вообще

говоря, не слишком стесняли права личности членов экипажа и пассажиров, а вот пользу при возникновении разного рода экстренных ситуаций бывало, что и приносили.

Ким «прошелся» по картинкам, поступавшим с этих точек, и с некоторым облегчением умозаключил, что Клаус не засел ни в каком из укромных уголков корабля, а скорее всего находится в своей каюте. А вот на Валентина и его друзей он наткнулся в самом неожиданном месте: вся пятерка — трое мальчишек и двое Псов активно исследовали какое-то довольно просторное помещение — на вид совершенно пустое. Ким и не подозревал, что на тесноватой «Саратоге» есть такое. По всей видимости, это был грузовой трюм, который то ли уже разгрузили на орбите вокруг Констанса, то ли готовили к загрузке на «Памире» или уже в Системе Чур. Оставалось только гадать, как это лихая компания исхитрилась просочиться в недра технических отсеков корабля. Судя по поведению ребят, им это было не впервой.

«Припугну сорванцов! — твердо решил агент. — Но закладывать капитану не стану...»

Со вздохом он принялся за следующий этап своей правонарушительной деятельности.

Вряд ли кто из офицеров «Саратоги» или другого лайнера признался бы в том, что на его борту, в личных апартаментах пассажиров и экипажа установлены замаскированные микрокамеры наблюдения. А если уж и бывали пойманы за руку, то оправдывали такое безобразие той полуправдой, что включается подобное наблюдение только с санкции федерального прокурора или региональных прокуратур достаточно высокого уровня. С большой степенью вероятности можно было ожидать наличия таких камер и в каютах пассажиров «Саратоги».

Ожидания не обманули Кима.

После полутора часов возни с довольно хитроумными «крякерами», разработанными лучшими хакерами Обитаемого Космоса, Ким смог полюбоваться на собственный затылок, довольно неудобно панорамируемый камерой, расположенной за декоративным софитом под низким потолком его каюты.

Это вдохновляло.

Меланхолически поразмыслив о том, какую пользу приносят сыскному делу компьютерные умельцы, гуляющие по лезвию довольно острой бритвы закона, и о том, во сколько ему обошлись бы плоды их деятельности, не будь они нагло сворованы и проданы по дешевке другими такими же умельцами, Ким приступил к систематическому поиску картинки с камеры, которая непременно должна была работать и в каюте Гильде. Это было не таким легким делом — ужасно глючили то ли «софт» корабельной сети, то ли ее «железо», то ли и то и другое вместе. Путь по этому лабиринту был тернист и небезопасен.

На пути этом Киму попалось и изображение интерьера, показавшегося удивительно знакомым, — то была уже приобретающая некую индивидуальность, благодаря развешанным на стене постерам и разбросанной как попало одежде, каюта Валентина Старцева.

Ощущая некую неловкость, Ким приблизил изображение оставшегося так до конца и не убраным стола, за которым не так давно пил прекрасный чай. Его заинтересовало фото, торопливо скрытое от его глаз странноватым Валькой.

Ничего необычного на этом фото не было. Собственно, это было обычное — семейное, надо думать, — фото: сам Валентини положивший на его плечо руку высокий сухощавый человек лет сорока — сорока пяти, со светлыми, слегка волнистыми волосами. Судя по одежде их обоих, снимок был сделан где-то в довольно прохладном климате. Здания, составлявшие фон снимка, полоска голубого неба над ними и прозрачная вода у самых ног

этих двоих, запечатленных на снимке, не слишком характеризовали место действия. Это могла быть любая из землеподобных планет.

«Не суй нос в чужие дела, — совершенно справедливо упрекнул себя Ким. — Наверно, Валентин сфотографировался на память с кем-то из родственников. Вряд ли с отцом. Снимок вроде совсем недавний. Даже одет Валентин почти так же. Значит, отец и мать его уже были в Системе Чур... Так или иначе, это не мое дело...»

* * *

Картинка каюты Клауса возникла на дисплее не сразу, и сперва порядком разочаровала Кима. Никакого Клауса на ней не было и в помине. Но было на ней нечто, что заставило Кима приглядеться к экрану внимательнее. И это «нечто» было небольшой горой нераспакованных контейнеров линии пневматической доставки, сваленных у окошка этой самой линии.

Завтрак, обед и ужин сегодняшнего дня.

Предварительный заказ по телефону. Осталось найти заказчика.

Ким переключил экран на почти максимальное разрешение и стал осматривать каюту миллиметр за миллиметром. Не всегда самый скучный способ поисков чего-либо путного оказывается самым эффективным.

Или сколь либо эффективным вообще. Но в данном случае именно такой вот метод тупого созерцания принес свои плоды. Увидел Ким немного: сначала скомканную пачку сигарет, потом — рассыпанный по покрытию пола пепел, и наконец — краешек некоего округлого, поблескивающего предмета, заслоненного от камеры установленным перед терминалом бортовой вычислительной Сети креслом. Предмет этот показался ему до боли знакомым.

Шлем нейротерминала Клауса Гильде.

Поклодовав еще немного с программой считывания сигнала от камеры, Ким перевел свой комп в режим считывания голографического сигнала и смог «заглянуть» за спинку проклятого кресла, в пространство между ним и сделанным по всем правилам эргономики и дизайна рабочим столом.

И тогда он увидел наконец самого Клауса Гильде.

Его наниматель лежал, скорчившись на манер эмбриона во чреве матери, бессильно свесив голову набок. Нахлобученный на нее шлем нейротерминала не позволял рассмотреть глаза Клауса. Рот же его был безвольно приоткрыт, и по подбородку стекала влажная струйка слюны. Руки сжимали ворох листов распечатки. Поодаль валялся выпавший, видно, электрокарандаш.

На какую-то долю секунды Ким ощутил себя находящимся в полутьме кабинета профессора Кобольда. Ощутил даже запах кожаной обивки кресел и дорогих сигар — небольшого пристрастия своего покойного учителя. И услышал хриловатый голос майора Лесных:

«Доктор блокировал предохранители своего агрегата, напялил на голову колпак психозонда и врубил машинку на полную мощность. Ну и этим стер всю свою память обо всем. О том, как надо дышать, например. Так мои люди его и нашли — мертвого, как египетская мумия, и с проклятой кастрюлей на голове...»

«Неужели Всевышний решил воздать Клаусу его же монетой? — подумал агент, — И вообще — сработал закон парных случаев?»

Помянув черта, Ким вскочил на ноги и опрометью кинулся к двери. Вовремя остановился и торопливо уничтожил следы своего присутствия в бортовой Сети. Проверил — на месте ли отмычки, сунул в карман парализатор, в другой — первое попавшееся из липовых удостоверений о своей принадлежности к органам правопорядка и сломя голову устремился на место пренеприятнейшего происшествия.

* * *

Отмычка, которой снабдила Кима Спецакадемия, была, возможно, и последним достижением криминальной науки и техники, но чудила, словно капризная кинозвезда. Так что он предпочел воспользоваться своей — менее продвинутой, но более привычной. И она его не подвела.

В каюте Гильде стоял едва заметный запах табака и звучало тихое попискивание чем-то недовольного терминала. Склонившись над Клаусом, Ким первым делом отключил и снял с его головы нейротерминал. У него были все основания подозревать, что в нем-то все и дело. Потом проверил пульс и дыхание своего нанимателя. И то и другое присутствовало, но было подозрительно слабым. Попытки привести пострадавшего в сознание способами, перечисленными в многочисленных инструкциях по оказанию первой помощи, не возымели никакого действия.

Придав Клаусу более удобную (и более заметную для телекамеры) позу, Ким окинул каюту внимательным взглядом — не было ли в ней чего-либо предосудительного? Подобрал и сунул в карман выпавшую из рук Гильде пачку распечаток, выскочил в коридор и торопливо запер за собою дверь. Осмотрелся по сторонам и встретился глазами с Валькой.

Тот, видно, только что вернулся из своих странствий по запретным уголкам «Саратоги» и был немало удивлен видом своего нового знакомого, с определенно вороватым видом выбирающегося из чужой каюты. Ким понял, что пока не поздно надо перехватить инициативу предстоящего разговора.

— Вот что, — решительно произнес он. — С человеком, который летит в этой каюте, случилась беда. — Постарайся вспомнить — при тебе к нему заходил кто-нибудь?

— Как так — беда?

Валька отступил на шаг и сжался так, словно боялся, что Ким ударит его. Тот посмотрел ему в глаза и растерялся. Это были глаза не четырнадцатилетнего мальчишки, а затравленного волчонка. Глаза, наполненные страхом и непонятным, неожиданным разочарованием.

— Он — без сознания, — объяснил Ким. — Я сейчас вызову врача. И кого-то из офицеров. Но скажи — ты никого не видел здесь?

— Нет.

Испуг Вальки вроде отступил.

— Я вообще только один раз видел вашего... друга. Он — странный. Не знаю — заходил к нему кто или нет...

— Странный, говоришь? Это верно. Мы потом поговорим об этом... А сейчас лучше побудь у себя. И если только ты и вправду никого не видел... То и меня ты не видел. Так

надо — идет? А я не видел, где вы гуляете с Ганом и Фором по вечерам. Я-то не видел, но вот если капитан вас засечет... Или ваша сопровождающая... И вообще — не надо по кораблю лазить где попало. Договорились?

В глазах Вальки теперь отразилась недетская тревога в смеси со вполне детским испуганным восхищением осведомленностью своего нового знакомого.

— Договорились, — с легкой неуверенностью в голосе произнес он и исчез за дверью своей каюты.

Ким почесал в затылке, затем уверенно подошел к коробке внутреннего интеркома, висящей на стене, сверился с бортовой базой данных и набрал номер дежурного по медблоку.

— Алло, — как можно более веско произнес он. — С вами говорит пассажир Яснов. У меня есть очень серьезные основания полагать, что с пассажиром Гильде из четырнадцатой каюты случилось несчастье...

* * *

После расспросов и препираний, которые показались Киму бесконечными, дежурный медик соизволил наконец появиться на месте действия. Был он человеком молодым и от излишней уверенности в себе явно не страдал. Золотистый блондин, весь в мелких кудряшках и комплексах: то щека у него дергалась, то он заходилась нервическими вздохами... Словом, корабельный эскулап уже сам по себе создавал проблему.

Явился он, естественно, не один, а в сопровождении старшего помощника капитана, малорослого человека с густыми черными бровями, наделенного универсальным ключом, дающим право проникновения — в случае необходимости — во все помещения корабля. Перед этим по «громкой связи» «Саратоги» пассажира Клауса Гильде несколько раз попросили немедленно связаться с дежурным офицером. Ввиду того что Клаус не откликнулся, тревога, поднятая пассажиром Ясновым, представлялась старпому уже более обоснованной. О том же свидетельствовали и записи видеокамер службы внутреннего наблюдения.

— Значит, у вас была назначена встреча? — строго спросил он у Кима, вставляя универсальный корабельный ключ в прорезь замка.

Строгость его, впрочем, показалась агенту напускной. Похоже, старпом уже знал, что увидит внутри каюты.

— Да, — уверенно подтвердил наспех сочиненную версию событий Ким. — Но Гильде исчез с самого момента посадки на борт корабля. Он не отвечает ни на вызов по интеркому, ни, на звонки в дверь, ни на стук. В других помещениях пассажирского отсека мне не удалось его найти...

Старпом мрачно хмыкнул и отпер дверь. Громко покашлял, позвал Гильде по фамилии и наконец вошел в каюту. Обстановку он, как и ожидал Ким, оценил почти мгновенно: кивнул медику — «Действуйте!» и повернулся к агенту:

— Вы не заходили сюда?

— Нет. Все время было заперто. Я вообще никак не мог связаться с Клаусом с самого момента посадки.

— Я должен предупредить вас, что если будет обнаружено, что пассажиру Гильде

нанесены какие-либо телесные повреждения, что он отравлен или что пропало что-либо ценное из его багажа... Одним словом, я вынужден буду использовать свои права на проведение предварительного расследования.

— Я прекрасно осведомлен о такого рода вещах, — заверил его Ким.

— Ах да... — припомнил старпом. — Вы же этот — как это... Частный расследователь...

Похоже, что доверия к Киму это воспоминание ему не добавило.

Достав карманный блок связи, он начал надиктовывать на память корабельного компьютера предварительный вариант акта о происшествии в каюте номер четырнадцать. На медика он временами бросал из-под своих кустистых бровей свирепые взгляды, призывая поторопиться с результатами осмотра пострадавшего. В ответ тот затравленно вздрагивал. Ким с наивным видом поднял и разглядывал шлем нейротерминала, стараясь оставить на нем (и вообще — повсюду в каюте) как можно больше отпечатков пальцев. Пусть потом хоть кто-то обвинит его в том, что он осуществил «несанкционированное вторжение в помещение космического судна, временно приравненное к жилищу частного лица». В каюту Клауса Гильде то есть.

— Положите на место! — раздраженно потребовал старпом. — Это очень дорогая штука, к вашему сведению...

— Требуется госпитализация, — сообщил свое заключение корабельный эскулап. — Глубокая кома. Еще немного — и имели бы жмурика на борту. Но, ничего — вытянем. Это, скорее всего, так называемый «компьютерный аут». Такой, знаете, конфликт... сбой в системе «человек — компьютер». Бывает, когда комп начинает контролировать те функции мозга, которые в норме контролировать не должен.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он взял из рук Кима тускло поблескивающий шлем, взвесил его на руке и прищелкнул языком.

— «Аут» этот обычно случается при использовании таких вот — навороченных — нейротерминалов высокого уровня, когда у них портится автоблокировка. Или когда ее портят сознательно.

Он со значением поглядел на старпома.

Тот с подозрением покосился на Кима, но кучерявый эскулап разочаровал его:

— Этим любят заниматься вконец упертые инфонавты и любители компьютерных игр — заикленные виртуалы, — пояснил он. — Знаете, чтобы якобы обрабатывать информацию на уровне подсознания. Или чтобы натурально, без всяких порогов, ощущать боль, переживать агонию... Лезут, дурачье, с кондовыми отвертками и кустарными микрочипами в святая святых сложнейшей системы. Зря только портят и «железо» и «софтину»... Пострадавший — похоже из таких. Вот видите, — он поднес нейротерминал к носу старпома, — в машинке явно копались. Нет фирменных пломб, и вообще...

— Ваш э-э... знакомый такими штучками грешил? — осведомился старпом у Кима уже гораздо более мягким тоном.

— Во всяком случае, инфонавтом его назвать можно было...

Тут Киму уже совершенно не приходилось кривить душой. Инфонавтом Гильде был. И еще каким...

— Мужик он на вид крепкий. — Старпом оценивающе посмотрел на полу бездыханного Гильде. — Только вот на крышу слаб, видно, оказался. Дурак дураком, другими словами.

Насильно на него эту штуку не напаялишь. И не заметить, что в машинке поковырялись, нельзя. Значит, сам ковырял и сам, по своей воле, и надел.

— Я д-думаю — именно так, — подтвердил врач.

Он положил шлем на кресло и смущенно добавил:

— Я, впрочем, впервые с таким сталкиваюсь вживую. А вот на Океании, судя по статистике, такие случаи происходят чаще, чем любые другие виды несчастных случаев. Там компьютерный контроль над сознанием почти легализован.

Старпом пожал плечами и, видно, окончательно утратил интерес к агенту.

— Надо будет запросить консультацию специалистов, — определил программу дальнейших действий слегка приободрившийся медик. — А пока я ему ввел облегченный стабилизирующий комплекс. Это, во всяком случае, не повредит.

— Значит, так, — отрубил старпом. — Имеем компьютерного маньяка. Сразу после посадки подключился к корабельной Сети, да и, наверное, из Всеобщей вылезать не думал...

— Вы посмотрите в логах, какие запросы он делал в Сеть, — подсказал Ким.

— Это, ясное дело, и без ваших советов сделаем, — заверил его офицер. — Не дурни... Так вот, сознательно работая с неисправным нейротерминалом, пассажир Гильде получил психо... э-э...

— Психоневрологическую, — осмелился подсказать кучерявый эскулап.

— Вот-вот, именно... В общем, вот такую как раз травму пассажир Гильде и поимел, в результате чего и впал в кому. Итак, имеем типичный несчастный случай по вине пострадавшего. Нет никаких оснований для проведения уголовного расследования. Мое решение, — он откашлялся, — немедленно, без лишнего шума и пыли пострадавший должен быть помещен в корабельный мед-блок под постоянное наблюдение. В дальнейшем — созвать виртуальный консилиум и действовать в соответствии с указаниями специалистов в области психокомпьютерных или как их там...

Он грозно выкатил правый глаз на врача. Тот смешался и издал лишь тихое сипение.

— В общем — в области такого рода травм... Подпись — старший помощник капитана транспортного лайнера дальнего следования «Саратога» Филипп Звонарев. Дата, подпись. Отредактировать.

Он щелкнул клавишей отключения связи и уставился на медика уже обоими глазами.

— Вы меня поняли, Август Павлович? Выполняйте!

Кучерявый Август Павлович торопливо схватился за трубку блока связи и затараторил указания санитарам медблока, а старпом переключил свое высочайшее внимание на агента на контракте.

— Я полагаю, что вы, господин э-э...

— Яснов, — напомнил Ким.

— Да... Гм... Так вот, я полагаю, что вы, господин Яснов, не будете слишком много распространяться об этом, гм... прискорбном случае в разговорах с другими пассажирами...

— Я понимаю э-э... деликатность ситуации, — подобрал агент наиболее дипломатичный ответ.

— Очень любезно с вашей стороны! — свирепо буркнул старпом. — Вообще-то самовольная модификация средств психокибер... Одним словом, таких вот штук, — он кивнул на нейротерминал, — это — криминал. Но поскольку не имело место явное коммерческое использование... В общем, я воздерживаюсь от раскрутки этого дела.

Дверь распахнулась, и санитар в сопровождении робота медпомощи вкатил в каюту

носилки-контейнер. Без лишних слов они начали укладывать пострадавшего в это транспортное средство. Сразу стало очень тесно.

Ким кивком пригласил старпома выйти в коридор.

— Господин офицер, — произнес он как можно более убедительным тоном. — Пострадавший — мой, гм... друг и деловой партнер. Не окажете ли вы мне еще одну ответную любезность. Вас ведь не затруднит держать меня в известности по поводу состояния господина Гильде? Мне надо с ним поговорить — как только это станет возможно, разумеется...

С минуту господин офицер фиксировал натужным взглядом выкаченных глаз вконец обнаглевшего штафирку, но по истечении этого срока пришел, видимо, к какому-то мнению.

— Будь по-вашему! — отрезал он. — Я дам поручение лейтенанту Крамскому, лично. С ним и разбирайтесь. А меня с этим делом не беспокойте... Уж увольте. У меня не столько, знаете ли, времени в распоряжении, чтобы его вот так даром тратить — на разговоры тут с вами...

* * *

Нет, терять время даром было не в стиле офицеров Космофлота. Даже бывших — таких, как Кэн Кукан. За первый месяц полета он перезнакомился практически с каждым на «Саратоге». В первую очередь — с членами экипажа. Мотивация знакомств была им продумана до мельчайших деталей: основным движущим мотивом «старшины Лесли» была ностальгия по Большому Космосу. Даже самый опасный для дела народ — троих мальчишек, пронырливых и любопытных, как сойки, ему удалось склонить на свою сторону байками и разного рода советами. Вальку он даже взял под свою опеку и заходил к нему по вечерам — выпить чашку чая и поболтать о том о сем. Он даже сам поверил в то, что бескорыстно заботится о совершенно одиноком маленьком страннике.

Кроме того, Валька сыграл еще одну и вовсе уж не предвиденную сначала роль, сведя за той самой чашкой чая Кэна с агентом на контракте. Сначала Кэна порядком нервировало присутствие ищейки за одним с ним столом, но потом он начал находить такое общество забавным и даже полезным: как-никак единственный опасный для него тип на борту «Саратоги» оказывался под своего рода присмотром. Приходя «на чай к Валентину» оба его старших товарища старались превзойти друг друга по изощренности снеди, доставляемой к столу, благо выбор таковой в буфетах «Саратоги» был достаточно широк. Сам же Валентин, похоже, окончательно уверовал, что ничем, кроме переедания сладостей, его путешествие ему не грозит.

По крайней мере, так казалось со стороны.

Еще не истекла первая неделя полета, а уже всяк на борту знал, что расстаться со службой в Космофлоте Лесли Коэна заставила весьма романтическая, но идущая вразрез с кодексом чести офицера история, суть которой, правда, всегда как-то ускользала и оставалась означенной лишь пунктиром смутных намеков. Разговор как-то быстро переходил на восторженную оценку «Саратоги» и чисто профессиональные расспросы об особенностях различных систем и конструкции корабля вообще. Отдельные восторги посвящались его ходовым качествам и эстетике внутреннего оформления судна. Профессионалы любят, когда их хвалят другие профессионалы. Тем более когда хвалят за

дело. Так что весь экипаж от мала до велика вскоре открыто благоволил Кэну Кукану. А капитан Хеновес благоволил к нему скрытно.

Благоволили к нему даже мрачный бармен офицерского бара — он же помощник судового врача Роже Чадович и его любимец — упитанный ручной хомяк Борка, потешавший свыкшихся с ним пилотов и навигаторов «Саратоги». В минуты хорошего настроения Чадович выпускал Борку из размещенной в углу стойки клетки и разрешал угоститься солеными орешками, а иногла и каплей-другой спиртного из рук избранных посетителей. Старина Лесли быстро оказался одним из них. Это составило даже своего рода предмет его гордости, хотя Кэн и не одобрял спаивания неразумной твари божьей.

Дело не ограничилось любезным разрешением проводить время в баре для офицерского состава — существенно менее дорогое и куда как более демократичное, чем бар пассажирского отсека. Вскоре Кэн был допущен в святая святых «Саратоги» — рубку управления, а затем милейший Роджер Майский, старший бортинженер корабля, лично провел его по ходам внутренних технических коммуникаций и наглядно показал, до какого совершенства доведена внутренняя геометрия судна. После чего стал смотреть сквозь пальцы на то, что Кэн принялся совершать повторные экскурсии по тем коридорам и колодцам, что были наглухо отрезаны от пассажирских отсеков лаконичными табличками «Вход только для технического персонала».

В общем, никого из команды уже не удивляла элегантная фигура Кэна, появляющаяся тут и там. Часто — совершенно неожиданно — Кэн отрешенно запрокидывал голову и восторженно цокал языком, рассматривая какую-нибудь хреновнику в устройстве пневматической линии.

На тридцатые сутки полета он уже весь язык себе обцокал.

* * *

Возможно, Кэн был бы более осторожен, а то и вообще отказался бы от своих предерзких замыслов, если бы мог догадаться о содержании справки, полученной его партнером по вечернему «чаю у Валентина» с борта крейсера ОКФ «Цунами». Справка поступила не из Сети криминальной информации, а из гораздо более осведомленных Сетей всех четырех секретных служб Федерации и, без всяких преувеличений, была судьбоносной для Кэна Кукана. Но тот ничего не знал о ней. И потому был вполне счастлив.

На проклятом мини-лайнере практически невозможно было остаться с кем-либо наедине, не напрашиваясь к этому «кому-либо» в гости. Так что общение с симпатичной Анной Лоттой ограничивалось для Кима короткими пикировками за столом в кают-компании и на теннисном корте. Правда, таким образом ему стало известно о том, что постоянным местожительством Крамеров было и остается родовое имение в Шварцвальде и что старший брат Анны Лотты — Отто — служит капитаном Космодесанта, а младший — Тимоти — еще не окончил лицея. Но не более того. Дальше перехода с чопорных «мисс Крамер» и «господин Яснор» на ироничные «мисс сопровождающая» и «мистер агент» (или просто «агент») дело не зашло. Зато Ким довольно близко сошелся с дружным с ее подопечными Валькой — главным образом благодаря прошедшему по «Саратоге» слуху о том, что на ее борту присутствует частный детектив. Первое приглашение на чашку чая не осталось последним, и Ким скоро приобрел статус постоянного гостя Валькиной каюты.

Валька вообще относился ко взрослому, снизошедшему до общения с подростком, с некоторым трепетом. Жанр устного рассказа историй «из первых рук» оказался его слабостью. Были и другие точки соприкосновения — теннис и сооружение из подручных материалов всяческой забавной ерунды вроде самовзлетающего вертолетика из банки от пепси и кучки канцелярских принадлежностей. Оказалось, что мальчишки с Чура большие чудесники по части механических самоделок, и Валька щедро делился со своим взрослым другом полученными от них умениями. Сам же Ким, израсходовав запас расхожих в среде наемных борцов со Злом баек, смело перешел к изложению в слегка преобразованной форме наименее известных юным читателям произведений Классиков детективного жанра — и ни разу не был уличен в плагиате. Это его слегка насторожило, но и только. Компанию ему составлял «старый космический волк» Лесли Коэн, иногда достаивавшийся приглашения на чай в каюту Валентина. «Старик Лесли» тоже был горазд — на свой манер — травить байки и был большим докой по части механических поделок — искусства почти позабытого в век микрочипов и конструирования изделий любой сложности на экране компьютера с помощью «мыши» и манипуляций с клавиатурой. У Кима были свои причины более чем терпимо относиться к присутствию конкурента. Ответы, пришедшие на запрос, сделанный им еще в самом начале путешествия, оказались поразительно интересны.

Впрочем, «посиделки у Валентина» редко когда затягивались надолго. Как только Ган и Фор и их Псы, покончив с очередным сеансом изучения своих таинственных наук, выбирались на вечернюю прогулку по кораблю, а происходило это точно в восемь вечера по локальному времени «Саратоги», Валька, торопливо попрощавшись со взрослыми друзьями, присоединялся к ним. Соответственно, третьим взрослым опекуном Вальки поневоле стала сопровождающая. Ей тоже приходилось временами делиться с ним частью своей мудрости. Однако присоединиться к их разговорам Киму не удавалось. Валька пребывал либо в его (и «старика Лесли») обществе, либо в обществе сопровождающей и ее подопечных. Мухи отдельно, котлеты отдельно.

Приглашения же на чашку чая от Анны Лотты Ким удостоился только единожды и то уже в самом конце полета. Этому сопутствовали довольно занимательные обстоятельства.

Четверо медиков, приписанных к госпитальному мед-блоку «Саратоги», не даром ели свой хлеб: пассажира Гильде они из комы вытащили и даже смело могли доложить по инстанции, что пострадавший полностью восстановил свои основные жизненные функции. Но лишь за сутки с небольшим до выхода на геостационар Чура, ранним утром, точнее — еще поздней ночью (по корабельному времени) в дверь каюты Кима робко постучал Август Крамской.

За неполный месяц полета они почти сдружились: корабельный эскулап почти каждый вечер по интеркому уведомлял Кима о том, как поживает господин Гильде, а Ким в свою очередь осторожно наводил справки о том, что стало известно относительно обстоятельств, приведших Клауса к коме. Однако личных встреч оба избегали. Сегодняшний визит был большим прорывом в их отношениях. Правда, время, выбранное для этого прорыва — ни свет ни заря, — вызывало удивление.

— Я не потревожил вас, господин Яснов? — осведомился курчавый Август.

— Ничуть, — заверил его агент.

Конечно, он был не против вздремнуть еще часок-другой, но — дареному коню в зубы не смотрят, тем более что цейтнот, в котором пребывало дело, принял масштабы уже катастрофические.

— Заходите и садитесь, — предложил Ким доктору. — Налью вам чаю. Ручаюсь, что не пили такого. Заваркой со мной делится один мой большой друг...

Ким потянулся к своему компу и врубил всегда пребывающую в готовности систему обеспечения секретности. Если кто-то сейчас пожелает прослушать разговор, происходящий в каюте господина Яснова, ему придется попотеть. Пара намеков, брошенных доктором Крамским в предыдущих разговорах, позволяла Киму считать, что принятые им меры — не напрасная предосторожность.

— Я не хотел бы вас задерживать... — с некоторым смущением попытался возразить ему док.

— Разумеется, — согласился Ким. — Пейте не задерживаясь. У вас тут в шесть утра минут на пять отключают движки. Если мы не успеем допить чай, его придется ловить по всей каюте.

Он наполнил чашку дока дымящимся напитком, пододвинул к нему поближе сахар и крекеры и вежливо склонил голову набок в знак внимания.

— Прежде всего... Вы хотели побеседовать с вашим э-э... другом конфиденциально... — несколько блеющим голосом начал Крамской. — Знаете, по моему мнению — сейчас самое время это сделать...

— Простите, но разве Гильде не спит в такое время?

— Нет. Сейчас он спит преимущественно днем. А ночью пишет и слушает музыку.

— Пишет? Что?

Август отмахнулся от докучного вопроса:

— Ах, спросите у него сами. Давайте поторопимся, дело в том, что... Директор медблока доктор Ясперс возражает против контактов Гильде с кем-либо, а особенно... — Кудряшки его смущенно дрогнули. — А особенно — с вами, господин Яснов.

— Чем же я провинился перед доком Ясперсом? — с немного наигранным

недоумением осведомился Ким.

— Видите ли...

Август снова смутился и, чтобы успокоиться, залпом опрокинул в себя всю чашку предложенного ему чая. Глаза его вылезли на лоб, и некоторое время эскулап ловил воздух широко раскрытым ртом в явном намерении без проволочек отдать богу душу.

— Ч-черт! — воскликнул Ким, вскакивая и оглядываясь в поисках стакана холодной воды. Узрел лишь недопитую с вечера пепси и лихорадочно протянул ее пребывающему при смерти медику. — Вот, запейте... Я же только заварил... Почти крутой кипяток... Надо же было дать остыть...

— С-спасибо... — выдавил из себя Август и жадно допил остатки коричневой жидкости. После чего, однако, торопливо продолжил: — Так вот, у пациента... У господина Гильде... У него — совершенно аномальная энцефалограмма... Никто не может ничего понять. Ведь мы в конце концов не научно-исследовательский институт! Когда что-то приключается в Космосе, психотерапевты требуются обычно, только чтобы утешать родственников погибших. У всех нас здесь совершенно другая специализация — в основном полевая травматология... И... О гос-с-споди! — все нёбо себе ошпарил... И доктор Ясперс — он у нас единственный, кто смыслит в таких вещах, — считает, что любое потрясение... Даже просто волнение... Все это может необратимо воздействовать на психику пациента. Поэтому он не возражает против его необычного распорядка дня и... И других чудачеств... А вот проверка на полиграфе показала, что упоминание вашего имени вызывает у Гильде повышенную эмоциональную реакцию... Сильно его волнует...

— Поэтому вы решили провести меня к нему конспиративно?

— В некотором роде... — неопределенно мотнул головой Крамской. — В это время никто из корабельного начальства не появляется в госпитале... Вы должны понять, что я, однако, все равно сильно рискую.

— Я, кажется, недвусмысленно дал понять, что...

— Скажу вам честно, господин агент... Мне бы не хотелось, чтобы вы меня неправильно поняли...

Ким понял наконец причину волнения Августа, приведшую к конфузу с горячим чаем: корабельный эскулап просто впервые в жизни пришел выпрашивать взятку.

— Короче, вы хотите получить ваше вознаграждение вперед?

— Вы правильно меня поняли, господин Яснов. И потом... У нас не было времени обсудить его размеры...

— Но вы ведь на что-то еще намекали, доктор. Давайте уж рассматривать все мои к вам просьбы и ваши мне намеки, так сказать, «в одном пакете».

Честно говоря, не будь Ким уверен в том, что не слишком законная и тяготившая его деятельность не приносит ощутимого вреда роду людскому, он с радостью послал бы к черту и намеки господина Крамского, и необходимость идти им навстречу, выступая в роли демона-искусителя служащего крупной авиакосмической транспортной линии. Но теперь уже не только демон собственного любопытства толкал его на скользкий путь. И уже не смутное, а вполне определившееся ощущение общей для всех опасности, грозovým облаком закипающей где-то совсем близко за горизонтом, двигало им. И многое другое: память о доке Кобольде и о Нике Стокмане, например.

Август Павлович тяжело вздохнул:

— Собственно говоря, это не секретная информация. Но никто не станет делиться ею с

вами, хотя именно вы навели Фила — нашего старпома — на мысль послать эти запросы... Опять-таки: что эта информация может дать корабельному начальству, я не представляю, а вы, как я понимаю, находитесь в курсе дела, по крайней мере, знаете нечто, чего не знают они... Так что вам все это нужнее...

Он извлек на свет божий стандартную карточку «носимой памяти» и неопределенно помахал ею в воздухе.

— Вот тут у меня все запросы, сделанные пассажиром Гильде через информационную Сеть «Саратоги» и основные параметры файлов, перекачанных ему в ответ. Разумеется, сами файлы сюда не поместились. Да и никуда бы не поместились, разве что в память главного корабельного компа. Это — много гигабайт. Не представляю, зачем они понадобились этому человеку...

— Итак, — сухо оборвал его Ким. — Такая цена вас устроит?

Он поднял к глазам собеседника свою электронную кредитку с высвеченной на индикаторе цифрой.

Врач облизнул губы:

— Вы должны понимать, что... Что если это станет известно...

— Никто не отдаст вас под суд.

— Но и на работу не возьмет никто... Хотя бы удвойте сумму.

Он был прав: на такую непыльную и высокооплачиваемую работенку, как корабельный врач на лайнере экстра-класса, проштрафившемуся лекарю рассчитывать, конечно, не пришлось бы. Вместо ублажения хандрящих пассажиров и пассажирок кают высокой комфортности макерному лекарю пришлось бы вытаскивать с того света и собирать по частям работяг из Службы колонизации и компаний сырьевых разработок. Врагу такого не пожелаешь.

Ким вздохнул и надбавил половину.

* * *

Клаус выглядел неважно: посерело и осунулось его и без того неширокое лицо, ссутулились плечи. Казалось, он даже занимает теперь места гораздо меньше, чем полагалось бы человеку его сложения. Но не выглядел он и заспанным или расслабленным. Наоборот, редко когда Киму приходилось видеть настолько напряженного и сосредоточенного человека.

Гильде полусидел, опершись на приподнятое и превращенное в спинку некоего подобия кресла изголовье больничной койки. Поверх покрывала перед ним лежал блокнот, страницы которого были испещрены написанными бисерным почерком строчками и не слишком разборчивыми рисунками. Как ни странно, Клаус обходился без помощи своего ноутбука. Сей обязательный атрибут интеллектуальной деятельности любого рода был пристроен чуть в стороне, на одной из множества полочек, смонтированных вокруг его ложа, и исполнял скромную роль музыкального проигрывателя.

Ким прислушался к тихой музыке — что-то старинное. И в странном сочетании: скрипка (во всяком случае, что-то струнное) и барабан. Даже какой-то тамтам, может быть... Короткие, угрюмые дроби через неравные промежутки, сыплющиеся на почти лишенную ритма, потустороннюю мелодию, выводимую невидимым смычком... Агент уже

слышал где-то такую дробь. Впрочем, чего тут вспоминать...

Эту дробь отбивала левая рука Клауса тогда — в «Речном» — почти все время, пока он рассказывал ему ту странную историю про ос дока Хайлендера.

Музыка настолько отвлекла агента, что он не сразу заметил, что его клиент уже довольно давно оторвал взгляд от своего блокнота и смотрит в упор на него — Кима Яснова. Изучающе и почти без улыбки.

Август Павлович за его спиной нервно откашлялся и, убедительно попросив Кима не задерживаться в палате сверх необходимости, бесшумно ретировался.

— Присаживайтесь. — Клаус кивнул Киму на вертящееся сиденье слева от себя. — Приятно видеть, — Гильде улыбнулся чуть пошире, — на этом стуле кого-то кроме доктора Оскара Ясперса... Мне, признаться, уже порядком надоел этот специалист по ожогам, вынужденный изображать из себя нейропсихолога...

«Это совсем не тот Гильде... — сказал себе Ким, устраиваясь на дьявольски неудобном насесте. — Совсем не тот, страдаемый тревогой, мятущийся человек, не ведающий и пугающийся того превращения, которое только еще предстояло ему...»

Да, теперь во взгляде Клауса не было ни тревоги, ни трепетного ожидания, ни страха перед чем-то потусторонним. Это был жесткий и в то же время страдающий взгляд превращающегося — человека, уже понявшего, что ему предстоит, и принявшего условия игры. Перестающего быть человеком.

«Впрочем, — остановил себя Ким, — я, кажется, уж слишком дал волю своему воображению...»

— Как вы себя чувствуете, Клаус? — спросил он вслух настолько сочувственно, насколько это было возможно. — Я могу поговорить с вами о достаточно серьезных вещах?

— Валяйте, агент, — почти добродушно отозвался Гильде. — Нам, пожалуй, лучше иметь хоть какое-то представление о наших планах на ближайшее будущее. Вам — о моих, а мне — о ваших...

— Ну что ж...

Ким извлек из внутреннего кармана и с известной долей осторожности поместил в поле зрения Клауса два листа бумаги.

— Вот это, — пояснил он, — если вы помните, ваше исходное распоряжение, в котором вы пишете буквально следующее:

«...сим подтверждаю, что предоставляю Киму Яснову, директору агентства независимых частных расследований „Ким“, право впредь считать недействительными все мои распоряжения в отношении прекращения действия контракта...»

Гильде остановил его вялым движением руки:

— Я хорошо помню этот текст.

— И этот?

Ким приподнял за уголок второй листок.

«Я расторгаю заключенный с вами контракт и полностью освобождаю вас от взятых на себя обязательств. Я не имею к вам никаких претензий...»

— И этот текст я тоже неплохо помню, — пожал плечами Гильде. — Если вы спросите меня, как понимать это я ей-богу разочаруюсь в ваших умственных способностях, агент...

— Постараюсь не разочаровать вас...

Ким убрал листки от греха подальше:

— Я понял это так, что, совершив ряд неких э-э... неординарных действий, вы решили напомнить мне, что я могу выйти из той игры, в которую вы меня втянули. Выйти без потерь для себя... А могу и остаться в ней.

Гильде устало вздохнул:

— Вы правы на пятьдесят процентов, агент. Или, если хотите, — на двести. Но в любом случае не на сто.

Чтобы переварить предложенное ему упражнение в словесной эквилибристике, Ким потратил секунд десять — пятнадцать.

— И что же собой представляют те пятьдесят процентов, которые я недобрал? — сухо зато поинтересовался он наконец. — Или те лишние сто, которые я перебрал?

— Это — мысль о том, что я вам предлагал не почетную капитуляцию, а какой-то выбор. Никакого выбора я вам не оставил, агент... Я пришел к выводу, что мое решение обратиться за помощью к Нику, а затем — к вам было ошибкой. Неизбежной, но — ошибкой. Я сделал все, чтобы расстаться с вами относительно спокойно. Но Судьба решила иначе.

— Давайте определимся, Клаус.

Ким вынул из того же кармана другой листок — распечатку статьи из электронного выпуска «Канамага дейли». Кроме набранных фигурными шрифтами заголовков листок украшало взятое в черную рамочку фото профессора Кобольда. Ким тяжело вздохнул и повторил:

— Давайте определимся... Когда вы говорите, что сделали все, чтобы избавиться от моих ставших вам тягостными услуг, вы, разумеется, имели в виду ваш вылет к Чуру?

Гильде еще раз пожал плечами:

— Разумеется. Я всерьез считал, что поставил перед вами непреодолимый финансовый барьер...

Он замолк на пару секунд, разглядывая лицо Кима. Потусторонняя мелодия сочилась из динамиков мини-компа, и левая рука Клауса машинально отбивала странный ритм вторгающихся в неровное течение музыки барабанов.

— Только не стоит вам, агент, сейчас объяснять мне, каким образом вы этот барьер обошли. Нам не стоит засорять наши отношения разного рода враньем...

— В таком случае...

Ким протянул Гильде распечатку некролога:

— Кроме финансового барьера, Клаус, вы поставили передо мной еще один барьер — моральный. Или — если хотите — юридический...

Гильде взял листок в руки и тут же отдал его назад, сфотографировав взглядом. Ким отметил про себя, что он даже не пробежал глазами по строчкам. То ли он уже видел этот текст и мгновенно узнал его, то ли это было знаменитое партитурное чтение...

— Вы понимаете, Клаус, что мои подозрения, да и подозрения следствия падают именно на вас. Как же вы прикажете продолжать вести себя? Становитесь ли вашим сообщником, или...

— В современных судах...

Клаус улыбнулся Киму бледной, еле видимой улыбкой.

— Даже пойманные на месте преступления обвиняемые имеют право хранить молчание. Оставьте мне эту привилегию. Увидите, что так будет лучше. Вам еще предстоит понять, что этот — пусть будет «юридический» — барьер — никакой и не барьер вовсе. Что милейший профессор Кобольд куда как более опасен людям, чем ваш покорный слуга. И многое другое... Нам с вами, агент, стоит заключить своего рода соглашение. Еще одно. В дополнение к контракту.

— Стало быть, вы раздумали разрывать его?

— Пожалуй что и раздумал.

Гильде снова улыбнулся, но уже не улыбкой гадюки.

— Вы очень пригодились, господин Яснов. Без вашего вмешательства я достиг бы Чура только в морозильнике «Саратоги». Так что я должен оказать вам хоть какую-то ответную услугу. Например, не разрывать нашего с вами контракта. Да и чисто прагматически вы доказали, что лучше нам не расставаться... У меня появились определенные планы относительно вас, агент...

Ким улыбнулся в ответ:

— Вы сильно рисковали, ставя эксперименты на собственном мозге. Или... Это был не совсем эксперимент?

— Не эксперимент, но и не попытка самоубийства, если вы это имеете в виду... — Гильде поморщился. — Все должно было идти хорошо — мне надо было переработать еще массу информации. Я не учел одного: проклятой глючности корабельной Сети. И мог действительно не вовремя окочуриться...

— Кто не учел — вы сами или ваш Демон? — не без тревоги в голосе спросил Ким.

«Старый» Гильде непременно помянул бы Демона Послания в этом месте их разговора. Для этого — «нового» — Гильде Демон, кажется, уже не существовал. Или?

— Не будем поминать чертей всуе... — уклончиво ответил Клаус, оправдывая тем самым худшие подозрения агента. — Важно то, что теперь я нахожу, что наше сотрудничество может продолжаться. Должно. При одном, правда, дополнительном условии.

— Давайте ваше условие, Клаус, — стараясь держаться уверенно, парировал его слова Ким. — Слушаю вас очень внимательно.

— Оно простое. — Гильде с улыбкой посмотрел в глаза Кима. — Мы не должны убивать друг друга, агент. По крайней мере, мы должны как можно дольше удерживаться от такого соблазна. Это будет трудно.

— Вы думаете, на какой-то стадии такой соблазн возникнет? — чуть озадаченно спросил Ким.

— Поверьте мне — это так. Я или мой Демон, если хотите, видим сейчас намного дальше, чем в былые времена...

— Ну и какие же гарантии можем мы дать друг другу? — спросил Ким чуть более жестко, чем сам он того хотел.

— Мне будет достаточно вашего слова, агент. А вам, я думаю, — моего.

— В таком случае вот оно — мое слово. Как говорится, держите.

— Ну... Держать собственное слово придется каждому из нас самостоятельно. Странно, правда: даешь слово кому-то другому, а продолжаешь держать его сам... — несколько неожиданно скаламбурил Гильде. — Что до моего, так считайте, что оно уже дано вам. У

нас есть еще что-нибудь сказать друг другу?

— Я забрал из вашей каюты распечатки — от греха подальше. — Ким протянул Гильде пачку бумаг, — Возьмите. Я все равно ничего не смог в них понять. И... скажите, как называется эта, — он кивнул на ноутбук, — музыка?

— Вас это так заинтересовало? — Клаус не глядя взял распечатки из рук агента и не глядя бросил их на одну из полок поодаль. Потом криво усмехнулся: — Это один старый композитор. Вы его, пожалуй, и не знаете. Восемнадцатый век — самое начало. Аранжировка, впрочем, моя. Как и название — вольный перевод, знаете ли...

— Так какое же? — повторил свой вопрос Ким, вставая наконец с распроклятого стула в знак окончания разговора.

— Это называется «Тема запретного знания», — тихо ответил Клаус, прикрыв глаза. — Примерно так...

* * *

Прощупать багажный отсек (а точнее, багаж таинственного страхового агента) Кэн решил за два дня до операции. Операция была хорошо обеспечена: в руках Кэна уже успела побывать универсальная карточка-идентификатор господина Клини. Это не потребовало много труда — недоразумение при очередной посадке за общий стол и через несколько минут еще одно досадное происшествие, связанное с разлитым бокалом минералки и последующим заботливым отряхиванием пострадавшего, сопровождаемое потоком извинений, — и копия информации с микрочипа перекочевала в карманный, очень плоский комп Кэна, а сама карточка благополучно вернулась во внутренний карман Раймона Клини.

После этого Кэн, ставший уже душой общества, собирающегося за столом кают-компании, будучи, видимо, смущен, неожиданно быстро закончил прием пищи и покинул обеденный стол.

У себя в каюте он стремительно подключил комп к бортовой Сети и постарался выжать из нее все возможное, опираясь на сравнительно скудные данные, считанные с идентификатора страхового агента. Карточка имела гораздо более высокий уровень защиты, чем можно было ожидать от идентификатора рядового бизнесмена, странствующего по галактике в качестве страхового агента. Это насторожило Кэна, но не помешало ему вычислить зарегистрированную на личный номер Клини сопроводилровку на его груз. Шесть ящиков размером двести двадцать на сорок на сорок... Весом около ста килограммов каждый. Регистрационные номера, расположение в трюме... Других подробностей из корабельного компа вытащить не удалось. Да и не нужны они были.

Расположение входов в багажный отсек Кэн знал уже назубок. Устройство замков было довольно примитивным. А система сигнализации вообще просто удивила его. Такое в ходу было где-то в конце прошлого века. Роскошь оформления пассажирских отсеков на «Саратоге» явно компенсировали экономией на второстепенных узлах оборудования корабельного хозяйства, недоступных взору простых смертных. Так что в техническом отношении проблемы были полностью сняты. Осталось выждать. Время для этого было. Кэн позволил себе даже выспаться, поставив будильник на раннее утро. Никто из команды «Саратогги» не имел привычки ошиваться в грузовом сегменте корабля в такую рань.

Главное было не нарваться на что-то токсичное или радиоактивное. Такое вполне могли

везти куда-то на Чур. Но Клини сходил с корабля раньше — в местах относительно обетованных. На всякий случай Кэн прихватил с собой мини-противогаз и радиометр, оформленный под авторучку.

Грузовой отсек встретил его характерным для таких помещений ощущением морозной затхлости и жутковатой бесконечности своего объема. Тусклая подсветка — зеленоватыми и редко разбросанными точечными источниками света — отбрасывала на стены и потолок громоздкие, угловатые тени, которые преломлялись и причудливо пересекались на таких же громоздких и угловатых тушах закрепленных самым фантастическим образом контейнеров. Заблудиться здесь было делом нехитрым.

Убедившись, что система сигнализации, предусмотрительно отключенная им, и не подумала воскреснуть и заголосить в полную мощь, Кукан шагнул в гнилую тьму и осторожно задвинул за собой тускло блеснувшую дверь. Потом включил галогеновый фонарик и двинулся в направлении предположительного местонахождения груза, зарегистрированного за агентом Клини.

Кэн неожиданно растерялся. Не то чтобы он действительно утратил ориентацию в этом сравнительно небольшом замкнутом пространстве. Нет. Просто на мгновение страх — чисто детский страх, пришедший откуда-то из детства, вдруг посетил его. Тот страх, который охватывает душу мальчишки, забравшегося в заброшенный дом. Может быть, просто на мгновение уменьшилось ускорение, с которым шла к точке перехода «Саратога»... А может, просто будущее отбросило в его душу одну из множества своих теней...

Двигаясь вдоль больших и малых контейнеров — как правило, стереотипных и безликих «грузовых оболочек» принятых в «Уставе дальних космических перевозок» стандартов, — Кэн не забывал поглядывать на показания индикатора радиометра. Другая часть его весьма специфически устроенного мозга неустанно фиксировала «перспективные» — небольшие, с высокой степенью защиты — контейнеры. В таких, как правило, таскали через галактику что-либо путное. Правда, иногда совершенно бесполезное для посторонних.

Скорее всего, большинство «грузовых оболочек», влекомых «Саратогой» сквозь бездны Космоса, содержало в себе барахлишко смены исследователей, направляющихся к Чуру. С ними «старина Лесли» уже тоже перезнакомился и хорошо представлял себе, что груз их — научное оборудование и расходные материалы к нему — всего лишь бесполезный и практически нереализуемый в этой части Мироздания хлам, с которым, попади он ему в руки, пришлось бы лишь мучиться, словно вору с писаной торбой.

Чтобы добраться до заветных шести контейнеров «страхового агента», а они помещались в отдельном, маленьком подотсеке почти с пассажирский бокс размером, Кэну пришлось вскрыть еще одну, гильотинную, дверь. Размещены контейнеры были в нем на редкость нерационально — словно расставлены для обозрения вдоль стен. Кэну это что-то напомнило. Что-то неприятное. Но что?

Вообще, странные предчувствия донимали его в этот раз. Возможно, сказывалось последствие трех подпространственных переходов, пережитых им в этом рейсе.

«Начинаю стареть», — констатировал он, извлекая набор отлично сработанных отмычек. Чтобы успокоить нервы, он принялся насвистывать нечто бодрое и меланхоличное одновременно — из репертуара обожаемой им французской эстрады двадцатого века.

Дело шло споро и быстро. «Я еще покажу класс Шишелу», — не без гордости подумал Кэн, поднимая металлопластиковую крышку первого из вскрытых контейнеров.

«Странно, — подумал он, рассматривая в свете фонарика устройство нехитрого замка и

продолжая беспечно насвистывать. — Это-то зачем? Вот эта вот ручка. Чтобы открывать этот гроб изнутри?»

Он перевел луч света на содержимое контейнера. И сразу перестал свистеть.

«Гос-с-споди! — с чувством глубокого отвращения произнес он. — Да это и впрямь гроб! Боже, какой прокол!»

Это действительно был гроб.

Точнее, его «грузовой оболочкой».

В собственно гробу, выстланном черным бархатом, сложив руки на груди, покоился соответствующим образом обряженный и бледный, как полотно, детина. Роба его — и без того отменно гнусная — в зеленоватом свете фонарика выглядела просто ужасно. Глаза мертвеца были плотно закрыты.

Кэн отступил на шаг назад. И споткнулся о другой контейнер. Чертыхаясь и ощупывая свежееобретенную шишку на затылке, он поднялся на ноги и, постояв несколько минут в озадаченной позе, без особого энтузиазма принялся колупать второй контейнер — тот, что столь оплошно подвернулся ему под ноги.

Не то чтобы он питал надежду найти там что-либо, кроме второго покойника, — нет! Убедиться в провале сегодняшнего рейда требовала просто профессиональная добросовестность. Этика воровского мастерства.

Через полчаса все шесть контейнеров стояли открытые и являли взору Кэна Кукана свое малоприятное содержимое.

«Молодцы как на подбор», — пробормотал себе под нос Кэн.

Теперь он понял, что напомнил ему с первого взгляда этот небольшой грузовой отсек.

Кладбищенский склеп!

«Так вот ты кем, падла, оказался! — умозаклучил Кукан. — Не страховой ты агент, а похоронный!»

Он почесал в затылке. И тут же отдернул руку — про шишку-то он позабыл!

«Это ж кому такая моча в голову могла ударить? — прошептал он с досадой. — За миллионы километров, куда-то на Чур тащить покойников? Вместо того чтобы проститься с ними в ближайшем крематории?»

И тут же ухватил эту мысль за хвост. За коротенький, скользкий, но вполне конкретный хвост.

В самом деле, подобную перевозку мог позволить себе только полный идиот. Являющийся к тому же миллионером.

Ну ясно: миллионеру любая блажь позволена. Однако...

Кэну вдруг сразу припомнилось многое.

Ну, например, то, что покойник сам является неплохим контейнером для разного рода товаров, предъявлять которые на многочисленных таможах вредно для здоровья. Например, для экзотических, не синтезируемых в местах доставки наркотиков, для драгоценностей, оружия, антиквариата и для всякой прочей ерунды, которой иногда обмениваются между собой политики и мафиози. Правда, только очень глупый и ленивый таможенник мог обойти вниманием такой экзотический груз и не засунуть покойника в интроскоп, но... Но находились и такие, которые заглывали наживку и из уважения к скорби родственников покойного пренебрегали обычной процедурой досмотра. Невероятно, но факт — даже среди тертых калачей таможенного дела встречается немало сентиментальных дурней

А иным мастерам своего дела удавалось использовать такой вот своеобразный

«материал» так, что никакая таможня не могла просечь. Кэну был памятен случай, когда Боб Кизи пропитал труп неизвестного, которого выдавал за своего покойного дядюшку, драгоценной смолой дерева ра с Террамото и, провезя его через пять таможен, на Океании благополучно вытопил из него весь драгоценный продукт. Прибыль, помнится, была огромной.

А эти жмурики летели на Чур. Странное, очень странное место предназначения...

Кэн нагнулся над первым из своих новых знакомых и стал внимательно рассматривать его. Конечно, надругательство над трупами было делом для него необычным и вызывающим рвотные позывы, но дело надо было доводить до конца.

Только сейчас он разглядел, что покойник был оплетен, словно паутиной, еле заметными, но чрезвычайно густыми белыми нитями и потому напоминал куколку какого-то насекомого. Готовящегося вылупиться на свет.

Кукан сглотнул ставшую горькой от отвращения слюну и уставился на своего безгласного партнера.

— Ну как насчет небольшой аутопсии? — задал он ему риторический вопрос

Покойник молча открыл глаза.

И в них был Желтый Огонь!

* * *

Заверещав нечеловеческим голосом, Кэн Кукан всей своей массой мгновенно крутанулся вокруг оси и ломанулся назад — в проем двери. Промаяхнулся, рассек скулу о титановый косяк и, поднимаясь на ноги, узрел нечто, уж и вовсе несусветное: мертвецы один за другим, словно исполняя какой-то старинный ритуал, подчиняясь какому-то — им одним слышимому ритму, — начали двигаться. Вскинули над краями гробов руки. Вцепились ими в металл контейнеров. Подтянулись и сели. И в том же странном ритме — один за другим — повернули к Кэну свои одинаковые, желтым, гнойным пламенем горящие глаза...

Кэн взвыл, тихо и отчаянно, не в силах отвести взгляда от этих желтых огней, а потому, чуть ли не сворачивая себе шею, принялся вслепую нащупывать косяк двери. А в дверном механизме, приведенном в действие то ли ударом Кэновой скулы, то ли его неосторожными, шарящими движениями, запел сервомотор, и дверь начала медленно скользить вниз, отсекая кошмарный мирок ожившего склепа от окружающей реальности.

Хрипя что-то вроде «Подождите, подождите, ребята!», Кэн предпринял тщетное и совершенно дурацкое усилие — он попытался вручную остановить движение стальной шторы. И тут на него и на всю маленькую вселенную «Саратоги» обрушилось какое-то подобие мягкого, беззвучного толчка.

Невесомость.

Кэн напрочь забыл, что именно в шесть утра корабль переходит в режим свободного полета. Сейчас ему было не до этого. Вместе с невесомостью на него обрушился новый кошмар: словно выброшенные из своих последних прибежищ, все шестеро мертвецов выпрямились и начали, теперь уже стоя, «всплывать» над гробами, не сводя Желтого Огня своих взглядов с дерзкого нарушителя их покоя. Белая паутина, спеленавшая их, рвалась с зыбким электрическим потрескиванием. Затхлый воздух наполнился запахом озона. Вывалившийся из рук Кукана фонарик повис в воздухе и начал медленно вращаться,

описывая своим лучом причудливые кривые и тем только усиливая ощущение потусторонней жути.

Уже не хрипя, а просто тихо подвывая от ужаса, Кэн умудрился сделать нечто невероятное: задом наперед выскользнул сквозь стремительно сужающийся проем двери и даже в самый последний момент успел молниеносным движением руки выхватить из отсекаемого пространства свой плавающий над самым полом футляр с набором отмычек.

Дальнейшее помнилось смутно. Только сплошная вереница дверей, соединяющих отсеки «Саратоги», которые он преодолевал почти машинально, одну за другой (каждый раз на это уходила вечность), то и дело пугливо оглядываясь на предыдущую, за которой ему всякий раз чудился скрежет мертвых ногтей по металлу и немая, потусторонняя ярость его жутких преследователей. Окончательно Кэн пришел в себя, только когда вернувшаяся вдруг сила тяжести бросила его на шершавое покрытие пола. Возвращение собственного веса лишило его сил и превратило буквально в ошалевшую от страха каракатицу. Туннель, который ему предстояло преодолеть, чтобы выбраться в следующий отсек, превратился теперь в колодец, преодолеть который показалось ему невозможным.

Непослушные пальцы срывались с вваренных в металл скользких стенок скоб. Дважды он мешком летел вниз, в кровь разбивая локти и колени, но наконец добрался до верхнего люка. Отворил его, выбросился в верхний отсек, задвинул за собой ставшую дьявольски тяжелой крышку и без сил растянулся на ней.

Несколько мгновений, а может быть, целую вечность он лежал неподвижно. Потом услышал над собой странный звук. Глухое, утробное рычание. Он поднял голову и увидел Псов.

* * *

Похоже, мисс сопровождающая слегка загрустила, предвидя скорое расставание со своими подопечными. По крайней мере, она впервые за много дней позволила себе побыть вдали от них, не вмешиваясь в их мальчишечьи дела, а заодно вознаградить себя за долгое воздержание от греха табакокурения, предаваться которому в присутствии несовершеннолетних ей было не с руки.

Впрочем, удаленность от предмета ее постоянных забот была весьма относительна. Пребывая на круговом помосте «картинной галереи», она легко могла видеть всех трех мальчишек и их Псов, озабоченно копошащихся вокруг закрытого прозрачным пластиком бассейна.

Как и почти все дальнобойные лайнеры, снующие между Тридцатью Тремя Мирами, «Саратога» в прошлом являлась «боевым кораблем Федерации». После списания «на гражданку» по причине быстрого морального устаревания она лишилась вместе с уймой другого боевого оснащения типовой коллапс-пушки, занимавшей место точно по оси корабля. «Космотрек» не нашел ничего лучшего, как соорудить в образовавшемся цилиндрической формы зазоре несколько галерей. Одна из них была музеем «Саратоги». Там можно было полюбоваться портретами самых прославленных ее пассажиров — с их автографами, разумеется, — и видами Миров, в которые сия гордость «Космотрека» когда-либо доставляла своих пассажиров. Другие галереи украшали представители флоры разных Миров, копии различных произведений искусства и прочая забавная для скучающих

пассажиров материя. Условное дно этого цилиндра превратили во «внутренний дворик» — смесь спортзала и солярия. В этот ранний час там никого не было — только мальчишки и Псы. Зато в «картинной галерее» появился еще один посетитель. После нелегкого разговора с Гильде агента на контракте одолело некое подобие бессонницы. Точнее, сон приходил к нему, но сон рваный, заполненный странными видениями и воспоминаниями о том, чего не было и быть не могло. Утренний «толчок» невесомости окончательно выбросил его в унылую и непонятную действительность предпоследнего дня полета. Поняв, что заснуть ему уже больше не удастся, Ким отправился под душ и сушку, затем натянул на себя нечто полуспортивное и отправился побродить по пустым галереям в надежде на то, что созерцание прекрасного наведет его на хоть сколько-нибудь продуктивные мысли. Начать он решил с каргин.

— Рано вы поднимаетесь, агент, — приветствовала его Анна.

— Да и вы тоже — ранняя пташка, мисс сопровождающая, — ответил комплиментом на комплимент Ким. — Успели заморить своего червячка?

— Ох уж эти мне банальные шутки...

Анна достала зажигалку и пару раз щелкнула ею впустую.

— Вам действительно не дают спать здешние шедевры, агент?

— Да вот, — Ким улыбнулся, — хотел напоследок посмотреть «Девушку с тюльпанами» Годфруа. Но нашел девушку с зажигалкой.

— Меня подняли мои подопечные. Они по утрам всегда приходят сюда покувыркаться в невесомости. А потом — пофехтовать или заняться еще чем-нибудь в этом духе. А я каждый раз после этого отсиживаю полчаса аутотренинга. В позе лотоса. Чтобы успокоиться. Представляете, если кто-то из них грохнется с двадцати метров на те железяки внизу? Или по ошибке снесет другому голову этим дурацким ножиком...

— Они с ними не расстаются?

— Никогда. Даже спят с ними. Это называется «второй малый меч». Первый — поменьше — им торжественно вручают в семь лет. Представляете? Железяку, которой запросто можно отправить человека на тот свет. А вот такой — второй — как раз в четырнадцать. Перед Первым Странствием. Есть у них такой институт... А настоящий Меч они получают, только совершив первый подвиг. И с ним уже и ложатся в могилу. Вот только если кто Меч — не важно какой, большой или малый, — потеряет или осквернит, то он уже и за человека считаться не будет. Отправляется в изгнание, в услужение магам — темным и светлым — искупать вину и добывать себе Меч у разбойников или колдунов. Так что им эти кочережки дороже жизни.

— А там, на Чуре, действительно есть разбойники и маги с колдунами?

— Разбойники — это вполне вероятно. Они всюду есть. А маги и колдуны... Ну, по крайней мере кого-то они так называют.

— Вам, похоже, нелегко приходится с этими ребятами? — спросил Ким, приглядываясь к игре маленьких фигурок на дне светлого колодца.

Анна пожала плечами:

— В каком-то смысле — наоборот... С ними легче, чем с обычными детьми. Легче, чем даже со взрослыми. Они очень самостоятельны. Уверена, что они нигде не пропадут. В крайнем случае их Псы не дадут им наделать глупостей...

— Они, я вижу, на вас большое впечатление произвели — эти Псы... — улыбнулся Ким.

— Произвели... И производят.

Анна достала пачку сигарет и оглянулась — поискала глазами запретительный плакатик. Не нашла и протянула пачку Киму. Тот несколько смущенно развел руками. Анна оценила его воздержанность движением левой брови и закурила сама.

— Странно, агент, в моем представлении вы обязательно должны были курить... Может быть, даже трубку. Как Шерлок Холмс.

Ким еще раз мысленно «поблагодарил» Ника Стокмана за неистребимый табачный дух, пропитавший все предметы, хоть раз побывавшие в его офисе, включая и самую плоть и личные вещи младшего напарника, и с виноватым вздохом оперся о перила галереи. В отличие от «благоухания» стокмановского курева сигарета его собеседницы испускала странноватый аромат, незнакомый агенту.

— Эти Псы... — продолжила Анна, тоже облокачиваясь на перила. — Они не просто их любимцы... Вовсе не домашние песики...

— Это я уже заметил, — признал Ким. — Что за табак вы курите? Впервые слышу такой запах.

— О, это — моя слабость... — Анна покрутила сигарету перед глазами, словно любясь ею: — «Голуаз» — прямая поставка из Метрополии. Земной табак. Настоящий. С канцерогенами. Я пол-оклада извожу на сигареты. Плоды дурного воспитания. Родители вечно пропадали в командировках. Воспитанием занималась бабка и баловала меня, заразу, как могла. Разрешала все... А с Псами вам придется подружиться, если хотите этих ребят узнать поближе.

— А у вас это получилось, мисс сопровождающая?

— Только отчасти. Только отчасти, агент... Но без них я просто пропала бы, без этих зверюг... Они их держат в ежовых рукавицах — обоих мальчишек.

— Я их все еще слегка путаю, — признался Ким. — Который из них Ган? Тот, что повыше?

— Да. И волосы у него чуть темнее. Его Пес — Оррн. Они из северных колодцев... Это у них города так все еще называются — колодцы. Такие убежища были во время войны. Потом, когда появилась возможность жить на поверхности, они стали вокруг них селиться. А большинство все еще так и живет под землей. А тот, что пониже и светлее, — Фор. Егс Пес — Ширра. Они оба — типичные Проводники. Есть у них такое сословие... А этот Валька Псам понравился. Значит, и моим подопечным — тоже. Хотя на Земле они ни с кем близко не сходились. Странно.

— Он к себе располагает, — согласился Ким. — Я каждый день пью с ним чай. Ему здесь одиноко. Он вообще не типичный земной паренек. Словно и не оттуда...

Анна тревожно глянула на него:

— Вам тоже так показалось? Знаете, агент, он так одолел меня расспросами о тамошней — земной — жизни, что я сама так подумала... И потом... Он же ведь и сам про себя говорил иногда. Ну, что-то рассказывал про своих друзей из Новой Зеландии — из города, который он назвал так: Южная Манурева... А такого города нет, я случайно это знаю — родители в тех краях проводят отпуск. Так вот, городу этому давным-давно вернули его настоящее, первоначальное имя — Окленд... Это у них там, сразу после распада Империи, поветрие такое было — всему давать национальные имена. И возрождать языки: папуасов учили говорить по-папуасски, а маори — по-маорийски. Потом это очумение быстро прошло. И про эту Южную Мануреву никто и не помнит... Тем более никто из детей.

— Помню — я сам еще только читать-писать учился... У нас Комсомольск-на-Амуре

тоже как-то смешно называли некоторое время... Не помню как. О Псах Чура рассказывают легенды... — припомнил Ким.

— И недаром, — кивнула Анна. — Они там — на Чуре — чуть ли не главнее людей. Они по сравнению с нашими собачками — богатыри-долгожители.

— Ну, положим, и у нас теперь научились жизнь продлевать не только людям. Особенно в Метрополии.

Тут Ким был в курсе дела. Кошачье-собачья геронтология в Федерации развивалась чуть ли не быстрее, чем собственно человеческая. Богатые владельцы домашних любимцев готовы были платить немалые денежки за возможность не расставаться с ними до конца своих дней.

— Чур все равно нам тут дает сто очков вперед.

Анна задумчиво присмотрелась к происходящему внизу. Там, похоже, Ширра на свой, собачий, манер сурово отчитывал Фора.

— Они всю жизнь проводят вместе — Человек Чура и его Пес. И если кого-то судят за какое-нибудь прегрешение, то судят обоих. Человека судят люди, а Пса — Псы. Стая.

— Вы о них как о разумных существах говорите, мисс сопровождающая...

— А они и есть разумные, мистер агент. Сапиенс. Только про это пока не дознались наши яйцеголовые. С них и так хватает проблем с тремя разумными расами в Космосе. А Псы, кстати, умеют говорить — по-своему. И мальчишки их понимают. И с ними говорят так же.

— Серьезно? Я думал, что они так играют. Дразнятся...

Ким тоже присмотрелся к происходящему внизу. Там, похоже, конфликт был исчерпан, а мальчишки наконец заинтересовались спортивными снарядами, расположенными вокруг крытого бассейна.

— Они и человеческую речь понимают?

— Понимают, но... Но, наверное, только отчасти. И в основном — чурские наречия. К галактическому пиджину они еще не привыкли. А к собственно земным языкам — тем более.

— Ну что ж... У вас, получается, хорошие помощники. Просто прекрасные.

— Прекрасные... — согласилась Анна. И вдруг резко махнула рукой: — А на самом деле — тяжело мне с ними мальчишками, и с со всеми! Страшно тяжело! С собаками их!

Она огляделась вокруг, пытаясь найти, куда бы определить окурок. Метрах в трех, в сторонке, сервисный автомат давно уже с неодобрением ожидал, когда же этот последний поступит в его распоряжение.

— У них... У них ведь никакого чувства ответственности нет — ни у Гана, ни у Фора...

Анна одарила мини-робота дымящимися останками сигареты и задумчиво покосилась на небрежно сунутую в карман пачку.

— У них вообще только две движущие силы, у этих разбойников — кодекс чести, который понять невозможно, и любопытство. Исследовательский рефлекс. Если бы не Псы, они бы уже в реактор забрались. Или обшивку корабля разобрали бы. Думаете, я шучу?

— В Метрополии у вас с ними, верно, еще больше проблем было?

— Еще бы. Чего только стоило их вернуть из похода в Гималаи. А когда они сами соорудили плот и на нем чуть не ушли в океан... И учтите — я не просто как телохранитель к ним приставлена. У меня — политическая миссия. Я должна их, Людей Чура, сделать друзьями Людей Федерации...

— Включая таких их представителей, как Кривой Император?

Анна хмыкнула. Засунула сигареты глубже в карман — от греха подальше — и уточнила:

— Конечно, имеется в виду в основном Метрополия. А в Метрополии — старушка — Земля. Наша, так сказать, витрина. Но она-то им как раз меньше всего пришлась по вкусу...

— Странно. Мне, наверное, этого не понять... Знаете, я там родился. И учился. И... Одним словом, до сих пор ностальгирую. Слышать не могу «Под чужие небеса».

Гимн ушедших с Земли вообще-то раньше нравился Киму. Пока он не понял, что нескоро увидит над головой родные созвездия.

— Я думала, вы родом с Колонии Констанс... Абориген. Говорят, это почти Земля.

— Почти. — Ким иронически пожал плечами.

— Как написал кто-то из моих соотечественников в древности. «Хоть похоже на Россию, только все же — не Россия».

— Так вы оттуда? Хотя, конечно, у вас же русская фамилия. Наши предки были почти соседи. От Шварцвальда до Москвы можно чуть ли не на велосипеде доехать — дней за несколько.

Ким улыбнулся:

— Так вот, Констанс — это, может, и почти Земля, только больше смахивает на старый Гонконг. Столица, по крайней мере. Не в том смысле, что много китайцев — их там как раз немного. Просто стиль жизни... Я к нему, наверное, никогда не привыкну... Да, так чем Метрополия не угодила вашим подопечным?

— Понимаете... Это именно то, чем Чур не хочет быть. Сытое, довольное болото, с их точки зрения. Наши проблемы им непонятны. Наши идеалы... Кстати, какие у нас там, на Земле, идеалы? Не припомните? В общем, мои начальники не учли, когда составляли маршрут их экскурсии, что Чур — это цивилизация героев. Что для людей Чура смысл жизни — свершение подвигов. Во имя друзей, Стаи, всего их Мира... Или — на худой конец — просто бессмысленных. И вся их культура, наука, искусства только для того и существуют, чтобы обеспечить всем им вместе и каждому в отдельности возможность совершать великие деяния. Только те, кто совершает подвиги, имеют право на свои собственные имена, а не на эти лающие и рычащие клички. Вот Оружейник Торвальд — он единственный, кого именно так и зовут. Есть сословие «оружейников». Но Оружейник Торвальд — единственный. До своего подвига он был просто Тор.

— Торвальд-Толле? Который «черную дыру» соорудил?

— Тот самый. Но его подвиг состоял не в этом... Так вот, я и говорю, что на Фронтир их надо было отправить. Вот там бы им понравилось — среди каторжников, обреченных каждый день вырывать свою жизнь из лап смерти.

Анна выдернула-таки сигареты из кармана, сурово поглядела на пачку и отправила ее на место.

— А вам пришлось показывать им оступевших от переедания голубей на исторических площадях, — усмехнулся Ким и встревоженно добавил: — Послушайте, куда это двинули ваши подопечные?

«Дворик» внизу опустел.

— Не нравится мне это, — нахмурилась Анна. — По-моему, они втянулись вон в тот проход. Их тянет облазить весь корабль...

— Разомну немного ноги — пойду присмотрю за неслухами, — с напусковой

небрежностью предложил Ким. — Заодно постараюсь понравиться Псам. Напоследок.

* * *

Собственно, Киму ни к чему было плутать по лабиринту переходов между пассажирским и грузовыми отсеками «Саратоги». Он уже давно с помощью подключения к бортовой Сети внутреннего наблюдения определил маршруты передвижения этой слегка загадочной пятерки — трех мальчишек и двух Псов.

Кроме загадочности самого их странного интереса к малосимпатичному нутру корабля, в деятельности этой стайки любопытствующих созданий было много непонятного. В частности, способность проникать через наглухо запертые гермодвери, соединяющие соседние отсеки, не спуская с цепи всю чуткую систему сигнализации космического судна, вызывала у агента легкое остолебенение. Приглядевшись, на второй или третий день своих наблюдений Ким понял, что с замками «работают» в основном Ган и Фор. Валька и Псы только толклись рядом, мешая разглядеть, что именно проделывали мальчишки с дверьми. И они были не единственным препятствием для наблюдателя. К сожалению, из-за прескверного освещения и отменно неудачного расположения видеокамер ему никак не удавалось толком разглядеть, какие именно манипуляции выводили из строя непростую (хотя и порядком устаревшую) машинерию из строя.

Агент чувствовал себя неловко: мало того, что он использовал не для того предназначенную технику для глупейшего подглядывания за детскими — пусть и весьма странными — играми. Мало того, что он рисковал засветиться на предмет несанкционированного вторжения в бортовую сеть корабля. Он поймал себя еще и на том, что странные путешествия Псов и мальчишек по пустынным, отдаленным и запретным областям кочующего мирка под названием «Саратога» волнуют его не меньше, чем загадочная судьба его нанимателя — Клауса Гильде. Нет, ему явно не суждено было повзрослеть в этой жизни.

На протяжении всех четырех недель полета до точки последнего Перехода Ким терзался сомнениями: заложить ли лихих путешественников капитану или — для начала — самому поговорить с ними по душам? В конце концов он так и не смог решиться ни на то, ни на другое. И вот теперь, напоследок, ему представились и повод, и возможность поговорить начистоту если не с мальчишками с Чура, то уж наверняка с Валентином.

* * *

Нырнув в проход «только для персонала», ребята аккуратно закрыли его за собой, и Киму пришлось прибегнуть к своему «малому колдовству» — магнитной карточке-отмычке. Он как раз вставлял ее в прорезь замка, когда услышал за спиной торопливые шаги и слегка взволнованное дыхание. Торопливо сунув карточку в карман, он обернулся и облегченно вздохнул: это всего-навсего мисс сопровождающая, поколебавшись немного, надумала присоединиться к карательной экспедиции против своих беспокойных подопечных.

К тому же прятать отмычку не было никакой нужды — она уже сделала свое дело, и унылого вида плита служебной двери послушно съезжала в сторону, выдавая совершенный

ВЗЛОМ.

— Почему вы думаете, что они здесь? — несколько растерянно спросила Анна. Ким только многозначительно заломил бровь и нырнул в открывшийся туннель.

— Вы... вы уверены? — продолжала допытываться сопровождающая, опасливо следуя за ним.

— Уверен! — прошипел агент, прикладывая палец к губам и пытаясь сообразить, в какое из ответвлений туннеля могли нырнуть любопытные паршивцы.

Долго размышлять на эту тему ему не пришлось. Судя по донесшимся справа звукам, неподалеку творилось что-то неладное. Слышалось утробное порывивание Псов, приглушенные короткие, гортанные реплики Гана и Фора, недоуменные восклицания Вальки и — тут агента прошиб озноб — невнятное мычание и взвизгивающее блекотание кого-то мучительно знакомого...

— Черт бы меня побрал! — заорал шепотом Ким и опрометью кинулся на шум.

Анна не отставала от него, спотыкаясь о камингсы открытых переходов и озираясь в поисках какого-нибудь предмета, которым можно было бы вооружиться против неведомой опасности.

Чтобы добраться до источника странных шумов, им пришлось спуститься в неглубокий колодец и преодолеть круто изгибающийся коридорчик. В конце его предстала картина весьма впечатляющая, хотя и маловразумительная.

Человек, ничком лежащий на крышке люка, мог теперь считаться уже старым знакомым Кима. Правда, узнать в нем импозантного «космического волка» Лесли Коэна было трудновато. «Космический волк» был зелен лицом, волосы его стояли дыбом, а язык заплетался.

Как ни странно, стоявшие вокруг него полукольцом ребята и Псы вовсе не демонстрировали большого сочувствия к попавшему в неведомую беду приятелю. Псы неприветливо рычали на него и пятились, топорща шерсть на загривках, а Ган и Фор, придерживая их, тоже настороженно приглядывались к приятелю своего друга и каждый не снимал правую руку с рукоятки малого меча.

И даже стоявший чуть поодаль Валька растерянно и непонимающе смотрел на «старину Лесли».

Хотя было в этом непонимании что-то... Что-то похожее на то разочарование, которое промелькнуло в его глазах тогда, в первый день его с Кимом знакомства, у дверей каюты Клауса. Только теперь это разочарование было адресовано не Киму.

На возникших за их спинами старших все трое мальчишек оглянулись коротко и вроде без особого удивления. Это, наверное, чем-то задело сопровождающую, и она, отстранив Кима, подошла к своим подопечным и заговорила с ними на гортанном наречии Чура.

Ким впервые слышал такой длинный текст, выданный на этой смеси староанглийского, тамошнего, чурского новояза и еще с полудюжины старых языков Земли. До этого ему приходилось слышать в основном короткие реплики или обмен недлинными фразами между Ганом и Фором. Странное это было наречие — понятное для какой-то исторической памяти о языках не столь уж далеких предков, но не ложащееся в привычные рамки четырех принятых в Тридцати Трех Мирах языков. Произнося свой слегка раздраженный спич, Анна жестикулировала универсальным ломиком, который умудрилась-таки отцепить с аварийной стойки, где-то по пути.

Вид этого инструмента, похоже, привел «старину Лесли» в чувства, и он, не без натуги

перейдя из горизонтального положения в положение сидя, стал как замороженный смотреть на окружающих.

— Т-там... — наконец обретя дар речи, промычал он, тыча пальцем куда-то под себя. — Т-там — м-мертвецы... З-зомби...

— Какие, к черту, зомби? — Агент присел на корточки напротив пострадавшего и положил ему руку на плечо.

«А ведь сейчас, похоже, именно сейчас его можно и „расколоть“, — подумал он. — Чем бы он ни был деморализован, второго такого случая не представится...»

Валька тоже присел рядом. На своих старших приятелей он смотрел с напряженным вниманием, переводя взгляд с одного на другого.

— Н-настоящие з-зомби... — пояснил «старина Лесли». — П-покойники. Из гробов...

— Давайте по порядку... — дружелюбно откорректировал неровный поток его речи агент. — Начните с того, как вы сюда попали, Кэннет. И зачем?

Услышав свое настоящее имя, Кэн не понял сразу, что речь идет именно о нем, — отвык. И потому сначала и ухом не повел. У него были другие причины для того, чтобы дергаться.

— Н-не имеет значения... — отмахнулся он. — Г-глав-ное — н-нечисто на борту... Пон-нимаете... Понимаете, открываю я к-крышки — и тут...

— Какие крышки, Кэн? — остановил его Ким.

— Да с гробов этих... С к-контейнеров... С тех, что Клини и этот... на борт погрузили...

— Клини? — вдруг резко вошел в разговор Валька.

Он пристально уставился в зрачки «космического волка». Теперь он был совсем другим Валькой, тем напряженным и подозрительным волчонком, контур которого только иногда проскальзывал сквозь доверчивые детские черты Валентина Старцева — самостоятельного малолетнего странника по Галактике.

Он совсем не обращал внимания на Кима.

— Клини и Чорриа, — коротко напомнил он. — Они погрузили на «Саратогу» мертвецов?

— Да... — растерянно подтвердил «старина Лесли». — Мертвецов... Покойников в гробах...

Валька нервно сглотнул слюну:

— И ты... Ты туда — в трюм — забрался и гробы эти расковырял?

— Д-да... — судорожно кивнул допрашиваемый. — Расковырял... В-вскрыл...

Он неожиданно повернулся к Киму:

— «Кэн»? Почему вы мне говорите «Кэн»?

— А разве вас не так зовут, кэп? — с наигранной наивностью осведомился Ким. — Кэннет Кукан, капитан в отставке — не так ли? Или вам больше нравится Дэвид Брилл, Айзек Берг, Колин Финли? Так вы тоже называли себя иногда... Не помните?

— Об этом — не при людях, пожалуйста, господин шпик! — испуганно прервал его носитель всех этих многочисленных имен.

Он перешел на быстрый шепот, глаза его окончательно вылезли из орбит.

Валька окинул острым, подозрительным взглядом обоих своих приятелей, с которыми еще вчерашним вечером гонял чай и болтал о разных разностях. Но не стал отвлекаться. Он схватил Кэна за то плечо, которое оставил свободным агент, и энергично, не по-детски

потряс его.

— Так ты раскрыл гробы, и покойники эти... Которые там были... Они... воскресли?

— Воскресли... — кивнул в ответ Кэн. — Воскресли... Восстали...

Валентина это совершенно не удивило. Он что-то лихорадочно соображал. Снова сглотнул, облизал пересохшие губы и торопливо спросил:

— Сколько? Сколько их, этих мертвецов... Зомби?

— Ш-шестеро, — чуть помедлив, ответил Кукан. — По-моему — шестеро...

Валька продолжал спрашивать, не давая ему прерваться.

— Они... Им удалось выбраться из отсека? Где они?

— П-по-моему, мне у-удалось их там запереть... Но...

Валентин безнадежно махнул рукой.

— Ай! Этим замки — не помеха...

Он поднял глаза на Кима. Потом перевел взгляд на обступивших их зрителей — теперь и Анна, и Ган с Фором, и даже Псы обступили их полукругом и с удивлением слушали этот странный допрос.

— Нелюдь! — хрипло сказал им Валька. Скорее, даже выкрикнул.

— На корабле — Нелюдь! Зомби! Надо срочно — капитану...

— Н-не надо — капитану... — выдавил из себя Кэн. — М-мы... М-мы сами должны разобраться... Н-нас... Нас... Меня за сумасшедшего примут...

— Какая Нелюдь? — озадаченно спросила Анна. — Они... — она кивнула на своих подопечных. — Они тоже говорят, что охотились за Нелюдью...

— Да что вы как мертвые! — теперь уже в полный голос закричал Валька, вскакивая на ноги. — Сейчас! Срочно вызывайте капитана. Они нас всех перебьют здесь!

— Успокойся...

Ким взял его за локоть, но Валька вырвался:

— Вы ничего...

Но тут все смолкли.

Где-то наверху над ними по металлу трапов гулко отдавались шаги. Стены неслышно задрожали от вибрации мощных сервомоторов.

— Люки... — констатировал Кэн. — Они, к-кажется, выбрались... В обход... И включили б-блокировку замков.

Ким, не тратя времени даром, кинулся к укрепленному на переборке терминалу интеркома. Набрал номер экстренного вызова службы безопасности лайнера.

Черта с два!

По экранчику терминала ползла рябая сетка помех. Динамик сеял в пространство еле слышный хрип.

— Б-быстро работают... — все еще срывающимся голосом констатировал Кэн. Он поднялся на ноги. Похоже, что способность мыслить и действовать вернулась-таки к нему. — Они воображают, что приперли меня тут... Х-хе! Меня!... Как бы не так!

Кэн решительным движением раздвинул в стороны сгрудившихся вокруг него людей и Псов и шагнул к неприступной двери. Ким, внимательно проводив его взглядом, поднес к уху свой мобильник — только затем, чтобы убедиться, что и бортовая сервисная линия, обслуживающая индивидуальные блоки связи, выведена из строя.

Кэн тем временем опустил перед дверью на колени и, уже не маскируясь, достал свой «джентльменский набор» и принялся за намертво заблокированный замок. Ган и Фор явно с

повышенным, вовсе не детским интересом следили за его действиями. Завороженно шагнули вслед за ним. Присели по сторонам, стараясь не мешать своим присутствием. Чуть поодаль от них замер Валька, тоже не сводя глаз с манипуляций, проделываемых над замком.

Анна осторожным кивком отозвала Кима в сторону.

— Послушайте, агент, — тихо сказала она. — Похоже, что они это всерьез... Они, — она кивнула на ребят, — действительно охотились здесь за Нелюдью. За какими-то призраками...

— Это — вовсе не призраки! — запальчиво перебил ее Валька, неожиданно обернувшись и как-то нервно выпрямляясь. — На корабле были чужие! И Псы их почуяли! Но только... Мы... Мы никак не могли угадать — кто...

Ким удивленно воззрился на него:

— Почему же вы молчали? Боялись, что вам не поверят?

— А вы бы поверили? — вопросом на вопрос ответил Валька. — И потом...

Ему не хотелось произносить то, что ему предстояло сказать. Но он все-таки произнес это:

— И потом — каждый мог оказаться чужим... Мне иногда даже начинало казаться, что вы...

Сопровождающая удивленно заломила тонкую бровь:

— И я тоже могла оказаться чужой?

— Нет... — Фор обернулся к ним, покачал головой и снова повернулся лицом к двери. И продолжал говорить уже не оборачиваясь. — Ты — вряд ли... Ты все время была с нами, и Псы признали тебя. Только... В общем, это наше дело — людей Чура. Когда наши разбираются с Нелюдью, посторонним тут нечего делать...

— Ого! — вздернула плечи Анна. — Значит, я для вас — посторонняя. Взрослого человека вы втягивать в вашу затею не стали. А мальчишку, — она кивнула на Валентина, — не побоялись. Он для вас — не посторонний.

В ее голосе вдруг зазвучала какая-то детская обида.

Ган и Фор обменялись мгновенными, им одним понятными взглядами. И Валька тоже тревожно оглянулся на них. Что-то большее, чем простая опасность обидеть сопровождающую, крылось в этой запинке. Что-то не слишком близкое детской игре. Впрочем, и игра-то эта обернулась теперь чем-то очень похожим на ту историю, что давным-давно приключилась на ночном кладбище с мальчишками, которых звали Том и Гек.

Так или иначе, все зависело сейчас от того, как скоро Кэн управится с запорами гермодвери. И Кэн не подкачал: очень вовремя, как раз к тому моменту, когда странная пауза повисла в душноватом воздухе тесного отсека, в толще двери лязгнул блокировочный механизм, и, не сговариваясь, вся разношерстная компания странников по трюмам устремилась в тускло освещенный лабиринт пассажирского отсека.

И, словно противясь их освобождению, пол под ногами тут же завибрировал и поплыл в сторону. Ким и Анна успели вовремя — почти машинально — уцепиться за леер, тянувшийся вдоль коридора, и грянувшая почти неожиданно невесомость не застала их врасплох. А Ган, Фор и присоединившийся к ним Валька подошли к этой беде нетривиально: они просто «воспарили» в узкий просвет коридора. Их примеру последовали и Псы. У всей пятерки это получилось так ловко, словно они — и ребята, и Псы — всю жизнь обходились без силы тяжести и нисколько не жалели о ее отсутствии.

Они спешили. Но теперь, уже чисто инстинктивно, спешили осторожно. Все пятерс

людей да двое Псов уже поняли, что за те несколько минут, что отделяли их от того момента, когда захлопнулась перед ними сталь гермодверей, изменилось многое. Теперь они были уже не на той «Саратоге», на которой привыкли скучать в своих каютах, балагурить за общим столом в кают-компании и рассматривать разные диковины в галереях. Корабль обезлюдел.

Что-то мистическое было в этом: словно в том каждому знакомом сне, когдаходишь в свой дом после какого-то долгого и путаного странствия и почему-то никто не встречает тебя в нем. Когда-то полные суматошной жизни комнаты встречают тебя пыльной, затаившей в себе зыбкую тревогу тишиной. Теперь это был уже совсем другой корабль, может, и не корабль вовсе, а «Летучий Голландец», на котором всю хозяйничали призраки.

Нелюдь.

* * *

Первого убитого они увидели прямо у «Служебного входа» — офицер «Саратоги» парил в невесомости, медленно поворачиваясь в воздухе над лужей собственной крови. Кровь эта еще не успела свернуться и, почуяв невесомость, потянулась вслед за своим хозяином, словно сквозь ребристый пластик пола проросла диковинная густо-красная трава.

Анна импульсивно подалась назад, а потом, сообразив, что же именно видит перед собой, так же не задумываясь рванулась на помощь. Невесомость и двигавшийся немного впереди Ким помешали ей вырваться вперед.

Агент на контракте взял инициативу на себя.

— Прикрывайте меня, — кивнул он Кэну и, энергично перебирая леер, двинулся к пострадавшему.

Это «прикрывайте» было адресовано не столько Кэну, сколько кому-то постороннему. Кому-то, кто мог слышать их со стороны. «Всегда так, — зло думал он. — Захвати я с собой хоть что-то из всей той машинерии, которой меня оснастили господа из Спецакадемии, так ничего подобного и не подумало приключиться. А меня черт понес бродить по кораблю, как фраера, с одним только носовым платком в кармане. Да и то — одноразовым. Им даже пуделя-паралитика не удушишь и кляп из него не соорудишь. У Кэна, впрочем, есть его железяки. Могут как-то сгодиться в ближнем бою. Да еще чертов браслет, — он бросил взгляд на запястье левой руки. — Годится для того, чтобы ошеломить противника, неожиданно съездив супостату по морде, но не более того. К тому же его хрен снимешь...»

Пачкаясь в крови, Ким развернул парящее в воздухе тело так, чтобы осмотреть раны. Смотреть особенно было нечего — у пострадавшего было напрочь рассечено горло — от уха до уха.

— Господи, да это Роджер Майский, — пробормотал парящий за спиной агента Кэн. — Не повезло малому.

Роджеру Майскому действительно не повезло: рассчитывать на то, что сейчас откуда ни возьмись на помощь примчится бригада реаниматоров со всеми своими чудесами техники, не приходилось. Поэтому с тяжелым вздохом Ким повернул покойного лицом к полу, чтобы ни дети, ни Псы не глазели на рану, и тихонько оттолкнулся от пола, чтобы «всплыть» повыше и заглянуть в коридор — что там, дальше.

И тут ускорение снова обрушилось на них, бросив агента лицом прямо в снова растекшуюся по жесткому пластику кровь. За спиной на пол посыпались его спутники. А из скрытых динамиков полезло, заполняя сумеречные объемы коридоров и отсеков «Саратоги», гулкое, потустороннее шипение — словно Сатана отворил свой Желтый Сундук, кишасший аспидами, и хлестнул по змеиному клубку своей тяжелой плетью. А потом знакомый — только сильно напряженный — голос Фила Звонарева произнес: «Внимание! Внимание всем на борту! Чрезвычайная ситуация! Лайнер дальнего следования „Саратога“ терпит бедствие!»

ГЛАВА 8

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ

— Лайнер «Саратога» терпит бедствие, — доложил первому капитану старпом-стажер Шоа. — Расстояние — ноль семь единиц. Экипаж и пассажиры — сорок девять человек общим числом. Это тот самый корабль, который прошел через один с нами канал. Он тоже следует к Чуру.

Хоо Тоох озадаченно сложил передние лапки на животе и с досадой вздохнул: два корабля через один подпространственный канал — дурная примета. Это знают все. Службы навигации, бывает, даже специально тянут время, чтобы дождаться третьего судна, которое можно было бы запустить в ту же «дырку». Третий попутчик отводит беду — это тоже все знают... Ну да ладно — прокололись так прокололись. Теперь надо выбираться из дерьма. И сделать это поумнее.

— Что там у них? — осведомился кэп у скорбно молчащего подчиненного.

У того жемчужная шерстка на загривке встала отвеянения дыбом.

— Неконтролируемый процесс в обоих реакторах, шеф, — доложил он. — Пострадал капитан. Переговоры ведет их старпом. Они уже двинулись нам навстречу. На маневровых движках. Идут на полтора «g»...

«Спалит, спалит к черту маневровую установку», — подумал кэп. Поминать черта — персонаж, отсутствующий в мифологии корри, он научился за годы стажировки в Космофлоте Федерации.

— Он просит нас принять на борт своих пассажиров и экипаж, — взволнованно уточнил Шоа. — Среди них есть пострадавшие. Они там сильно опасаются, что...

— Что реакторы рванут? — довел его мысль до конца капитан. — Нам этого тоже стоит опасаться. Дистанция ноль семь, говорите?

— Ноль семь, — подтвердил Шоа.

— Если рванет даже один... — кэп Тоох прикрыл глаза, вообразив это несчастье, — то нам здесь, как выражаются наши союзники, мало не покажется... — Он испустил возбужденное цоканье и нервно распушил хвост. — Немедленно включить полную боевую защиту и... И идти на сближение.

Тоох потянулся к клавиатуре переговорного устройства, но второй капитан опередил его — на экране вспыхнул ярко-желтый сигнал вызова, а потом в мерцающем провале голографического «окна» обозначился и сам Федор Павлович — анфас.

— Я только что получил дубль-файл вызова с «Саратоги»... — с места в карьер начал он. — Чрезвычайная ситуация. Надо поговорить, капитан...

Кэп Тоох встретился глазами с вопросительно воззрившимся на него старпомом и успокаивающе кивнул ему:

— Вы свободны, Шоа. Исполняйте...

Шоа исчез мгновенно, словно растворился в сумраке капитанской каюты.

— Я согласен с вами, — повернулся хоо Тоох к экрану, — операция будет теперь сильно затруднена. Мы не можем рисковать жизнью гражданских лиц, которых возьмем на борт... Придется..

— Это невозможно, капитан, — нервно оборвал его Манцев. — При выполнении боевого задания — секретного боевого задания — мы не имеем права даже вступать в

радиоконтакт ни с одним судном, если оно напрямую не задействовано в проводимой операции.

Хоо Тоох не стал медлить с ответом — по той простой причине, что вот такая, невозможная, казалось бы, ситуация часто снится ночами всякому порядочному корри, которому приходилось сталкиваться с нравами землян и с их обычаями ведения войн.

— Вы предлагаете мне принести в жертву нашему заданию полсотни ваших соотечественников? — сухо поинтересовался первый капитан у второго, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Прежде всего, я предлагаю вам помнить Боевой Устав ваших же собственных Космических Сил, капитан, — возразил Манцев с максимально возможным градусом вежливости в голосе (тут же сведенной на нет усилиями электронного переводчика). — А во-вторых, я прошу вас просто-напросто проявить обычный здравый смысл и разумную осторожность... Поверьте, характер нашего задания таков, что мы с вами не можем — просто не имеем права — считать случайным такого рода происшествие.

Пол кабины дрогнул. Попытался ускользнуть из-под ног. А затем аккуратно и настойчиво надавил на них. Манцев почувствовал, как дополнительные «g» наполняют тяжелым свинцом его лежащие на клавиатуре пальцы, пригибают плечи, норовят прикрыть привычно набрякшие в ответ веки.

— Капитан!... — резко вскинулся он. — Капитан, вы отдали приказ?!

— Да, — подтвердил его худшие опасения хоо Тоох. — Я отдал приказ включить боевую защиту и идти на сближение с терпящим бедствие лайнером дальнего следования «Саратога».

В каюте второго капитана комиссар Горский, сидевший напротив ошарашенного Федора Павловича, преодолев нарастающую силу тяжести, ударил крепко сжатым кулаком правой руки в ладонь левой.

— Мы демаскированы. Чертовы «тедди» напрочь рассекретили положение «Цунами»! — хрипло простонал он

Манцев вовремя придавил клавишу отключения микрофона.

— Вы огорчили меня, хоо... — горестно сообщил первому капитану второй, отпуская красную клавишу. — Мне казалось, что я мог бы рассчитывать на то, что вы хотя бы предупредите меня и второй экипаж о таком своем решении.

— Обстоятельства... — потупившись, возразил хоо Тоох. — Вы же прекрасно знаете, капитан, что когда речь идет о возможности срыва режима реакторов... Тут на счету — доли секунды...

Что ж, первый капитан был прав. И «тедди» — следовало это помнить — при всей деликатности были совсем не теми партнерами, на которых действует повышенный тон собеседника, истерические интонации его речи и тем более стучание кулаком по столу. Второй капитан собрал в единый узел свои вышедшие было из-под контроля «нервочки» и выдавил как можно более мягкую улыбку.

— Раз уж так сложилось, хоо Тоох, — примирительно начал он. — Раз уж так сложилось... Я настоятельно советую вам принять при швартовке к этому, якобы терпящему бедствие, лайнеру все возможные меры безопасности... Как если бы речь шла о боевом abordage. Через какое время планируется стыковка?

— В нашем распоряжении... — Первый капитан деловито сверился с какими-то показаниями дисплея — В нашем распоряжении — около сорока минут. Будьте уверены; мы

будем во всеоружии. Защитное поле уже включено. На полнуюю.

— В любом случае, — Манцев подчеркнул эти слова голосом, — даже если вы будете на сто десять процентов уверены в нашей безопасности и в том, что лайнер действительно терпит бедствие, я советую вам не снимать с корпуса защитное поле. И тем более не производить полной стыковки с этим кораблем. Мы должны ограничиться необходимым минимумом: послать для стыковки абордажный бот с вооруженным экипажем. И придать им инженерную бригаду из специалистов по реакторам. С ремонтным оборудованием.

— Судя по всему, — тут хоо Тоох снова озабоченно сверился с текстом, выведенным на соседний дисплей, — прибегать к услугам ремонтников уже бесполезно... Реакторы у них поставлены на глушение, а плазма не гасится. Полный выход из режима. К тому же у них медленные нейтроны прут... просачиваются уже в командный и пассажирский отсеки. Растет наведенка... Есть пострадавшие — был неконтролируемый перепад ускорения... Скорее всего, у них на борту паника..

* * *

«В отсеках нарастает наведенная радиация, — разносился по всем закоулкам „Саратоги“ ставший от волнения звонким голос старпома. — Возможен взрыв одного из реакторов... Господа пассажиры, вы не должны терять самообладания. Не поддавайтесь панике... На помощь нам движется крейсер космических Вооруженных Сил Дружественной Цивилизации. Объявляется немедленная эвакуация пассажиров и экипажа. Повторяю: паника недопустима... Всем пассажирам, всем членам экипажа — немедленно собраться в переходном отсеке. Офицерам экипажа — обеспечить подготовку к эвакуации, согласно служебным инструкциям и Уставу. Медицинский персонал обеспечивает немедленную помощь всем пострадавшим...»

— Кажется, ваши приятели с того света взялись за дело не на шутку, — мрачно заметил Ким, оборачиваясь к Кукану. — И начали прямо с реакторного отсека. Когда только успели пробраться?!

— Ничего не понимаю! — зло отозвался тот. — Вам, штатскому, этого не сообразить. «Саратога» — бывший эсминец. Боевой корабль. Реактор у него сверхнадежный. Дублированный. Восьмисотой серии... С ним в принципе ничего сделать нельзя. Вообще! И даже если... Да кто же так делает?! Да за такую эвакуацию ноги оторвать надо и в зад вставить! Наведенка у них полезла... Мать!... Раз так — катапультируй реакторы, урод, — обратился он к невидимому динамику, продолжавшему голосом Фила Звонарева извергать указания касательно порядка предстоящей эвакуации. — Реактор — за борт, а там — хоть год жди помощи. Бред какой-то!

— Так что? — Анна недоуменно посмотрела на мужчин. — Двигаемся в переходный? Где все?

— Стоп, стоп, стоп... — поднял руку Ким. — Тут, похоже, все не просто. Так мы можем снова залететь в ловушку...

Он запнулся, уставившись на Псов. Те, обнюхав тело убитого, неожиданно утратили к нему всякий интерес и теперь, ощетинаясь и озверев, рвались куда-то в глубь отсека. Ган и Фор с трудом удерживали их. Валька, о чем-то задумавшись, присел на корточки и только лишь бросал встревоженные взгляды то на одного из своих спутников, то на другого

— Вот что, — определил порядок дальнейших действий Кэн. Он решил не дожидаться, пока господин шпик придет к каким-то своим высокоумным выводам. — Двигаем в рубку. Там Фил — мы с ним ладим. Уж тут точно никаких сюрпризов...

Ким подумал, что не мешало бы завернуть в свою каюту, чтобы прихватить хотя бы парализатор, но Псы не дали ему времени на размышления. Ни ему, ни кому-либо еще. Они, словно по команде, рванули с места, увлекая за собой своих подопечных. Всем остальным просто не оставалось ничего другого, как устремиться следом за ними. И устремиться — Ким не сразу сообразил это — именно по направлению к рубке командного управления «Саратоги».

* * *

Это, пожалуй, было серьезной ошибкой — сунуться именно в рубку управления. Ким сообразил это с большим опозданием, уже плутая вслед за Псами по отсеку экипажа. Он не без труда опередил этих свирепых поводырей и — уже на последнем повороте — попридержал их и шагнул в оставленную сдвинутой в сторону дверь. Внутреннее устройство служебных отсеков агент, как и все прочие граждане Федерации, представлял себе довольно смутно и несколько удивился, обнаружив, что, миновав дверь с суровой предупреждающей надписью, он оказался не прямо в рубке, а лишь в ведущем в нее колодце, оснащенном винтовой лестницей. Люк, блокирующий верхний торец колодезной шахты, был открыт, и, задрав голову, Ким мог заглянуть в таинственный сумрак святая святых управления полетом «Саратоги». Из сумрака этого доносился уже вполне натуральный, не искаженный усилителем голос старпома Звонарева.

«Дюран и Шнитке, — командовал старпом, — проверяют третий и второй уровни. Гросс — четвертый. Каневский и Форман — пересчитывают народ в переходном и докладывают мне...»

— Эй! — окликнул его Ким, начиная осторожно карабкаться по лестнице. — Господин Звонарев, у меня к вам разговор! Я должен сообщить вам кое-что. Кое-что важное!

* * *

— Если мне позволено высказать свое мнение, — задумчиво произнес капитан Манцев, разглядывая на экране внешнего наблюдения медленно надвигающуюся на «Цунами» тушу «Саратоги», — то я бы сказал, что использование корри в этой операции было верхом глупости. Глупости и непредусмотрительности.

Горский ответил ему пожатием плеч. А поскольку узреть эту его реакцию Федор Павлович не мог, так как не считал нужным отрываться от экрана, то чрезвычайный комиссар добавил вслух:

— Расчет был на то, что никаких этических проблем в ходе операции не возникнет. Непредвиденные обстоятельства иного э-э... технического, скажем, плана было бы даже удобнее решать с участием «тедди». Они порой способны на неожиданный ход мысли и решения.

— Нам теперь не отмазаться от этой истории, — не слушая его, продолжил Манцев. —

Я вынужден действовать вопреки прямым указаниям первого капитана. Хотите не хотите, а имеем первый прецедент серьезного конфликта между людьми и корри. Причем именно люди проявляют неподчинение. Но не могу же я допустить, чтобы полсотни посторонних оказались на борту крейсера, идущего на выполнение секретного боевого задания?! Кэп Тоох не принял моего варианта с десантированием спасательной команды...

— И правильно, что не отмазаться, — зло отозвался Горский. — Не буду снимать вины ни с себя, ни с вас, Федор Павлович: это именно мы не смогли найти подхода к первому капитану, не смогли отговорить чертову блохастую летягу от выполнения маневра, полностью рассекречивающего операцию «Сикорски».

Капитанский селектор неожиданно залился сигналом.

— Полковник Йонг почтеннейше просит капитана Манцева немедленно принять его и профессора Лошмидта по делу чрезвычайной важности, — отрешенно сообщил голос автоматического секретаря.

— Что за дьявол?! — взорвался второй капитан. — Я же запретил кому-либо, кроме первого капитана Тооха...

— Господин Йонг предъявил полномочия Комитета по Чрезвычайным Поручениям, — бесстрастно парировал робот этот взрыв эмоций.

— Час от часу не легче!

Манцев повернулся к чрезвычайному комиссару:

— Это ваши контролеры, что ли? Нашли время, ей-богу...

Горский пожал плечами:

— Если и контролеры, то не мои, капитан... Я, конечно, предупрежден, что эти двое имеют какое-то свое, особое поручение. Но до сих пор полагал, что это никак не связано с нашей миссией...

— Я от этих секретов мадридского двора скоро умом тронусь, — желчно констатировал Манцев и надавил кнопку селектора. — Просите...

* * *

Они вполне стоили друг друга — капитан Манцев и полковник Йонг. Оба были крепко сбиты, мамы и основательно потрепанны жизнью, принесенной в жертву высшим интересам Федерации и Обитаемого Космоса вообще. Так что долгих подступов к сути дела в предстоящем разговоре не предвиделось. Второй капитан ограничился коротким приглашающим жестом, а оба посетителя тут же заняли два оставшихся свободными кресла, причем по всему было видно, что они это сделали бы и без капитанского приглашения. Дело обошлось даже без привычного «Чему обязан».

— В получасе хода от нас, — с места в карьер начал Йонг, — терпит бедствие лайнер «Саратога». Вами и вашими партнерами — корри получен сигнал бедствия от этого корабля...

Полковнику никак не полагалось знать это. Но Федор Павлович был не в претензии: если господам дозволено прослушивать радиопереговоры боевого крейсера, значит, есть на то свой резон. И не будем поднимать по этому поводу визг, словно мать-настоятельница, впервые на старости лет обнаружившая «жучка» в своей «ночной вазе».

— Нам важно знать, — продолжил полковник, удостоверившись, что может трактовать

напряженное молчание обоих собеседников как знак согласия со своими словами, — ваши намерения и действия в этой связи. Поверьте, это не праздный интерес.

— Однако кому это — «нам»? — сухо поинтересовался Горский, старательно глядя в сторону и крутя в пальцах какую-то хреновнику, машинально прихваченную с письменного стола капитана, вокруг которого сидели все четверо.

— Спецакадемии, — коротко ответил и за себя и за Йонга Лошмидт и бросил на стол свое удостоверение.

— Ну что ж, — пожал плечами Манцев, кончиками пальцев отодвигая от себя зеленоватую карточку с эмблемой цитадели военизированной науки, оттиснутой в верхнем правом углу. — Так все-таки лучше, когда знаешь, с кем ведешь дело... Так вот... — Он нервно отодвинул от Горского подставку с электрокарандашами так, словно судьба этого предмета заботила его сейчас более всего. — Вы можете не волноваться, господа. Мы никоим образом не намерены рисковать... Нам придется не на шутку поссориться с корри. Нам... Мне и экипажу придется бойкотировать прямые указания первого капитана.

Он внимательно посмотрел на Йонга, а затем на Лошмидта, чтобы убедиться, что те в полной мере осознают значение его слов.

— Но мы не будем рисковать! — Ладонь капитана, умноженная силой полутора «g», звучно хлопнула по столу. — На терпящий бедствие лайнер будет высажена ремонтная бригада. И медики. Это все. А «Цунами» двинется дальше — на выполнение боевого задания! Я удовлетворил ваше любопытство, джентльмены?

— Не совсем, — коротко и резко парировал его слова Йонг. — Нас в первую очередь интересует, как велик риск для терпящего бедствие корабля? Как вы оцениваете шансы выжить — для пассажиров и экипажа? Это в случае действий по вашему... м-м... сценарию.

— А никакого другого сценария и нет, полковник, — так же резко и коротко возразил Манцев. — Я не могу нарушить боевой приказ, даже если все лайнеры Обитаемого Космоса соберутся сюда и будут гореть синим пламенем! Вы — человек военный и прекрасно понимаете меня. — Он перевел дух. — Что же до шансов выжить, то спросите меня о чем-нибудь полегче. Я бы мог судить и рядить о том, какие шансы имеет выжить корабль, накрытый коллапс-полем или попавший в облако «ос». Но аварии на гражданских лайнерах — не моя стихия. Увольте. К тому же каковы бы они ни были — эти шансы, о которых вы толкуете, — большие или маленькие, это не меняет сути дела. Ни на йоту. Я не имею возможности выбирать решение. Вариантов нет, как говорится.

Эти слова заставили нервно дернуться щеку полковника.

— Охотно верю, — с затаившимся в голосе раздражением произнес он. — Охотно верю, что вы, капитан, не располагаете такими вариантами. Но мы можем вас ими снабдить. Надеюсь, вас не затруднит найти в вашем сейфе и вскрыть один небольшой пакет... Тот, который вам предписано распечатать, получив пароль «Локус».

— «Локус»? — чуть ошарашенно переспросил Манцев.

— Да, «Локус», — с ледяным спокойствием подтвердил Йонг. И уточнил: — Это, повторяю вам, пароль. И я вам его называю...

Не поднимаясь из кресла, Манцев развернулся к вмонтированному в мощную переборку вместилищу секретной документации. Он быстро набрал на клавиатуре, украшающей выполненную из сверхпрочного сплава дверцу, отпирающий замок сейфа код.

Пакеты в сейфах капитанов... О, никто еще не сложил о них достойную песнь. Песнь с безмолвных хранителях тайн и тюремщиках демонов смерти и разрушения; песнь о

хранителях, вжавшихся в скупые строчки инструкций и приказов, о хранителях, разбежавшихся по пунктам и подпунктам тайных списков и перечислений, которые осмотрительные сильные мира сего не решились доверить хлипким файлам компьютера... В несгораемом ящике крейсера класса «Цунами» их можно найти не менее полдюжины, а чаще всего — с добрые полсотни. Они живут своей собственной жизнью. Часто, так и не раскрывая своих тайн, истаивают в пламени мусоросжигательных печей. Но бывает и так, что они — так и нераспечатанными — переживают правителей и целые политические режимы. Переживают капитанов и даже сами крейсера. Как, например, пара непривычного формата успевших порядком пожелтеть конвертов, притаившихся в глубине личного сейфа капитана «Цунами». Конвертов, запечатанных причудливой печатью «Утренней Армии» и украшенных «Золотым петушком» Империи. Какие только ситуации не были предусмотрены безымянными составителями тайных инструкций, таящихся под архаичными сургучными печатями. Любители экзотических слухов утверждают, что даже Армагеддон и Страшный суд предусмотрены в них...

Впрочем, тот пакет, печать которого решительно сломал сейчас капитан Манцев, содержал документ, касавшийся материй, куда более прозаичных. Предписанием Комитета по Чрезвычайным Поручениям при Директорате Федерации второму капитану «Цунами» предлагалось «рассматривать указания находящегося на борту вверенного ему космического судна полковника ВС Федерации Хесуса Йонга, а в случае его отсутствия или его недееспособности — действительного члена Академии Специальных Исследований Хьюга Лошмидта как первоочередные и предназначенные к незамедлительному и точному исполнению. Вопросы, связанные с необходимостью одномоментного выполнения вверенным вам экипажем операции „Сикорски“, вам надлежит решать в рабочем порядке, на основе взаимных консультаций полковника Х. Йонга (или Х. Лошмидта в случае его отсутствия или недееспособности) и чрезвычайного комиссара Горского (или вас лично в случае его отсутствия или недееспособности)».

Прочитав приказ дважды, Манцев, не говоря худого слова, передал его Горскому. Ознакомившись с ним, чрезвычайный комиссар досадливо цыкнул зубом — привычка, приобретенная им в результате длительного общения с корри. В этом он был прав: более издевательского документа ему читать, пожалуй, не приходилось.

— В общем, — коротко резюмировал Манцев, — мне предлагается угодить и вашим и нашим. Но при этом выкручиваться старине Манцеву надо будет самому. — Он махнул рукой. — Выкладывайте, господа, что вам в конце концов угодно. И не растекайтесь мыслью по древу... У нас времени куда меньше, чем те полчаса, на которые вы, судя по всему, рассчитывали.

— Все очень просто, — вздохнул Йонг. — На борту «Саратоги» находятся двое... Эти лица представляют для Спецакадемии первоочередной интерес. Все, что нам надо, так это то, чтобы вы этих двоих вытащили из этого летающего гроба — с «Саратоги». Вытащили и живыми и невредимыми доставили на Чур... Можете использовать для этого ваш десант, спасательные команды, вообще все, что захотите. Как видите, капитан, я никоим образом не покушаюсь на ваши планы. Если бы не сложившаяся ситуация, я ни за что бы не претендовал на то, чтобы привести в действие этот документ... — Йонг указал глазами на лист секретного распоряжения.

Манцев молча откинулся в кресле и стал энергично массировать затекшие от лишних «g» веки. Словно в ответ на этот намек, по кораблю зазвучал предупредительный

«колокольчик»: «Всем приготовиться. Через минуту — маневр». Четверо собеседников — сработали чисто профессиональные привычки — мгновенно ухватились за замки пристежных ремней. Крейсер закончил разгон, и теперь, после нескольких минут невесомости, его экипажу предстояло снова испытать штатные полтора «g» — на этот раз — тормозные. Выпущенный Горским из рук электрокарандаш воспарил над столом, норовя исполнить подобие менуэта с карточкой, удостоверяющей академический статус дока Лошмидта, вслед за ними и пара распечаток, не убранных вовремя под зажимы, белыми горлицами запорхала под потолком каюты. Кэп тяжелым взглядом следил за этими мелкими безобразиями. Все те «g», которые довелось ему испытать в своей нелегкой командирской жизни, не делись никуда. Они были с ним. Здесь — в этом его взгляде.

— Ну что же...

Кэп поймал чертов электрокарандаш и с силой воткнул его в родную подставку.

— Кажется, мне не придется ссориться с хоо Тоохом. Операцию спасения проводим по полной — с причаливанием, стыковкой и полной эвакуацией. — Он усмехнулся. — Это станет притчей во языцех. Крейсер, идущий на выполнение секретного боевого задания, с кучей увечных посторонних штатских на борту...

Полковник нервно дернул уголком рта:

— Повторяю, капитан, нам нужны только двое из всех тех, кто находится на борту «Саратоги». Мне кажется, что для этого не требуется проводить эвакуацию, как вы выразились, «по полной».

Горский приоткрыл было рот — скорее всего для того, чтобы поддержать эту точку зрения, но второй капитан резким движением руки пресек все возражения.

— Хотел бы я знать, полковник, как вы себе представляете все это... Мои десантники, по-вашему, ворвутся на борт лайнера и примутся, словно морковку с огорода, выдергивать оттуда нужных вам людей? Да если там действительно, — кэп повторил и подчеркнул голосом это слово, — действительно происходит хотя бы половина того, о чем нам радируют с борта, то у них просто ад крошечный. Послушаюсь я вас, так и ваших субъектов оттуда не вытяну, и своих загублю напрочь! Так в Космосе дела не делаются... Чтобы иметь хоть какую-то гарантию, что мы сможем вам помочь с этими вашими протее, я должен вытащить оттуда всех — без затей, по-простому, как это предписано в Уставе. И... — Тут он энергично отмахнулся от чрезвычайного комиссара. — Я знаю все ваши возражения, Сергей Дмитриевич, но нам придется принять все необходимые меры предосторожности. Раз уж на то пошло...

— Что ж, это разумно, — заметил Лошмидт. — В конце концов не следует забывать и о таком простом факторе принятия решений, как элементарная человечность. Не думайте, капитан, что это вам не зачтется при общей, суммарной так сказать, оценке нашей совместной теперь операции.

— И вам вовсе не придется тащить с собой весь этот паноптикум на боевое задание, — торопливо добавил полковник. — Вы теперь имеете возможность высадить весь этот народ на любой из наших баз в системе Чура... Коль скоро пребывание крейсера в ней уже перестало быть секретом...

— Вы, я вижу, уже все решили за меня, — с досадой оборвал его капитан. — Поверьте, я уж как-нибудь сам соображу, что следует предпринять.

Манцев протянул руку к клавише селектора и начал надиктовывать текст приказа:

— Стыковочный отсек — очистить от экипажа полностью. Резервные отсеки —

скажем, шестой и седьмой — полностью изолируем и определяем под размещение эвакуированных. Соответственно в четвертом и восьмом устанавливаем генераторы защитного поля... — Он криво усмехнулся. — Даже если кто-нибудь из этой публики протащит на борт плазменный заряд, то мы потеряем только два резервных отсека, не более. А ваших подопечных, господа, — он повернулся к Йонгу и Лошмидту, — мы постараемся отфильтровать уже на первых этапах погрузки эвакуированных. Как, кстати, зовут этих ваших драгоценных подопечных?

Корпус «Цунами» дрогнул, и каюта словно обрела собственную жизнь, нороя повернуться вокруг своих обитателей. Профессор Лошмидт с тревогой посмотрел на свою карточку-удостоверение, вновь вознамерившуюся ускользнуть куда-то в сторону, и ловким движением схватил ее и вернул на законное место жительства — в массивный бумажник. Все сидевшие вокруг капитанского стола мрачно смотрели друг на друга. Тяжесть вновь дала о себе знать, возвращая им чувство реальности.

— Ну что ж. — Горский нервными движениями, словно стряхивая с себя невидимых муравьев, отстегнул сковывающие его ремни и попытался подняться из кресла. — В сложившейся ситуации привилегия принимать решения полностью принадлежит вам, капитан. Не могу сказать, что завидую вам. Положение у вас — хуже губернаторского, как говорили в таких случаях древние. Но, раз уж решение принято, мне не остается ничего другого, как умыть руки...

* * *

Старпом Звонарев сидел в кресле второго пилота, неестественно выпрямившись, и продолжал диктовать в микрофон команды аварийной эвакуации. Кресло первого пилота было занято. В нем, уронив голову на пульт, сидел капитан Хеновес. Уступить место своему помощнику он никак не мог — немного ниже затылка, из основания черепа у него торчала рукоять глубоко всаженного, тускло поблескивающего стилета. Голос Звонарева, разносившийся по опустевшему уже лабиринту обитаемых отсеков «Саратоги», был напряжен, но, видно, не от сознания бедственного положения вверенного теперь единственно его заботам лайнера. Вовсе нет. Причина была намного проще: в затылок старпома упирался ствол пистолета. Рукоять этого не располагающего к спокойному и хладнокровному восприятию действительности предмета сжимал похоронный агент Раймон Клини. Второй пистолет — тоже довольно убедительного вида — упирался в висок Кима. Насколько мог разобрать агент на контракте, тип, державший его на прицеле, был отнюдь не пассажиром «Саратоги» и, конечно, не членом ее экипажа. Он явно был кем-то из «тех». Одним из обитателей мрачных контейнеров, выпущенных в мир живых глупостью Кэна Кукана. Больше никого в рубке не было.

Что до бедственности положения лайнера, то тут дело обстояло вовсе не так, как это следовало из громогласных призывов к немедленной эвакуации, разносившихся по кораблю. Ким, конечно, не мог считать себя человеком, хоть что-либо смыслящим в искусстве управления космическими судами, но и ему — полному в этом деле профану — было видно, что ни один из многочисленных индикаторов, украшающих приборные панели рубки управления, не пылает алым цветом тревоги. Более того, первое впечатление — а оно редко подводило агента — говорило Киму, что, скорее всего, вся машинерия «Саратоги» работает

как часы. Это, впрочем, никак не изменяло к лучшему того положения, в котором агент находился сейчас.

«Боже мой! В какую глупейшую ловушку я попал!» — думал он, лихорадочно пытаюсь оценить сложившуюся ситуацию. И самым глупым в ней — в этой ситуации — было то, что за всей этой бестолковой слежкой за мальчишками и суетой с покойниками, оживленными Кэном, он, агент на контракте, забыл про главное, про то, что должно было составлять основной предмет его забот: Ким совершенно не представлял себе того, что обязан был знать днем и ночью, — где сейчас находится и что делает Клаус Гильде!

— Это не он, — глухим голосом сообщил бывший покойник, усилив вдавливая ствол пистолета Киму в висок. — Это — не тот человек, который...

— Понял, — оборвал Клини объяснения зомби и повернулся к Киму, не отнимая пистолета от затылка изнемогающего Фила Звонарева и отжимая кнопку отключения микрофона.

Старпом тут же обмяк в кресле, словно кнопка эта отключила его самого. Он с надеждой в глазах уставился на Кима.

— Что вам здесь надо было, господин детектив? — зло спросил Клини. Появление посторонних явно не входило в его планы. — Зачем вас сюда черт принес? Почему вы не в переходном отсеке, где все?

«А ведь он меня уколошит, — довольно хладнокровно подумал Ким. — Непременно уколошит, как только получит ответы на свои вопросы. В общем-то второстепенные...»

Поэтому он не стал спешить с удовлетворением любопытства господина похоронного агента, а, тщательно прикидываясь шлангом, еще раз обвел глазами тесное пространство рубки.

— К-как? — спросил он, стараясь выглядеть как можно более глупо. — Р-разве нет аварии?

Мысленно он молил бога о том, чтобы его оставшиеся там внизу, за дверью, спутники оказались достаточно сообразительны и по его отсутствию и наступившей паузе в громоыхании динамиков поняли, что в рубке — не все окей и соваться в нее не стоит.

«Если Кукан сейчас надумает карабкаться сюда, поднимется стрельба. Как пить дать поднимется...»

— Есть авария, — заверил его Клини голосом тихим и не предвещающим ровно ничего хорошего. — Вы, господин детектив, можете уверенно считать, что авария на борту есть. И авария самая тяжелая из тех, с какими вам приходилось встречаться. И успокойтесь на этой мысли. Успокойтесь и сообразуйте-таки ответить на мои вопросы. Они не так сложны.

— Это вы ответьте мне! — продолжая разыгрывать из себя дурака, заартачился агент. — Кто вы такие?! Что вы делаете на корабле?! Почему...

Зомби молча, с дьявольской силой вывернул ему руку, заставив опуститься на колени.

— Не надо быть таким любопытным, детектив, — поучительно-спокойно заметил наблюдавший за происходящим Клини. — Постарайтесь понять, что это я — тот, кто задает вопросы, здесь и сейчас. Я. Не вы.

Он молча пожевал губами, сосредоточенно уставившись на макушку исходящего холодным потом Фила. Ким, скрипя зубами, прислушивался к тишине, сочащейся в рубку из опустевших отсеков «Саратоги».

— Мне вообще неясна ваша, господин э-э... Яснов, роль в сложившейся ситуации. Жаль, что нет времени, чтобы разобраться с вами как следует. Придется ограничиться

малым. Так кой же черт принес вас сюда и что, собственно говоря, такого важного вы собирались сообщить господину старшему помощнику?

Киму не пришлось ломать голову над сколько-нибудь правдоподобным ответом. За тот короткий промежуток времени, который потребовался Клини, чтобы произнести свой иронический монолог, ситуация в рубке изменилась. И изменилась радикально. Аварийный люк за спиной Фила распахнулся. Отлетела в сторону и крышка какого-то еще люка, расположенного вне поля зрения Кима.

И в рубку ворвались Псы.

Клини успел развернуть ствол в сторону летевшего на него со злобным рычанием, оскалившегося кинжалами зубов кома шерсти и железных мускулов. Но выстрелить он уже не успел. Парализованный, казалось, страхом, старпом неожиданно, не оборачиваясь, нанес удар себе за спину. Второй Пес перемахнул через голову Кима, и тот, ощутив одновременное исчезновение стального захвата зомби, сковывавшего его запястье, и жесткого упора пистолетного ствола в висок, резко откатился за массивную стойку пульта нуль-навигации.

К тому моменту, когда он поднялся на ноги, мини-сражение было закончено. Раймон Клини лежал на полу, не проявляя признаков жизни. Оррн упирался ему двумя лапами в грудь, а Фил Звонарев — стволом подобранного с пола пистолета — в лоб. В обоих отворенных люках стояли люди Чура — Фор в одном, Ган — в том, что был напротив. Рядом с Фором стоял вооруженный какой-то железякой (ба, да уже знакомым Киму универсальным ломиком) Валька. За спиной Гана опасно маячил Кэн Кукан. В колено Киму ткнулось что-то живое, очень напряженное и тихо рычащее. Агент оглянулся и сообразил, что это Ширра, медленно пятясь задом, отступал от дела клыков и когтей своих.

— Эй! — раздалось из шахты. — Что у вас там?

Голос Анны Лотты был, понятное дело, тревожен и неровен.

— Все в порядке! — крикнул Ган, спрыгивая в рубку и направляясь к краю люка. Вслед за ним полезли в рубку и остальные участники штурма и осады. — Тут были два гада, — объяснял Ган сопровождающей, — но Псы с ними разобрались... А агент цел. Они ему ничего сделать не успели.

— Тогда я к вам поднимаюсь, — сообщила Анна.

— Нет! Лучше не надо, — остановил ее Кэн, заглянувший через плечо Кима, все еще остолбенело разглядывающего то, во что Ширра за считанные секунды превратил здорового зомби. — Лучше побудьте там, внизу, на стреме. Их еще несколько где-то по кораблю ошивается... Пятеро. Или шестеро...

Понизив голос до полусшепота, Кукан счел нужным пояснить Киму:

— Дамочке не стоит такое видеть. Нам еще только дамских обмороков тут и не хватало.

В ответ Ким только махнул рукой и шагнул к Звонареву, который уже споро связывал начавшего было приходить в себя похоронного агента ремнем, вынутым из его же, разбойника, брюк. По дороге он подобрал отлетевшее в сторону оружие зомби, которое еще минуту назад было приставлено к его собственному затылку.

— Что с реакторами? — спросил он. — Для корабля опасность есть?

— Бред это все! — огрызнулся старпом и, выпрямившись, со всего маху врезал носком кованого ботинка под ребра своему обидчику. — Бред и маразм!!!

Похоронный агент глухо застонал и вновь вырубился.

Отведя таким образом душу, Звонареву наконец удалось взять себя в руки.

— Простите, господин Яснов. Это все нервы.

— Ничего-ничего, — успокоил его Ким, дружески похлопывая по плечу. — Кажется, худшее уже позади. Так что же у нас с реакторами?

— Реакторы у нас — «восьмисотка». Военное изделие, — не без гордости в голосе пояснил старший помощник. — Работают как часы...

И тут неожиданная догадка осветила его лицо.

— Ах, суки... Они... Я понял — это старый трюк! В голову не могло прийти, что такое могут сотворить с нами! С «Саратогой»!

Все находящиеся в рубке напряженно уставились на Звонарева.

— Вы не поняли еще? — обратился он к агенту на контракте. — Они же не просто лайнер захватили! Им не «Саратога» нужна — они на крейсер нацелились! На крейсер!

Следующий пинок под ребра чудесным образом вернул господина Клини к жизни. С озлобленным стоном он подтянул ноги к подбородку и не без труда перешел в положение «сидя». Тут Ким почувствовал, что инициативу надо брать на себя. Он опустил перед похоронным агентом на корточки и уставился ему в зрачки.

— Положение изменилось, господин Клини, — уведомил он еще не пришедшего толком в себя собеседника. — Теперь не вы задаете вопросы. Здесь и сейчас...

* * *

— Именно чего-то в этом духе я и ожидал, — довольно спокойно констатировал чрезвычайный комиссар, глядя на плывущее по экрану изображение. — Да и вы, капитан, были готовы к этому. Тем не менее дали себя втянуть в этот дурацкий розыгрыш. С самого начала — я повторяю — с самого начала было ясно, что нас держат за несмышленных детишек. И мы себя таковыми показали. С вашей, дорогие коллеги, — он повернулся к Йонгу и Лошмидту, — помощью. Не прошло и пяти минут с того момента, когда первый пассажир «Саратоги» ступил на борт крейсера, и уже — пожалуйста! Нам предъявлен ультиматум. Ни больше ни меньше. Мы должны следовать в Систему Харура и там высадить своих пассажиров и террористов. Иначе они их начнут убивать по одному.

— Положение между тем все-таки находится под контролем, — прервал его гневную тираду второй капитан. — Прорвавшись на крейсер, противник не получил никаких преимуществ. Отсеки, в которых находятся пассажиры «Саратоги», могут быть уничтожены хоть термоядерным взрывом — они изолированы так же надежно, как если бы болтались где-нибудь мегаметрах в ста от нас...

Лошмидт посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Вы, кажется, не осознаете ключевого момента сложившейся ситуации... — Он нервно поправил антикварные очки, украшавшие его узкое лицо. — Впрочем, кажется, и террористы его еще не осознали. И не дай бог, если осознают.

— Отчего же не осознаю? — пожал плечами капитан. — Я понимаю, что речь идет о тех двух чудаках, ради которых я и пошел на риск. Остальные сорок с хвостиком человек — не тот козырь в этой игре. До того, по крайней мере, момента, когда про инцидент пронюхают СМИ.

— Так если вы понимаете это... — продолжал настаивать профессор. — Откуда тогда у вас такое спокойствие? Речь ведь идет вовсе не о безопасности крейсера — о ней вы позаботились, — а о том, способны ли мы будем выполнить поставленные перед нами

задания...

— Если ради того, чтобы уберечь ваших подопечных, мы пойдем на поводу у террористов, то мы уж точно не справимся ни с одной из двух задач. Либо полупровал, либо провал полный... По-вашему, есть из чего выбирать?

Видно было, что еще доля секунды — и в разговор непременно вошел бы со своими аргументами чрезвычайно решительно настроенный полковник Йонг. Но второй капитан оборвал завязывающуюся вполне бесплодную дискуссию решительным «брэк!».

— Хватит! — капитан решительно хлопнул по столу ладонью.

Жест вышел не столь выразительным, как хотелось бы, — невесомость царила на борту «Цунами», дрейфующего в сотне метров от «Саратоги». Изломанный контур переходного туннеля соединял оба этих, так похожих друг на друга космических судна. Мини-лайнер хоть и затмевал размерами многие творения рук человеческих (взять, к примеру, того же его морского «собрата» седой древности — «Титаник»), рядом с линейным крейсером смотрелся просто несерьезной фитюлькой. Тем не менее фитюлька была причиной немалой головной боли у все расширяющегося с каждой секундой круга руководителей Космических ВС и разведслужб самого разного пошиба.

— Хватит умствований! — продолжал капитан. — Мы с вами, считай, уже доумничались до трибунала! Я вовсе не собираюсь цацкаться с бандитами, и, поверьте, мои ребята смогут прочистить им мозги. Даже если милейшие корри будут путаться под ногами, а они умеют...

— Вы хотите атаковать захваченные отсеки? — с тревогой спросил Йонг. — Бросить своих людей в эту кашу? Это же невероятный риск.

— Риск теперь — сидеть сложа руки! — твердо парировал Манцев. — Время работает против нас. И работает очень быстро! Через несколько часов — максимум через сутки — «Цунами» будет в центре всеобщего внимания, как дерьмо на сковородке! И, поверьте, вони будет не меньше! У меня, как ответственного за исполнение непосредственных распоряжений Директората, остается только один выход: как можно скорее, практически немедленно предпринять штурм захваченных отсеков, покончить с бандитами и дальше — независимо от результатов — двинуть на намеченную цель и отбомбиться по ней. После чего через подпространство ухажу на основную базу. И, как говорит наш адмирал, — «Хай ему гречка!». Ясное дело, что орденов за такую работу мы не дождемся, но хоть под суд пойдем не законченными лопухами!

— Так, со всем этим кагалом, на бомбежку и двинем? — устало поинтересовался Горский, которому, судя по всему, программа капитана в общем-то импонировала.

— Это с какой такой радости? — пожал плечами Манцев. — Освобожденную публику, если такая вообще будет, мы загоним назад, на «Саратогу». Сейчас ишаку понятно, что никаких аварий на лайнере не было и быть не могло! Корабль цел и невредим и готов продолжить рейс. Точнее, закончить. Это уже не проблема. Проблема в том, чтобы не потерять время. И в том, чтобы не лезть на бандитов вслепую. Нужно в кратчайшее время представить себе обстановку в пятом и шестом отсеках. И это, — тут капитан резко повернулся к Йонгу, — ваша персональная головная боль, полковник. Если вы хотите хоть чем-то помочь вашим подопечным и если вы со своим напарником вообще не желаете болтаться здесь чистым балластом, то займитесь наконец делом. Ступайте в рубку — вести переговоры с террористами. Даю вам на то все полномочия. Но это на час-два. Не больше. Дальше будут работать ребята из десанта.

Короткая пауза повисла в воздухе.

— Будьте благоразумны, капитан, — откашлявшись, взял слово Лошмидт. — За два часа...

— Даю четыре! — не стал торговаться второй капитан. — А вы, Сергей Дмитриевич, — он повернулся к снова замыслившему было что-то сказать чрезвычайному комиссару, — не путайтесь под ногами у этих господ. Для вас у меня специальное поручение. Строго по вашему профилю. Вы берете на себя «тедди». Меня сейчас не хватит сразу на два фронта.

— В конце концов, это достаточно разумно, — признал Горский, снова вдвигаясь в кресло, над которым он воспарил, неосмотрительно отстегнув пристежные ремни.

Продолжить свою мысль он не успел — на пульте вспыхнул сигнал экстренного вызова. Рубка «Саратоги» просила связи через резервный канал.

* * *

— Повторяю. — Ким старался говорить как можно более доходчиво. — Это — не обычные террористы. Это — биороботы. Вам не удастся вести с ними переговоры, капитан. Там только один тип, который действует осознанно. Не зомби — человек, Ли Чорриа, по крайней мере, по документам на это имя он садился на корабль... Только он один способен вести переговоры. Да, это только результаты предварительного допроса...

На другом конце резервного канала полковник Йонг нервно щелкал пальцами, показывая завладевшему микрофоном второму капитану, что испытывает нестерпимую нужду в непосредственном контакте со своим агентом. Но кэпу было не до него. Раздосадованный полковник повернулся к доку Лошмидту, ища у него моральной поддержки, ставшей вдруг остро необходимой ему.

— Черт возьми! Мы, кажется, не зря поставили на этого парня! — воскликнул он. — Его не удалось загнать, как барана, в общий загон! Он не должен был упустить объект! Уверен, что он держит Гильде под контролем...

— Мне бы ваш оптимизм, полковник, — нервно вздохнул Лошмидт. — Нам надо подстраховать его. И — крепко подстраховать.

— Сейчас, — продолжал объяснять сложившуюся ситуацию агент, — мы отправим пострадавших — убитых, собственно, — к вам на борт. Сомневаюсь, что им еще можно чем-то помочь, но...

— О, дьявол! — Полковнику наконец удалось завладеть отдельным микрофоном. — Ясно! Вы хорошо слышите меня?!

— Не только слышу, но и вижу, господин полковник, — заверил с экрана Ким своего нанимателя.

— Вы решили, что главное сейчас — это благоустроить покойников? — неприязненным тоном осведомился у него Йонг. — Вы можете толково информировать меня о теперешнем положении вверенного вашему наблюдению объекта?

— Прямо сейчас — нет, — просто ответил Ким.

Он не стал объяснять (времени на то не было, как не было и особой необходимости), что срочная эвакуация пострадавших — это не столько его собственная, сколько старпома, Фила Звонарева, затея. Старший помощник капитана «Саратоги» явно не мог смириться с неожиданной и нелепой гибелью своего шефа и товарища. Довлело над ним и чувство

собственной вины — за слишком уж покорное и беспрекословное, пусть и под угрозой смерти, подыгрывание бандитам, и теперь он буквально разрывался на части, пытаясь исправить непоправимое. Поэтому агент ограничился оправданием предельно коротким и предельно общим:

— Ситуация не позволила. Она меняется чересчур быстро. Я предполагаю, что м-м... Объект сейчас находится вместе со всеми остальными пассажирами у вас на борту...

Наступило молчание.

— Не требуйте от него невозможного, — неожиданно мягко предостерег наливающегося гневом полковника док Лошмидт.

— Найдите его хоть... Ваша главная задача — Гильде! Я удваиваю, утраиваю сумму контракта. Только вытащите, объект из этого дерьма!!

Сердце Кима, которому по всем правилам следовало бы возликовать и радостно забиться при мысли о столь удачном обороте дела, наоборот, мучительно сжалось, сдавленное неопределенным желанием послать куда-нибудь как можно дальше и самого полковника, и всю его преславную Спецакадемию с ним заодно.

— Мне нужно точно знать, где он находится, — перебивая полковника, коротко бросил он. — И поверьте мне: я не забыл своих обязательств по Контракту...

Он повернулся к Кукану:

— Кэннет, возьмите переговоры на себя. Мне срочно нужно добраться до одного человечка. Когда заваруха началась, он был в медблоке...

— Тогда его перетащили на крейсер первым, — резонно заметил Кэн. — По инструкции. А в медблоке сейчас — Фил. Накачивает капитана и Роджера фиксатором. Если этот ваш Гильде все-таки там, то он не мог его не найти.

Ким щелкнул клавишей селектора. Из глубины бокового экрана выплыло изображение, не слишком похожее на физиономию Фила Звонарева. Агент не сразу сообразил, что видит перед собой лишь изуродованную нелепым выбором ракурса неполную панораму операционного блока. Ни Фила, ни кого-либо из человеческих существ на экране не было. Ким рванул с рычага трубку общей связи, но тут же вернул ее на место — вовсе не стоило делать свидетелями их с Филом разговора весь окрестный Космос.

— Он, наверное, уже в боте, — подсказал ему Кэн. — Устраивает свой груз. Да вот — смотрите — пятый бот расконсервирован!

— Бога ради, помогите мне соединиться с ним! — торопливо попросил Ким. — Я не в ладах со здешними кнопками.

— Проще простого, — пожал плечами Кукан. — Вот так и так... Эй, Фил, ты, я вижу, уже готов к отправке?

— Готов, — отозвался с экрана старпом. — Держитесь! Если мой номер пройдет без помех, то к вам перебросят десант и мы зажмем этих сволочей не хуже, чем в тисках...

Этот вариант действий был обговорен засевшей в рубке компанией сразу, как только стало ясно, что на борту «Цунами» уже разыгрывается второй акт драмы с заложниками. Они могли наблюдать его, точнее, слушать все происходящее по основному каналу корабельного радио, начиная с того момента, когда там, в пятом резервном отсеке крейсера, Ли Чорриа объявил запыхавшемуся и порядком помятому народу с «Саратоги», что все они — заложники, а пятеро зомби, успевшие во всеобщей суматохе занять стратегическое положение у всех проходов и по углам отсека, подтвердили его слова, лихо расстреляв из своих бластеров камеры внутреннего наблюдения и замки половины гермодверей. Трюк с

выряженными в погребальные наряды зомби удался террористам на славу. Как-никак мало кто из членов экипажа знал в лицо всех пассажиров. И уж точно никто из пассажиров, кроме Кэна Кукана, не знал наперечет членов экипажа «Саратоги». Так что первые закономерно считали одетых в штатское незнакомцев за не попадавшихся до сих пор им на глаза «яйцеголовых», летящих на Чур, а вторые — благодаря официальности нарядов незнакомцев — числили их кем-то вроде не замеченных ранее стюардов.

Но все это до тех пор, пока в дело не пошли бластеры.

Теперь по основному каналу шел напряженный и очень сумбурный обмен репликами: обе стороны (и террористы, и экипаж «Цунами») пытались начать сколько-нибудь толковые переговоры между собой.

— Послушай, — снова окликнул старпома Кэн, — тут господин сыщик волнуется за того типа, который валялся у вас в санчасти. Гильде его звали. Клаус Гильде. Ты не видел его в медблоке или где еще?

Звонарев изобразил на лице крайнюю степень недоумения:

— Да нет, ребята, ищите своего Клауса где-нибудь в другом месте. Он, скорее всего, там вместе с остальными. А в санчасти, конечно, бардак еще тот. Словно мартышки похозяйничали. Оно и понятно — спешка... Вы хоть рубку в порядок приведите, а то... собачки там намусорили немного, когда с этим... с упырем, одним словом, разбирались..

— Ну, кровищу-то мы тут подмыли, а вот «мусор», положим, ты сам забрал с собой, — возразил ему Кэн. — Ты, я вижу, хочешь, чтобы его там из кусочков собрали и откачали?

— Дурак вы, Лесли, — отмахнулся от него Фил (ему Кэн так и не успел представиться под своим истинным именем). — Это же остатки биоробота. Есть инструкция. Секретная. Их во что бы то ни стало надо сохранять.

Ким не слушал дальнейших пререканий отставшего от жизни Кукана и находящегося в курсе дела старпома. Сосредоточенно уставясь на совещающихся мальчишек, он думал о своем. Он пытался представить себе, что мог предпринять сейчас — вот в таких непредвиденных обстоятельствах — претерпевающий свое странное превращение обладатель тайны Генетического Послания Клаус Гильде. И о том, были ли эти обстоятельства для него действительно непредвиденными. Что-то мешало ему сосредоточиться, принять решение, так необходимое в этом непростом раскладе карт Судьбы. Нет, не тревожный взгляд Анны, перебежавший с него на препорученного ее охране Клини. Не хищный прицел сузившихся зрачков обоих Псов, нацеленный на повязанного по рукам и ногам похоронного агента... Нет.

Корпус «Саратоги» едва заметно дрогнул, выбросив из себя серебристый шарик малого бота, тут же направившегося к громаде «Цунами». Пальцы Кима отбили по светлomu пластику пульта неровную мелодию — ту, что раз за разом возвращалась в его сознание, отвлекала, мешала сосредоточиться. «Тему запретного знания».

* * *

— Не тяните, — поторопил Манцев Горского. — Вижу, что у вас с «тедди» проблемы. Их и не могло не быть — проблем этих. Давайте все как есть. Не мнитесь, словно гимназистка.

Конечно, они были — эти проблемы с «тедди». Коварство террористов, затесавшихся в

толпу эвакуированных с «Саратоги», уязвило первого капитана прямо в сердце. Трудно сказать, какое именно из двух или трех сердец, которыми щедрая на выдумки мать-природа наделила половозрелых представителей этой затейливой расы, но что в сердце — это точно. Только теперь он оценил всю глубину и изощренность подлой хитрости и самого рода человеческого, и сотворенной неведомыми силами по его образу и подобию Нелюди. В первый момент после объявления ультиматума террористов хоо Тоох счел ситуацию безвыходной и всерьез задумался над тем, чем можно в условиях космического полета достойно заменить Прыжок с Вершины. Горский мог записать себе в реестр особых заслуг то, что отвлечь первого капитана от подобных мыслей ему таки удалось. Но это был предел достижимого в данной ситуации. Собственно, чрезвычайный комиссар и не питал ни малейших иллюзий относительно возможности переубедить закосневшего в своем природном гуманизме корри и разом изменить генетически закрепленную и тысячелетиями культивируемую систему ценностей. Такие вещи с ходу не получаются. Тем более не получаются они в таких вот авральных условиях, когда и сам-то не знаешь и не можешь знать решения той моральной дилеммы, которую ставит перед тобой щедрая на такие штучки Судьба и всегда не упускающее случая предать тебя Высшее Руководство.

Поэтому Горский даже не попытался предпринимать хоть какие-то усилия в этом направлении. Своей целью он поставил нечто другое: он постарался внушить хоо Тооху твердую уверенность в том, что столь бурно разыгрывающаяся на «Цунами» драма есть сугубо внутреннее дело людей — *Homo sapiens* и, таким образом, никто из корри не несет ни малейшей ответственности за страдания и гибель (если уж таковые будут иметь место) людей «Саратоги» и бойцов, которых придется бросить на их освобождение. Это имело некоторый успех. Но успех далеко не полный. Специалистом по отношениям с корри Сергей Дмитриевич считался отнюдь не номинально — он совмещал активную деятельность в этой области (довольно неплохая «крыша» для постоянного резидента Политического Управления) с основной своей работой уже не первый десяток лет. И совмещал довольно успешно: и статьи, и диссертации, и главы в монографии писал он сам, не пользуясь услугами авторов-«невидимок». А потому прекрасно понимал, что как бы ни «резало» его время, как бы ни давили обстоятельства, а добиться своего от корри — тем более от корри, уполномоченного (пусть даже чисто формально) принимать некие решения, — можно, только проявив исключительное терпение и выдержку.

Поэтому на раздраженный вопрос капитана он ответил только вежливой улыбкой. Помимо всего прочего улыбка эта должна была напомнить милейшему Федору Павловичу о том, что чрезвычайный комиссар, конечно, без всяких оговорок признает за ним его капитанское право действовать, не считаясь с секретными инструкциями и негласной субординацией людей Директората... Обстоятельства и впрямь того требуют. Но они преходящи, обстоятельства эти. Уйдут, дымом рассеются, дурным сном забудутся. И вот тогда — не тревожно ли вам, Федор Павлович, будет припоминать о том, как вы повышали голос да покрикивали на друга своего? Друга, поставленного, кстати сказать, для того, чтобы самому голос возвышать да покрикивать на нерадивых исполнителей воли Высшего Руководства, а не выслушивать в свой адрес солдафонские колкости.

Впрочем, Сергей Дмитриевич и впрямь гимназисткой не был и мог бы гораздо большее стерпеть — необидчив он был, когда речь шла о деле. На то он и чрезвычайный комиссар.

— На данный момент, — доложил он, выдержав предельно короткую паузу, — хоо Тоох практически нейтрализован. Формально он держит совет со своими офицерами, но

фактически устранился от активного участия в событиях. Он дал мне понять, что прямое участие в вооруженной операции, в которой могут погибнуть люди, нежелательно. Крайне нежелательно. В ответ на это я и заверил его, что наш э-э... полуэкипаж воздержится от того, чтобы обращаться к своим напарникам с просьбами об участии в действиях, связанных с сугубо м-м... С сугубо межчеловеческими отношениями. На какое-то время нам дан карт-бланш, капитан.

— И слава богу, — вздохнул Манцев и, дав Горскому понять, что он еще понадобится ему — здесь и немедленно, — резко повернулся к торопливо поднимающемуся в рубку доку Лошмидту.

— Ваши успехи, господа академики? Удалось вам найти этого Чорриа? Он согласен вести переговоры? Выдвигает какие-нибудь условия? — быстро, не давая профессору времени на то, чтобы углубиться в размышления, посыпал вопросами второй капитан.

— Мерзавец нашелся сам, — устало огрызнулся профессор. — Первое, что он от нас потребовал, — снять защитное поле с заблокированных отсеков. Но быстро отступился. Оставил, так сказать, вопрос открытым. Я... Мы с полковником несколько охладили его пыл. Слава богу, не только у них на руках все козыри. Этот тип несколько смешался, когда мы довели до его сведения, что его приятель находится в наших руках — равно как и все управление «Саратогой»...

— Вот как? А он что, был не в курсе того, как обстоят дела там, на борту лайнера? — с порядочной долей искреннего удивления осведомился капитан.

— Нет, не был, — пожал плечами Лошмидт. — Это было для негодня сюрпризом. Так же, впрочем, как и для всех.

— Ну что же... — не без удовлетворения констатировал второй капитан. — Это, по крайней мере, недвусмысленно говорит о том, что со связью у них дело обстоит плохо. Это работает на нас. Но вот этот козырь с захватом рубки вы выложили, пожалуй, рановато. Полковник Йонг продолжает переговоры?

— Да, — торопливо боднул головой воздух профессор. — И, поверьте, аргумент с освобождением рубки пришелся как раз вовремя. Ему удалось кое-чего добиться...

Капитан вопросительно поднял бровь, ожидая продолжения столь оптимистического зачина.

— Речь идет об обмене, — торопливо продолжил действительный член Спецакадемии. — Они готовы освободить часть пассажиров в обмен на этого лжепохоронного агента... Не менее десяти человек — мы настаиваем именно на этом. И, разумеется, в их число мы обязательно включаем...

— Знаю, знаю! — раздраженно прервал его Манцев. — Разумеется, вы в первую очередь печетесь об этой вашей «сладкой парочке». Вам, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, кажется, удастся-таки добиться своего...

Лошмидт молча бросил на стол перед капитаном лист бумаги, вкривь и вкось испещренный разношерстными строчками. Почти каждая из них была вписана другим, по сравнению с предыдущей, почерком, а то и вовсе другим цветом.

— Это ксерокс, — пояснил профессор. — Цветной. Оригинал через защитное поле не перекинуть. Список всех, находящихся в заблокированных отсеках. Они там сами переписали друг друга. По-моему, кто-то из них пробовал приписать еще что-то от себя, но... — Он выразительно указал на неровно оборванный край распечатки. — Но главное — вот!

И Лошмидт торжествующе ткнул пальцем в обведенную энергичным взмахом

Резко зазвучал сигнал боевого оповещения. Манцев схватил с пульта наушник и резко прижал его к заросшему седыми волосками уху. Впрочем, и без официального рапорта группы наблюдения — просто из картинки на экране — было ясно, чем вызвана поднявшаяся тревога. По всей поверхности плывущего к «Цунами» шарика — малого бота «Саратоги» — один за другим, беспорядочно и настырно злыми огоньками вспыхивали плазменные разряды.

— Эти сволочи обстреливают бот!

Капитан смял ничем не провинившийся лист распечатки, лежавший перед ним.

— Палят через шлюзы! Я... Мы... Передайте им, что если так, то мы прерываем всякие переговоры! Или... Или, лучше, сразу саданите по...

Договаривать до конца свою команду капитану не потребовалось — по темному зигзагу переходного туннеля побежали, торопливо подбираясь к едва обозначенным сигнальными огнями провалам люков, ослепительные звездочки лазерных «уколов». У кого-то из подчиненных Манцева сдали нервы, и он без всякой команды открыл по противнику ответный огонь. На той стороне мгновенно поняли столь тонкий намек, и бот без всяких помех проделал последние десятки метров своего пути и беспрепятственно нырнул в недра «Цунами».

— Отставить пальбу! — больше для проформы, чем по действительной надобности, скомандовал кэп и переключил канал связи с наушников на динамик селектора. — Приемная команда, доложите, что там у вас...

Приемная команда на своем конце канала связи долго, мучительно долго шуршала, скрежетала, звякала и еле слышно, но отчетливо материлась на «великом и могучем». Потом хрипловатый голос доложил:

— Бот принят на борт с выраженными повреждениями. Вторая степень... С бота снят старпом лайнера «Саратога» Филипп Звонарев с ранениями средней тяжести. Ему оказана первая помощь. Сейчас Звонарева транспортируют в медчасть... Тут еще покойники, — добавил голос дежурного уже гораздо менее уверенно. — С ними — по-разному...

— Действуйте по своему усмотрению, — оборвал его капитан и переключил канал селектора, не дожидаясь уставного «Есть, сэр!».

— Не получится эвакуировать с «Саратоги» остальных... — с досадой констатировал он, задумчиво глядя в пространство перед собой. — С первым ботом обошлось, а по второму могут шарахнуть чем-нибудь посерьезнее..

— Теперь они будут знать, что на борту бота — их человек, — возразил Лошмидт. — И, зная это, воздержатся от...

— Вот уж не уверен! — неожиданно входя в разговор и веско чеканя слова, отрезал Горский. — Ими — ставленниками Нелюди — движет никак уж не альтруизм. И не дружеские чувства к своему подельнику. Для них главное — чтобы он не достался нам живым! Не мог бы быть изучен и допрошен. Удастся обмен — прекрасно! Не удастся — примут все меры к его уничтожению. Раз уж он сам не смог вовремя наложить на себя руки... Так что Федор Павлович прав: переброску этой команды из рубки с «Саратоги» сюда

придется отставить... Впрочем.. — Тут они с Манцевым обменялись задумчивыми взглядами. — Впрочем, — более уверенно продолжил он, ободренный пониманием, прочитанным в глазах старого боевого приятеля, — для проведения столь необходимого вам обмена вовсе не требуется такая переброска...

* * *

Ким еще раз пробежался по строкам расшифровки, потом поднял глаза на собравшихся в рубке «Саратоги».

— У них там дело сдвинулось с мертвой точки, — сообщил он.

Но тон, которым он произнес эту, обнадеживающую вроде, весть, был не радостен, а скорее мрачен.

— Нам предлагают участвовать в обмене.

Совершенно безучастный ко всему происходящему до этого момента Клини, надежно прикрученный к креслу, проявил наконец признаки жизни и напряженно уставился на агента. Но и в его взгляде не читались ни надежда, ни радость, вполне уместные, казалось бы, в свете услышанной им новости. Скорее уж в нем можно было почувствовать тревогу и настороженность загнанного зверя. В ответ на этот взгляд Ким криво улыбнулся похоронному агенту — с каким-то им одним доступным пониманием.

— Вот уж не ожидал, что они на это пойдут, — недоуменно пожал плечами Кэн. — У «военщиков» на этот счет четкая инструкция: действовать без сантиментов... «И кровь невинных падет на головы замысливших зло»...

— Это у наших «военщиков», — робко возразила Анна. — А это ведь корабль корри...

Клини разразился хриплым, каркающим смехом, и Ким пожалел о том, что не позаботился заткнуть ему кляпом рот.

— Может, время хотят потянуть этак вот...

В отличие от него агент довольно хорошо понимал, что гуманность, неожиданно овладевшая экипажем крейсера Космических ВС, объясняется вовсе не присутствием на его борту чудаковатых корри и даже не узкопрактическими соображениями тактики подготовки к неожиданному штурму.

— План действий таков, — прервал он плавание своих собеседников по зыбкому морю догадок и предположений. — Мы в согласии с экипажем крейсера действуем, если так можно выразиться, по стекинговой схеме: я оставляю всякое оружие здесь и веду этого типа через переходной отсек прямо в стыковочный узел. В это время террористы полностью освобождают пятый резервный отсек крейсера, отступают в четвертый, а в пятом оставляют двенадцать заложников — раненых и тех, кто находится в неважном состоянии. Похоже, что там такие есть... Запирают за собой гермодверь. А я отпираю гермодверь в переходный туннель. Наш подопечный проходит в первую секцию туннеля, я запираю за ним дверь. Одновременно — строго одновременно — экипаж крейсера переносит защитный барьер с границы между пятым и шестым резервными отсеками на границу между отсеками пятым и четвертым. Открывают проход между пятым отсеком и остальными помещениями корабля и забирают заложников. Террористы синхронно открывают со своей стороны вход из туннеля в первую его секцию и забирают своего милого друга. После чего переговоры возобновляются. На подготовку нам дают полчаса. — Ким бросил взгляд на часы. — Теперь

уже только двадцать с небольшим минут, — уточнил он. — И — тридцать минут на проведение обмена. Все точно, без малейших отклонений, под хронометр...

Наступила тишина.

ГЛАВА 9

НЕПОВИНОВЕНИЕ

— А теперь я скажу тебе, дурья твоя башка, как будет на самом деле! — неожиданно взорвался Кукан. — Ты отводишь этого бандюка в стыковочный отсек. Отпираешь гермодверь в туннель. Все полдюжины головорезов стоят там и только того и ждут. Дверь открывается, они косят вас на хрен из бластеров — и его, — он ткнул пальцем в физиономию Клини, — тоже... Потому что на фиг он им сдался! Через считанные секунды вся компания врывается сюда, крошит всех нас в мелкую капусту и восстанавливает, как говорится, статус-кво. На радость тем, кто их послал. И уж как там у них сложатся их дальнейшие взаимоотношения с господами с крейсера, мне, честно говоря, чисто по барабану!

— Им не так легко будет разделаться с Псами, — угрюмо бросил Фор, глядя себе под ноги. — И... с нами тоже!

— Шутишь, мальчик! — отмахнулся от него Кэн. — Такой номер проходит только раз в жизни! Нет, нет! — Он сделал предупреждающий жест. — Прошлый раз ваши собачки сработали здорово. Да и вы сами держались молодцом, ребята. Здорово, говорю я. Но... Но тогда на нашей стороне был фактор неожиданности. Знаете, это здорово влияет... И они вообще ничего о нас не знали...

— Кроме того, — со злой иронией в голосе оборвал его Клини, — что какой-то болван активировал наших уважаемых покойничков и этим заставил нас начать операцию на пару часов раньше назначенного срока. Жаль, что мы вас недооценили.

Кэн даже не удостоил его ответа. Рискуя взмыть под потолок, он продолжал размахивать руками и разъяснять агенту всю глупость варианта действий, продиктованного умниками с «Цунами».

— А того лучше, — продолжал пугать опытный рецидивист не слишком опытного борца с преступностью, — если бандюки эти окажутся лопухами и свалят дурака: и впрямь выведут дюжину заложников на обмен. Пока они, раззявив рот, будут ждать обмена, десантура вспорет обшивку снаружи запросто: подведет мобильный тамбур и рванет броню антиплазмой. И пойдет потеха! Зомбаки, конечно, отступят сюда, на лайнер, а десант ломанет за ними. Тут и пальбы не оберешься, да и рвануть могут эти типы фигню какую-нибудь, чтоб жизнь не дешево продать. Так что нам с вами тут мало не покажется... А что?! Скажешь — не так?

— Может, и так... — Ким с тревогой посмотрел на часы. — Только скажите на милость, господин Кукан, что в такой ситуации собираетесь делать вы сами? И что посоветуете делать нам?

Кэн надулся, как морской еж, лишенный родной стихии. Ему тяжело было понять — шутит господин детектив или впрямь спрашивает у него, Кэна Кукана, путевого совета.

— Вот что, — произнес он со значением, разом оборвав бурную жестикуляцию. — Может, я вам и не советчик, господин легавый, может, вы и сами с усами, но только Кэн Кукан никогда и никому дурного ничего не посоветовал...

Тут Кукан был совершенно искренен — по крайней мере в отношении всего того, что ему приходилось говорить и делать после своей первой «большой» отсидки. Общение с прокурором, адвокатской братией и сливками криминального сообщества Федерации

приучило его быть до предела осторожным в высказываниях, особенно в таких, которые чья-нибудь неопытная душа могла бы расценить как руководство к действию. Столь строгое отношение к тому, что постоянно норовило сорваться у него с языка, дорого давалось Кэну. Было, по сути дела, подвигом. Бесчисленное количество раз ему приходилось, наступая на горло собственному честолюбию и гордости, воздерживаться от того, чтобы не ткнуть зарвавшегося поца носом в элементарнейшую глупость, лежащую в основе затеваемой им операции. И столь же бесчисленное число раз ему приходилось благодарить Всемогущего бога за то, что он дал ему силы на такое воздержание. Слишком уж это ответственное дело — давать советы. Но это знают только те, кому хоть раз приходилось за это расплачиваться. Сегодня же наступил его звездный час: господь свел его сразу с пятью (это не считая Псов) оболтусами, которым без его — Кэна Кукана — совета и маневра явно суждено было в ближайшие час-полтора отдать богу душу гораздо раньше установленных природой сроков.

— А потому я говорю вот что. — Кукан решительно выставил вперед свое единственное оружие — указательный палец. — Нам здесь — с вашими ножиками, ребята, с парой зверюг и с двумя хлопушками на руках не продержаться против шестерых взрослых бандитов с бластерами. Я уж не говорю о том, что не детское это дело. И не женское. — Он бросил почти извиняющийся взгляд на Анну. — Хорошо, конечно, играть в казаки-разбойники, но поверьте мне, старому авантюристу: бывают ситуации, когда самая правильная политика — вовремя уносить ноги. У нас с вами — как раз такой случай. А поэтому делать мы с вами будем на самом деле вот что...

Кэн убедился, что все пятеро его собеседников (и двое Псов вместе с ними) достаточно внимательно слушают его.

— Сейчас же, не дожидаясь Знамения Господня, мы расстыкуемся с этой чертовой летучей крепостью и на максимальном ускорении драпанем отсюда вниз, на планету. Там никто не тронет нас — это уже сфера юрисдикции Народов Чура. Как говорится, черт не выдаст, свинья не съест. Шишел — есть такой шукарь-одиночка — так любил говаривать. Вслед нам палить не станут — нет для этого никаких оснований. А там, на поверхности, уже вовсе другой разговор пойдет. Главное, что без стволов под нос сования. Там же, до кучи, и с этим субчиком разобраться легче будет. — Кэн небрежно кивнул головой в сторону Клини, который от такой перспективы тут же съезжился.

Ким с тревогой окинул взглядом аудиторию: оба подростка с Чура с застывшими лицами угрюмо, но далеко не враждебно смотрели на «старину Лесли». Что у них было на уме, Киму оставалось только догадываться. Вполне можно было допустить, что такой вот ускоренный вариант возвращения на родную планету их устраивал. Что до разборок с Нелюдью, то они, скорее всего, предпочтут оставить решение этой проблемы десятку хорошо вооруженных и знающих свое дело людей с крейсера. Их собственная честь была полностью сохранена: они — именно они, как говорится, «без дураков», одержали победу над противником, освободили попавший в руки ненавистной Нелюди космический корабль, везут с собой ценного «языка». Бог весть что решил бы предпринять он сам — Ким Яснов, — окажись на месте этих двоих юных людей Чура...

А Валька?

Сидит, мрачно уставившись под ноги. А ноги эти не достают — самую малость, но все же не достают до ребристого пола рубки. Должно быть, мешает невесомость. Ведь ему — Вальке Старцеву — еще так мало лет натикало. И ему обидно, очень обидно будет никогда больше не встретиться со своими родителями, до которых он так долго добирался через

добрую половину Обитаемого Космоса. А такое может случиться, то, что он не увидит их больше, в том случае, если агент на контракте «пойдет на принцип» и ввяжется в затею с обменом заложников. Ввяжется сам и втянет их всех — здесь, в рубке, сгрудившихся — вслед за ним, дураком... То, что сейчас наговорил Кэн, конечно, обидно для мальчишечьей души. Но... Но в том-то и дело, что сейчас он уже перестает быть мальчишкой — Валька Старцев.

За несколько последних часов он видел кровь и ужас. Видел, как легко вычеркивают из жизни людей. Людей взрослых и закаленных — не чета ему... И то, что действительно серьезной драки — случись она тут — ему не выдержать, он уже прекрасно понял. А если ему и хочется забыть об этом своем понимании, то эти его самую чуточку не дотягивающиеся до пола ноги напоминают ему об этом.

Нет, самое лучшее для Вальки сейчас оказаться на Чуре, где его, почти как своего, встретят старшие друзья Гана и Фора. А через какие-то несколько часов он увидит отца и мать. Настоящих, живых. Сможет говорить с ними. Даст себе расслабиться. Может, даже расплачется на плече кого-то из них... Пожалуй, выбор Вальки Старцева ясен.

А Анна?

Ким встретился глазами с сопровождающей. Взгляд ее был тревожен. Впрочем, задаваться вопросами тут бессмысленно: сопровождающая она и есть сопровождающая. Ее главная задача — живыми и невредимыми доставить этих двух подростков на их родину. Вместе с их Псами. Пусть даже эти подростки — не совсем подростки, а их Псы — не совсем Псы. И никакой риск здесь не уместен...

Ким перевел взгляд на Клини.

Вот уж кого, видно, никакой вариант не устраивал: ни возвращение в руки поделщиков теперь, когда он так страшно оскандалился, ни передача в руки людей Чура, по слухам, отнюдь не приверженных гуманным стандартам ведения суда и следствия. То, что Ким прочитал в глазах Раймона Клини, называлось одним словом — «безнадега». И безнадега эта была для похоронного агента полнейшей.

Ни противником, ни союзником в возникшем споре Клини уже не был. И быть не мог.

Вот только Псы и оставались. Застывшие в нише под пультом навигатора, напряженные, ко всему готовые звери. И, как ни странно, именно в глазах этих настороженно ощетинившихся тварей Ким прочитал уверенную решимость биться до конца. На своих хозяев Оррн и Ширра посматривали неодобрительно, а на Кукана — так и вовсе враждебно. И если для Кэна эти взгляды не значили ровным счетом ничего, то Ган с Фором от них чувствовали себя заметно неловко. Казалось, что они испытывали перед Псами стыд за что-то. Цепляясь за кресла и углы пультов, мальчишки подплыли к ним, сгрудились и, словно оправдываясь перед зверюгами, заговорили на их языке — языке тихого рыка, пощелкивания зубами, поскуливания...

Ким с удивлением отметил, что Валька, до того сидевший безучастно и даже как-то отрешенно, вдруг очнулся и тревожно стал прислушиваться к ним, словно пытаясь понять, о чем это там переговариваются его приятели со своими Псами. На миг Киму даже почудилось, что Валька понимает эту причудливую, доступную только людям Чура и Псам «речь». Но он тут же отмахнулся от этого подозрения. Глупости все это.

Да, не забыть бы себя, Кима Яснова, агента на контракте. С ним-то надо тоже определиться... Ким перестал пялиться на спутников и, сморщившись, закрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

У него, агента, свой интерес. И зовут этот интерес — Клаус Гильде. Человек, превращающийся во что-то иное, в нечеловека... Может, в ту же Нелюдь? Человек, с которым Кима связывал уже не только контракт и загадка этого человека. Клаус, как пациент корабельного госпиталя, естественно, числился одним из первых в обменном списке. Впрочем, его туда все равно впихнули бы стараниями господ Йонга и Лошмидта.

«Так что же движет мною? — в который раз спросил себя агент. — Демон Тайны?»

Ведь все-таки недаром много-много лет назад он приносил свои мальчишеские жертвы (когда — марки, которыми торгуют монахи Пестрой Веры, а когда — просто бумажную мелочь, отпущенную «на мороженое») на алтарик Шато-ут-Таама — Неудачливого Бога Любопытства.

Да нет, ведь есть еще те — одиннадцать. Те, которых бандиты отпустят вместе с Клаусом. Для них спасение реально. Остальным трем с лишним десяткам заложников придется испытать, вместе с террористами, действие световых, парализующих средств. Все прелести штурма. Но этих одиннадцать еще можно спасти..

Нет, пусть он остается, Шато-ут-Таам, в своем далеке — в светлых снах его детства. А сейчас с Кимом Ясным должны быть его профессиональные добродетели: честь, решимость и верность контрактным обязательствам.

Ким мысленно отсалютовал шеренге этих жаждущих его крови идолов и бросился в бой.

— Все это так, — снова согласился он со словами «космического волка». — И все-таки не совсем так, господин Кукан. Я вовсе не собираюсь ставить под удар ни вас, ни тем более детей и... — он взглянул на сопровождающую, — и вас, Анна. Но я и не могу принести в жертву те двенадцать человек, которых, наверное, удастся спасти... Поэтому...

Кэн обреченно махнул рукой. Он, видно, по-своему оценил реакцию аудитории на свой монолог.

— Делаем так, господа... — Он тяжело вздохнул. — Вам мои советы, вижу, все равно по фигу. Так вот, не знаю, что вы там хотели предложить нам, а по-настоящему делаем так: в переходник этого бандюка, — Кэн энергично ткнул пальцем в похоронного агента, — если вам так уж благоугодно, вы поведете в одиночку... Но старина Кэн вас подстрахует, мистер. Мы им свои условия выдвигаем — дополнительные. Во-первых, пусть поддадут в туннель давление. Одну десятую... Тогда можно будет контролировать, какие секции у них перекрыты гермодверями. Так им труднее будет устроить засаду в первой... Или — сразу за ней... Это первое... А во-вторых: весь нулевой отсек, как только вы туда спуститесь, я тут же перекрываю аварийными запорами. Тогда случись что, я уж вам помочь ничем не смогу — не обессудьте... Но и оттуда сюда хрен кто прорвется!

— Разумно, — согласился Ким.

Разумеется, вариант, предлагаемый Куканом, означал для него — Кима — смертный приговор в случае малейшего недоразумения с процедурой обмена. Но что верно: он, вариант этот, надежно гарантировал жизнь всем остающимся в рубке «Саратоги». Все они сейчас внимательно смотрели в рот Кукану.

— Дальше, — продолжил тот. — Если все ж таки эти суки перехитрят нас и ломанут в переходной, я, уж увольте, не буду ждать, пока они начнут резать плазмой вас, господин детектив, а заодно и замки. Я в таком разе замыкаю контур «К» — без долгих разговоров. Слыхали о такой штуке? Короче говоря, отсек экипажа с рубкой и со всеми нами грешными вместе отстреливается и летит куда бог пошлет. А в ходовых отсеках врубаются планетарные движки — при закрытых заглушках. Впрочем, вам, сухопутным водоплавающим, такое

объяснять — только время тратить. Короче говоря, от кораблика останется только корпус и реакторный блок. Все остальное выгорит на фиг. В секунды. И туннель тоже. Вместе с теми субчиками, которые надумают там засады устраивать. И пусть у меня потом вычитают из пенсии три тысячи лет стоимость ремонта. Только надо, чтобы эти суки знали это наперед. Тогда раздумают фокусы строить... Вот так. Вот примерно таким образом...

— Разумно. Все это разумно... — Ким снова нервно посмотрел на часы и потянулся к клавиатуре пульта связи. — Я сейчас передам на «Цунами» наши поправки...

— Нет! — с неожиданной резкостью вступил в разговор Ган. — Так не воют с Нелюдьё! Вы ничего не понимаете! Совсем ничего! Один ты туда не пойдешь! С тобой пойдут Псы. А с Псами — и мы...

Это было сказано совсем не по-детски — уверенно и без малейших намеков на возможные возражения. И Ким понял, что именно так и будет. Происходил бунт, небольшой, но очень отчаянный и ожесточенный. Бунт средневекового, замешенного на давно исчезнувшей из памяти землян чертовщине сознания — живого в этих подростках, которым и пятнадцати не стукнуло, — против вялого, приспособленческого сознания рыхлых созданий, населяющих взрослый мир Федерации Тридцати Трех Миров.

— Вы, ребята, того... — как-то растерянно пробормотал Кукан.

И смолк, уставившись на Псов. Те, убедившись, что необходимое и достаточное действие на оппонента произведено, перевели свои зрачки на Кима.

— Я с вами, ребята... — не отрывая глаз от какой-то пустяковины там, внизу, на полу, как о чем-то само собой разумеющемся, уведомил товарищей Валька.

Ким нервно повернулся к Анне и упрещающим жестом вскинул руку.

— Только не говори мне, что не можешь отпустить детей одних и что ты за них отвечаешь головой! — торопливо пресек он ее попытку сказать что-то. Он даже не понял, почему вдруг перешел с сопровождающей на «ты». Видимо, так полагалось по сценарию, написанному не здесь.

— Никому не нужно твое геройство, — продолжал убеждать он явно несогласную с ним мисс Крамер. — Ты будешь там только дополнительной мишенью...

Реакция Анны Лотты была немного неожиданной. Она заломила светлую бровь и пожала плечами.

— Это еще неизвестно, кто там окажется «дополнительной мишенью», — непривычным голосом отрезала она и извлекла из-под полы джинсового жилета очень убедительного вида «венус».

Ким только откашлялся.

— Я, вообще-то, в дипслужбе не на постоянной основе, — пояснила сопровождающая. — Прикомандирована от управления расследований. Опыт участия в спецоперациях есть... И звание лейтенанта, если тебя интересуют такие подробности...

Нельзя сказать, что Ким был так уж потрясен этой метаморфозой. Было бы, наоборот, крайне удивительно, если бы ни одна из спецслужб Федерации не уделила внимания двум путешественникам, захавшим погостить в эту Вселенную из совсем другого мира... Он тяжело вздохнул (сколько таких вздохов накопилось в его душе, начиная с утра сегодняшнего, невероятно длинного дня?) и опустил плечи. Запретить офицеру Федерального управления расследований участвовать в операции по обмену заложниками он, конечно, не мог.

— Не беспокойся, — выдерживая это уже закрепившееся между ними «ты», успокоила

его Анна, — я не буду путаться у вас под ногами. Просто постараюсь, чтобы все было сделано грамотно. Не обижайся, агент, но все-таки я — единственный профессионал в нашей компании. Ах да! — она бросила косой взгляд на Кукана. — Простите, Кэннет, не совсем единственный...

— Я — по другой части, мэм... — галантно и строго по существу возразил тот.

— Соваться в тамбур не буду, — уточнила диспозицию Анна. — Буду страховать тебя от шахты лифта — оттуда «переходник» как на ладони...

— С вашего позволения, мэм, я бы в свою очередь страховал вас, — предложил Кукан. — Если бы вы с господином детективом...

— С агентом, — поправила его Анна.

— С господином агентом... Если бы вы все-таки доверили мне оружие... Я бы держал под контролем оба аварийных люка. Это — довольно скользкое место в ваших планах...

— Вам лучше оставаться в рубке, Кэн... — с оттенком досады в голосе заметила сопровождающая. — И в случае чего — действовать так, как вы наметили...

— Ну уж нет!

Кэн принял оскорбленную позу. Только настоящему «космическому волку», с молодых ногтей приученному к условиям невесомости, мог удасться подобный номер.

— Женщины и малые дети будут рисковать своими жизнями, а я — отсиживаться здесь?! И потом, это две большие разницы, господа. В случае необходимости отправить на тот свет с гадами вместе одного мужика («из шпиков к тому ж», прочитал ось в интонации Кэна), который знал, на что шел, а другое — всю компанию разом... И потом, перекрыть «переходник» я смогу и не из рубки, а от любого аварийного стенда — их в каждом отсеке штук по восемь. И до рубки доберусь в два счета. Да к тому же откуда им знать, чертовым террористам: на стреме я торчу с «дурой» наготове или сижу в рубке с пальчиком на кнопке? Главное, чтобы им ясно было, что, если надо, мы им устроим такой цирк, что мало не покажется... А держать оборону в два эшелона — куда как надежнее, чем с одной руки... Не так ли, мэм?

— В три, — продолжая изучать пластик покрытия рубки, глухо бросил Валька, — «Пушек» у нас сейчас получается три. Две — трофейные. Агент идет без оружия. У сопровождающей одна — своя — раз. У... у Кукана — одна. Два. А кому дадите третью?

— Совсем у ребят мозги поехали... — растерянно развел руками Кэн. — Ты что же это — ствол на руки получить хочешь? Да ты, мальчик, хоть знаешь, из какого конца у пистолета пуля вылетает?

— На корабле без дела стрелять нельзя, — сухо, по-деловому ответил Валька, — а то показал бы... Я разряд имею в классе юниоров. Сгонять за дипломом? Он у меня в каюте...

— Дайте ему ствол, — вдруг поддержал его молчавший до этого Фор. — Он правду говорит. У него очень точный глаз...

Кэн с каким-то удивленным уважением посмотрел на Вальку.

— И кто же тебя так научил? — поинтересовался он. — Папа?

— Нет, — с какой-то странной, горькой отрешенностью ответил Валька. — Того человека, который учил меня стрелять... И всему другому... Его звали Сайрус. Сайрус Ноттингем. Он умер.

— А ты...

Ким присмотрелся к лицу Вальки.

Совершенно незнакомый человек стоял перед ним. Совсем не тот, с которым он

чаевничал еще только прошлым вечером.

— А ты сможешь выстрелить в человека? — спросил агент.

Спросил вполне серьезно. Потому что теперь уже и впрямь не знал ответа на этот вопрос.

— Это ведь... На самом деле это очень трудно... Так ты сможешь выстрелить в человека?

— Запросто, — ответил Валька не задумываясь.

* * *

— Так... — Капитан Манцев строго воззрился на застывших перед ним участников предстоящей операции. — Вы, Таннер, докладываете первым...

Руководитель группы штурмового десантирования поправил ставший сегодня слишком тугим галстук и короткими рублеными фразами обрисовал положение на своем «участке фронта».

— Группа основного штурма — сорок человек на двух мобильных шлюзах, — он чуть поморщился, словно глотая горькое лекарство. — Шестеро — в группе боевого огня — в пространстве. Шестеро — в группе отвлекающего огня — закрепились на корпусе. В седьмом отсеке — группа отвлекающего штурма. Четырнадцать бойцов. Группа усилена роботом-киберисполнителем «ромул». Полицейская модель.

Таннер поморщился.

— Так, далее... По сигналу «Штурм-первый» группа основного штурма в момент «ноль» начинает выдвижение к корпусу «Цунами» — в район четвертого резервного отсека.

В момент «ноль плюс двадцать» — перенос защиты: включение защитного поля вокруг шестого и третьего резервных отсеков. Отключение защитного поля четвертого отсека. Группа отвлекающего штурма с помощью киберисполнителя начинает вскрывать гермодверь четвертого резервного...

Момент «ноль плюс двадцать пять» — группа отвлекающего огня начинает массированный обстрел переходного туннеля и всех участков корпуса в районе четвертого отсека, с которых возможно наблюдение ближнего пространства. Группа боевого огня ведет выборочную пристрелку.

Момент «ноль плюс двадцать семь» — группа основного штурма входит в зону видимости и поражения, а группа боевого огня ведет ураганный огонь. Группа отвлекающего огня переходит на ведение огня поддержки. Группа отвлекающего штурма приводит в действие пенетраторы. В случае удачного пробоя переборок вводит в отсек «парализатор-800». И — по возможности — камеры внутреннего наблюдения. В видимом и инфракрасном...

Момент «ноль плюс тридцать две» — отключение контура внешнего поля на корпусе. Группа основного штурма стыкует мобильные шлюзы с корпусом в районе четвертого резервного. Приводит в действие кумулятивные заряды вскрытия. По срабатывании зарядов — режут броню плазмой.

Момент «ноль плюс сорок четыре» — группа основного штурма через два «окна» проникает в четвертый резервный. Удар парализующим полем. Удар шумовыми генераторами. Удар импульсным светом. Огонь на поражение объектов «зомби». Огонь на

поражение точек сопротивления. Группа отвлекающего штурма оказывает максимальную поддержку атакующим.

Момент «ноль плюс пятьдесят». Атака в сектор гермодвери. Ее вскрытие и соединение с группой отвлекающего штурма. «Упаковка» обездвиженных единиц противника. Медгруппа начинает эвакуацию заложников во временный госпиталь — в «нулевой» отсек.

Конец операции.

Ожидаемое полное время выполнения — не более шестидесяти секунд. Предполагаемые потери (в случае применения противником неядерных взрывсредств) со стороны противника — семь единиц; наши потери — не более двадцати единиц; потери гражданского контингента — до тридцати единиц.

Капитан молчаливым кивком принял рапорт и кивком же — только чуть иным, предоставил слово полковнику Йонгу.

— Мы готовы к проведению обмена, — мрачно доложил тот. — Основная схема — точно та же, что предложили мы... Однако наши партнеры с «Саратоги» принимают некоторые дополнительные меры...

— Может, не надо самостоятельности? — не столько спросил, сколько приказал капитан. Йонг смутился.

— Мне кажется, что не стоит нам вмешиваться в их действия со своими указаниями, — возразил он настолько мягким тоном, насколько была способна его, пропитанная идеей субординации, натура. — Примите во внимание, капитан, что мы, э-э... лишены какой бы то ни было возможности жестко диктовать им, что делать, а чего не делать...

— Тогда ступайте и действуйте! — коротко определил Манцев. — Не дожидайтесь, пока мы тут закончим воду в ступе толочь... Придерживайтесь плана с точностью до секунды и о прохождении каждого этапа докладывайте немедленно... Вы свободны.

Он повернулся к чрезвычайному комиссару:

— Сергей Дмитриевич?

Горский чуть подтянулся и отрапортовал:

— Капитан Тоох объявил для экипажа-стажера суточные учебные игры. Корри заперлись в отсеках-тренажерах и блудут полный нейтралитет. Делают вид, что ровным счетом ничего не происходит. Это им, конечно, тяжело дается...

— Медицинская спецгруппа?

Не удостоив сверхкраткий доклад своего старого приятеля даже пренебрежительной репликой, Манцев повернулся к украшенному погонами с древней витой змейкой седовласому арабу — руководителю медицинской службы крейсера.

«А моя — капитанская — задача, — думал он, пропуская мимо ушей слова старшего медика (в старине Хасане Манцев был уверен куда больше, чем в самом себе), — моя задача — всего лишь дожидаться того момента, когда господину Йонгу удастся наконец вытянуть своего протеже из плена. Или, наоборот, окончательно не удастся... И тогда — при любом раскладе, чем бы эта затея с обменом заложниками ни закончилась — отдать команду „Штурм-первый“... А потом останется только ждать. И вознести молитву Канден Каину — Слепому Богу Первой Крови...»

Кан, конечно, проходил по ведомости Пестрой Веры, но ведь не Аллаху же должен молиться Федор Манцев, чьи корни уходят в православие. Но и не забытому еще его дедами православному Богу — тоже. Ибо тому вряд ли угодны затеявшие зло и их молитвы... А Пестрая Вера прислушивается ко всем. И никому ничего не обещает.

Несерьезная вера серьезных людей..

* * *

— Ну вот и все. — Который раз за это бесконечное утро Ким сверился с часами и вяло улыбнулся Кэну.

Для Анны он припас улыбку пожизнерадостней. Она ответила ему тем же.

— На твоём месте, агент, — заметила она, глядя в сторону, — я не была бы так щепетильна: ну ладно, решили обойтись без «ствола» — дело хозяйское. Но какой-нибудь пустячок, который вам помог бы в случае чего, я с собой все же прихватила бы.

— Ну... — Ким оглянулся на придерживаемого Псами в сторонке Клини и более уверенно закончил: — Я ведь недаром заглянул в свою каюту перед тем, как отправляться сюда...

— Ну тогда, слава богу, ты идешь на дело не с голыми руками...

Анна снова улыбнулась ему — на этот раз только уголком рта.

— А вот это возьми просто так — на счастье.

Она подкинула на ладони и протянула ему немудреный сувенир — под старину сработанный брелок — забранная в металл заячья лапка.

— Спасибо. А не будет ли он нужнее тебе самой? — осведомился Ким. — Ты-то тоже идешь на дело...

— У меня с собой другой талисман.

Анна подкинула на ладони свой «венус».

— Калибр — так себе, но скорострельность — на высоте. Удачи тебе.

Ким молча сунул пушистый оберег в карман куртки и кивнул ребятам. По их почти незаметному знаку Псы отступили от похоронного агента, и он нехотя зашагал к агенту, морщась от боли, причиняемой ремнями, туго стягивающими его локти за спиной.

* * *

— Восьмой, — сосчитал Горский выходящего из дверей «четвертого резервного» заложника (то был близкий к обморочному состоянию бармен Чадович). Девятый... Не ваш?

— Нет, — коротко и зло отозвался Йонг.

— Десятый... Тоже не ваш.

Голос Горского окрасился уже не только сочувствием к партнеру, но и вполне определенного происхождения тревогой.

— Одиннадцатый... Коротышка Сяо... Ч-черт! Они блокируют дверь! Нас надувают! Срочно соединитесь с «Саратогой»... Что?

Профиль чрезвычайного комиссара налился иссиня-фиолетовыми тонами. Он откинулся в кресле.

— Все летит к черту, капитан! — рявкнул он в селектор. — Все летит к черту!!!

* * *

— Я очень прошу вас, господин Клини... — Ким положил руку на плечо похоронного агента. — Не делайте глупостей. Мы выполняем поставленные нам условия. Играем честно. Так что не надо портить эту игру под самый занавес.

— Развяжите меня, — глухим голосом буркнул Клини. — И закройте тамбур с нашей стороны. Иначе проход в туннель останется заблокирован.

Ким надавил кнопку, и щит внутренней гермодвери переходного тамбура стал на место. Почти бесшумно.

«Вот оно — узкое место всей операции, — прикинул Ким. — Тут я остаюсь без всякого „огневого прикрытия“ — будь у нас хоть три ствола, хоть сто на одного».

«Распрягать» Клини он не стал, а в ответ на обращенный на него взгляд — недоуменный и требовательный — только, слегка прикрыв глаза, отрицательно покачал головой.

Он уже потянулся было к клавишам управления внешней двери, когда в слегка спертom воздухе тамбура вдруг повисло жужжание самих по себе заработавших сервомоторов и бронированная плита, закрывавшая выход в первую секцию туннеля, плавно отъехала в сторону. В открывшемся проходе лицом к лицу с Кимом стоял облаченный в мешковатый — явно с чужого плеча — комбинезон Клаус Гильде.

* * *

Только стоял он там не один. Упираясь ему стволом бластера в затылок, в сумраке туннеля маячил секретарь господина Клини. Вид у него был достаточно решительный для того, чтобы не сомневаться в его намерениях. Самым же неприятным в его облике был рюкзак — маленький, скромный рюкзачок, почти неразличимый в полутьме. От рюкзачка к левой, сжатой в кулак ладони мистера Чорриа тянулся тонкий, но довольно хорошо различимый, провод

Несколько секунд все трое стояли неподвижно.

— С вами так не договаривались, — наконец сухо бросил Ким, стараясь не производить особо резких движений.

— Пусть вас, молодой человек, не заботит, о чем со мной договаривались люди с крейсера, — так же сухо и напряженно оборвал его Чорриа. — Все для вас кончится хорошо, если вы будете вести себя правильно. Вы видите это?

Он приподнял свой левый кулак так, чтобы стал лучше заметен провод и совсем махонькая коробочка, зажатая в пальцах.

— Мне не надо объяснять вам, господин агент, что такое «закон мертвой руки»? За спиной у меня контейнер с неплохим запасом антиплазмы. Он рванет, как только я разожму руку. Конечно, для крейсера это — комариный укус, но не для «Саратоги»... Вам и вашим друзьям мало не покажется, поверьте. А поэтому самое правильное, что вы можете сделать, это сдать лайнер и побыть немного в запертom отсеке. Вместе с вашим приятелем, который так не любил показываться на глаза своим попутчикам. Если вы думаете, что никто не заметил того, что этот тип в теперешнем раскладе — козырный туз, то вы просто за дурачка меня считаете...

Гильде чуть переменял позу — то ли просто переминаясь с ноги на ногу, то ли готовясь предпринять что-то. Ким глазами приказал ему: «Замри!»

— Я понял вас достаточно хорошо... — заверил он Чорриа. — Не будем терять времени — люди на крейсере довольно сильно напряжены сейчас. И мои друзья — тоже. Давайте определимся с порядком действий.

— А порядок очень простой, господин агент...

Лицо Чорриа покривила улыбка, больше похожая на неожиданный косой разрез скальпелем.

— Сейчас вы осторожно возьмете свой мобильничек и объясните своим друзьям ситуацию. На крейсере вас тоже услышат и от резких действий, думаю, воздержатся. Вы своих друзей пригласите сюда, в отсек, а мы с господином Клини перейдем на «Саратогу». И прихватим вашего приятеля — для полной гарантии. Проход к крейсеру для вас заблокирован. И со стороны кораблика гермодверь мы перекроем, так что вам придется немного побыть взаперти — до тех пор, пока экипаж крейсера вас не вытащит на волю. Ничего страшного...

— Вы прекрасно понимаете, что вам не удастся уйти... — пожал плечами Ким. — Захвата крейсера у вас не получится. Он и с самого начала был обречен на провал. Лучше вам...

— Я обойдусь без ваших советов, агент... — оборвал его секретарь похоронного агента, — Делайте, что говорят...

— И развяжите мне руки! — нервно рявкнул Клини.

Странно, Киму показалось, что Чорриа сделал произвольное движение, словно хотел остановить его. Отменить требование своего сообщника. И именно эта, не совсем ему еще понятная, странность заставила его выполнить это требование.

Потом с демонстративной осторожностью он поднес к уху свой блок связи и надавил клавишу входа в корабельную коммуникационную Сеть.

* * *

— Мы снова в дерьме! — признал очевидное Горский. — Господа! Я и гроша ломаного не дам ни за ваших протезе, ни за два десятка оставшихся заложников. Надо начинать штурм, пока эти сумасшедшие опять не захватили «Саратогу»...

— Что предпринимает Яснов? — нервно спросил Йонг. — Он может выйти на резервный канал?

— Судя по всему, они именно сейчас проводят обмен...

Чрезвычайный комиссар, судорожно морщась, прижал наушники к голове.

— Ч-черт!!! — заорал он. — Там у них какая-то ерунда! Какая-то накладка...

* * *

Все произошло почти мгновенно. Как только все пятеро оставшихся на «Саратогге» по очереди, оставив оружие у порога, покорно вплыли в тамбур из переходного отсека «Саратогги», Чорриа подтолкнул стволом Гильде и тот, слегка покачиваясь в невесомости, словно воздушный шар вплыл в тот же тамбур из переходного туннеля.

«Псы, — машинально подумал Ким. — Ребята оставили Псов на корабле. В засаде?»

А вот дальше все пошло вразнос. Уныло растиравший затекшие запястья Клини неожиданно без замаха врезал меж глаз своему секретарю. Развернувшись, он одной рукой ухватился за выступающий из стены красный рычаг, а другой словно клещами поймал запястье Кима, норовя вывернуть его из сустава.

«Крышка! — только и успел подумать Ким. — Сейчас рванет...»

Но не рвануло. Произошло нечто совсем другое.

Почти бесшумно скользнули вниз «гильотины» обеих гермодверей, и освещение в тамбуре погасло. Впрочем, темнота длилась не дольше секунды и сменилась тускловатым светом софитов аварийного освещения. Почти сразу вслед за этим короткое сражение закончилось: Ким почти машинально, заученным приемом, освободился от захвата, а более привычный к невесомости Кукан «зафиксировал» взбунтовавшегося пленника, припечатав его лицом к стенке.

— Ч-черт! — озадаченно произнес Ким. — Почему мы еще живы?!

— Да потому, — сквозь зубы объяснил Клини, — что блеф это — антиплазма и «закон мертвой руки»... Антиплазму на борт так запросто не протацишь. И вообще, не такая это штука, чтобы с ней в багаже путешествовать. У Ли с собой обычный заряд «супер-Т». И взрывать себя он не станет до последнего. А вы все — козлы порядочные. Можно было сообразить, что вас на пушку берут. Какой агент станет себя подрывать, не выполнив задания?

— О своем задании вы нам расскажете чуть позже, — оборвал его Ким. — Обязательно расскажете. А сейчас — перебираемся на лайнер...

— А вот это уже — фиг... — не без яда в голосе отозвался Клини. — Придется подождать, пока заварушка кончится.

Он кивнул на рычаг, вывернутый им из паза в стене.

— Аварийное блокирование. Изнутри отсеки не открываются. Во избежание...

— Какого же черта ты нас здесь запер? — вскипел Кэн, норовя посильнее вывернуть руку похоронного агента.

— Мог бы и сам сообразить, — шипя от боли, отозвался Клини. — Мера безопасности. Теперь Ли со взрывчаткой — за гермодверью. Он и от нас теперь отсечен, и от своих. Гермодвери должны были сработать во всех секциях туннеля... А аварийная гермодверь — штука надежная. Рассчитана и на случай паники среди вооруженного экипажа. Ни бластером, ни взрывчаткой ее не разнести — как-никак «Саратога» бывший эсминец...

— Это-то я понимаю — не дурак... — Кэн еще немного подввернул локтевой сустав пленника. — Другого я не понимаю. И никто тут не понимает... Почему ты вдруг против своих играть начал?

— Потому что не хочу умирать... Чорриа — фанатик. Если он окажется на «Саратоге», то... Да отпустите же! Больно... Я не буду делать глупостей. Если Ли прорвется на лайнер... Вы что, не понимаете, что двигательную установку «Саратоги» можно быстро переделать просто в бомбу? Несколькими командами с управляющего компьютера. А она помощнее, чем зарядик антиплазмы.

Если рванет она, то и крейсеру несдобровать. Во всяком случае, выполнить свое задание он не сможет. Это был наш запасной вариант — на случай провала варианта с заложниками. Но мне незачем разлетаться в пыль и газ. Все равно мы проиграли. По большому счету...

— Займитесь замком, — кивнул Ким Кэну. — Может, получится? Вы же виртуоз...

Кэн не заставил себя уговаривать слишком долго. Он сдал Клини на руки Киму, а сам

тут же, ловко цепляясь за леер, пополз к гермодвери, ведущей в стыковочный отсек «Саратоги». И чуть не свернул себе шею, обрушившись со второго в первый, ставший вдруг чем-то вроде подвала отсек тамбура — тяжесть начала возвращаться в эти отсеки. Связанные хрупким мостом туннеля эвакуации, «Саратога» и «Цунами» начинали вращаться в странном вальсе вокруг общего центра тяжести.

— Грамотно, — прокомментировал случившееся Кэн, потирая набитую шишку. — Теперь секции перехода заблокированы, и можно на них подать усилие без опасности разгерметизации. А бандюкам дополнительная сложность: по туннелю сейчас им с заложниками на руках отступать на «Саратогу» никак не возможно. Туннель не туннель уже, а шахта. Пропать.

* * *

Запел сигнал блоков связи — и у Кима и у Анны одновременно. Анна коротким знаком руки дала понять, что говорить будет она. Выслушав злобное курлыканье трубки, она подняла глаза на Кима и коротко объяснила:

— Чорриа и его... люди...

— Это — не совсем люди, — заметил Ким.

— Не важно. Эти господа предупреждают, что у них находятся еще около двадцати заложников. И предлагают сдать «Саратогу» и мирно разойтись...

— Не верьте им! — возбужденно зашипел Клини. — Это верная смерть!

— Нам дают час на размышление. И требуют, чтобы мы не уходили с линии и отвечали на их вызовы немедленно.

— Мы по идее заблокированы, — пожал плечами Ким, — и никак не можем выполнить их требования.

— Собственно, они обращаются не к нам, — пояснила Анна. — Они настаивают, чтобы мы передали эти требования на крейсер. Но крейсер и так прослушивает все наши разговоры. Так что в разговор влез их капитан и сообщил, что условия Чорриа понял. И тоже попросил нас с линии не уходить.

— Ну что же, будешь у нас ответственной за связь. А я все-таки покрепче упакую этого субъекта...

* * *

— Для похоронного агента вы чересчур хорошо владеете приемами рукопашного боя, Раймон, — констатировал Ким, снова затягивая ремень на завернутых за спину локтях Клини.

Потом, подумав, принялся понадежнее приторачивать пленника к более или менее надежной трубе пневмопровода.

— У нас здесь очень много агентов накопилось... — чуть рассеянно пожала плечами Анна. Агент на контракте. А господин Клини — один в двух лицах: и похоронный он агент, и агент Тартара...

— Все не так, — тихим, но почему-то страшно натянутым голосом сказал Валька.

— Почему, мальчик? — устало и с каким-то одному ему известным подтекстом, скрытым за необычной интонацией, осведомился Клини.

— Потому, что это я, я — агент Тартара! — закричал Валька. — Я!

Он обвел напряженным взглядом уставившихся на него людей.

— Успокойся, Валентин, — как можно ровнее сказала Анна — Успокойся... Это у него срыв, — тихо добавила она, обернувшись к Киму. — Ничего удивительного...

Валька выпрямился и сел, внимательно глядя на каждого из окружающих. Потом остановил взгляд на Киме.

— Я — не псих, — тихо сказал он.

Утер лицо рукавом и снова повторил:

— Я — не псих. Вы меня выслушайте. Внимательно, пожалуйста, выслушайте...

Как-то так это у него получилось, что все узники полутемного тамбура смолкли. До того каждый говорил что-то свое: про то, что Вале надо дать воды, про то, что нет ли у кого с собой каких-нибудь таблеток, еще про что-то... А тут — замолкли.

Валька перевел взгляд на своих друзей. Оба мальчишки с Чура совершенно непринужденно сидели на холодном металле ставшей полом переборки и смотрели на приятеля без всякого удивления. Точно так же — настороженно, но не растерянно, — как смотрели на него раньше их оставшиеся на «Саратоге» Псы.

— Вот они уже знали... — Он кивнул на Гана и Фора. — Ведь ты о чем-то догадывался. Ган? И ты, Фор...

— Не мы... Псы... — Фор мотнул головой в сторону стальной двери, отрезавшей их от «Саратоги». — Они... Мы сначала думали, что ты — Нелюдь... Но Псы всегда узнают Нелюдь первыми.

— А Клини они не угадали? И Чорриа? — спросил Кэн, на секунду оторвавшись от манипуляций с гермозапором.

Фор пожал плечами:

— Это не так просто. Здесь — все чужое. Они чуяли Нелюдь. Но не знали, кто. Мы сперва думали — ты, — он кивнул на Вальку. — Потому что ты умеешь... разное. Драться. Дружить с железом... И еще — ты все время врал. Ты никогда не был на Земле. Но Орри и Ширра... Псы решили, что это не ты. И мы решили дружить с тобой...

— Хотя я? — удивленно спросил Валька.

— Мы давно поняли, что ты оттуда — с Чура, — ответил Фор. — Ты много делаешь, как делают только там.

А так — даже интересно: у каждого должна быть своя Тайна. Мы гадали-думали: может, ты из отбившихся? Или из изгнанных? У них, говорят, целые деревни есть — на Поверхности. А может, ты — ученик кого-то из колдунов? Мы так и не разгадали. Но с тобой — интересно.

— Господи, — прошептала Анна, обращаясь главным образом к Киму. — В этом — они все! Им было интересно...

— Я из Поселения, — коротко и непонятно объяснил Валька.

И тут впервые в тесном пространстве тамбура прозвучал незнакомый, хриплый и сдавленный голос — голос похоронного агента Клини.

— Да, парень... — каркнул прикованный к трубе пневмопровода командир Нелюди. — Ты — наш!... Я тоже тебя засек. Только слишком поздно...

— Я — не ваш! — Голос Вальки стал злым и напряженным. Зазвенел хрупкой еще

сталью. — Я же сказал: я — из Поселения!!!

— А мы, по-твоему, откуда? — усмехнулся Клини.

— Я — из Третьей Касты, а вы оба — из Первой! Только Первая Каста знает, как управлять биороботами... И потом, я вас в Поселении не видел. Ни разу. А у меня хорошая память. На лица, на голос...

— А ты думаешь, сколько лет назад меня внедрили в Миры Заблудших? — усмехнулся Клини. — Да я там — в Поселении — последний раз был, когда ты под стол пешком ходить учился, а не зрительную память тренировал...

— А что это за Поселение, Валентин? — как можно более спокойно спросил Ким.

Валька судорожно вздохнул, сосредоточился и заговорил. Заговорил уже совсем по-другому. Это была речь ученика, на совесть выучившего урок, и не один. Ученика странной, жутковатой школы — школы, где учили людей не быть людьми... Рассказ о мире по имени «Поселение».

Это был странный мир, приютившийся на плечи полярной шапки Чура — скрытно от всех и вся. Мир, сотворенный для людей Нелюдью. Этот мир был словно срисован с жутковатого мира концентрационных лагерей прошлого и в то же время — со множества кусочков почти всех современных Тридцати Трех Миров одновременно. Четыре касты царили в нем.

И высшей из них были те, кого не знал никто. Посвященные в тайну Высшей власти, общающиеся с той неназываемой силой, что сотворила мир Поселения, создала всех его обитателей и вдохнула в них жизнь. Они определяли все правила здешней жизни. Ставили цели. Следили за их исполнением. Награждали и наказывали. Решали: казнить или миловать. Носители такой власти, казалось бы, должны были жить, утопая в роскоши, отгородясь непроходимой стеной и глубоко презирая всех, кто оказался бы по другую ее сторону. Ничего подобного не было в тесном, двадцатитысячном мирке Поселения. Они — приобщенные к высшим тайнам — ничем не отличались от любого из представителей всех других трех каст. Были растворены в этой массе. Не имели лиц и имен. Все видели и все знали. Присутствовали везде. И каждый член касты не знал никого из «своих», кроме двоих. Может быть, и был кто-то, кто знал их всех. Но только уж этот «кто-то» наверняка не был человеком. Это, впрочем, было известно Вальке только по слухам.

Дойдя до этого места своего рассказа, он запнулся, слотнул слюну и покосился на Клини. Тот криво усмехнулся, но никак не комментировал этот выразительный взгляд. Валька снова заговорил, продолжая коситься на похоронного агента.

Теперь он рассказывал про Охрану. Про Охрану и про Агентуру... Он сам был из Третьей Касты — агент (теперь Ким понял, чем так рассмешил Валентина при их первой встрече).

А Охрана была Второй Кастой — кастой, на первый взгляд самой обеспеченной и всемогущей в Поселении. Кастой, владеющей оружием и информацией. Информацией обо всем и обо всех, за исключением Приобщенных к Тайне. Охрана была орденом, замкнутым в себе. Дисциплинированным и жестоким — жестоким и к себе, и ко всему миру. Повязанным круговой порукой Испытания Кровью, преданным неведомым создателям Поселения и беспрекословно исполняющим их приказы. Приказы, которые передавали им посвященные — никогда лично. Для этого существовало множество изоощренных и надежных способов — от простого телефонного звонка, начинающегося условными словами — как в старом добром двадцатом веке, — до программирования на «нечаянных» сеансах гипноза, память о

которых мгновенно стиралась из сознания программируемого. У Охраны была своя разведка и контрразведка. Были глайдеры, вертолеты и другая техника. Была своя школа и «академия», в которых с младых ногтей воспитывались отобранные со всего Поселения наследники этой своры натасканных псов.

Но подлинной основой и причиной существования Поселения с самых первых лет была Агентура — Третья Каста. Она составляла треть жителей Поселения, и остальные две трети существовали и работали ради нее. Это была каста фанатиков. Каста, обязанная вбивать фанатизм в головы своего подрастающего поколения еще до рождения. И каждый из них, этих агентов Тартара, с первых дней своей сознательной жизни знал, что судьба его — рано или поздно отправиться в стан жестокого врага и жить и умереть там. Умереть не глупой, случайной смертью, а так, чтобы самой смертью своей послужить Делу!

А жизнь всех трех первых Каст обеспечивала Четвертая — самая низшая и самая многочисленная — Каста Жизнеобеспечения. Она была пестрой — от высоколобых умников из Отдела научных разработок до угрюмых операторов мусоросжигательных печей. Всех их объединяло только одно — то, что смысл их жизни в Поселении составляли только страх и забота о хлебе насущном. Им не было дано знание высших целей и смысла существования Поселения. И именно людей Четвертой Касты Поселение приносило в жертву, если того требовало Дело.

О Деле Валька помянул как о чем-то само собой разумеющемся. Киму пришлось остановить его вопросом:

— Дело? Что это значит? Что за Дело такое?

* * *

Дело было не такой вещью, которая хорошо давалась Вальке для объяснения посторонним. Для любого жителя Поселения оно было чем-то само собой разумеющимся. Для посторонних, для людей Тридцати Трех Миров оно было вещью в себе. Валька уже давно понял это. Вот только разве что люди Чура могли понять его.

Потому что у всех других здесь — в Большом мире — мозги были явно вывернуты наизнанку.

С этим решительно ничего нельзя было поделаться.

— Дело... — стал объяснять он, с трудом подбирая слова. — Ну Дело — это, нам говорили, это вернуть людей на правильный путь. Всех людей. Человечество... Заблудших. Так я думал тогда...

— Правильный путь? Это что? — спросила Анна.

— Это... Ну, в общем, так: люди, когда они пришли в другие Миры, они... Они утратили праведный путь. Стали все Миры эти, всю Вселенную переделывать под себя. И... И сами они стали жить только ради богатства. Богатства и удовольствий разных. И тут же передрались. Стали уничтожать друг друга. И они весь мир уничтожат. Превратят в ад. Если их не остановить.

— А кто их остановит, кроме самих себя? — с неожиданным интересом спросил индифферентный до этого момента к рассказу Вальки Клаус.

— Поселение. Агенты! — воскликнул Валька, словно отвечая на исключительно глупый и ненужный вопрос.

И тут же вдруг сник. И повторил с глубокой безнадежностью в голосе:

— Так я думал тогда...

Да, он действительно так думал. Он и представить себе не мог, что можно думать как-то иначе. Не так, как думали отец и мать. И братья. И все вокруг. Для чего же тогда погибли ушедшие на задание? И разве не подтверждали — слово в слово — то, чему учили его те, кто с задания вернулся?

Валька искренне жалел людей, тех, которых каждый день видел на видеоинструктаже, и тех, о которых рассказывали ему учебники и мнемозаписи, запутавшихся, утративших цель и смысл жизни глупцов, которых вели к пропасти злобные и алчные Директора и Президенты, Олигархи и продажное ТВ... И просто безумцы. Он жалел заблудших.

Эти люди, которых он должен был любить, чтобы наставить на Путь, глотали алкоголь и наркотики, были мучимы глупыми, из пальца высосанными страстями.

И эти люди, которых, чтобы наставить их на Путь, он должен был ненавидеть, несли порок и разорение во все новые и новые Миры.

И они были безумно жестоки, эти люди.

Которых он должен был бояться.

Они выдумывали и воплощали в сталь и огонь все новые виды оружия, создавали новые и новые яды, все глубже залезали в свои мозги — в психику, в сознание, — чтобы и там посеять тьму и разрушение. Они огнем и мечом уничтожали все, что становилось им поперек пути, — не жалея ни своих, ни чужих. И если они дотянутся до Поселения... Даже если они просто узнают о нем...

Тогда будет сметена, разрушена, выжжена дотла единственная светлая поляна в мрачном, охваченном Тьмой лесу. Погаснет последний костер надежды...

О, как много красивых слов сказали ему об этом. И как много таких слов говорил себе он сам. Он не огорчал своих учителей — будущий агент Валентин Старцев. Они доверяли ему. И он старался оправдать это доверие. Старался и оправдывал. Он знал, что его ценят выше других его сверстников. Поручают более сложные задания. Доверяют больше, чем другим.

Но все равно то, что его решили включить в группу идущих на задание — признали полноценным агентом, — было для него громом среди ясного неба. Тот день, когда в бункере старшего инструктора ему зачитали приказ, должен был стать для него днем величайшего счастья. И стал бы — если бы не... Если бы пагубный червь сомнения уже не тронул его душу.

— Понимаете...

Дойдя до этого места, Валька опять запнулся. Опять не было у него слов, чтобы выразить, хотя бы приблизительно, то, что происходило тогда — да и сейчас еще не закончило происходить в нем самом.

— Понимаете... Здесь вот что... Сначала мне странно было, что там — в Поселении, в лучшие выбивались не такие, как надо... Не те, кто по-настоящему верил в Дело... А такие... Ну, такие, кто просто знал, когда что нужно вовремя сказать. Кто знал, как ответы на тест слизнуть. Кто легко обмануть мог. Кто врал почти в каждом доносе...

— Вас еще и друг на друга стучать заставляли? — поинтересовался не прерывавший своих трудов Кэн.

— А как же? — В голосе Вальки прозвучало искреннее недоумение. — Каждый следит за каждым. Ведь и у вас почти так же... Только плохо организовано...

— Неважно, — остановил его Ким, ощущая некоторую неловкость. — Давай дальше.

— Я и говорю: есть такие, которые нечестно... стучат, — запальчиво продолжал Валька. — И нечестно проходят испытания. И когда доходит дело до... До Задания, то они никогда не уходят... Я потом только понял. Они сворачивают... И потом они же оказываются в помощниках инструкторов. В разных комитетах... А потом — инструкторами... Всех подминают... Это я уже сейчас так говорю. А тогда я не понимал ничего. Думал, что это все — ошибки, что так не будет. Потом... Когда все будет как надо... А потом... Потом мне часто стало казаться, что никогда не будет «как надо». Что так на самом деле и задумано в Поселении, чтобы хитрые проныры... Такие, которые не верят в Дело... Которые ни во что не верят... Чтобы они командовали теми, кто верит... И вообще, когда пошли допсеминары. И факультативы... Я стал понимать, что нам многого не говорят. Про Землю, про Тридцать Три Мира. И я стал думать, что нам часто просто врут. Чтобы мы правильно думали. Не сомневались. Что потом, когда мы уже станем агентами, пройдем Испытание, нам уже не будут врать... Это теперь я знаю: они нам будут врать всегда!... Это я потом понял... Потом, когда я уже работал в паре со старшими, с Сайрусом... Когда мы с ним оставались без... Ну — на имитации... Или... В общем, он тогда по-своему отвечал, когда я его спрашивал о таких вещах. И сам так иногда спрашивал... И он мне посоветовал — очень вовремя — никому не показывать, что я...

Сайрус Ноттингем не просто посоветовал Вальке никому не показывать виду, что сомнения владеют им. Он вбил это ему в голову. Потому что именно этого, сомневающегося, подростка хотел забрать с собой на задание. Валька так и не узнал, точнее, почти до самого конца не узнал, что Сайрус — один из немногих в Поселении, кого завербовала Земля.

Но это Валька узнал потом. А покуда их готовили к заданию, к роли, которую будет играть их «двойка» (отец и сын возвращаются в Метрополию после долгих лет жизни на Синдерелле), он впитывал то странное, что исходило от его «ведущего». Сайрус был почти идеалом агента — подтянутый, строгий к себе человек с предельно дисциплинированным умом. Он уходил на задания трижды и трижды возвращался с них — почти никто из агентуры не мог похвастать большим стажем. Эрудиция его казалась беспредельной: он знал, казалось, все, что стоило знать о заблудших. И в то же время он был предельно незаметным, неброским человеком. Рыцарем из Тени. Впрочем, это — только для посторонних. Для всего остального мира. Но не для Вальки.

Для него он был тем, кем бы он хотел стать, когда вырастет. Или, если уж придется, тем, за кого он хотел бы отдать жизнь. А иногда он казался ему отцом. Отцом, который все-таки вернулся с задания. Эта мысль иногда всерьез овладевала им — ведь он был совсем маленьким тогда, когда отец ушел туда. И он почти совсем не помнил его. Так же, как почти не помнил и мать. Но мать — другое. Ее унесла болезнь. А вот отец... Ведь бывали же случаи, когда вернувшимся с задания зачем-то меняли имя и внешность? Почему бы и... Но тут Валька останавливал себя: конечно, этого не могло быть. И признать своим отцом чужого человека — пусть даже такого, каким ты восхищаешься, — заменить им в своей душе того, настоящего, отца, значило его предать. Предательство Валька ненавидел.

Это Сайрус приучил Вальку разбираться в психологии взрослых, тянуться к тем из них, кому можно верить. А таких было мало. Это Сайрус приучил его к этой, немного странной для подростка, привычке — подолгу вечером гонять чай за разговорами с человеком много старше его. И это Сайрус разрушил его веру в Дело.

— Дело... — пожала плечами еле различимая в полутьме Анна. — Так что же ваши

премудрые посвященные приготовили для рода людского — несчастного, заблудшего? Закон, порядок, чистоту нравственную и физическую... Работа и кусок хлеба каждому...

— Точно, — с легким удивлением согласился Валька. — То есть, конечно, не совсем так, но похоже на то, что написано у нас в каждой книжке — на первой странице. Но потом нам объясняют все гораздо более подробно...

— Вы там... В Поселении... — Анна снова дернула плечом. — Вы действительно думали, что вы — двадцать, говоришь, тысяч человек — и вправду сможете изменить судьбу Человечества? Сотен миллиардов человек, разбросанных по Галактике. По десяткам обитаемых планет?

— За Поселением — сила! — уверенно ответил Валька. — То, что вы называете «Тартар». Таких Поселений они смогут создать много. Столько, сколько им нужно. И у них там есть все, что нужно для того, чтобы поддержать тех, кого они посылают... За Поселением, за нами... Нет — за ними... За ними целый мир стоит!

Говорил Валентин уверенно. Потому что понимание того, что за ними всеми — за, в общем-то, крошечным и жалким мирком Поселения — кроется некая огромная мощь, вкладывалось в сознание каждого его жителя с самого рождения. Эта вера была куда сильнее зыбкой веры католиков, иудеев или православных в своих, ничем себя не проявляющих, богов. Вера в Тартар была куда как более обоснованной. Потому что подкреплялась ежедневным и ежечасным вмешательством той стороны в жизнь Поселения, да и всего Мира Чура. Слухи про Портал не были просто слухами. Под большим секретом, поклявшись страшными клятвами, ты мог узнать про тех не посвященных, кто видел Портал, ходил к нему и даже — при большом везении — мог и тебя к нему провести. Были и такие, кто видел их самих — пришельцев из подпространства. Черных и призрачных, как кляксы Тьмы, поставленные Создателем на картине мироздания. Собственно, они сами и были этим Создателем. Или, по крайней мере, теми, кто пришел в этот мир, чтобы исправить допущенные им ошибки и упущения.

И потом: кто же, как не они — хозяева из Тартара, — дает тогда людям Поселения их задания?

— А эти задания...

Ким присел напротив Вальки, внимательно глядя ему в глаза.

— В чем они, собственно, состоят? Вот тебя с этим... Сайрусом отправили на задание. Что вы должны были сделать? И... И что вы сделали?

— Разное... — ответил Валька. — Разное... Тут по-разному можно ответить...

Действительно, ответить на этот вопрос было и легко, и немыслимо сложно одновременно. Ну, хотя бы потому, что задание всегда было тайной. Только на секретных инструктажах будущим агентам приводили примеры успешных (и очень редко — провалившихся) заданий. И никогда не называли имена тех, кто эти задания выполнял. Но общий смысл миссии уходящих на задание всегда был ясен всем: это делают для того, чтобы узнать планы Заблудших, проникнуть в их замыслы. Чтобы исполнение этих штанов и замыслов пресечь...

Валька судорожно набрал воздух в легкие:

— Сайрус должен был узнать... Он должен был купить у людей из Космофлота файлы... Перед этим кто-то из наших организовал все, но сам влип. Не смог довести дело до конца. И Сайрус должен был восстановить связи... Найти тех людей, которые хотели продать нашим информацию.

— Значит, в Космофлоте есть люди, которые за деньги работают на Тартар?

Киму не слишком верилось — нет, не в то, что среди отважного космического воинства, а особенно среди его руководящего и бдящего за его благонамеренностью состава — найдутся такие, кто продаст Дьяволу и свою и чужую души. Нет, он просто не мог поверить в то, что Дьявол все-таки действительно есть. И так запросто ошивается между людьми.

— Они не знают, на кого работают. Очень много людей не знают, что они работают на Тартар... Есть даже целые предприятия, которые на самом деле принадлежат им...

— А ты... Почему ты летишь один? Ты уже... справился с заданием?

— Я не хотел возвращаться, вообще... И Сайрус не хотел. Мы — невозвращенцы... То есть хотели стать невозвращенцами... не получилось... То есть Сайрус узнал такое, что действительно надо сообщить в Поселение... Но сам он уже не смог вернуться. Он решил, что нам надо добираться до Поселения поодиночке. Он мне оформил и билет, и документы. Но условного письма от него на «Вулкании» не было. Он... Его...

— Его прикончили на Космотерминале Синдереллы, — неожиданно прервал его запинаящуюся речь Клини. — Точнее, в гостинице при терминале. Сразу после того, как он посадил тебя на корабль. И не беспокойся — смерть его не была ни быстрой, ни легкой. Это — судьба всех предателей! Если ты думаешь, что никто не догадывался о том, что за шгучка Сайрус Ноттингем, то ты ошибаешься...

— А ты ошибаешься, если думаешь, что Сайрус не знал, что за ним следят, — резко парировал Валька.

Кима Валентин тоже называл на «ты». Но это было совсем другое «ты», чем то, которое прозвучало сейчас — в адрес Раймона Клини.

— И ты думаешь, я не догадался, кто вы такие? — все так же зло продолжал выкрикивать Валька. — Только я не знал, что вы начнете здесь такое...

— Что же тогда он так дешево попался — твой Сайрус?

В голосе Клини было слишком много яда для голоса взрослого, разговаривающего с мальчишкой.

— Он сам пошел на риск! Потому что ему продали страшную информацию. Таковую, что надо было немедленно связаться с Поселением. Предупредить их... Но он не успел. Теперь я один знаю...

— То, что Поселение обнаружено? То, что к нему послали крейсер? То, что всех наших хотят спалить? Не-е-ет, ты не один знаешь это, мальчик. Сайрус успел... Как раз успел рассказать это нам... Это и многое другое...

— Значит, вы... Значит, вы его допрашивали? Перед тем, как...

Теперь его глаза горели ненавистью. Такой, которую Киму приходилось видеть только в репортажах из зала суда.

На всякий случай он занял позицию между Валькой и Клини.

— Ну, знаешь ли, мальчик, — процедил сквозь зубы похоронный агент, — ради дела приходится делать массу неприятных вещей... Это тем более неприятно, что Сайрус, пожалуй, заслуживает уважения... Заслуживал, точнее. У него было время... Когда он понял, что мы засекли его. Что ему не уйти от нас. Он мог бы уйти легко. Пуля в висок — и все дела. Но он великолепно понимал, что тогда информация о готовящемся уничтожении Поселения останется только у тебя. А в то, что ты один успеешь добраться до Чура, он, разумеется, не верил. И, знаешь, был прав. Потому что, если бы мы не напали на «Цунами», не взяли бы заложников, Поселения уже не было бы... А ты бы сидел в своей каюте и кусал

локти от злобы. Да, впрочем, ты еще ничего не знал бы...

Взгляд Вальки застыл, остекленел...

— Так это... Это все-таки «Цунами»? «Цунами» должен был... казнить Поселение?

— А ты об этом уже подумал? Догадливый мальчик...

— Почему Сайрус не... Почему он мне этого не сказал?

— Он сказал тебе все, что знал, мальчик. Не больше и не меньше. А уж дальше нам пришлось поработать самим — мне и Ли... Нам вообще пришлось провернуть массу дел, чтобы успеть организовать этот захват.

— Но ведь Сайрус... Он же тоже хотел, спасти ление! Вы же оказались на одной стороне с ним... с нами...

— Видишь ли, мальчик...

Теперь стеклянными стали глаза и у Клини.

— Только в одном вопросе... Только в одном. А по большому счету ты и Сайрус — изменники. Невозвращенцы... Вы задумали перейти на сторону врага. Как ты думаешь, кто навел «Цунами» на Поселение? Такие же ублюдки, как вы! Такие же ублюдки, которые угробили наших на Прерии!

Клини облизнул пересохшие губы. И уже более спокойно продолжил:

— Так что хотя господин Ноттингем и был с нами совершенно откровенен в одном отношении, у нас было много о чем расспросить его во всех остальных... По другим, так сказать, вопросам... Ну и ты сам должен знать, что после таких разговоров тот, у кого спрашивают, живым не остается... Да и не нужно это... Если бы вы с ним вернулись в Поселение и участвовали в операции по спасению... Это было бы э-э... неправильно. С чисто психологической точки зрения. В общем, одни вас сочли бы за героев, другие — совсем наоборот... А момент сейчас очень неподходящий для разброда и шатаний. А так — будете мертвыми героями. Это будет лучше для всех.

— Это неизвестно, кто кем еще будет, — спокойно, не повышая голоса, сказал Фор.

На мгновение наступила тишина. Потом Валька спросил:

— И про меня вы его... заставили все рассказать?

— И про тебя, — устало подтвердил Клини. — Удивляешься, почему мы и тебя не взяли в оборот? Да это просто ни к чему было. Ты и так — сам по себе — летел на Чур. Оставалось только за тобой приглядывать. До сегодняшней операции.

— Ну, с сегодняшней операцией не скажешь, чтобы у вас все удачно сложилось, — вставил от двери Кэн. — С замком, кажется, получается... Теперь главное — отвлечь внимание этих...

Это мгновенно переключило общее внимание.

— Я постараюсь удержать их на проводе минут двадцать... — пообещал Ким, осторожно, по скобам, подтягиваясь к проходу в переходной отсек.

— Не стоит, — остановила его Анна. — Они сразу заинтересуются, куда делась я. И если у них сдадут нервы... Не беспокойся — я-то успею выскочить...

— Рискуешь... — возразил Ким.

— Мы все здесь рискуем, — пожалала плечами Анна. — Но так — риск меньше.

Ган и Фор приблизились к гермодвери и, присев рядом, принялись, стараясь не мешать Кэну, колдовать. Прижав ладони к металлу и обмениваясь понятными только им одним словами и взглядами, они творили какое-то, непохожее на земное, колдовство. Замерли на мгновение, прислушиваясь к шелесту скрытого под металлом механизма.

Все, даже Клини, подались к ним.

Кэн издал предупреждающий шип.

— Только пусть мисс не останавливается. Пусть продолжает пудрить мозги этим господам... Мне нужно хотя бы две минуты для того, чтобы поработать с дверью нормально... спокойно...

Работал он минут шесть. В соседнем отсеке Анна продолжала обмениваться короткими репликами с господином Чориа. Все трое ребят не сводили глаз с рук Кэна. Ким был менее терпелив — ему уже начала казаться совершенно бесполезной вся эта затея.

И вдруг стальная гильотина двери бесшумно скользнула в сторону и вниз. И перед пленниками предстал тускло освещенный стыковочный отсек. После душной тесноты переходного тамбура он казался громадным. Гулкое эхо бродило по нему. Эхо низкого горлового рыка по скользкому стальному полу навстречу своим заплутавшим подопечным бежали Псы.

Нельзя, нельзя было расслабляться в этот миг обретенной наконец свободы. Потом Ким много раз проклял ту секунду, на которую утратил контроль над ситуацией, рванувшись вслед за остальными в светлый проем выхода.

* * *

Пол неожиданно рванулся у Кима из-под ног, и его бросило в перегородку. Потом он услышал звук — тяжелый, гудящий низкими басовыми нотами звук удара гигантского молота по корпусу какого-то необъятной величины котла. А затем — как и полчаса назад — свет погас, но через долю секунды включилась аварийная подсветка.

— Дьявол! Что это было? — спросил Ким, пытаясь встать на ноги.

И снова воспарил в воздух. Вокруг него летали повизгивающие от возмущения Псы, оглушенный, похожий на захлебнувшегося и идущего ко дну пловца Валька, озадаченно, как и сам Ким, вертящие головами ребята с Чура и ожесточенно матерящийся, запутавшийся в оборванном леере Кэн Кукан. И похожая на развешенные в пространстве ожерелья кровь. Много крови.

«Саратога» уже снова пребывала в самостоятельном полете.

— Что происходит? — спросил Ким, подтягивая к себе Вальку и пытаясь сообразить, насколько пострадал парень.

— Что происходит, что происходит! — сдавленным от злобы голосом отозвался Кэн. — Штурм! Ребята с крейсера поняли, что нечего мудрить, и пошли на штурм. И похоже, что этот тип — Чорриа — свою штуковину рванул-таки... Погнали в рубку, а то здесь сифонит всюю. Похоже, что тамбур отстрелился... Как бы нас и здесь не заблокировало...

— Что?

Валька открыл глаза.

И, словно по этому сигналу, освещение в отсеке переключилось с аварийного на штатный режим.

— Тамбур? — потерянно спросил Ким, глядя на то место, где только что темнел проход, через который они вырвались в корабль. Теперь там снова блестела сталь гильотинной гермодвери. Резервной. А Анна? И где Гильде?

И тут он наконец рассмотрел прямо перед собой нечто такое, от чего его чуть не

вывернуло наизнанку. Зацепившись обрывком рукава за шкив запирающего устройства, в воздухе лениво болталась ровно отсеченная человеческая рука — рука похоронного агента Раймона Клини. На ее запястье виднелись так же ровно обрубленные остатки ремня.

Кэн тоже увидел это, но отреагировал на жуткое зрелище почти индифферентно.

— Похоже, что этому типу удалось вырваться из тамбура, — сухо заметил он. — Вы неважно его связали, господин агент. Но в дверь он ломанулся не вовремя. Как раз при аварийном срабатывании. Понятно, откуда столько кровящи... Теперь болтается где-то поблизости, в пространстве — упокой Господь его душу... Нечего на все это пялиться — пошли в рубку, там и разберемся. Свяжемся с крейсером... Ваш Гильде, похоже, поумней нас будет. Первым рванул из тамбура, да и здесь задерживаться не стал. Наверное, в рубке уже...

Но Клаус Гильде был не в рубке. Ким, едва поспевавший за торопливым и умелым Кэном, только еще наполовину преодолел высоту (или длину — в невесомости не разберешь) туннеля, ведущего в отсек экипажа, когда «Саратогу» качнуло и всю ее громаду пронзило резкое, переходящее в свист шипение. Пронзило, оглушило всех и смолкло.

— Чтоб ему лопнуть! — взорвался Кэн. — Бот! Это — бот!!!

* * *

— Ну вот теперь ясно хоть что-то... — Кукан потер лоб и уставился на Кима, потом на троих ребят.

Все они сидели в рубке — точно так же, как всего несколько часов назад, только вот пустовало то кресло, на котором в тот раз устроилась Анна. И то, на котором маялся связанный по рукам и ногам Клини.

— Штурм у них там почти захлебнулся, но Чорриа с перепугу рванул свою взрывчатку. Ну и, конечно, сейчас просто размазан по стенкам. Это, впрочем, его проблема. Главное, что в результате туннель рассыпался на секции. Тамбур наш отстрелялся — видно, сдетонировали взрывные болты — и кувыркается уже довольно далеко от нас. И вся эта куча мала потихоньку дрейфует кто куда. Часть скоро посыплется на поверхность планеты... Мы сейчас уже в трех километрах от крейсера...

Он кивнул на экран. Там яркой россыпью поблескивали новорожденные спутники Чура — куча обломков металла и герметических секций — контейнеров. Все, что осталось от переходного туннеля. Разглядеть, где среди них находится внешний тамбур «Саратоги», было уже невозможно.

— Как вы оцениваете шансы Анны? — нервно спросил Ким.

— Как ненулевые. Если у нее не разгерметизировался тамбур, то она сможет продержаться там на автономном регенераторе кислорода все двадцать четыре часа, а то и больше. За это время люди с крейсера ее отыщут и спасут. Знаю, знаю, ты сейчас спросишь, как с ней связаться и чем ей помочь... Связаться — никак. Ну просто никак! Соединительная линия пошла вразнос, а без нее тамбур — просто железная коробка, отражающая радиоволны...

Все это Ким прекрасно знал. Точно так же, как то, что не оборудованная специальными средствами «Саратога» может только помешать проведению спасательной операции. Так что и объяснения Кукана на этот счет он выслушал спокойно. Просто его не оставляла

уверенность в том, что Анну он предал. И сейчас ему предстоит оставить ее одну в беде.

— А ко всему вдобавок, — Кэн с досады ударил кулаком правой руки в ладонь левой, — этот чертов Гильде оставит нас без посадочного бота! Их здесь было только два, подготовленных к работе. А подготовить третий — десять часов работы для команды из пяти специалистов. Но среди нас нет специалистов в этом деле... Кстати, вот данные отслеживания траектории. Он пошел к полюсу. Сдается мне, что прямехонько к вашему чертову Поселению, ребята.

— Его там прикончат! — воскликнул Ким. — Зачем он туда полез?!

— Может быть, тоже захотел вмешаться, — пожал плечами Кэн. — Спасти те тысячи, что запрятаны там. Но сдается мне, что ни одна собака там ему не поверит...

— Значит, — неожиданно спокойно вошел в разговор Валька, — придется сажать корабль. Нам не остается ничего другого. Я должен предупредить Поселение Только для этого я сюда и добирался. Надо, чтобы они бежали оттуда. Мне-то верить будут.

— Только сначала надо связаться с нашими, — добавил Фор. — Им надо подготовиться. Надо куда-то пристроить эти двадцать тысяч...

Ган кивнул в знак согласия.

— Но отсюда не пойдет, — совсем по-взрослому добавил он. — Крейсер будет глушить наше радио. Надо сначала совершить посадку.

Ким перевел взгляд с Вальки на Фора, с Фора — на Псов. Для этой пятерки все было решено.

— Если вас, господин агент, интересует мое мнение, — не дожидаясь вопроса, заговорил Кукан, — то я лично рискну лучше на Чуре приземлиться — это мне как два пальца об асфальт. А здесь — под крылышком у федеральных законов — мне ловить нечего. Особенно после такой кошмарной разборочки, что у нас вышла. Теперь, извиняюсь, если даже вы меня не заложите, так всех нас вычислят, частым гребешком прочешут и через мелкое сито просеют. Я вам это еще прошлый раз высказал.

У Кима тоже была веская причина согласиться с таким оборотом событий. И называлась она — контрактные обязательства. Да, еще... Еще и вправду были те двадцать тысяч человек...

* * *

— На данный момент, — доложил Таннер Манцеву, — ситуация такова. Преступники, уведя с собой оставшихся заложников, сосредоточились в конечной секции соединительного туннеля. Поэтому штурм помещений самого крейсера, ранее ими занятых, результатов не дал. Однако вслед за отводимыми в туннель заложниками в него успели ворваться трое бойцов Космодесанта. Находившийся в головной, считая от лайнера, секции туннеля руководитель террористов произвел взрыв химического заряда, предположительно серии «Т». Мы полагаем, что он погиб. В результате произошел отстрел туннеля вместе с переходными тамбурами от обоих кораблей и рассоединение его секций. Конечная секция с находящимися в ней заложниками, бойцами Космодесанта и террористами дрейфует в полукилометре от корпуса «Цунами». Мы пытаемся установить связь с кем-либо из них. Визуальный осмотр позволяет предположить, что люди внутри — живы. Секция, однако, охлаждается в результате стремительного испарения в вакуум жидкой пропитки

уплотнительного материала стенок... Внешняя оболочка секции повреждена.

— Что за пропитка? — поинтересовался Горский, но Манцев только отмахнулся от дурацкого вопроса.

Химический состав пропитки не имел уже никакого значения. Главное — это то, что его быстрое испарение могло заморозить людей в герметичной секции.

— Их там достаточно много, — высказал свое мнение Таннер. — И они не замерзнут до того, как у них закончится кислород... А он — при такой скученности — закончится через полтора часа. Я предлагаю немедленно возобновить штурм.

— «Саратога»... — быстро спросил Лошмидт. — Что известно об обстановке на «Саратоге»?

— Получено одно открытое сообщение, — доложил руководитель штурма, — и одна шифровка. Для господина полковника. От господина Яснова.

Он вытащил из планшетки дискету и с сомнением покосился на Манцева. Тот разрешающе кивнул ему, и дискета перекечевала в руки Йонга, а из них — в приемную щель его мини-компа.

— В открытом сообщении, — продолжил свой доклад Таннер, — Яснов пишет, что почти все заблокированные по ту сторону туннеля успели перебраться обратно на «Саратогу». В отделившемся тамбуре осталась только сопровождающая гостей с Чура Анна Лотта Крамер...

— Как там в этом тамбуре с кислородом? — осведомился Манцев.

— Много лучше, чем в секциях туннеля, — бодро ответил Таннер. — Один человек может продержаться не менее двадцати четырех часов. Там отдельный регенератор.

— Займетесь девицей Крамер сразу после штурма, — определил кэп. — А штурм начинайте сразу, как только будете готовы. Какие еще сообщения?

— Второй руководитель террористов был травмирован гермодверью в момент аварийного рассоединения туннеля. Господин Яснов считает, что полученные им травмы несовместимы с жизнью...

— Пусть вкатит этой сволочи фиксатор! — посоветовал Горский. — Мы знаем, как поговорить с ним, прежде чем он загнется.

— Э-э... По сообщению Яснова, труп бандита... большая его часть... остался вне корабля. Они там располагают лишь фрагментом, пригодным для дактилоскопии.

— М-да... Изящная формулировка, — признал чрезвычайный комиссар. — Навигационная служба докладывает, что от «Саратоги» отделился ее второй бот... И пошел на посадку. Кто в нем?

Он осекся, встретив остановившийся взгляд Йонга, который только что закончил читать шифровку.

— Пусть немедленно доложат, что там с «Саратогой»... — растерянно вымолвил полковник. — Господин капитан, пусть вам немедленно доложат...

Ждать, пока капитан свяжется со службой навигации, не пришлось. В динамике раздался бесстрастный голос дежурного офицера.

— Докладываю. Лайнер «Саратога» начал торможение маршевым двигателем. Безо всякого предупреждения. Он явно осуществляет посадочный маневр.

Теперь уже остолбенел Манцев.

— Какого же черта? — Он впился в Йонга таким взглядом, что у полковника волосы просто должны были встать дыбом и задымиться. — Какого черта ваш человек угнал

лайнер?! Да еще в такой момент?! Это... это — неповиновение! Неповиновение в самой наглой форме!

— Агент Яснов, — тихо произнес Йонг, — выполняет свои контрактные обязательства...

* * *

«Саратога» болидом неслась вниз — к залитым утренним светом здешнего Солнца полярным снегам Чура. Но скорость этого стремительного падения не нарастала, а снижалась. Вот она отстала уже от порожденной ею звуковой волны, и гром тормозных движков и вой раздираемой кораблем атмосферы унеслись туда — вниз. Ударили по равнине и вершинам гор. Переключкой троллей загуляли в отрогах. А инверсионный след корабля, теперь уже ясно различимый в бездонном, темнеющем к зениту небе Чура, начал изгибаться, забирать вверх, снова уходить в космическую тьму.

А потом на самом его острие засверкала слепящая, беспощадная звезда: включились плазменные двигатели вертикальной посадки.

Теперь это был уже не стремительный болид. Огромная, дышащая жаром, иссиня-черная, только кое-где тронутая пепельными тонами остывающей керамики и злым блеском металла, устоявшего против сумасшедшего жара раскаленной плазмы, трехсотметровая башня медленно тонула в ледяной атмосфере планеты. Вот она ушла из утренних лучей Звезды. Канула в тень планеты. Стала черным призраком над струей светлого огня. Тонула, опираясь на бешено рвущееся вниз пламя. На пламя, жар которого снега равнины почуяли за километры и стали сереть, превращаться в оттепельные льды. В талую воду.

И воду испарило пламя.

По обнажившемуся каменному ложу с треском пробежал, словно от брошенного в воду камня, еле заметный круг разрядов. Перекинулся через границу нерастопленных снегов и прожженным в этих, оставшихся нетронутыми, снегах тонким кольцом означил границу невидимого защитного поля, окутавшего «Саратогу». Рев беснующейся плазмы стал тише. Смолк.

Мягко ударили двигатели посадки. Над долиной разнесся скрежет. Крик каменного ложа, принимающего на себя тысячетонный груз, пришедший с небес, смолк.

И тишина опустилась на равнину.

«Саратога» гигантской, чуть накренившейся башней высилась над окрестностями. На севере, очень далеко, на самой границе видимости, над темным еще горизонтом мерцал еле намеченный хрустальный пунктир — вершины полярных Седых хребтов. А к югу горизонт неуловимо поднимался, казался обманчиво близким.

* * *

— Будьте добры объяснить ваши действия, господа... — Голос капитана «Цунами» в динамике был сух и напряжен.

— Кто именно и какие действия должен вам объяснить? — так же сухо и напряженно ответил ему вопросом на вопрос Ким. — Если вас интересует, почему «Саратога»

вынуждена была совершить посадку на поверхности планеты, то могу ответить вам так: решение было принято в экстремальных условиях. Принято не мной одним, а всеми, кто находится на борту корабля. У всех разные причины поступать именно так. Я могу отвечать только сам за себя. И от своего имени могу сказать вот что...

На секунду-другую он замялся. Нет, не все стоило знать людям на крейсере. И вообще — посторонним. Информацию следовало аккуратно дозировать.

— Под вопрос было поставлено выполнение задания, о котором вам могут рассказать («А могут и не рассказать», — прозвучало в интонации его голоса) господа, находящиеся у вас на борту... Полковник Йонг и профессор Лошмидт. Это все, о чем я могу говорить в эфире...

Наступило довольно продолжительное молчание. Затем голос Манцева снова зазвучал в динамике:

— Вы совершили посадку на редкость в неудобном месте... Вам следует передислоцировать корабль.

— Мы сделаем это, как только будет возможно.

Снова тишина повисла в эфире. Потом капитан коротко определил:

— Я не могу дать вам более суток, господа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПОСЕЛЕНИЕ

ГЛАВА 10

ХОЛОД

Кислорода в отделившемся от «Саратоги» внешнем тамбуре было достаточно, чтобы продержаться много часов. Но вот тепла... Тамбур представлял собой контейнер, разделенный на два сообщающихся отсека. Оба они были заключены в общую вторую оболочку, внутри которой, заполняя зазор между ней и стенками отсеков, находился точно такой же уплотнитель, что и между двойными стенками секций соединительного туннеля. Сейчас часть второй оболочки была разрушена взрывом, произошедшим в соседней секции туннеля, и пропитка этого уплотнителя испарялась значительно быстрее, чем это могли предполагать люди с крейсера. Температура в тамбуре падала стремительно. Холод пронизывал Анну до мозга костей.

Было бессмысленно ломать ногти о металл гермодверей. Да и почти невозможно было это — ломать об этот металл ногти. Слишком уж он был гладок. И не было — да и быть не могло — ни малейших зазоров.

Он только отнимал у рук остатки тепла. Помогал холоду сковать тело и мозг. Они были в союзе — металл и холод.

«Кажется, мне конец... — как-то очень отрешенно подумала Анна. — Еще час... Да нет, меньше часа... Если эту чертову консервную банку не вскроют через полчаса, то это будет означать, что мне сильно не повезло... Пожалуй, не стоит сейчас думать о том, как там без меня будут мама и Тимоти... Ни о чем таком не стоит думать... Последнее дело — жалеть себя».

Она усмехнулась в темноту и стала шарить по карманам. Пальцы уже не слушались. Точнее, она перестала чувствовать их... Привычно сунула ладонь в маленький внутренний карман куртки. Снова усмехнулась.

«Надеюсь, хотя бы тебе заячья лапка пригодится, агент», — подумала она.

С трудом нашарив зажигалку, она попыталась разогреть этот кусочек ледяного металла, прижав его к телу. Потом стала нащупывать по карманам курево. С трудом вытянула вдрызг смятую пачку из заднего кармана джинсов и вытянула зубами крошащуюся сигарету.

— А, черт! Последняя! — сообщила она самой себе. — И здесь фатальная невезуха...

И тут ее проняло. Скорчившись в клубок на обжигающе холодном металле, она заплакала — как плакала когда-то в детстве. Она уже не помнила причины того своего детского горя. Просто было ужасно обидно, что ей так не повезло.

Она попыталась снова взять себя в руки. Но это не очень-то получалось. Отрешенность куда-то ушла, и Анна не могла снова вернуть ее. Оставалась только горькая обида на то, что все получилось вот так.

Она нащупала на полу выпавшую сигарету, снова воткнула ее в зубы и щелкнула зажигалкой. Та и не подумала зажигаться.

— Господи, ну почему так не везет? — спросила она у Бога. — Ну почему, почему?

Она поняла, что ей хочется спать. Мягкая, теплая громада сна наваливалась на нее. Только маленький островок обиды и горя продолжал светиться в ее сознании.

Она снова щелкнула зажигалкой. Снова и снова.

— Ну загорайся, сволочь, зажигайся, миленькая... — просила она.

И уже просто для того, чтобы не уйти в теплый мрак, так вот — просто и страшно, она

повторяла снова и снова:

— Ну почему так не везет? Почему, почему?

И все щелкала и щелкала проклятой зажигалкой.

* * *

Да, к югу равнина незаметно уходила вверх. И словно обрубала горизонт совсем рядом от корабля.

— Там... — сглотнув слюну, сказал Валька.

Он кивнул головой в сторону этого странно близкого горизонта.

— Там — Поселение... Его нельзя видеть. Ни со спутника, никак вообще... На него наложена голограмма...

Пятеро людей и оба Пса сгрудились в не слишком просторной рубке управления «Саратоги». Впрочем, им она казалась сейчас всего лишь маленькой площадкой, вознесенной на сотни метров над простором заснеженной равнины. И оттого особенно действовал на нервы зыбкий наклон пола под ногами. Голографический экран общего обзора сплошным кольцом охватывал рубку и волшебным образом превращал ее стены в разверстое пустое пространство. Казалось странным, что ледяной арктический ветер не врывается сюда — в царство мерцающих дисплеев и злых огоньков бесчисленных индикаторов.

Пейзаж вокруг дрогнул. Пол шевельнулся под ногами: бортовые компьютеры реагировали на крен корабля — приводили в действие мощные гидродомкраты, упирались в грунт дополнительными опорами... Башня «Саратоги» выпрямлялась. Становилась строго вертикальной...

— А они — ваши... Они видят нас? — нервно поинтересовался Кэн.

— Дежурные — конечно, видят... — пожал плечами Валька. — А остальные — остальные слышали...

— Фактически мы стоим в зоне прямой видимости... — хмуро констатировал Ким. — Чего, собственно, и хотели. Так ты уверен, Валя, что нас не атакуют?

— Они ни за что не станут выдавать себя! Ни за что. Они затаятся. Будут следить издалека. Но фигли они что смогут увидеть...

* * *

Сборы заняли не так много времени. У Вальки все было наготове в его каюте: и легкая теплая куртка, и белая маскировочная накидка, и короткие, широкие лыжи — складные, из какого-то очень легкого и прочного сплава — и палки к ним, и рюкзачок со всем необходимым для проникновения...

Звезда еще не добралась до полуденной высоты, когда весь маленький экипаж «Саратоги» сгрудился в малом выходном тамбуре, прощаясь с ним, идущим первым.

— Только уговор! — напомнил Валька. — Ждите моего сигнала. Никто без него не лезет в Поселение. Это — верная смерть!

Общее молчание было в данном случае знаком согласия и понимания.

— Снег там сильнее повалил, — неопределенно бросил Кэн, выглядывая в

иллюминатор-бойницу. — Буран начинается.

— В это время они здесь слабые, что буран, что пурга... — спокойно отозвался Валька и шагнул к люку. — Не заметет. А маскирует неплохо...

Кэн надавил на кнопку открытия люка.

— Удачи! — тихо сказал Ким и сглотнул комок в горле. — Удачи тебе, агент.

Где-то внизу, под ребристым полом взвыли сервомоторы. За закрытым пока что люком выдвинулась из корпуса и заскользила вниз стальная полоса спусковой аппарели. Достигнув поверхности, она уперлась уже не в голый грунт, а в сугробы нанесенного всего за несколько часов снега.

Мягко ударил по ушам толчок так и не скомпенсированного до конца перепада давлений, чавкнув, ухнув, уползла в сторону серая туша внешнего люка. И в открывшееся пространство дунул воздух Чура. Неповторимый — сухой и морозный, пропитанный опасностью... Заставляющий душу сжаться, делающий тебя одновременно охотником и дичью воздух полярных равнин.

Валька попрочнее затянул шнуры накидки, кивнул своим друзьям и их Псам и первым вылез на круто спускающуюся вниз аппарель.

Тут, на ее шершавом, ребристом, все еще хранящем внутреннее тепло корабля покрытии, он был пока что на «Саратоге», пока что еще в пути... И Валька заторопился вниз.

Не доходя метров двух до конца стальной полосы, он сбросил в снег свои лыжи и прыгнул вслед за ними сам, придерживая на весу легкие титановые лыжные палки. Быстро застегнул крепления и, не оборачиваясь, почти не отталкиваясь палками, заскользил по снегу прочь от обгорелой башни корабля — ходко и бесшумно.

Пелена легкого бурана почти сразу скрыла его с глаз Кима.

* * *

Буран действительно ничуть не мешал Вальке двигаться вперед. Он был даже чем-то родным для него — здешний, почти теплый, весенний буран. Ось Чура была наклонена к здешней эклиптике совсем не так, как ось старушки Земли, и не было здесь, на полярной равнине, ни полярных ночей, ни жутких холодов. Большая весна, постепенно, но неумолимо сменяющая ядерную зиму, должна была растопить и шапки льда, обступившие Серые хребты. Взрослые обещали, что он, Валька, это еще увидит. Если вернется с заданий.

С одного он уже вернулся...

Теперь главным было добраться до своих.

Хорошо бы было, конечно, знать, подняли ли уже в Поселении тревогу, когда «Цунами» вышел на свою орбиту над Чуром. И еще, успели ли Раймон и Ли предупредить Первук Касту и Охрану о том, что возвращаются, и, главное, о том, что Сайрус и Валька — уже не «свои»...

Хорошо бы...

Но можно обойтись и без этого.

Валька сдавал экзамен по своему любимому предмету — «Имитация действий Врага». И билет попался ему довольно трудный — проникновение... Ну что же, ему уже приходилось отвечать на этот билет, и отвечать всерьез, на Последнем Испытании — перед

самой отправкой. «Всерьез» — это когда стреляют не холостыми...

На мгновение он задумался над тем, почему на всех тренировках и испытаниях ему так нравилось играть именно за Врага? Может, это и было первым симптомом предстоящего предательства Дела? Предупредительным звоночком? Может, то, что Первая Каста зовет изменой, именно в этом и проявляло себя? Так или иначе, его учителя и надсмотрщики пропустили этот звоночек мимо ушей. Ну что ж, на войне как на войне... Теперь вас самих будет экзаменовать ваш ученик. Один из лучших — сами говорили...

Правда, тогда он был в гораздо лучшей форме — после месяцев тренировки и режима, без капли лишнего веса, весь как закаленная пружина. А теперь?

Вес он набрал. Чертовы чаепития с крекерами и проклятая, всюду в мире Заблудших доступная и вкусная еда добавили ему, пожалуй, лишние килограмм-другой. И тренировался он только от случая к случаю... Баловства с Ганом и Фором — не в счет.

Тьфу, да и только!

Ладно! Теперь не время каяться. Подобраться. Смотреть в оба. Вспомнить все то, что знаешь и умеешь. Вот что требуется от тебя, а не разводить нюни по поводу собственного несовершенства. Помнишь, чему учили тебя?

Да, быть готовым. Всегда быть готовым. Не умереть ради Дела, а исполнить его. Точно и до конца.

Только вот Дело у Вальки сейчас другое, не то, к которому его готовили.

Впрочем, почему же?

«Я спасаю Поселение... Его людей... Значит, я и остаюсь им? Агентом Тартара?» — подумал Валентин.

И тут же задавил эту мысль.

Нельзя сейчас сомневаться.

Нельзя думать ни о чем, кроме проникновения.

Экзамен!

Может быть, самый важный...

Другого такого не будет.

* * *

Это только из рубки «Саратоги» равнина казалась гладкой. Лишенной примет и признаков абстрактной декорацией. Валька-то с самого начала знал, что это не так.

Здесь, на ее плоскости, даже летящий снег, скрывший горизонт и Седые хребты, не мог скрыть ее истинное лицо. Холмики и ложбинки. Заносимые снегом овражки. Приметы, понятные только тренированному глазу. Рельеф.

И рельеф этот Валька знал буквально на ощупь. Он мог бы добраться до Поселения с закрытыми глазами. Так что буран не был ему помехой. Зато других помех предвиделось немало.

Прежде всего надо было нащупать начало Тропы. Его, как и еще несколько ключевых точек пути проникновения, все время переносили с места на место. Но на всякую хитрость у него наработаны свои приемы. И на всякий замок изготовлены свои отмычки...

Одну такую отмычку Валька загодя достал из рюкзака и повесил себе на шею. Несколько других рассовал по карманам куртки. Но главное было не в ключах и отмычках.

Главным было содержимое его башки, и он надеялся, что она не подведет. Поэтому, спускаясь в ложбину, которая должна была вывести его к одной из шести возможных точек выхода на Тропу, он присматривался не столько в мерцанию болтающегося на шее амулета-индикатора, сколько к неуловимым следам, которые должны были оставить те, кто проходил по Тропе. Если кто-то прошел здесь хотя бы пару дней назад, то никакой буран не помешал бы различить те приметы, которые оставили они в памяти упрятанных в свои гнезда-норы сторожевых автоматов.

А с ними Валька дружил. Этому его тоже научил Сайрус.

Нет, здесь по Тропе не ходил никто. Уже давно. Значит, вероятность того, что вход на нее где-то здесь, была довольно велика. И свечение амулета-индикатора — трепетное и неровное раньше, ставшее теперь ясным и ровным, — подтверждало это. Итак, с первого раза ему повезло — он точно вышел на Тропу.

Это даже не понравилось Вальке. Когда везет сначала, точно не везет в конце...

Здесь, в ложбине, ветер наносил снег с одного ее края и сдувал с другого, обнажая скалистое ложе, по которому когда-то — до зимы неслись воды сбегавшей с Седых хребтов реки. Так всегда — на равнине снег не залеживается, но и не уходит с нее... Добравшись до того места, где русло делало поворот, Валька снова глянул на амулет — тот светился уже сумеречным багровым светом — светом Тропы. Валька притулился в защищенном от ветра углублении, сбросил рукавицы и достал из-за пазухи вторую свою отмычку — тонкую металлическую дудочку-манок.

На мгновение его охватил страх — ему показалось, что он сбился, выдувая мелодию, от которой зависело так много. Проверить себя он не мог — манок пел в неслышном человеческому уху диапазоне. Но деваться было некуда. Он трижды просвистел беззвучный сигнал, откинулся спиной на жесткий камень стенки расселины, прикрыл глаза и стал ждать — кто придет на зов. И только когда услышал знакомые поскрипывания и постукивания, понял, что не ошибся — из-за полузанесенной снегом скалы к нему не торопясь вышел Штур. Старина Штур.

— Здравствуй, Сайрус... — сказал старый сторожевой робот скрипучим, как и его суставы, голосом.

Ну конечно, для древнего кибера обладатель манка, знавший секретную мелодию, не мог быть никем другим, кроме Сайруса Ноттингема. Их дружба восходила к тем временам, когда Сайрус, вот так же, как Валька сейчас, отправился на задание — живой маскировкой. И вернулся в одиночку.

— Здравствуй, Штур... — отозвался Валька. — Вот я и пришел. Ты скучал?

— Роботы не скучают, — напомнил страж Тропы. И добавил: — Я не могу выйти на волну Службы.

Казалось, в голосе его звучала застарелая досада. Но, конечно, досаду эту досочинило воображение Вальки. Роботы не досадуют. Точно так же, как и не скучают. Хотя досадовать, конечно, было о чем: хитрый сигнал, «вшитый» в замысловатую мелодию манка, спровоцировал маленький сбой в исполнении рутинной программы несения сторожевой вахты и старина Штур «забыл» частоту, на которой должен был отрапортовать Службе о встрече со старым приятелем.

— Я сам отрапортую, — пообещал Валька.

— Отрапортуй, — тут же согласился робот.

— А теперь подойди сюда... Стань боком... Тебе нужно сделать профилактику...

Валька положил руки на холодные стальные пластины броневое покрытие Штура, нашел нужную и сдвинул в сторону. Потом отогрел дыханием замерзшие пальцы и принялся переставлять джамперы на панели настройки.

Закончив это небезопасное дело, он нервно вздохнул и с минуту просто сидел с прикрытыми глазами, приводя в порядок нервы. На это у него были свои причины: он не по рассказам знал, что бывает с теми, кто ошибается при перепрограммировании «стража».

— Теперь слушай меня внимательно, Штур, — сказал он, не раскрывая глаз. — Сейчас сюда придут еще трое... И два Пса. Ты умеешь узнавать Псов?

— Я умею... — отозвался кибер.

— Эти трое... Они будут знать слово. Ты понял?

— Я понял. Каким будет слово?

— «Атака». Слово будет «атака»...

— Слово будет «атака».

— Правильно. Ты проведешь нас — троих, их Псов и меня. Мы должны встретиться с... С Арно...

— С Арно... Личный номер восемь, восемь, девятьсот три...

— Правильно. Только не вызывай его по радио. Пошли к нему «букашку». А сейчас — жди. Ступай к Нижнему порогу и жди.

Выждав немного, словно стесняясь присутствия робота, Валька вытащил на свет божий Кимов блок связи и набрал сигнал вызова.

* * *

На Чуре на широте посадки «Саратоги» время уже перевалило за полдень. Полднем здешних двадцативосьмичасовых суток. Ким с уже неприкрытой тревогой вглядывался в снежную пустоту горизонта.

— Зря я его отпустил туда одного... Зря! — со злой досадой выговорил Ким и треснул крепко сжатым кулаком правой руки в ладонь левой. — Только идиот может втягивать детей во взрослые разборки. Тем более — в разборки с Нелюдью! Идиот и подлец!

— Не говори так, агент.

Голос Фора был очень спокойным, совсем недетским.

— Ты не прошел бы туда. И даже мы не прошли бы... А если бы и прошли, то ничего сделать мы там не сможем. Мы — чужие. Нас никто не будет слушать. И никто не поверит ни единому нашему слову.

ГЛАВА 11

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Ким с тревогой прислушивался к гортанной речи, доносившейся из динамика. Слова и даже построение фраз были знакомыми, но донельзя искаженными, надерганными из разных языков древней Земли, и потому все вместе было абракадаброй. Казалось, что еще чуть — и поймешь суть, но нет — смысл ускользал, обманывая агента ложными значениями и ассоциациями с чем-то знакомым.

— Они отправили проводников, — перевел Киму Фор. — Они отведут людей Поселения к Заброшенным колодцам... Там есть запасы пищи и топлива... Но идти придется пешком — здесь плохо с транспортом...

— А о каком расстоянии идет речь? — спросил агент.

— Примерно полторы сотни километров, — пояснил Фор. — Это недалеко по здешним понятиям.

— Но там будут и дети, и, возможно, больные...

— Если все обойдется, то можно будет использовать транспорт из Поселения, — заметил Ган.

Фор бросил в микрофон еще пару слов и отключил передатчик.

— Все, — решительно сказал он. — Теперь...

И тут же тихонько запел сигнал вызова. На этот раз — из карманного блока связи. Ким включил прием и поднес трубку к уху.

— Это Валентин, — со вздохом облегчения ответил он на немой вопрос устремленных на него трех пар глаз. — Нам пора прощаться, Кэн.

* * *

— Наши потери — двое раненых, — доложил Таннер. — Оба из той тройки, что была блокирована вместе с заложниками. Они прекрасно справились с заданием, и я буду ходатайствовать о награждении всех троих. Среди заложников потерь нет. Террористы уничтожены полностью. Потери экипажа лайнера — двое: капитан и офицер. Погибла одна пассажирка — Крамер. Глубокая гипотермия... Реанимация не удалась. Пятеро пассажиров... Их, я думаю, следует считать пропавшими без вести.

Манцев смотрел куда-то сквозь командира десантников. Лицо его не выражало ничего.

— Ну что же, — подытожил он наконец. — На войне как на войне...

* * *

Снег был плотным, и ноги почти не проваливались в нем. Да и было этого снега не так уж много — то тут, то там из-под белого, искрящегося покрова проглядывал темный камень.

Гильде сверился с компасом и, сделав в уме поправку — магнитное поле Чура было блуждающим, — стал забирать чуть восточнее. Вдали снова послышалась тяжелая, содрогающая почву поступь. Клаус поморщился, вспоминая свою первую встречу с Големом

часов пять назад.

«Ладно, — сказал он себе. — Не так страшен черт, как его малюют...»

И тут другой звук донесся до него — характерный гром планетарных двигателей космического корабля. Никто из тех, кому приходилось его слышать, уже не мог спутать его ни с чем другим. Не мог спутать и Клаус.

«А ведь это, пожалуй, „Саратога“, — прикинул он. — Прямо по курсу. Значит, они приземлились где-то совсем рядом с Поселением. Не то что мой бот... Точно — „Саратога“... И она стартует... Значит, произошло у них там что-то...»

Он чуть не проморгал ловушку — за маячившими впереди скалами обозначило себя какое-то призрачное движение.

Гильде нырнул за ближний валун, украшенный снеговой шапкой. Но через секунду понял, что причиной этого движения был не он сам, а реактивный гул над головой. Рев двигателя «Саратоги». Из скал рвануло светлое, почти невидимое пламя, и ввысь торопливо ушла пара зенитных ракет.

«Это уже Поселение, — прикинул Клаус. — Дальние рубежи...»

Вдали в высоте прогремели два разрыва.

* * *

— Нет, они не могли сбить корабль, — успокоил Ким Гана и Фора. — Он идет под защитой силового поля...

Некоторое время люди и Псы смотрели в небо — вслед ушедшему на более безопасную стоянку лайнеру.

«Интересно, — подумал Ким. — Будет Кукан дожидаться нас или сразу даст тягу — просить убежища у Людей Чура?»

Впрочем, это уже не имело особого значения. Надо было идти по следам Валентина. Время не ждет...

Мальчишки заскользили на самодельных — из подручных листов пластика, взятых в ремонтном блоке «Саратоги», — лыжах. Ким поразился тому, как легко это им удавалось. Впрочем, и сам он довольно быстро освоил технику скольжения по здешним снегам.

След они увидели, когда спустились в лощину, — полузанесенный снегом, но все-таки отчетливый след. А потом появились и те знаки, о которых Валька уже предупреждал: отметины на торчащих из снега скалах и причудливые, давным-давно неживые деревья.

* * *

Клаус не прятался. Наоборот, он хотел, чтобы его заметили. Но все словно вымерло вокруг. А Поселение-то было уже совсем близко: над невысокими, заснеженными холмами уже странными всполохами вставало слегка призрачное гол о графическое видение другой, не существующей на самом деле, гряды холмов. Должно быть, такая маскировка была почти идеальной на большом расстоянии. Но вблизи от нее слегка рябило в глазах.

Гильде еще раз окинул взглядом окружающее пространство. Никого и ничего не было видно окрест.

«Дальше идти нельзя, — сказал он сам себе. — В лучшем случае нарвусь на минное поле. Попробуем потревожить здешний эфир...»

Он отцепил от пояса универсальный блок связи и принялся мудрить с настройкой. Но в эфире Чура преобладали только помехи.

«Живут в режиме радимолчания, — констатировал он. — Но на прием-то они работают?»

И тут его окликнули.

* * *

Валентин заметил Кима и ребят раньше, чем они его. Дал о себе знать тихим свистом. Ким с облегчением увидел, что он не один. Неподалеку от его угловатой фигурки, почти незаметный на фоне снежной насыпи, притаился флаер. Обычный, несколько устаревший флаер. А рядом стояли три фигуры ростом повыше — двое мужчин в боевой экипировке и при оружии и робот-андроид — давно устаревшая модель, из тех, что можно увидеть теперь только в кино.

Ожидавшие их люди Поселения ничем не отличались от солдат любого другого из Обитаемых Миров. Оба были молчаливы и хмуры. Оба не сочли нужным представиться, когда Валентин назвал им имена пришедших с «Саратоги». Тот, что был ростом и, наверное, званием повыше, довольно недружелюбно буркнул: «Сдайте оружие» и, когда Ким и Фор с Ганом исполнили приказ («малые мечи», впрочем, остались при своих хозяевах — должно быть, встречающие были предупреждены на этот счет), отворил люк флаера.

«Господи, — подумал Ким. — Как это похоже на арест...»

* * *

— Как вы узнали про существование Поселения? — в пятый раз спросил Клауса человек в черной форме.

Его напарник расхаживал у него за спиной и, казалось, занят был только разглядыванием цементного пола под ногами.

Гильде окинул взглядом хмурые стены и потолок комнаты, в которой происходил допрос, и в пятый раз коротко и точно стал объяснять, что знает о Поселении не только он, но и разведслужбы Федерации Тридцати Трех Миров. А он — Клаус Гильде имеет доступ к информации, циркулирующей по каналам этих служб.

— Таким образом, вы признаете, что являетесь сотрудником какой-либо из разведслужб Федерации? — пристально глядя на Гильде, осведомился следователь.

— Считайте меня перебежчиком, — пожал плечами Клаус. — Я пришел к вам, чтобы сообщить об опасности. О том, что вас в ближайшее время постараются уничтожить.

— Откуда же вдруг такая доброта? Вы — альтруист, господин э-э... Гильде?

— Считайте, что так. Дело в том, что я заинтересован в том, чтобы те, кто создал вас, достигли по крайней мере одной из своих целей...

— Что вы знаете о тех, кто нас создал?

— Почти что ничего. В основном лишь то, что они хотят остановить создание некоей...

Некоей новой силы. Ее создают здесь — в системе Чура — и в нескольких научных центрах Федерации. Опыты с этой силой доставляют много неприятностей тем, кто создал вас. Они разрушают их мир. И эта сила... Она может разрушить и наш мир. Может, и разрушит...

— Вы уже говорили это, — сухо заметил следователь. — А на основной мой вопрос не ответили. Работаете ли вы на разведку или контрразведку Федерации? Или на какую-то другую из подобных структур?

— Если вам так нравится, то считайте, что на все сразу! — с досадой ответил Клаус. — Только бога ради примите меры, чтобы спастись от уничтожения и продолжить сопротивление... Сейчас я на вашей стороне. Я теперь ваш агент Агент Тартара!

— Почему вы спустились на планету на отдельном боте?

— Это — совершенно второстепенный вопрос. Я просто хотел как можно скорее добраться до вас.

— Вы охотно рассуждаете тут о неких силах, разрушающих миры, и о некоей опасности, что угрожает нам, но не ответили ни на один из конкретных вопросов. — Следователь откинулся на жесткую спинку стула. — Вам следует подумать о том, к чему приведет такая манера отвечать на вопросы. И размышлять вы будете в карцере.

Он повернулся к стоящим в дверях охранникам:

— Увести задержанного!

Когда они с напарником остались в бункере одни, тот оседлал стоящий поодаль стул, обхватив его спинку руками, и, глядя на следователя, покачал головой:

— Бог любит вас, Свен. Нам повезло, что этого сумасшедшего взяли ваши люди. Иначе — быть бы ему уже на дыбе и под химией. И никто не поверил бы ни единому его слову. Кстати, вы знаете, кто прилетел на том кораблике, что шлепнулся чуть ли не на наши головы?

— Кто же?

— Ученик Сайруса. Да-да. Того самого Сайруса Ноттингема из Агентуры, которого отправили к заблудшим уже больше года назад. Он совсем еще мальчишка — этот ученик. И мальчишка этот привел с собой трех весьма интересных людей. Вам еще предстоит поговорить с ними

Следователь ответил ему неприязненным и задумчивым взглядом.

— Я не понимаю... — сказал он. — Я не понимаю, что происходит там у них — наверху..

— Война, — ответил ему напарник. — Везде и всюду происходит только одно — война.

ГЛАВА 12

ОДИН НА БОРТУ

Кэн без всякого восторга глядел на открывающийся на экране обзора вид. Место второй посадки «Саратоги» только тем и отличалось от покинутых окрестностей Поселения, что простирающийся к югу горизонт был далек и бескраен, а громада Седых хребтов надвинулась и грозной тенью нависала над горизонтом с севера. И все же — может, из-за этой громады, довлеющей над всем вокруг, — Кэн почти сразу пожалел о том, что опустил корабль именно здесь. Нехорошие это были места, он готов был поклясться в этом. Кому угодно и чем угодно.

Теперь даже защита силового поля — мощная, но невидимая — не казалась ему надежной. В самом деле: была ли у него, собственно говоря, гарантия того, что смертельная опасность не таится прямо здесь, на борту «Саратоги»? Что кто-то из оживших мертвецов не притаился в закоулках лабиринта корабельных отсеков и переходов? Что Нелюдь только ждет своего часа, чтобы добраться до него — единственной живой души, оставшейся лицом к лицу с пришельцами из ниоткуда?

Странно, Кэн Кукан боялся не самой схватки с нежитью, не смерти и мучений... Нет. Его сжимал ледяной ужас при мысли о том, что нежити этой заблагорассудится превратить его в нечто, чего он не мог себе представить. Сделать его своим... Собственное умонастроение все меньше и меньше нравилось Кэну. Это начинало напоминать тихое сползание в пропасть безумия.

«Возьми себя в руки! — скомандовал Кэн самому себе. — Ты не маленький мальчик, чтобы бояться пустого корабля. Ты сам хорошо знаешь, что там — на сотни метров вниз — нет решительно ничего страшного: только тонны металлокерамики, километры трубопроводов, кабелей, стекловолокна... Пара надежных реакторов и три десятка еще и половины ресурса не выработавших планетарных движков. Компьютерная сеть экстра-класса. Надежная обшивка. Защитное поле... И все. Никакой мистики!»

Но неприятный холодок все равно забирался ему в душу.

Чтобы как следует отвлечься, Кэн забрался в кресло штурмана и принялся прогонять основные бортовые системы через систему послепосадочного тестирования. С удовольствием выловил и отладил пару «багов» и, вознаградив себя баночкой пива, снова приступил к тестированию корабельной машинерии. На этот раз — к предстартовому.

Но все хорошее кончается. Даже предстартовое тестирование.

Кэн хотел заняться хоть чем-нибудь еще, но неожиданно для себя понял, что не сможет. Мешал страх. Тоскливый страх, подкравшийся к нему в одиночестве и теперь выбравший момент, чтобы навалиться всей своей душевой тушей.

И само по себе это было страшно — то, что Одиночество предало его. Кэн привык к тому, что оно всегда было на его стороне, Одиночество. Лучший друг и неизменный спутник «ночного народа» — охотников за чужим добром. Оно же и их вечное проклятие. Но никогда не враг. А вот теперь оно играло против него: стало убежищем для зыбких, призрачных теней. Отворило черный ход для невидимого противника. Позволило страху пустить корни в его душе. Да, это было предательством. Ударом в спину.

Вообще говоря, то «хоть что-то еще», чем собирался заняться Кэн, было прогулкой по сейфам «Саратоги» — занятием, по всей видимости сулящим неплохой улов и ставшим

теперь абсолютно безопасным. Кэн не собирался застревать на корабле до той поры, когда его неизбежно возьмут в оборот многочисленные комиссии, которым непременно надо будет знать: что же, собственно, приключилось с двумя звездолетами, встретившимися на пути к Чуру? Он не представлял себе еще, как добраться до хранящихся в номерном абонентском ящике орбитера документов на свое настоящее имя, но ускользнуть с корабля было относительно легко: на борту имелась, как раз на случай аварийной посадки, пара глайдеров с запасом энергоносителя. На худой конец как транспортное средство годилась и сама «Саратога».

К тому же была и неплохая отмазка, если уж дурная судьба отдаст его в руки властей, то он — навигатор Лесли Коэн — меньше, чем кто либо, отвечает за то, что сейфы и абонентские ящики корабля, несколько часов пробывшего под контролем пиратов, оказались обчищенными. «Война все спишет», как временами говаривал Шишел-Мышел.

Однако сейчас Кэн просто не мог себя заставить спуститься в полутемный лабиринт жилых и служебных помещений «Саратоги». О приснопамятных грузовых ее отсеках и речи не было.

«Пресвятая Богородица, — сказал он себе. — Кажется, я заработал комплекс... Чертовы мертвяки... Чертовы вояки! И чертовы ищейки!»

Он гвозданул кулаком по подлокотнику капитанского кресла.

«Да бляха же муха! (Еще одно Шишелово любимое выражение пошло в ход.) Возьми себя в руки, Кэн! Ты раскис и превратился в тряпку! В медузу!!».

Из многочисленных лекарств от страха Кэн предпочитал одно, самое, пожалуй древнее, после поедания мухоморов и танцев с бубнами. Он вытащил из оружейного рундучка боевой бластер (черт с ними, с правилами применения оружия на борту космического судна) и пристегнул его к поясу. Потом заставил себя подняться и, стиснув зубы, спуститься на пару уровней вниз, в хорошо обжитый бар для офицерского состава.

* * *

Пара экстренных маневров, проведенных в «крутом» аварийном режиме, превратила все незакрепленное оборудование бара в кучу мусора. В его составе преобладали осколки декоративной посуды и стеклянных — проклятая традиция! — бутылок из-под дорогого спиртного. Наличествовали также компоненты различных закусок с примесью игральные костей и кетчупа.

При появлении посетителя в лице Кэна Кукана над всем этим великолепием включился приглушенный свет и заиграла тихая музыка. Кэн покрыл сервисную автоматику плохими словами, прошел за стойку и покопался в контейнере с инструментом, содержащимся под ней. Оказавшись под рукой ковыряльником неизвестного назначения отворил витрину, за которой в гнездах из упругого пластика ждали своей очереди охлажденные бутылки с наиболее дорогим пойлом, положенным личному составу экипажа «Саратоги». Выбрал «Грант», вытащил из холодильника кювету с кубиками льда и стал искать глазами целый стакан.

И услышал вдалеке трель вызова бортового интеркома.

Сжимая треугольную бутылку на манер томагавка, он выглянул в коротенький коридорчик. Сигнал повторился.

Кэн чертыхнулся и прошел в тот отсек, из которого исходил звук.

Это была кабина кока-оператора автоматического камбуза. Интерком — справа от рабочего места кока — заливался уже третьей трелью. Кэн нервно сорвал трубку и уставился в окошко мини-экраника. В нем торопливо ползли серые, размытые полосы. А в трубке звучал сигнал отбоя.

Кэн снова помянул Нечистого и положил трубку на место.

Бортовой интерком на пустом корабле (а ведь «Саратога» была пуста, не так ли?) мог испустить сигнал вызова только в одном случае, если система внешней связи присоединена к внутренней сети судна и на нее поступил адресный сигнал вызова. Но кому извне пришло в голову вызывать именно камбуз «Саратоги»? Разве что тыча наугад в клавиатуру компьютера узла связи... Но Кэна не оставляла мысль о том, что на связь с кем-то (с кем?) пытался выйти кто-то, кто был вовсе не вне «Саратоги». Кто-то, кто притаился здесь, на борту...

И словно чтобы подтвердить его предположение, трель сигнала повторилась. На этот раз она донеслась до него — еле слышно, но вполне различимо — сверху, из ремонтного отсека через оставшийся открытым люк. Она настойчиво звучала до тех пор, пока не принудила-таки Кэна подняться и найти проклятый аппарат. Который с издевательской точностью повторил тот же номер, что и его собрат из камбуза, с мгновенным отключением вызова после поднятия трубки.

С минуту Кэн молча, наливаясь злобой, рассматривал нагло попискивающую трубку. И неожиданно похолодел: он понял, что писк этот был не единственным звуком, нарушающим наступившую тишину.

Внизу, в разгромленном баре звякнуло стекло.

И еще еле слышно заскрежетало что-то далеко внизу, наверное, в районе дюз. Еще раз. Еще и еще, уже куда как более уверенно. А на все это наложился совсем уж тихий, на грани порога восприятия низкий ноющий, механический какой-то звук. Кэн мучительно попытался припомнить, с чем он ассоциируется в его сознании, но в этом не преуспел.

Как ни странно, этот недвусмысленный вызов потусторонних сил принес ему облегчение. Внес в ситуацию хоть какую-то определенность.

Кэн выпрямился — только сейчас он понял, что стоит сгорбившись, словно пантера перед прыжком, — перекинул бутылку с виски в левую руку, вытянул из кобуры тяжеленный бластер и снял его с предохранителя. Перевел настройку на «ближний бой».

Теперь недосуг уже было заботиться о стакане и льде. Кукан коротким ударом по краю рабочего стола напрочь снес горлышко бутылки и, рискуя порезать губы, вылил себе в глотку треть содержимого этой покалеченной емкости. Занюхал выпитое «мануфактурой» и стал осторожно спускаться вниз — туда, где опять звякнуло стекло.

И снова зажегся приглушенный свет. Снова заиграла идиотская музыка. Значит, в баре не было никого до того момента, когда он вернулся туда, — никого живого...

Кэн нащупал сенсор регулировки освещения и вывел его на полную мощность. Внимательно присмотрелся и, который уж раз за эти нелегкие сутки, помянул нечистого и присных его. Среди осколков и превращенной в мусор еды хозяйничала солидных размеров крыса.

Крыса?

Крыса на космолайнере «повышенной комфортности»?

Такого просто не могло быть. Да этого и не было. Был любимец Роже Чадовича — толстый хомяк Борка, озабоченный тем, что хозяин не покормил его вовремя. И

восполняющий это его упущение по мере своих сил и разума. На Кэна он поглядел с видом гостеприимного хозяина, явно приглашая старого приятеля разделить с ним трапезу.

— Нет уж... — усмехнулся Кэн. — Ты уж давай сам...

Он заглянул в холодильник, достал и разорвал пакет с корнишонами, еще раз основательно приложился к виски и покинул бар, пережевывая на ходу закуску. Однако на середине пути по винтовой лестнице, ведущей в рубку, он задержался.

«Что там говорил Роже перед тем, как нырнуть в тамбур? — попробовал припомнить он. — Да ведь он причитал о том, что оставил Борку взаперти на гибнущем корабле! Лопни мои глаза, если это не так! Но тогда... Но тогда... Тогда почему же зверек хулиганит на воле? Кто отпер проклятую клетку?»

И тут же, словно чтобы не дать исчезнуть проклятому холодку, заструившемуся вдоль позвоночника, скрежет и царапанье отчетливо донеслись до него издали — от двигательных отсеков.

Кэн пулей влетел в рубку.

Трахнул ладонью по клавише включения камер внешнего обзора. И вздрогнул от холода, который словно ворвался в рубку вместе с панорамой бескрайней ледяной равнины, залитой лучами закатной Звезды. Горы теперь превратились в громадный, словно залитый черной тушью, угловатый массив, утративший все детали, придававшие ему днем объемность и глубину. Незаметные раньше неровности бросали на снег длинные тени, которые, казалось, тянулись к уродливой башне «Саратоги». А тень корабля, в свою очередь, тянулась вдаль, в царство наступающей ночи, словно стремясь как можно раньше слиться с этой ночью. Стать ею.

«Неправильный закат на неправильной планете...» — подсказало Кэну виски.

Но что-то было неправильно и здесь — в рубке. Кэн не сразу сообразил — что. А когда сообразил, то его из холода бросило в жар.

Было отключено защитное поле «Саратоги».

Это не могло произойти случайно. Случайно нельзя даже стереть ненужный файл из памяти компьютера — осторожная машина сто раз переспросит о серьезности ваших намерений. Что уж говорить о защите жизненно важных функций космического корабля.

Кэн вскинул бластер и, держа его перед собой, обвел взглядом каждый уголок рубки. Планировка этого не слишком большого помещения не давала никому и ничему возможности укрыться от взгляда человека в кресле пилота. Не то что зомби — таракану негде было укрыться здесь.

Слегка дрожащими руками Кэн снова привел в действие энергетическую защиту «Саратоги». Натянул ультракевларовый бронезилет. Потом поднял с пола поставленную туда бутылку с остатками спиртного и «добил» их.

«Это — твой личный рекорд, Кэн, — сказал он себе. — Но сегодня эта штука не забирает меня — даром что дорогая... Ни в одном, бляха муха, глазу... Как и не пил вовсе».

Он напрасно грешил на прекрасного качества виски. Оно старалось как могло. Страх все-таки отступил на заранее подготовленные рубежи обороны и не парализовал его больше.

Гораздо более уверенно, чем это получалось раньше, Кэн принялся манипулировать плоховато ему знакомыми органами управления вспомогательных систем «Саратоги». В отличие от «ходовой части» подобные системы всяк оформляет по-разному. На свой манер. С грехом пополам Кэн нашел и включил камеры внешнего осмотра корпуса корабля. Включил прожектора подсветки. И обмер: пандус второго из трех грузовых люков был

опущен, а сам люк — открыт.

Теперь Кэн понял, что за звук слышал он, стоя в ремонтном отсеке с пищущей трубкой в руках. Низкочастотное «пение» сервомоторов, механизмов входного люка, ворочавших плитами титанового сплава, перекрывающими доступ на корабль! И именно в тот момент, когда это понимание пришло к нему, небо над равниной осветила ослепительная вспышка. На долю секунды призрачный, голубоватый свет высветил строгий рисунок отрогов горного хребта — таких близких теперь — и подарил каждой неровности снежной глади вокруг, и самой громаде «Саратоги», целый веер новых теней — стремительно ползущих по снегу, призрачных и дрожащих. И тут же по ушам ударил злой, визгливый хлопок аннигиляционного взрыва. Болезненно резкий, перешедший в быстро стихающее, вибрирующее завывание. Толчок ударной волны заставил содрогнуться пол под ногами. Что-то достаточно массивное налетело на силовой панцирь корабля.

И обратилось в кванты, прах и в этот больной звук.

Кэн еще стоял, потрясенно пялясь на экран, когда снова — в этот раз прямо перед его носом — запел сигнал интеркома.

* * *

— Эй, начальник...

Голос в трубке издевательски картавил, на японский манер заменяя «эл» на раскатистое «эр». А на сам этот голос накладывалось какое-то, идущее как бы фоном, шипение и взвизгивание...

— Начальник, ты нас слышишь?

Кэн не мог выдавить из себя ни звука.

— Начальник, ты раненый? Говори, начальник!...

— Кто говорит со мной?! — наконец справился со своими голосовыми связками Кэн.

И тут же подумал, что делает глупость. Дважды глупость! Трижды!!!

Если ты заговорил с галлюцинацией, значит, ты ее признал. Дал ей право на существование где-то еще, кроме своих «поехавших» мозгов. А еще ты дал призраку знать, что боишься его. И главное: ты дал ему знать, где ты находишься! Позволил теперь уже свободно, не опасаясь получить плазменный заряд в спину, передвигаться по кораблю.

— Уходи, начальник... Мы тебе разрешаем... Бери шмотки, мотай с борта...

От наглости невидимого противника у Кэна перехватило дух. Он зашелся спазматическим вздохом-шипением. Потом, не спуская глаз с жутковатого, темного провала люка, ведущего в нижние отсеки, принялся гвоздить левой ладонью по клавиатуре управления.

— Я... Я покажу вам, сволочам!!! — шипел он.

С коротким лязгом вернулся в свои пазы пандус. Стремительно, сотрясая весь корпус корабля, стала на свое место титановая плита люка. Стремительно и бесшумно опустились гильотины гермодверей, намертво отсекая помещения корабля друг от друга. Одновременно клацнули по всему кораблю тысячи электрозамков, превращая каждую каюту, каждую кладовку, каждый галльон в отдельную, самостоятельную крепость. Яркий свет софитов дополнительного освещения залил каждый уголок корабля. Панорама долины, царившая над рубкой, рассыпалась. Превратилась в панно — в мозаику сотен отдельных экранов, на

каждый из которых давала свою картинку какая-то одна из сотен камер внутреннего наблюдения. «Саратога» вошла в режим «авария — террор».

— Напрасно ты так, начальник, — закартавил голос в трубке. — Мы в мышеловке, и ты в мышеловке... Только у нас от мышеловочки твоей ключики имеются...

Но Кэн уже не слушал, что там тараторит брошенная на пульт управления трубка. Он шарил глазами по экранам, временами переводя их на высветившуюся на отдельном экране общую схему расположения помещений корабля.

Он почти сразу поймал его глазами — это неуловимое, на грани восприятия, движение на одном из экранов. Правильно. Это была картинка камеры переходного тамбура — тамбура между реакторным отсеком и грузовым. Словно уловив взгляд Кэна, оно — то, что двигалось там, замерло. Но было уже поздно: он видел его — распластавшийся по стальной стене, вжавшийся в нее, черный, лохматый силуэт. Какой-то гибрид гигантского паука и обезьяны. Кэн смотрел на чудовище с ужасом и отвращением, а оно в ответ лупилось на камеру выпученными — в пол-лица — желтыми бельмами. Случись в рубке какой-нибудь умник из Спецакадемии — ну, тот же док Лошмидт, к примеру, — он живо втолковал бы капитану Кукану, что перед ним — биоробот Тартара второго рода — довольно примитивный исполнитель простых поведенческих программ. Вспомогательный механизм при более интеллектуальном партнере — человеке или биороботе второго или третьего рода. Но Лошмидта под рукой не было, да и не было у Кэна нужды в знании классификации нечисти. Его внимание уже привлек другой экран.

Оттуда на него смотрел его старый знакомый — обряженный мертвец из ящиков господина Клини. И Желтый Огонь горел в его глазах.

Ну, положим, смотрел-то монстр не на самого Кэна, а всего лишь на зрачок камеры внутреннего наблюдения, но прекрасно понимал — если зомби способны что-то понимать, — что «начальник» его видит. И боится.

«Но ты-то меня не видишь, скотина безрогая, — мысленно парировал этот вызывающий взгляд Кэн. — Кончаем в гляделки играть. Только двое вас... Ну, один не шевелится пока. А вот ты, любезный... Ну-ка, посмотрим, где это тебя приперло?»

Приперло слугу Тартара в довольно удачном для Кэна месте — в медблоке пассажирского отсека. Выбраться оттуда (при условии, что он вообще сможет справиться с замками гермодверей и двинется, конечно, по направлению к рубке) можно было только в «карусель» — кольцевой тамбур-переход между секциями пассажирского модуля «Саратоги».

Виски продолжало подсказывать Кэну дальнейший план действий: не сидеть сиднем, дожидаясь, пока беда найдет тебя. Надо идти ей навстречу. А еще лучше — зайти ей в тыл!

Он пошарил в ящике-подлокотнике капитанского кресла и со вздохом облегчения нашел то, что искал там. Универсальный электронный ключ от всех помещений корабля находился на своем штатном месте. Кэн переложил его в карман и злорадно посмотрел на противника. Мертвец, словно поймав его взгляд, неожиданно выбросил руку вперед — прямо в объектив камеры наблюдения. Экран полыхнул ослепительным пламенем, и по нему пошел «снег».

«Во как! — отметил про себя Кэн. — Файерболами кидаться умеем. Или чем-то вроде. Например, обыкновенными заточками... Имеем в виду...».

Он заблокировал пульт управления, выставив «замок», отпирающийся восьмизначным кодом, проверил бластер и тихо скользнул вниз — навстречу опасности.

До «карусели» он добрался вовремя — как раз в тот момент, когда совсем рядом, в

помещении медблока запели сервомоторы гермодвери. Посланец Тартара справился-таки с ее замками. Кэн шарахнулся к перегородке, чтобы оказаться за спиной выбирающегося на свободу чудища. Но просчитался. Дверь медблока осталась неподвижной.

«Ч-черт! — до Кэна дошло, — Он же не к рубке двинулся. Он вниз полез, скотина... Второе чучело выручать... Ну что ж... Подставился ты, дружок. Корму мне показал...»

Он сунул карточку-ключ в щель замка и, не дожидаясь, пока дверь отворится полностью, коротким броском вкатился в расширяющуюся щель.

Медблок являл собою зрелище не менее плачевное, чем разгромленный бар. Правда, похоже, помимо маневровых толчков, к разорению руку приложил и незванный гость, только что покинувший пропитанное запахом разлитого эфира помещение. Дверь за собой этот гость не запер — да и не смог бы этого сделать: замки ее пребывали в поистине удивительном состоянии.

Кэн впервые видел такое: листы нержавеющей стали были просто-напросто отвернуты в стороны, словно крышка жестяной консервной банки — такой, какие до сих пор в ходу где-нибудь на Харуре. Механизм обоих замков был бесстыдно заголен. Кэн совершенно не мог себе представить, каким образом кто-то — будь то человек или Нелюдь — мог проделать такое, не имея в своем распоряжении плазменного резака. Впрочем, у него не было времени рассматривать излом металла и обдумывать увиденное. Он стремительно последовал за противником.

Ухитрившись не сломать себе шею — тут, без сомнения, не обошлось без магического действия принятого виски, — он миновал колодец, ведущий в грузовые отсеки, и чуть было не налетел на преследуемого. Тот уже почти по пояс опустился во второй, ведущий к переходнику между грузовым и реакторным отсеками, колодец. Оба, и монстр и Кэн, среагировали друг на друга молниеносно: в Кэна полетел короткий тяжелый кинжал, в посланца Тартара — заряд бластера. Кэну повезло второй раз на протяжении пяти секунд. Кинжал, хотя и брошенный с нечеловеческой силой, не справился с ультракевларом его защитного жилета. Биоробот был менее везуч: ошметки его горячей плоти и кровь (или ее подобие) веером разлетелись по противоположной стене. Изуродованное чучело рухнуло в колодец. Кэну удалось с опозданием в считанные доли секунды добросить себя до гулко звящего провала и с хрипом «Получай свое, скотина!» выпустить вслед противнику еще три заряда. Из колодца повалил дым.

Задыхаясь от вони, Кэн полез вниз, цепляясь за скользкие скобы, и, спрыгнув в «предбанник» реакторного отсека, почти полностью протрезвел.

— Господи! Куда меня занесло, — пробормотал он. — Здесь же второй красавец — прямо за этой дверью!

На весь корабль трезвонила пожарная сигнализация. Врубившаяся автоматически вентиляция спешно всасывала в себя остатки заполнявшего тесный блок на дне колодца дыма. Его источником были бранные останки биоробота второго рода, которые горой дымящегося тряпья валялись под горловиной спусковой шахты. Они уже ничем не напоминали даже подобия человека.

— Ф-фу!... — Кукан отер с лица пот и копоть.

Но расслабляться было еще рано.

Из-за двери тамбура до него донесся леденящий душу, запредельный какой-то вой. Вой и удары в сталь гермодвери. Полированная поверхность металла прогибалась, и отраженный от нее свет софита странными зайчиками скакал по стенам и потолку. Страх почти

парализовал Кэна. Остатки алкоголя стремительно испарялись из его мозга. Обтирая спиной переборку, он рефлекторно отступил в угол. Помертвевшим взглядом уставился на проклятую дверь. Она прогибалась. Прогибалась так, словно кто-то тянул изнутри за рукоять запора, пытаясь открыть ее так, как открываются двери в земных жилищах.

— П-проклятие! — запинаясь, пробормотал Кэн. — Он... Оно сейчас выломает гермодверь! Напрочь выломает!! Лопни мои глаза!!!

Он вскинул бластер, держа его обеими руками, и направил на сверкающую и все больше и больше прогибающуюся поверхность металла.

— Ну, давай, давай, сволочь! — бормотал он, подстегивая невыносимо тянущееся время. — Один красавец свое уже получил, сейчас и ты схлопочешь...

И, словно подчиняясь его бормотанию, металлическая дверь со скрежетом разверзлась неровной трещиной, лопнула, и оттуда полезло..

Что, собственно, появилось из просвета вырванной из своих пазов гермодвери, Кэн так и не успел разглядеть. Потому что, не дожидаясь того момента, когда жареный петух приложится ему по темени, он стал выпускать в этот просвет один за другим заряды бластера.

Слепящий, фиолетовый, трепещущий свет залил тесный бокс. Пламя пахнуло прямо в лицо Кэна. Он заслонил глаза левой рукой и, тихо завывая от обжигающего жара и ледящего ужаса, заполнившего душу, уже не глядя продолжал стрелять.

Он так и не понял потом, привиделось ему это или случилось в действительности: на долю секунды оторвав рукав левой руки от глаз, он увидел, как отрывается от пола, встает и шагает к нему то, что он считал уже безнадежно мертвой горой. Обгорелых тряпок. Но нет! Это, словно силясь доказать, что мертвому смерть не страшна, вскинулось и разорванным, дымящимся пугалом двинулось на него. Хриплый, душераздирающий вой разодрал барабанные перепонки Кэна.

Он развернул ствол и выпалил в это. Еще раз. Еще и еще. И понял, что находится уже внутри доменной печи. Он зажмурился и, не раскрывая глаз, нащупал над головой обод жерла колодца. Вцепился в ставшие раскаленными скобы и, преодолевая боль от ожога, подтянулся, полез вверх — вместе со струей гудящего, как в печи, воздуха.

И тут на него обрушился рай: море ледяной солоноватой пены. Заработала противопожарная система «Саратоги». В пене Кэн едва не захлебнулся. На его счастье, второй колодец заливала уже не пена, а простая техническая вода, бывшая фонтанчиками из перфорированных трубок, тянущихся вдоль линий пневмокоммуникаций, хотя бы частично смывшая с него чертову пену и хоть чуть утихомирившая боль от ожогов.

Вломившись в разоренный медблок, обгоревший, со спаленными ресницами, покрытый ключьями пены, Кэн перво-наперво добрался до примеченной им загодя пластиковой — а потому уцелевшей — фляги с медицинским спиртом и, шипя от боли, протер им обожженные места. Потом глотнул его, проклятого, неразбавленным, скривился и принялся искать упаковки репарирующих и обезболивающих гелей.

Облепленный кляксами этих чудодейственных продуктов современной биофармакологии, он, пошатываясь, добрался до своей каюты и, преодолевая желание кулем повалиться на койку, вытащил из чемодана старый верный набор механических и электронных отмычек, пару пустых рюкзаков и компактный гидроусилитель со сменными рабочими головками — бесценный для взломщика инструмент. Вооруженный этим добром, он с каким-то остервенением принялся за обход доставшегося ему на поживу хозяйства.

Улов оказался не то чтобы слишком богатым. Он всего лишь позволял не роптать на судьбу. Убедившись, что оба рюкзака укомплектованы оптимальным образом и, как говорится, под завязку, он сложил добычу у подножия винтовой лестницы, ведущей в рубку управления, и, судорожно вздохнув, стал подниматься в это святая святых «Саратоги».

Там он потратил некоторое время на то, чтобы убедиться, что ни в одном из отсеков корабля не таится больше никаких неприятных сюрпризов. Потом переключил экран на общий обзор. И оцепенел. Вокруг «Саратоги» стояли призраки.

Четко очерчивая кольцо, выжженное в снегу кромкой силового поля, сплошной цепью, в метре-другом друг от друга, вокруг корабля сгрудилась Нелюдь — чудовищная панорама уродливых теней из фильма ужасов... из дурного сна... из того уголка подсознания, в который так тянет заглянуть каждого, кто отваживается путешествовать в тех странных пространствах своей души. И в который никогда не заглядывает никто. Никто из тех, кто из этих пространств вернулся.

Закатный свет Звезды не позволял различать детали этих жутковатых фигур, черты их лиц, выражение злобным огнем горящих глаз. Только вереница из тьмы скроенных фигур. Неподвижных. Ждущих.

— А вот хрена вам! — с чувством глубокого удовлетворения сказал им Кэн и рухнул в кресло пилота. — Попрыгайте, дорогие, вокруг, попрыгайте... Попробуйте, как защита кусается.

Он уставился мутным взглядом на начавшую утопать в ночном мраке равнину. Снега ее уже не были ослепительно белы. Теперь скользящие под острым углом к ним лучи Звезды окрасили их тысячью оттенков пастельных цветов — от нежно-кремового у закатного горизонта до черно-фиолетового у ставшей еле заметной в ночном небе громады гор.

И от этих гор, раскатываясь в их скальных лабиринтах, донесся до внешних сенсоров «Саратоги», заполнил тесное пространство рубки, вдавил Кэна в кресло душераздирающий рев.

Так могло реветь только что-то очень древнее, чуждое этому миру и этой Вселенной. Так, должно быть, ревели, издыхая, последние из гигантских ящеров, бродивших по древней Земле. Но только в реве этом звучал еще и хрип металла, и гул пустых небес, и отчаяние гигантского, брошенного хозяевами механизма... И реву этому ответил другой — такой же чуждый и потусторонний. А им обоим — третий, четвертый...

Кэн тупо уставился вдаль — туда, откуда пришли к нему эти запредельные зовы. И, потратив на это довольно много времени, увидел нечто, что окончательно повергло его в ступор. От предгорий, из тьмы, затопившей далекие отроги Седых хребтов, к «Саратоге» шли гиганты. Размерами почти не уступающие самой башне звездолета, высящейся на сотни метров над тоскливой панорамой приполярного пейзажа. Уродливые, даже не пытающиеся походить на человеческие существа и все-таки поразительно напоминающие их!

Они не торопились, но надвигались неуклонно. Как и полагается надвигаться кошмару. Кэн смотрел на них, словно приговоренный, уверенный в своей участи. Сделав свое доброе дело — придав ему безумного куража, толкнувшего Кэна на битву с Нелюдью, притаившейся на борту «Саратоги», — спиртное брало теперь с него свою плату. Чудовищная усталость навалилась на него. Усталость и безразличие.

Все оказалось напрасным: и побоище на орбите, и сумасшедшая посадка на неизвестную скалистую равнину, и сражение в тесноте лабиринта корабельных отсеков, и вообще — все... Потому что пришли Големы. Мегароботы Древних Империй.

Значит, все-таки кто-то завез их сюда — на Чур — Големов Джея... Кэн слышал о таком: будто бы существуют специалисты этого дела — сталкеры Джея. В напичканных системами вооружения, уцелевшими со времен тысячелетней давности сражений Древних Империй, дебрях Внутренних Пространств этого странного Мира этот рискованный народ отлавливал, приручал и умудрялся даже (по частям, что ли) переправлять заказчикам в другие Миры уникальные по своим боевым качествам образцы боевой техники Сгинувших Царств. Теперь Кэн видел своими глазами, что среди таких заказчиков был не один только Кривой Император Харура. Заказчиком мегароботов была еще и Нелюдь Чура.

Впрочем, размышлениям о траффике оружия между Мирами Обитаемого Космоса предаваться не приходилось. Кэн им и не предавался. Он был слишком перепуган для того, чтобы размышлять хоть о чем-то. Одна только мысль неустанно циркулировала в его мозгу: «Финита ля комедия... Финита...»

Кэн, конечно, не сошел бы за специалиста по мегароботам, но все-таки он был достаточно сведущ в такого рода материях, чтобы прекрасно понимать, что против вооружения Големов хлипкая силовая защита пассажирского лайнера не потянет.

Оставалось одно: предпринять немедленную попытку стартовать. Попытку вполне безнадежную, пассажирский лайнер на старте — штука еще куда более уязвимая, чем он же, стоящий среди бела поля под защитой силового поля. Готовая мишень для любого вида оружия — лазерного, протонного, плазменного...

И тем не менее Кэн заставил себя преодолеть навалившуюся на него апатию и начал неуклюже, нервно дергаясь, не попадая пальцами в нужные клавиши, запускать программу экстренного старта.

Снова рев древних чудищ заполнил пространство равнины. Кэн поднял глаза на экран и понял, что уже поздно. Поздно предпринимать хоть что-либо. Големы были слишком близко. Нетерпеливое шевеление стало заметно в рядах призрачных уродов, сгрудившихся по периметру, очерченному силовым полем корабля.

«Н-ну, ладно! — пробормотал он сквозь зубы. — Ну, я вам, с-суки, бучу отчебучу!!!»

Программу экстренного старта он послал к черту. Теперь Кэн сосредоточился на другом программном блоке, на святой святых программного обеспечения «Саратоги» — системе контроля реактора. Тут ему пришлось нелегко, но школа Космофлота сказывалась: задуманное мало-помалу удавалось. Он почти укладывался в остающееся ему время. Только один раз отвлекся от дела, когда к реву Големов и взвизгам Нелюди добавился новый звук — знакомый, тяжелый и ноющий звук плохо отрегулированных движков тяжелых глайдеров повис над равниной, все приближаясь и усиливаясь.

Кэн поднял глаза на экран и криво усмехнулся — с юга к «Саратоге» неслась выстроенная боевым «откосом» тройка штурмовых глайдеров времен последних войн Империи. «Подкрепление этой шобле поспело, — хмуро констатировал он. — Как мухи на дерьмо слетелись... Ну что же, будет вам дерьмо. Мало не покажется!»

И снова забарабанил по клавишам. Успел.

Снял все блокировки и заменил программу контроля реактора на свой, наскоро состряпанный суррогат. Запустил контрольный прогон, откинулся в кресле, снова заставил себя посмотреть на экран...

И — чуть не ослеп!

Если бы не ограниченная пропускная возможность сенсоров и экрана, ослеп бы точно. Над равниной прошлась молния плазменного заряда. Еще и еще... В призрачном,

трепещущем свете рельефно обрисовались склоны немислимо далеких хребтов.

И грянул гром.

Тот из Големов, что был ближе всего к кораблю, превратился в столб светлого огня. Небо, словно подброшенное потоками ослепительного света, ушло вверх. Стало бездонной пропастью, наполненной пламенем. Гневными, огненными облаками. «Саратогу» качнуло. Взвыли моторы гидропривода домкратов опорной системы, не давая башне корабля рухнуть под ударом взрывных волн. Пол тяжело завибрировал под ногами.

Второй и третий Големы исходили в небо ясным, неземным огнем. А тяжелые плазменные пушки боевых глайдеров посылали новые и новые заряды — туда, в уже невидимого Кэну противника.

«Да что ж это они — своих мочат?!» — с остолбенелым недоумением думал он, машинально прикрывая голову, на которую, казалось, вот-вот посыплются раскаленные обломки металлокерамики.

А потом все кончилось. И тишина вернулась с потревоженных небес. Она всегда приходит в конце — тишина...

Только догорали — странным, бездымным огнем — шесть костров, которыми стали всеильные еще несколько минут назад Големы. И медленно остывал, меняя сочащийся из него свет с оранжевого на алый, потом на темно-бордовый, один из глайдеров, «проглотивший» все-таки ответный заряд — напоследок — от кого-то из мегароботов. Корпус машины был вспучен, снесенная напрочь башня, постепенно остывая, косо торчала из грунта метрах в двадцати поодаль.

Ребятам не повезло.

А Нелюдь исчезла. Кэн так и не понял — сквозь землю ли канул этот парад уродов, по воздуху ли унесся, или просто исчез из его замороженного гипнополем воображения, как страшный, предутренный сон... С Нелюдью, говорят, всегда так...

А от двух уцелевших машин в свете прожекторов, не торопясь и сигналижая руками «я свой!», шли к «Саратоге» люди... Не совсем похожие на привычных взгляду Кэна людей, смахивающих на одичавших эльфов. Кто во что одетые. Они смахивали на кого-то, уже хорошо знакомого Кэну — на Гана с Фором... Люди Чура? Но Кэн хорошо это знал, те не расстанутся со своими хваленными Мечами. А у этих Мечей не было. Разное виднелось в их руках и болталось у них на ремнях — бластеры, разрядники, реактивные гранатометы и бог весть что еще. Только Мечей не было у них.

А опережая эту неторопливую рать, слегка косолапя, вперед, прямо к слабо мерцающему куполу защитного поля уверенно двигалась громадная — со старой работы дубовый шкаф — крепко сбитая фигура.

Кэн удивленно крикнул. Но уж тут ошибиться он никак не мог. Сколь невероятной ни казалась бы такая встреча. Потянувшись к пульту, он отключил защиту корабля, поднялся и, прихрамывая и постанывая, стал спускаться вниз — прочь от осточертевших ему клавиш, индикаторов и дисплеев.

Усталость превратила его из неустрашимого борца в жалко шкандыбающего инвалида. С трудом навьючив на себя оба рюкзака с добычей, он уже забрался было в лифт, ведущий прямо к выходным тамбурам, но, неожиданно для самого себя, остановился, сбросил один из рюкзаков и, чертыхаясь и постанывая, отправился снова в бар.

В его планы не входило «догрузиться» спиртным, хотя и это не помешало бы. Нет, цель его была гораздо более альтруистичной и нелепой.

В баре он не без труда отыскал Борку, прикорнувшего в углу за стойкой на ворохе одноразовых полотенец. Так, сонного, он и попытался запихнуть его в рюкзак. Не просыпаясь, любимец Роже Чадовича выразил Кэну свое крайнее неудовольствие таким обхождением. Кэн обреченно махнул рукой, расчистил в рюкзаке место, выбросив на пол солидную пачку ассигнаций Дельфийского банка Республики Курриолла и пару упаковок засушенного «лотоса нимф». Благоустроив таким образом четвероногого друга, он прихватил с витрины бутыль «Смирновской» и вернулся к лифту.

* * *

Он поспел как раз вовремя: слегка запыхавшийся, рослый и широкоплечий детина чуть не сбил его с ног, не сумев притормозить перед обрезом аппарели. Чтобы не рухнуть на покрытый редким снежком камень скалистого ложа, он, еще не узнав Кэна, схватил его в охапку и чуть не раздавил в своих медвежьих объятиях. Отодвинув же немного и повертев перед собой, остолбенел.

Настала его очередь удивляться.

— Господь всемогущий и пресвятые угодники! — молвил детина, — Так то ж ты — хрен летучий, летун хренов — Кэн Кукан собственной персоной!

— Вот что, Шишел... — устало отозвался полупридушенный Кэн, сбрасывая с себя рюкзаки и присаживаясь на один из них. — Мы ж на Океании вроде сойтись договаривались... Кой же черт понес тебя сюда? Как ты меня тут вычислил?

— Да не вычислял тебя никто! — сердито загудел Дмитрий Шаленый по кличке Шишел-Мышел. — На хрен ты кому сдался, кроме уголовного розыска, — вычислять тебя... А в краях этих я и воистину по его — рогатого — милости...

Тут Шишел тяжело вздохнул и, подвинув к себе второй рюкзак, тяжело опустился на него.

— От своих я отбился напрочь... Так что мне теперь капусты уйма необходима... Чтоб вычислить их да наверстать... Да добраться...

В голосе его звучала неподдельная тоска. Такое Кэн слышал впервые.

— Слушай, Шишел, — озадаченно начал он, приглядываясь к странному народу с глайдеров, что постепенно подтягивался поближе к «Саратоге» и занимал что-то типа круговой обороны вокруг нее. — От каких «своих» поотстал ты? Ты ж сроду ни с кем надолго не корешился! Что за новости пошли? И что это за вояк ты сюда притащил?

— Это...

Шишел тоскливо окинул взглядом неполные две дюжины вооруженных туземцев, обступивших «Саратогу».

— Хороший это народ, Кэн. Да только вконец пропащий... Отверженные это. Толком я не вник еще, но, в общем, те это, которых здешние... Как их — «чуряне» аль «чуровцы»...

— Люди Чура, — подсказал Кэн.

— Господи, с понтом-то каким... — вздохнул Шишел. — Так вот, эти самые люди этих моих друзей к чертям собачьим из своих колодцев повыгоняли за разные грехи. Вроде того, что Мечи они свои понапотеряли... И все такое. Тут им бы всем и попередохнуть — с холоду да с голоду... ан нет: живут курилки. В замках заброшенных ютятся, с Нелюдью воюют... Вот теперь корабликом этим, — он кивнул на «Саратогу», — поживиться надумали. Благо

он нам как снег на голову сверзился. Только вот чуть на друзей этих не напоролись... С того света которые...

— Из Тартара... — поправил Кэн.

— Один черт... Одним словом, чтоб это все грабежом не смотрелось, ты своим передай — ну, капитану и всем там на кораблике, — что за спасение от напасти они нам задолжали малость...

Шаленый ткнул рукой в сторону вишневым светом светящейся груды металла, еще совсем недавно бывшей штурмовым глайдером.

— Как-никак мы девятерых человек потеряли. И не самых плохих человек...

— Там, на корабле, нет никого... — отмахнулся Кэн. — И считай — ничего...

— Ну ты даешь, хрен летучий! — восхитился Шишел. — Так ты, выходит, кораблик-то этот — того... В угон увел?!

— Это — история долгая... — вздохнул Кэн... — И на кораблик этот рот не разевайте... Здесь на орбите крейсеров болтается. И именно за этой посудиной и приглядывает... На борт сейчас тоже соваться не след. Ничего там нет, говорю. Все стоящее — здесь. — Он похлопал по туго набитому рюкзаку. — Половину забирай и делись со своими... А мне сейчас главное отсидеться, покуда все не уладится... А остальное нам с тобой на дорогу до Океании сбережь надо. Нам теперь — только туда и дорога. Мне вот только с «Химмеля» ксиву свою выручить. А там...

— Идет, — хлопнул по колену Шишел. — На месячишко мы тебя тут в подземелье укроем. А там — сообразим...

— Так все ж таки, как ты в эту компанию запал? — недоуменно потряс гудящей головой Кэн. — Они тут тебя вроде уважают...

— Так ты вроде и не в курсе про историю эту — со звездолетом Предтечей? Который с Малой Колонии — с Квесты — угнали?

— Так то на самом деле было? — устало поразился Кэн.

— На самом что ни на есть... — тоскливым басом подтвердил Шишел. — И я, грешный, к сему руку приложил... Там забавная компания подобралась — на кораблике этом. Мы там неплохо все ладили. Только и кораблик сам с норовом оказался. Как опасность какая или другое что — так не спросясь в подпространство нырять привычку имеет. А вот где вынырнет — бог весть. Он типа того — разумное вроде существо... Любит спорить да артачиться. Нас и на Чур этот подлый занесло чисто случаем: подрядились сюда бартерную перевозочку с Мелетты прокрутить. Для этих вот друзей. Манюшки, сам понимаешь, они никому еще не помешали... Я и вылез-то — на пару часов всего — на торжище. А тут эти полезли... Из Портала... И кораблик-то — фьют! — и все!... Хорошо еще товар со мною здесь остался. А потом... Словом, много здесь чего было... Только теперь тем и занят, что с упырями воюю... Правда, оно и не без пользы — народ здесь интересный. Даже колдуны имеются. Или что-то вроде... Я с одним как будто даже и подружился... Там к югу у него замок не замок, пещера не пещера... Он хорошего мне присоветовал — как кораблик-то наш найти... А, да чего уж тут...

Он снова сокрушенно махнул рукой. Потом окинул взглядом амуницию Кэна и энергично почесал в затылке.

— Слушай, да ты тут в два счета дуба дашь, мил человек! А ну, марш в машину! Там тебя приоденем. Не первый раз. Здесь же ветер и колотун — жуткие...

Они поднялись на ноги.

— Давай выбирай, который твой, — кивнул Кэн на рюкзаки с добычей. — Там примерно поровну.

— Ну вот на котором сидел, тот и заберу...

Шишел потянул за шнур, стягивающий горловину рюкзака, и не без удивления узрел перед собой хомяка — упитанного и не проявляющего ни малейших признаков жизни.

— Эт кто? — озадаченно спросил Дмитрий. — Эт я вроде как придавил — зверька-то...

— Это — Борка... — растерянно констатировал Кэн. — Эх, да как же я...

Не углубляясь в уточнение личности пострадавшего, Шишел присел над ним на корточки, скинул тяжелые, с электроподогревом рукавицы и не без труда ухватил своими здоровущими пальцами его передние конечности. С совершенно неожиданной для громилы таких габаритов ловкостью он принялся делать искусственное дыхание. Неожиданным был и результат его действий: насмерть, казалось бы придушенное тяжелой массой Шишела создание задержало лапками, слабо пискнуло и зашлось судорожным вздохом, за которым последовал выдох, немало удививший его спасителя своим составом.

— Дык он же...

Не вполне доверяя своим чувствам, Шишел с подозрением принюхался в струйке воздуха, теперь уже регулярно вырывающейся из уст пострадавшего вместе с недовольным повизгиванием.

— Слушай, — недоуменно воззрился он на Кэна. — Зверок-то — того, под мухой... У него выхлоп, что у твоего винокуренного цеха... Зачем ты напоил виски бедное животное?

— Долгая история, — мрачно отозвался смущенный Кэн. — Давай-ка его сюда...

Он заботливо поместил удрученного всем происходящим Борку за пазуху своей куртки, извлек оттуда же мобильник и воззрился на Шишела.

— Вот что, кораблик трогать незачем... Я сейчас со своими свяжусь — надо кой о чем их предупредить... И сразу — ходу отсюда! А то так и дуба дать можно — по такому колотуну. Но предупредить — обязательно... И попрощаться. Чтоб им и в голову не пришло меня разыскивать.

Он начал набивать на аппарате номер канала связи Кима.

— А то нехорошо может выйти, — добавил он задумчиво.

Холодный ветер над равниной набирал силу.

ГЛАВА 13

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

— Положение граничит с полным идиотизмом, — констатировал капитан Манцев. — Мы не продвинулись ни на шаг. Корабль убрался из зоны обстрела, но заложники... бывшие заложники — они ведут себя как самоубийцы!

— Хуже всего то, что они делают это публично, — сухо заметил Горский.

Четверо невыспавшихся, порядком озлобленных людей сидели вокруг капитанского стола. Четверо руководителей двух секретнейших акций Директората. Которые на глазах теряли свою секретность. Друг на друга все четверо старались не смотреть.

— Хуже всего не это... — резонно заметил профессор Лошмидт. — Хуже всего то, что эти самоубийцы — двое из них по крайней мере — ценный материал, который мы не можем потерять ни при каких обстоятельствах!

Горский хмыкнул. Тяжело завозился в своем кресле. Обменялся взглядами с Манцевым.

Точнее, попытался обменяться. Капитан «Цунами» смотрел в пространство ледяным, непреклонным взглядом. Словно позируя для портрета в «Галерее выпускников» Академии Космофлота.

— Это вы не можете ни при каких обстоятельствах терять свой «материал»! — твердо произнес комиссар. — У нас — другая задача, которую мы не можем не исполнить. И тут приоритет — наш.

— Которую корри не могут не исполнить... — глядя куда-то в пространство, вдруг пропел полковник Йонг. Отрешенно и меланхолично.

Как ни странно, этот, словно вырубленный из куска хорошо подобранного гранита, человек был не чужд тонкостям административной психологии. Произнеси он свою реплику веско и убедительно, ее бы просто не заметили в общей напряженной атмосфере перепалки. А вот этак — задумчиво пропетая, ни к кому, собственно, не обращенная меланхоличная реплика — заставила всех повернуться к ее автору, словно он ударил в гонг.

— Да, — продолжил рассуждать вслух Йонг. — Мы не учитываем еще одного, форсмажорного, фактора... Мы с вами здесь — лишь гости, господа... Приглашенные специалисты. Наемники... Никто из нас не сможет ничего противопоставить приказу второго капитана, если таковой последует...

— Первого, — поправил его Манцев. — Это я — второй. Так по Уставу Аренды...

— Короче говоря, если капитану со стороны корри взбредет в его плюшевую голову отменить операцию... — приняв кивком головы сделанное замечание, продолжил полковник. — Я просто не представляю, что мы с вами сможем противопоставить такому приказу...

Корри — «плюшевые мишки» Планеты Больших Деревьев. Мира, само название которого не в состоянии были произнести большинство дееспособных homo sapiens... Создания, в принципе не допускающие возможность убийства разумного существа. Идеальная ширма для прикрытия карательной экспедиции «Цунами». И — непреодолимое препятствие при другом раскладе карт Судьбы. В случае утечки информации. Туповатый на вид и вечно прямолинейный Йонг нащупал-таки то игольное ушко, через которое верблюд неисполнения мог ускользнуть от Демона Ответственности.

— М-да.. — уловив тонкую, паутинкой повисшую в воздухе нить интриги, задумчиво и

так же, как и полковник, безадресно заметил капитан Манцев. — А ведь это очень, очень возможная ситуация... Корри далеко не слепы. И вся эта цепь ситуаций... Пираты, заложники, штурм, неповиновение «Саратоги»... Все это уже десять раз могло раскрыть им глаза на...

— На некоторые особенности миссии «Цунами», — уточнил Горский.

— Так я не понимаю, господа, — сменив меланхолично-задумчивый тон на другой — серьезный, исполненный конкретики и решимости, как ни в чем не бывало спросил Йонг, — что же мы с вами намерены предпринять?

«Хорош гусь! — подумал Горский, откидываясь на спинку кресла. — Но гусь, мыслящий стратегически. Мы влетели в совершенно провальную ситуацию: выполнение приказа нами обернется полным провалом для них. И, похоже, не первым. Но это же будет провалом и для „Цунами“ — теперь, когда в дело влез эпизод с захватом гражданского судна... А вот успех их миссии — провал для нас не полный. Провал, за который, конечно, придется отвечать. Но отвечать не по полной программе, кулуарно... — Он скрипнул зубами. — Что ж, надо уметь проигрывать. И, проигрывая, сводить потери к минимуму. Пусть полетят погоны... Пусть придется „искупать допущенные ошибки“ в какой-нибудь чертовой дыре... Но не отвечать за разглашение... Главное — именно это... В конце концов „ферма“ раскрыта и ее ликвидация предрешена. Или сама Нелюдь уничтожит ее, или люди Чура выжгут очаг заразы на своей планете. А может, и мы, но не так, как было намечено... И в этом смысле миссия „Цунами“ будет выполнена. В любом случае...»

— Я думаю, что вариант решения наших проблем, — произнес он вслух уже более примирительным тоном, — должен быть по-хорошему компромиссным...

Он окинул взглядом собравшихся. Остановил его на напряженно внимательном Лошмидте.

— Мы вправе дать вашему «материалу» какое-то время на то, чтобы одуматься и выбраться из зоны гарантированного уничтожения. Но время это не может быть слишком большим. Ведь мы вправе рассчитывать и на ваше понимание нашей проблемы, господа...

— Конкретнее, если можно, — попросил Лошмидт. — Я хотел бы яснее представить, чем мы могли бы помочь вам.

— Вы могли бы вывести свой «материал» на прямую связь с руководством операции «Сикорски». Чтобы не играть в испорченный телефон. Сейчас нам просто некогда развлекаться подобным образом.

В другое время просьба эта, без сомнения, повергла бы профессора в ступор. Настолько очевидно она была нелепа, мелочна. Но сейчас стоило поразмыслить о ее скрытом смысле. А такой смысл не мог укрыться от довольно проницательного человека, которым считался профессор и член-корреспондент Спецакадемии Хью Лошмидт. Передача связи с Ясным непосредственно командованию «Цунами» делала переговоры с поверхностью Чура полностью открытыми и для формального командования крейсера — для милых незлобивых корри... Оставалось только гадать, будет ли это впоследствии сочтено простым упущением или же преступной халатностью. А ему лично — профессору и членору не грозит ничего определенного. Административной ответственностью наделен полковник Йонг. Он же и автор того тонкого хода, идею которого, видно, уловил-таки комиссар Горский.

— М-да... — Лошмидт повернулся к Йонгу: — Мне лично такая уступка представляется уместной и... м-м... логичной в сложившихся обстоятельствах...

— Да, разумеется, — как ни в чем не бывало признал полковник.

Он, собственно, не столько уже участвовал в разговоре, сколько надиктовывал текст оператору, который, разумеется, неоднократно будет с вниманием прослушан соответствующей Комиссией. И видит бог — не одной.

— Итак, — прервал вялотекущее созревание заговора кэп Манцев. — Во исполнение приказа Директории, контракта об аренде и выполнении союзнических обязательств крейсер «Цунами» приступает к осуществлению второго этапа операции «Сикорски».

Все молча уставились на него.

— С пятнадцати ноль-ноль по бортовому времени на крейсере вводится режим непрерывного ведения боевых действий. Крейсер начинает выдвижение к огневому рубежу. Для нейтрализации возможных ответных действий противника опережающим курсом выводим боевые автоматические боты в режиме проникновения. При обнаружении целей в космосе уничтожаем их огнем с ботов, при поддержке с борта крейсера — малым и средним калибром...

— Но... — несколько удивленно попытался вклиниться в речь капитана Лошмидт.

— В двадцать ноль-ноль, — придавил голосом зародыш профессорского вопроса Манцев, — крейсер занимает позицию на огневом рубеже и выполняет маневр орбитальной ориентации. Принимаются меры по отражению атак любого рода со стороны противника. После чего «Цунами» в течение пятнадцати витков вокруг планеты ожидает данных о местонахождении «Саратоги» и... ваших людей... По истечении этого срока первый капитан и я принимаем решение о целесообразности выполнения завершающего этапа операции.

Наступила тишина.

Капитан, собственно, принял единственно верное решение, которое выводило, по крайней мере, его лично из-под удара: он просто продолжал исполнять полученный приказ. А вот все форсмажорные накладки вроде захвата заложников, последующего неповиновения проклятого лайнера и необъяснимо безумного поведения самоосвободившихся заложников автоматически перелagались на плечи затеявшей свои мудреные игры компании пассажиров, навязанных «Цунами» Спецакадемией. А почти пятнадцать часов отсрочки — тоже форсмажорной — давали возможность корри наконец сообразить, в какое дело их втравили, и вмешаться...

— Ну что же...

Капитан обвел взглядом собравшихся. Возможно, он хотел добавить что-то еще, но тут в воздухе прозвучал сигнал вызова. Манцев поднес трубку к уху и, выслушав тихое поквакивание автоматического переводчика, ответил лаконичным «слушаюсь, сэр».

— Я вижу, мы с вами пришли к единой точке зрения. Я направляюсь к первому капитану. Он желает видеть меня. Думаю, он примет предлагаемый план действий. С какими-то коррективами, конечно...

— Таким образом, господа, фактически начался «обратный отсчет»? — поинтересовался Йонг.

— Совершенно верно, полковник, — подтвердил капитан. — В старину в таких случаях сверяли часы.

* * *

В нескольких тысячах километров от этих четверых другие четверо — тоже

невыспавшиеся и обозленные — сидели в тускло освещенном ангаре и тоже решали довольно непростые задачи.

— Ну, то, что кораблик неспроста присел чуть ли нам не на голову, понятно было с самого начала, — констатировал тот из них, что был на вид постарше, и выпустил к потолку струйку табачного дыма. — Я с самого начала понял, что тут добра не жди...

Он, единственный из собравшихся, позволял себе роскошь дымить сигаретой. Табак в Поселение попадал только в багаже возвращающихся с задания. Три нашивки на рукаве форменной куртки Третьей Касты подтверждали, что этот плотный лысоватый человек с резкими, словно рублеными чертами лица был из тех немногих, кому довелось вернуться трижды.

— Но вот того, что с этого кораблика к нам пожалуют такие гости, — продолжил он, — этого я даже предположить не мог. Ну, диверсантов мог предположить... Ну, кого-то из перевербованных наших... В любом случае по логике вещей это должны были быть хорошо подготовленные профессионалы. Но то, что к нам по Тропе пройдут трое мальчишек и частный детектив, никакого представления не имеющий о Поселении...

— Ну, допустим, что один из этих мальчишек — ученик Сайруса, — устало отозвался сухопарый, светловолосый тип в черной форме Второй Касты, сидевший напротив. — И не из слабеньких... У Сайруса вообще не было слабеньких учеников... В общем, вечно ты, Арно, глаголешь азбучные истины, притом с таким видом, словно остальные о них не догадываются... Не в том дело, кто именно до нас добрался. Главное ясно как божий день, что мы, Поселение, раскрыты. Остается просчитать варианты. Прежде чем все решат за нас. А они решат — это точно. Или те, кто приходит из Портала, или те, кто прилетел на крейсере...

— Вторая Каста... — задумчиво бросил третий из собеседников — тоже в униформе уходящих на задание. — Все зависит от того, какую позицию займет Охрана. Я могу предсказать, как поведет себя Первая Каста — они расколются один к трем. В пользу того, чтобы все бросить и разбежаться. Я знаю, как среагируют наши — Агентура. Они пойдут за победителем. И как Обслуга среагирует, я тоже прекрасно знаю: они с наслаждением разнесут в Поселении все и вся — только спусти их с цепи. Не все, конечно, такие уж лихие. Даже не большинство. Но есть авторитеты — всего, казалось бы, ничего — дюжины две человек. Но за ними пойдут все. А вот вы, Свен, Охрана, для меня вещь в себе. А от вас зависит все...

Свен пожал плечами:

— Боюсь, что порадовать мне тебя нечем, Руди... Охране терять нечего. У нас на каждом — кровь. Да и отобран народ не из таких, что могут резко перевернуться. Смертники. Нашу сторону примут единицы. Впрочем, ни для кого из нас это не новость. Именно потому, что Охрана никогда не изменит Хозяевам, мы дважды отменяли восстание...

— Тогда ситуация была другой, — прервал его Арно. — Вопрос не стоял об угрозе полной гибели нас всех. В случае варианта с «ловушкой» — этот вариант предлагал еще покойный Волков — мы могли бы заблокировать Охрану. И сейчас можем. Но ценой потери тридцати процентов взрослого состава Поселения. Тогда мы это посчитали неприемлемым. И ошиблись. По ту сторону баррикад оказались не такие гуманисты, как мы. И их можно понять. Если мы сами не знаем, зачем создано Поселение и какие цели у Хозяев, то человечество вправе ожидать от Поселения самого худшего. И в таком деле лучше

перестраховаться, чем рвать потом волосы. Нас решили просто уничтожить — всех. И, возможно, это было единственно верное для них решение. Не могу осуждать их: они не могут рисковать миллионами жизней... — Он нервно хрустнул пальцами. — Вот и весь выбор: потерять треть или всех.

И тут в разговор вступил четвертый — единственный из них, чей наряд не нес знаков принадлежности к одной из четырех Каст. Собственно, в этом и не было ничего удивительного: ни в одной из них Ким Яснов, агент на контракте, не состоял.

— Послушайте, господа, — с тревогой в голосе начал он. — Мне кажется, что вы упускаете время... Ведь то, что мы — прилетевшие на «Саратоге», находимся в Поселении, — уже ни для кого не секрет. И мне кажется, что руководят этим вашим Поселением отнюдь не идиоты. Они, без сомнения, уже принимают меры, чтобы нас — непрошенных гостей — локализовать. Схватить и поместить под замок... Ну, я еще могу рассчитывать на вашу защиту, а все трое ребят — детей по сути дела — находятся неизвестно где. Бродят сами по себе... Пора вам принять хоть какое-то решение и начать действовать. И знаете, господа, решение может быть только одно...

— Уж будьте добры оставить нам право самим принимать решения, — раздраженно прервал его Свен. — Это о нашей, в конце концов, жизни и смерти идет речь. Ваши малолетние спутники порядком взбаламутили воду в Поселении, но сейчас взяты под контроль. Я, к счастью, не только член подпольного комитета, но еще и помощник шерифа. У вас там, — он указал подбородком куда-то вверх, — есть свои шерифы? Это...

— Я вас понял, — торопливо прервал его Ким. — У нас там хватает и шерифов, и всего такого. Я просто хочу сказать, что... Короче говоря, я не знаю, как отреагируют на наше появление ваши, как вы выражаетесь, Хозяева, но вот крейсер... Если они имеют приказ уничтожить Поселение, то они его все-таки уничтожат! И это такой же вопрос жизни и смерти для меня и для тех, кто меня к вам привел, как и для вас.

— Вот что... — Арно поднял руку, пресекая лишние споры. — С точки зрения благоразумия, самым правильным для вас, господин детектив, будет именно отправиться под замок. Там уже находится ваш приятель — тот, что прибыл немного раньше, чем вы. Вы и оба парнишки из колодцев составите ему неплохую компанию. Свен, как представитель Охраны, именно так и должен с вами поступить, чтобы минимально скомпрометировать себя в этой ситуации. Это будет благом и для вас, поверьте! Скорее всего, в Поселении через несколько часов вспыхнет восстание. И вы при этом будете только путаться у людей под ногами. А того хуже — еще и пулю схлопочете. Вы ведь совершенно не представляете, кто здесь «есть кто»! А дело свое вы сделали — нас предупредили. В одиночку уходить отсюда для вас — верная смерть. Так что в случае, если дело обернется плохо, — вам крышка со всеми нами вместе. С этим уж ничего не поделаешь. Ну а повезет — выйдете на свободу героями. «Революционные массы» освободят...

— Вы... — Ким облизнул ставшие сразу сухими губы. Меньше всего ему хотелось кончать жизнь запертым в здешней кутузке, словно крыса в клетке. — Вы ничего не сказали мне о Старцеве, — закончил он наконец. — О Валентине...

— Ему лучше быть... — начал Арно. И тут же встал на ноги, прислушиваясь.

В ангаре наступила тишина.

И сквозь рифленое железо его стен стали слышны короткие, нервные очереди пулеметов. И шипящий треск далеких еще разрядов армейских бластеров.

— Ну вот, — сухо бросил Свен. — Кажется, нам уже поздно принимать решение.

Первый капитан Тоох встретил второго капитана Манцева, как и подобало согласно протоколу, вежливо коснувшись плюшевым брюшком пола и деликатно растопырив переднюю пару лапок.

Поскольку Федор Павлович при всем желании не мог ответить ему тем же (да протокол того и не требовал), он просто отдал коллеге честь и последовал его приглашению занять место в кресле напротив.

И кресло и стол были единственной уступкой дизайнера необходимости временами принимать особей вида *Homo sapiens* в кабинете первого капитана. В остальном — вплоть до неуловимого запаха древесного тлена — интерьер капитанского отсека скрупулезно воспроизводил привычное Тооху дупло-гнездовье высокопоставленного корри. И тем немисливо раздражал обоих капитанов. Манцева — своей неуместностью на боевом корабле. Тооха — своей абсолютной фальшью, которая к тому же еще и навязывала ему необходимость причинять массу неудобств своему коллеге.

Особую неловкость он ощущал сейчас, когда ему предстояло сообщить этому коллеге массу пренеприятнейших вещей. В этой связи Тоох уселся в свисающем с потолка сиденье-коконе в позе полнейшего самоуничужения, деликатно прикрыв пушистым хвостом разложенные на коленях распечатки. Манцеву он подвинул по столу чашечку с отваром коры молодых побегов кустарника шаа и сам для храбрости отхлебнул этого питья — из своей.

Проклятый отвар был практически единственным напитком, за чашечкой которого могли скоротать время человек и корри без риска отправиться к праотцам, хотя редко подавался на стол когда-либо при других обстоятельствах — для очень редких представителей рода людского он был привычным напитком. И для редких корри — тоже. Но что поделать, если сок чуки — лианы-паразита больших деревьев, — весьма уважаемый корри, даже в небольших количествах вызывал у землян трудноизлечимую экзему, а любимые землянами чай, кофе и алкоголь повергали корри в лучшем случае в страшные корчи.

— Я нахожусь в весьма затруднительном положении, капитан, — сообщил Тоох. И замялся, разглаживая хвост.

Компьютер точно перевел его слова собеседнику. По характерному для корри обилию прицокиваний и низкочастотных вибраций Манцев догадывался, что речь его коллеги весьма насыщена эмоциями, но киберпереводчик глаголил правильно построенными, округлыми фразами с аккуратными интонациями телевизионного диктора.

— Я ни в коей мере не ставлю под сомнение ни технические возможности замечательного судна, предоставленного в распоряжение корри Человечеством... — Первый капитан проверил, насколько внимательно слушает его Манцев, и продолжил: — В еще меньшей мере я сомневаюсь в вашей, капитан, компетентности в отношении управления этим сложнейшим сооружением. Я и стажеры-корри не находят слов благодарности за те знания, которые вы дали нам во время тренировочных и боевых полетов...

Манцев сосредоточенно ждал, когда же Тоох перейдет к делу. Психология партнеров-корри вечно держала его в недоумении. Предчувствия подсказывали ему, что содержанию

предстоящего разговора у его непосредственного начальника, будь он человеком, соответствовало бы хождение широкими шагами из угла в угол, а также громогласное обвинение собеседника во всех смертных грехах и непременно стучание кулаком по столу.

Вместо этого имело место угощение идиотским отваром, застенчивое расчесывание хвоста и словесные блуждания вокруг да около предстоящей темы обсуждения.

Все это при том, что — Манцев прекрасно знал это — корри могут не менее твердо стоять на своем, чем самые решительные из людей, и что они могут принимать решения порой не менее жесткие, чем он сам — капитан Манцев. Это напрягало.

— Однако этот рейс, — продолжил Тоох, — поистине сосредоточил в себе все несчастья, которые только могут воспрепятствовать выполнению поставленной перед вверенным нам с вами судном задачи...

— Да, — согласился Манцев, — рейс выдался не из легких. И наш с вами, капитан, разговор весьма уместен. Нам надо совместно, не теряя времени, найти выход из сложившегося положения.

— Боюсь, что мы с вами поставлены в положение, когда от нас зависит всего лишь та форма, которую мы придадим этому решению, а не его суть... — деликатно прервал его первый капитан. — И боюсь, что ваши руководители останутся недовольны этим... Очень недовольны... Вы, однако, совсем не тронули ваш шаа, капитан. Он хорош только тогда, когда горяч...

«Проклятый темнила! — подумал капитан. — Куда он клонит?»

Он отхлебнул немного отвара и понимающе улыбнулся. Чем загадал бедному корри очередную загадку. Мимика представителей рода людского, как назло, почти совпадала с мимикой корри. Но только почти.

Тоох внутренне напрягся и — словно перед прыжком из кроны одного большого дерева на другое на том берегу Великой реки — распушил хвост. Достал скрытую под ним распечатку и протянул ее Манцеву.

— Собственно говоря, вот что я имею в виду, капитан...

Он успокоил свой хвост и снова пристально уставился на капитана добрыми глазами плюшевой игрушки.

Послание было подписано вождями всех шести народов Чура и, следовательно, было документом чрезвычайной важности.

Манцев читал распечатку внимательно, постепенно наливаясь тяжелой досадой. Хотя, по всем правилам, ему следовало быть, наоборот, полностью довольным сложившейся ситуацией. Теперь уже третья сторона, участвующая — до сих пор незримо — в этой чересчур хитрой игре, брала ответственность за исход операции на себя. Но облегчения это ему не принесло. Окончив читать распечатку, капитан снова вернулся к ее началу. Коллега позволил себе отвлечь его внимание от процесса чтения.

— Формально — я, конечно, понимаю, что это только формально, — капитан «Цунами» исполняет обязательства, взятые Цивилизацией Корри перед Народами Чура... Таким образом, мы обязаны следовать букве нашего Военного соглашения с этим Миром... И если наши партнеры по этому Соглашению решат отменить какой-то пункт, обязывающий нас к тем или иным действиям... Короче говоря, вы видите, что ситуация изменилась радикально. Наши партнеры уведомляют нас, что объект, представлявший угрозу для Народов Чура, объект, связанный с активностью так называемой Нелюди, это вовсе не необитаемая, автоматизированная станция... Им стало известно, что там находятся живые,

разумные существа... Люди, капитан. И очень много людей...

Выдав этот текст, первый капитан, похоже, ослаб и даже несколько обвис в своем коконе. Манцев по-прежнему внимательно изучал текст распечатки.

— Там находятся не только чужие люди... — собравшись с силами, продолжил первый капитан. — Люди Чура... Именно они и связались со своими соотечественниками и известили их об истинном положении вещей. И еще четверо — люди с борта этого несчастного судна...

Манцев закрыл глаза и мысленно возблагодарил Бога. Не то чтобы он все-таки почувствовал облегчение — просто не хотелось быть неблагодарным. Все элементы хитроумно задуманного плана сложились в единую мозаику. Мозаика эта, возможно, будет стоить ему звезды на погонах, но спасет от трибунала...

Он оторвал глаза от текста распечатки и встретил взгляд Тооха.

— Как я понимаю, они там, на поверхности, надумали решить вопрос своими силами?

— Они считают, что им удастся договориться с жителями этой базы. Эвакуируют их. В конце концов, они правы — надо дать им шанс.

Второй капитан порывисто привстал из-за стола, слегка расплескав остывающий настой.

— Простите меня, хоо...

Он употребил единственную доступную для произнесения землянином форму вежливого обращения корри — «хоо», чтобы подчеркнуть важность того, что хотел сказать.

— Мы должны различать людей и создания, имеющие форму людей...

Тут капитан сам поразился своей способности манипулировать философскими понятиями и запнулся. Запнулся и киберпереводчик.

— Уточните вашу мысль, — вежливо попросил первый капитан.

— Люди — те, что каким-то образом попали на эту м-м... базу с борта лайнера, — являются действительно людьми. В юридическом и в э-э... биологическом смысле этого слова. Про остальных — тех, кого здесь, в этой депеше люди Чура называют «аборигенами базы Нелюди», этого сказать нельзя...

— Простите... — Тоох выразил на своем пушистом личике недоумение, которое в исполнении ансамбля мимических мышц корри напоминало, скорее, презрительное снисхождение. — Простите, не могли бы вы уточнить вашу мысль, капитан?

— Охотно. — Манцев осторожно поставил недопитую чашку с отваром на стол как можно дальше от себя и сложил пальцы «домиком». — Видите ли, речь идет о существах, которым придана форма людей, которые могут достаточно точно имитировать поведение человеческих существ, но по природе своей они людьми не являются... И их уничтожение не может быть воспринято как геноцид...

Первый капитан хоо Тоох прегромко цыкнул зубом, что соответствовало человеческому «О боже!!!». Только опыт длительного общения с представителями рода человеческого спас почтенного хоо от глубокой эмоциональной травмы. Чтобы парировать слова собеседника, ему потребовалось собраться с силами.

— Оставим в стороне философскую подоплеку сказанного вами, — начал он. — Я имею в виду то, что затруднительно провести грань между сущностью и ее подобием, когда подобие это становится чересчур совершенным... Я имею в виду не это... Дело в том, что наши партнеры недвусмысленно дают понять, что база Нелюди населена потомками людей, похищенных в разное время из различных Миров Федерации... Таким образом, речь идет

именно о живых и разумных созданиях одного с вами, капитан, вида...

Тоох замолчал. Со значением. Убедившись, что его аргументы возымели необходимое действие на коллегу, он заключил:

— Таким образом, выполнение наших обязательств перед народами Чура — с согласия их полномочных представителей — принимает несколько иной характер... Мы уже не можем предпринять неожиданного нападения на намеченный объект. Для нас — корри — неприемлема сама идея уничтожения разумных существ...

Капитан прикрыл глаза и незаметно — по крайней мере он рассчитывал, что незаметно, — скрипнул зубами. Только яйцеголовые стратеги из секретных департаментов могли намудрить этак вот — поставить его, боевого командира, в полную зависимость от блохастой летучей белки с богом забытой планетки. Но приходилось вытерпеть и это.

— Хоо Тоох, — вздохнул он. — Как вы представляете себе, в таком случае, дальнейший ход операции? Она и сейчас уже кажется совсем нелегкой: неожиданный маневр пассажирского лайнера совершенно демаскировал «Цунами».

Почтенный хоо изобразил на пушистом челе крайнюю степень задумчивости. На некоторое время он отвел взгляд от лица собеседника и сосредоточился на поправлении волосков и без того тщательно причесанного хвоста.

— Видите ли, коллега, — деликатно остановил он Манцева, — в некотором отношении эта, как вы изволили выразиться, демаскировка может рассматриваться как положительный фактор в той комбинации, которую нам предлагают разыграть люди Чура...

— Как я понимаю...

Капитан взмахнул сжатыми в руке листками распечатки:

— Но они предлагают вам... нам совершенно нереалистический план действий... Они хотят заставить эвакуироваться в какие-то заброшенные колодцы двадцать с чем-то тысяч вооруженных бандитов! Да с какой радости те их послушаются?!

— У них для этого будут весьма веские основания, хоо Манцев... Мне не хочется произносить ничего обидного для вас, но таким основанием для людей обычно является страх... Самое обыкновенное чувство опасности... И с этой точки зрения...

— Я понял вас. — Манцев бросил распечатки на стол и принялся нервно разглаживать их тяжелой ладонью. — Как я вижу, — он грозно воззрился на коллегу, — от «Цунами» как раз того и ждут, чтобы мы этот страх нагнали на противника... Капитан, вы действительно думаете, что это такое безопасное занятие — нагонять страх на вооруженного противника?

— По крайней мере... — Хоо Тоох весь поджался от необходимости быть резким со своим партнером. Очень плачевной с точки зрения корри необходимости... Землянину этого было не понять. — По крайней мере такой риск — нечто совершенно иное, чем безнаказанное уничтожение огромного числа...

Тут уже второй капитан возмущенно цыкнул зубом.

«Огромное число»!... — зло подумал он. — Да ты бы посмотрел отчет о какой-нибудь средненькой карательной экспедиции внутренних войск Харура против мятежников...»

— Наша операция вовсе не подразумевает безнаказанность, — сказал он вслух. — Даже в исходном варианте содержится определенная доля риска... Мощная, хорошо защищенная база на поверхности планеты — это вовсе не шутки... И вы это знаете не хуже, чем я... А теперь все будет и вовсе не просто.

Он прихлопнул распечатки так, словно хотел раздавить какое-то затесавшееся между листками зловредное насекомое.

— И вот что еще. Я как могу стараюсь понять ваш гуманизм и ваше неприятие самой идеи уничтожения разумных существ. Но ведь и от вас требуется некоторое понимание нашей — человеческой — психологии. Я уверен, что вы не хуже меня представляете, что каждый из тех тысяч в инкубаторе выведенных людей представляет опасность похуже, чем заряд любого коллапс-орудия «Цунами». Да, они наделены всеми признаками человеческих существ, но та внутренняя логика, которую заложили в них их создатели... Мы даже не можем представить себе, что за сюрпризы они для нас приготовили... И не только для нас. Собственно говоря, мы с вами брошены на передний край борьбы за общие интересы всего Населенного Космоса...

Манцев почувствовал себя неумелым артистом, по мере своих сил старающимся вытянуть переполненную дешевым пафосом сцену на подмостках провинциального театра.

Хоо Тоох задумчиво, почти по-человечески, наклонил голову и посмотрел в глаза второму капитану.

— Должно быть, вы, люди — простите, что я позволяю себе такую догадку, — очень хорошо скрываете свои беды и несчастья. И особенно — их причины. Это, конечно, ваше право. Более того, такого рода скрытность считается у нас признаком высоких достоинств особи, которая ее проявляет... Но, к сожалению, эта ваша особенность мешает таким представителям иных цивилизаций понять истинные мотивы ваших действий. Вы говорите, что каждый из этих тысяч странных — действительно странных — существ страшно опасен для Тридцати Трех Миров. Вы говорите, что даже для иных цивилизаций они не безопасны... Но — простите мне мою неосведомленность — я хотел бы все-таки как-то яснее представить себе характер той угрозы, которая исходит от них, от этих людей с нечеловеческой, как вы утверждаете, сутью...

Второй капитан понимал, что, раз уж разговор пошел в таком, на редкость неподходящем, ключе, вопроса этого ему обойти не удастся. И дать на него ответ будет крайне затруднительно. Конечно, ему, капитану огромного, вооруженного космического судна, было бы достаточно стыдно, если бы он и в самом деле не знал причины, по которой его толкают на геноцид, да-да — вещи стоит называть своими именами... Но дело обстояло куда хуже.

Капитан кое-что знал. Особенно после почти ежевечерних, достаточно откровенных и в то же время двусмысленных бесед с весьма осведомленным в тайных делах Сергеем Дмитриевичем. Знал Манцев теперь, конечно, не так уж много, но вполне достаточно, чтобы считать оправданным тот страх, который двигал теми, кто стоял за сутуловатой спиной чрезвычайного комиссара. Но знание это было совершенно не предназначено для ушей представителя Дружественной Цивилизации. В отличие от своих художественных образов, которые столетиями лепили в сознании человечества поколения сочинителей сайенс-фикшн, чужие вовсе не тяготели к дешевым драматическим эффектам. Они не пугали народ пиротехническими эффектами. Не пытали в мрачных подземельях длинноногих блондинок. Не вещали загробными голосами о своих злодейских замыслах. Отнюдь.

Они нанимали продажных людишек — тут и там — в затхлых Мирах-отстойниках, где человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша, и никто не задумывался над тем, какому богу надо молиться — лишь бы у этого бога не переводились денежки. И уж меньше всего там боялись сделок с Нелюдью. Правда, выходцы из Порталов вместо наличных чаще всего предлагали разную экзотику, но такую, которую можно было сбить за солидные деньги. Из нанятых половина, конечно, умудрялась смыться, прихватив аванс, но зато вторая половина

отрабатывала потраченное с удвоенной энергией. Они скупали других людишек — калибром покрупнее. Уже таких, которые были вхожи в связанные с Метрополией предприятия. Скупали ценные бумаги. Скупали компромат.

А с таким товаром уже можно было найти агентов влияния и в кругах, близких к Директорату, в самой Метрополии и в ее «хитрых», скрытых от мира простых смертных, заведениях.

Почти все проявления Нелюди были связаны с крупными провалами масштабных затей господ из Спецакадемий и Комплексов. А они — и господа эти, и их затей, а особенно провалы этих затей — не терпели посторонних глаз. А потому кэпу Манцеву оставалось лишь тяжелым вздохом парировать вопрос первого капитана.

Тот не стал настаивать на другом ответе.

* * *

Створки дверей со скрежетом сомкнулись, громко клацнули замки, и наступила тишина. Ким и Гильде некоторое время оглядывались, пытаясь в тусклом свете забранных частой решеткой ламп оценить свое новое пристанище.

Ни Ган, ни Фор не проявили ни малейшего интереса к окружающей обстановке. Оба молча отошли в угол и, усевшись, скрестив ноги, на пол, принялись играть в какую-то странную игру, напоминающую игру в кости, но только вместо кубиков с точками числа очков они раскинули перед собой набор каких-то непонятных безделушек, которые вытащили из карманов своих курток. И Мечи — их узкие, легкие Мечи — тоже зачем-то нужны были в этой игре. Мальчишки то бросали их, не вынимая из ножен, перед собой, то клали под углом друг к другу, то снова забирали каждый к себе. Временами они тихо обменивались короткими фразами — то гортанными, то звонкими. Псы безмолвно улеглись рядом с ними и, казалось, тоже приняли участие в игре.

— И нам, что ли, в шахматы сразиться? — скорее пошутил, нежели всерьез предложил Ким, подкидывая на ладони свой карманный комп. — Или лучше поискать какой-нибудь лаз отсюда?

— Теперь от нас ничего не зависит, — холодно отозвался Клаус. — Советую вам просто выспаться. Надеюсь, на расстрел здесь выводят на рассвете и ночь дадут провести спокойно...

* * *

Ким все-таки с упорством и прилежанием бойскаута обошел карцер по периметру, выверяя каждый миллиметр стальных стен на наличие хоть малейшего зазора или просвета. Особое внимание уделил вентиляционной решетке. Ничего, что внушало бы хоть малейшую надежду на возможность побега, он не обнаружил. В вентиляционный лаз, даже преодолев прочно приваренную решетку, могла пролезть только долго постившаяся кошка. Все швы и соединения стальных листов стен были проварены на совесть. «Удобства» были также выполнены из стали и намертво соединены с полом и стенами. Никаких звуков снаружи, кроме равномерного гудения невидимых генераторов, слышно не было.

Оставалось только умыться ледяной водой — благо ее в кране было в избытке — и последовать совету Гильде.

Усталость и досада сделали свое дело быстро: мир, состоящий из украшенных потеками ржавчины плит некрашеного металла, быстро поплыл перед глазами Кима и вялая путаница мыслей — верный знак надвигающегося крепкого сна — заполнила сознание. А потом он заметил, что уже не лежит на жестких нарах, а бредет по странному, залитому светом разных лун, лесу. Зимнему, сотканному из голых черных ветвей и стволов, лесу. И кто-то, сильно похожий на тень, идет с ним рядом. Кто-то, на кого нельзя было оборачиваться.

— Что тебе надо? — спросил Ким своего невидимого спутника. — Что тебе от меня надо?

— Да ты же сам знаешь, — прошелестело сзади. — Ты же пришел сюда, чтобы встретиться с одним человеком. Он тебе расскажет то, что хотел узнать... Разве ты этого не понял?

Мертвые, ослепительно яркие луны — мал мала меньше — заливали своим неживым светом промерзший лес. Но от этого тьма вокруг только сгущалась. И в этой тьме впереди себя Ким увидел почти скрытый между черными стволами костер.

— Иди туда, — тихо приказал голос за спиной, и то ли чья-то легкая рука, то ли просто порыв ветра подтолкнули его в спину.

Ким зашагал на трепетный, теплый свет пламени, и чем ближе оно было, тем все более и более знакомым казался человек, сидящий у костра спиной к нему. На человеке этом был нахлобучен странного вида капюшон. Темнота скрадывала детали его фигуры. Точнее, сознание Кима упорно не желало сосредоточиться на этих деталях — так часто бывает во сне.

Тем не менее он знал его — этого человека. И хорошо знал. Только не мог вспомнить — когда и где видел.

А тот потихоньку ворошил уголья костра корявой веткой и не обращал ни малейшего внимания на шаги подходящего сзади Кима. Да Ким и сам не слышал своих шагов.

Он остановился совсем близко за спиной человека у костра и словно окаменел. Сейчас — вот уже через секунду — ему предстояло нечто... Встреча с каким-то знанием. Со знанием, которого он жаждал и которого боялся.

Но даже напрягая свою память и чувства, он не мог вспомнить, какие слова, какой вопрос принес он сюда, к этому костру во мраке. Так бывает, когда вдруг, войдя в пустую комнату, ты никак не можешь сообразить, зачем пришел в нее. И так бывает, когда в походе, потянувшись за фляжкой с водой и уже представляя вкус прохладной влаги на губах, ты вдруг обнаруживаешь, что фляга странно легка и пуста...

Он все-таки протянул руку и дотронулся до плеча человека, который все не спешил повернуться к нему. Но теперь наконец тот обратил внимание на Кима. Сделал ему знак садиться рядом. Подождал, пока Ким устроится на неудобном бревне, и только тогда повернул к нему свое лицо.

Да нет... Это было лицо самого Кима. Такого, каким он станет, наверное, через много лет. Очень нескоро.

Он сам смотрел на себя сквозь бездну времени. И странные боль и тревога были в этом взгляде.

— Теперь ты вспомнил? — спросил тот, другой, Ким. — Ты вспомнил, о чем хотел спросить меня?

Ким — тот Ким, что пришел к костру из темного леса, — молча покачал головой. В глазах его собеседника к тревоге и боли добавились жалость и досада.

— А ведь это так просто... Ведь о чем бы ты ни спросил меня, это всегда будет один и тот же вопрос. Люди вообще хотят знать тайны. Тайны бывают разными. Но там, в глубине души, каждый всегда задает себе только один вопрос. Только один. Человек жаждет знать. Раскрывать тайны. Но никогда не знает, спасет его полученное знание или погубит...

Ким прикрыл глаза и кивнул самому себе.

— Теперь я вспомнил.

Пронзительный холод вошел в него. Холод, страх и тоска. Только во сне простые, совсем нестрашные слова могут открыть душу для холода, тоски и страха.

— Я пришел, чтобы спросить: «чем сделает меня Тайна?»

— Теперь ты это знаешь, — ответил ему человек у костра.

Ким проснулся, словно вынырнув из тяжелых вод медленной реки. Медленной, бескрайней, затягивающей в свою ленивую глубину.

Трудно было сказать, сколько времени занял его сон. Желтоватый свет подслеповатых ламп все так же высвечивал ржавые потеки на стальных стенах. Все так же тихо перебрасывались незнакомыми словами и позвякивали причудливыми железками двое странных мальчишек в углу. И по-прежнему молчал сгорбившийся на своих нарах Клаус.

«Господи... — подумал Ким. — Что за странность снится мне на этой планете? Ведь это не я хотел спросить, чем сделает меня тайна? Это Клаусу надо было знать. Раньше надо было, а теперь — уже нет... Так чего же я испугался? Это Гильде его Тайна превратила во что-то иное. Почему же я испугался за себя? И почему я так хочу узнать ее — Тайну Клауса Гильде?»

— Сюда идут, — глухо бросил Клаус.

Он даже не повернул голову в сторону Кима. Как он догадался, что его собеседник уже не спит, Ким так и не понял.

* * *

«Цунами» вышел на баллистическую траекторию беспрепятственно. Казалось, атакуемый неприятель и в мыслях не имеет оказывать хоть какое-то сопротивление. Но так только казалось: через долю секунды после того, как умолк маршевый двигатель, в небе над Поселением разверзся ад.

Удар сразу дюжиной зарядов антиплазмы нанесли притаившиеся среди «космического мусора», болтающегося по орбитам вокруг Чура, «шершни». Не будь включено отклоняющее поле бортовой системы защиты, крейсер врезался бы в поверхность планеты облаком обломков и раскаленного газа.

Но такого подарка незримый противник, разумеется, не получил. Над полюсом планеты просто рассыпался удивительной красоты космический фейерверк. Море слепящего света прорвало пелену голографического миража и на мгновение превратило обернувшиеся к небу тысячи лиц в ослепительно сияющие маски, полные разных оттенков безумного страха.

Теперь никого ни в чем не надо было убеждать.

Скрежет разорвал тишину карцера. Ким молниеносно соскочил с нар и напряженно уставился на стальные плиты дверей. Поднялись на ноги — легко, как взлетают спугнутые птицы, — и мальчишки с Чура. Поднялись, словно материализуясь из полумрака, и оба Пса. Только Гильде и не подумал менять позу и продолжал исподлобья коситься на двери, сотрясаемые чьими-то потугами отворить их.

— Э-эй! — раздался еле различимый сквозь вентиляционные щели крик. — Это мы! Вы слышите нас?

— Это Валька! — воскликнул Ган. — Он почему-то не может открыть замок.

Он шагнул к дверям. Положил руки на створки — на прямоугольник замка. Нахмурился, кивнул Фору: дескать помощи! Тот быстро подошел к товарищу и, что-то торопливо проговорив на непонятном Киму наречии, тоже приложил руки к замку и начал проделывать над ним какие-то странные пассы.

Это продолжалось недолго — секунд пятнадцать — двадцать. Затем, еле слышно щелкнув, замок разомкнул стальные створки, и они, скрежеща и гроыхая, разошлись в стороны. В слабо освещенном проеме, открывшемся перед обитателями карцера, стоял слегка растерянный Валька.

— Ключи... — выпалил он. — Эти... куда-то их дели — тут такая заварушка была... Должно быть, сгорели... С Арно вместе, в броневице...

Его блуждающий взгляд остановился на открытых дверях.

— Как это? Как это вы сумели? — удивленно спросил он, с недоверием оглядывая отпертые замки — массивные и сочащиеся смазкой. — Получается, что вы могли отсюда уйти? Сами, когда захотели бы?

Из-за его спины в полуосвещенное пространство одна за другой стали выдвигаться фигуры взрослых. Один, второй... Их было много в тесном коридоре. Руди и Свена Ким знал. Только на Свене уже была куртка Третьей Касты. Псы настороженно зарычали — тихим, утробным, но довольно жутким рыком.

Ган пожал плечами — чуть презрительно:

— Такие вещи у нас умеет каждый. Ведь в замке — электроника. А на чипы всегда можно навести магию. Вот амбарный замок — механический — его одолеть потруднее было бы...

— А уходить мы не собирались, — вступил в разговор Фор. — Ведь у нас уговор...

— Вот что, ребята... — хрипловатым голосом прервал его рослый, рыжеватый парень, стоявший позади Вальки. — И вы, господа... У нас тут... Ну, словом, что-то вроде революции вышло. Кое-кого повязали, кое-кого шлепнули. Потом посоветовались... А куда совет держали, так с гор вот ваши, — он кивнул на мальчишек с мечами, — подвалили. Дюжины две человек. Ну и, в общем, мы решили уходить. Эвакуироваться. В эти колодцы ваши... Пока мир между нами. А там видно будет. Сейчас спешить надо — вот-вот крейсер атаку начнет... Айда все на площадь — там колонны формируют.

Колонн было шесть — по числу колодцев, к которым люди Чура взялись уводить беженцев Поселения. Они строились головами к центру площади. Хвосты колонн уходили в боковые улицы. Ким оценил значение дисциплины, впитанной здешним народом с молоком матери. Огромные массы народу — чуть ли не по три тысячи человек в каждой из колонн — умудрились собраться и построиться походным строем в фантастически короткий срок. Этим людям, видно, было плевать на скарб. Нагружены они были только не слишком объемистыми рюкзаками да малыми детьми — тоже в рюкзаки посаженными. Дети лет пяти-шести уже готовы были идти самостоятельно — особыми группами в центре каждой из колонн. Ни ора, ни плача не стояло над Поселением. Только слышались короткие выкрики снующих вдоль уходящих в боковые улицы серых шеренг командиров. Судя по тому, что нигде не было видно черной формы, начальство теперь было составлено из новых «кадров». Их отличали только пестрые повязки на рукавах. В центре площади — в голове каждой колонны — напряженно застыли по двое высокие и легкие люди Чура. За ними внимательно следили притаившиеся поодаль Псы. Откуда-то из-за ближайших барачных доносилось натужное пение движков грузовых глайдеров.

Сначала агент не сразу понял, что еще изменилось в городе по сравнению со вчерашним днем. Ах да — небо... Белесая рябь голографической маскировки исчезла с него. Оно было уже просто арктическим небом Чура — бесстрастным, белесым и злым небом.

На Кима и его спутников практически никто не обращал ни малейшего внимания. Чествование спасителей явно не стояло еще на повестке дня.

— Кто тут главный теперь? Самый главный? — резко спросил Ким у Свена. — Мне нужно с ним поговорить. Дело срочное.

— Вон тот, — кивнул Свен на троих ничем с виду не примечательных поселенцев, стоявших у порога Ратуши. — Теперь, когда Арно погиб, — он. Тот, что ростом пониже. Звать Марсель. Он у нас — командующий эвакуацией.

Ким решительно направился к тройке командиров. Следом за ним поспешил Гильде.

— Господин Марсель!... — еще издали окликнул Ким командующего.

Тот обернулся и с явным интересом глянул на Кима. Бросил несколько слов тем двоим, с которыми только что говорил, и пошел навстречу агенту. Они узнали друг друга. Невысокий носатый брюнет был тем оратором, которого повязала охрана в самом начале вчерашнего митинга.

«Да... Пертурбации у них за ночь приключились еще те», — подумал Ким, протягивая руку «старому знакомому».

— Ерунда такая... — извиняющимся тоном произнес Марсель. — Чуть о вас не позабыли к чертям собачьим во всей этой суеде. Хорошо, что мальчишка не дал вас тут бросить взаперти — всех достал... Сейчас мы вас пристроим к колонне. А, нет! — лучше пойдете на глайдере — с ранеными...

«Так, за ночь у них и раненые образовались... — прикинул Ким, — Ну и наделали мы тут событий своим появлением...»

— На глайдеры вы лучше дополнительно с полдюжины детишек посадите — вместо нас, взрослых мужиков, — возразил он. — А я лично намерен здесь подождать до конца эвакуации. Пока на крейсере будут знать, что я здесь, они не откроют огонь.

— То же и обо мне... — добавил молчавший до сих пор Гильде. — Мы, видите ли, довольно ценные для них персоны...

Он обменялся с агентом коротким, понимающим, но не слишком приятным

взглядом.

— Мне... — продолжил Ким и запнулся. — Нам... нам нужна связь с «Цунами». И возможность убраться отсюда вовремя и живыми.

Марсель молчал, разглядывая агента в упор. перевел взгляд на Гильде. Потом снова повернулся к Киму.

— В ратуше — узел связи. Экран с Поселения снят. Я сейчас дам команду связистам — вам покажут, что и как. Только «Цунами» не отвечает на наши вызовы. Все время транслируют один и тот же текст.

— У меня есть кодовый канал, — косо поглядев на Гильде, коротко бросил Ким. — По нему мне ответят.

— Ладно, связь в вашем распоряжении, — определил Марсель. — И командирский глайдер я вам оставляю — он двухместный. Мне ни к чему. Я, как говорится, пойду с народом, пешком. Есть такая вещь — популизм называется. Ладно. Давайте торопитесь. Все может случиться.

* * *

— Господи! — орал в микрофон полковник Йонг.

Голос его заставлял звякать никелированную решеточку динамика. Ким, назло себе, решил не переключать связь с «Цунами» на наушники. Пусть Клаус слышит все, что хочет услышать. Агенту надоело быть на подозрении. Виновный в двойной игре — это во много раз лучше, чем подозреваемый.

— Господи! Вы требуете от меня невозможного, агент! Поймите вы там, что не я, не я команду крейсером! Они уже хотят начинать, мы думали, что вы все ушли на «Саратоге» из зоны обстрела. А вы, оказывается, все еще торчите там — в самом эпицентре!

Он уставился на сидевшего напротив Горского, словно именно тот был повинен в имеющей место неслыханной накладке. Комиссар только пожал плечами и отхлебнул кофе из стоявшей перед ним чашечки.

Внизу, в нескольких тысячах километров от них, агент на контракте устало откинулся на спинку кресла главного связиста.

«"Саратога" ушла из зоны обстрела... — подумал он. — Никто, кроме Кукана, ее увести не мог. Куда же, черт возьми, проклятый жулик угнал корабль?»

— Торчу, — согласился он с полковником. — И Гильде торчит здесь же. Нам, хотите вы этого или нет, потребуется несколько часов, чтобы выбраться отсюда.

— Капитан мечет громы и молнии. Три... Нет, два часа я смогу для вас выторговать. Убирайтесь оттуда так быстро, как только можно!

— Шесть, — жестко отрезал Ким. — Нам потребуется не менее шести часов. Вы не представляете здешнюю ситуацию.

— Вас что, там в заложниках держат?! — раздраженно спросил Йонг.

И, не дожидаясь ответа, торопливо назвал свою «цену».

— Четыре часа! Запомните: четыре часа, не больше!

— Пять...

— Это невозможно! Ладно. Пять... Где искать вас? Вот что, идите к «Саратоге»... По радиомаяку.

— Она все еще на поверхности? — не без удивления осведомился Ким.

— Да!!! В двадцати с небольшим километрах от вас. На север к горам. Идите по радиомаяку, повторяю вам это! Волна тридцать пять-сорок. Вы смыслите в таких вещах?

Ким смыслил. Совершенно случайно. Скосив глаза на Клауса, он с легким удивлением отметил, что тот вроде бы полностью доволен предложенным вариантом развития событий.

— Вас понял, — бросил он в микрофон. — Займитесь капитаном. С «Саратоги» свяжусь с вами. Конец связи.

Ким помолчал, растирая лицо руками. Покосился на Клауса.

— Совершенно напрасно вы морочили мне голову тогда — на борту, — без особого упрека в голосе произнес тот. — Я сразу понял, с кем это вы заключили ваш второй контракт. Я не расцениваю это как предательство. Вы ведь еще не выдали моей тайны своим... нанимателям. Потому, что все еще не знаете ее. И неизвестно, захотите ли выдавать, когда узнаете. Поверьте, все закончится совсем не так, как вы думаете. И, возможно, вовсе не так, как думаю я.

— А вы считаете, что я доберусь до нее, до вашей тайны? — не без удивления в голосе поинтересовался Ким.

— Я подумал, что пришла пора вам ее узнать... — Голос Гильде был холоден и сух. Как снега Чура. — Причина этого проста, агент. Мне нужен соучастник.

* * *

Некоторое время они молча смотрели в широкое окно. Из расположенного на верхнем этаже ратуши узла связи открывался вид почти на все Поселение — унылый коричневый лабиринт барачков, причудливым чертежом легший на белые просторы окружающей равнины. А прямо внизу, словно под ногами, лежала главная площадь.

Там, разворачиваясь и проходя мимо друг друга встречным курсом, уходили с площади шесть колонн. Затихали вдали маршевые двигатели нагруженных под завязку тяжелых глайдеров.

Теперь Ким заметил, что прошедшая ночь была здесь далеко не мирной. Несколько зданий — ближе к центру — еще догорали, и ветер уносил вдаль коптящие дымы. На стенах окружающих площадь домов темнели следы от пришедшихся в них разрядов бластеров. Кое-где из окон все еще торчали стволы пулеметов.

— Агент! — окликнул Кима от двери такой знакомый голос. — Надо поговорить, агент!

Ким крутанул свое вертящееся кресло, и его встретили сразу три пары мальчишеских глаз. И две пары пронзительных глаз Псов. Вся компания сгрудилась на пороге. Ган и Фор, как всегда, смотрелись отрешенными и сосредоточенными одновременно. Что-то с ними было не так. Валька был откровенно встревожен и подавлен.

— Ну что же... — Ким попытался пошутить. — Поговорим как агент с агентом... Чт ты застрял на пороге?

Но Валька не был намерен шутить и понимать шутки.

— Я не агент больше! — возразил он настолько сурово, насколько суров может быть четырнадцатилетний подросток. — Я — свободный человек! — Он сглотнул слюну. — Выйди с нами, Ким. Нам надо поговорить.

Ким обернулся на Клауса. Тот усмехнулся и поднялся на ноги.

— Лучше я выйду. И проверю, как там глайдер. Нам уже пора убираться, и нехорошо будет, если нас в суматохе оставят без транспорта... Я подгоню его вон туда — к той штуке вроде антенны, что напротив ратуши.

— Это монумент ушедшим, — мрачно уточнил Валька.

— Извини, не знал, — пожал плечами Гильде.

Он обошел посторонившихся мальчишек, с уважением глянул на обоих Псов, и его чуть сутуловатая спина исчезла в проеме двери. Простучали шаги по лестнице, и глухо хлопнула входная дверь. Ким поднялся из кресла и подошел к мальчишкам, которых словно какая-то неведомая сила продолжала удерживать у дверей.

— Возьми — это твой. — Валька протянул Киму его мобильник. — Мы по нему разговаривали с Кэном. Ты должен знать кое-что...

— Вы не отстанете от всех? Колонны уже пошли...

— Их нетрудно догнать. Мы успеем уйти. А ты... Почему ты не уходишь с нами? Так было бы лучше...

— Так надо, Валя. Я должен вернуться на «Саратогу».

— Так ты — на «Саратогу»?!

В глазах Вальки тревога сменилась откровенным страхом.

— Не ходи туда... Там — смерть!

— Не волнуйся и говори спокойно. — Ким положил ему руку на плечо. — Говори спокойно. Как тебя учили.

Валька набрал в легкие воздух, облизнул мгновенно пересохшие губы.

— Кэн посадил корабль отсюда к северу. Там есть ориентир: на поверхность из снега выходят такие вышки. С проводами. Там дальше за хребтами раньше была Полярная АЭС. И от нее линия электропередачи, много таких вышек. Но их все давным-давно повалило и занесло. А там — типа перевал и мало снега. И вышки торчат... «Саратога» — в долине. В километре или двух от того места... Но только... Там — Нелюдь.

— Ты сам говорил, что Нелюдь приходит только ночью.

Валька пожал плечами:

— Они и пришли, когда стемнело. И, похоже, Кэна вконец достали. Но его отбили. Кто-то из их людей... — Валька кивнул на Фора и Гана.

— Только вот что... Он, Кэн, там поставил ловушку. Он заминировал корабль. Чтобы он не достался этим... Похоже, что он сильно их невзлюбил...

— Логично...

Ким почесал в затылке. Честно говоря, особой логики он во всем этом не видел. Но он был в чужом мире, где все было гораздо более определенно и более жестко, чем в том мире, из которого он пришел.

— Это не просто логично, — подал голос Ган. — Это — обязательно. Люди Чура всегда минируют технику, которая остается на поверхности. Незачем вооружать Нелюдь. Это... Это мы посоветовали так сделать, если ему придется покинуть корабль. Я и Фор...

— Заминировал... Только вот чем, черт возьми? — остоленело спросил Ким. — Там же нет никакой взрывчатки...

— Он что-то сделал с реактором. Точнее, с управляющим компьютером. Если кто-то попробует поднять «Саратогу» в Космос, то через минуту... Через несколько минут... Реактор рванет. Будьте осторожны. Кэн оставил там инструкцию. Как вернуть на место нормальную программу. В таком вот файле...

Валька торопливо вытащил из нагрудного кармана смятую бумажку и сунул ее Киму.

— Вот... Это — просто его имя. Только наоборот написанное... Задом наперед...

— Спасибо...

Ким постарался успокоить его улыбкой.

— Я постараюсь не взорваться. Я вообще не буду запускать двигатель. Я этого просто не умею.

— Постарайся. Мне будет тебя не хватать. Хотя, наверное, мы больше и не встретимся... — как-то слишком уж по-взрослому сказал Валька. И шмыгнул носом. — И вот еще... Я тебя прошу... О двух вещах.

— Я тебя слушаю...

— Если... Если ты встретишь где-то Кэна... Не выдавай его... Он... В общем, он не такой плохой...

— Ладно. Я его не узнаю... Сойдет так?

— Сойдет. И теперь — еще...

Валька оглянулся, словно чего-то опасаясь.

— Ты ничего не говори этому... Который с тобой.

— Клаусу?

— Да. Ни про «Саратогу», ничего вообще...

— Ты... Ты что-нибудь о нем знаешь?

— Нет... Но, по-моему, он из этих... Он — Нелюдь...

— Да, — сказал Фор, и Ган кивнул в знак согласия с другом. — Мы тоже так думаем. В нем что-то... Что-то не так...

Ким снова улыбнулся. Как можно спокойнее:

— Я буду осторожен... — Он помолчал несколько секунд. — Ну что же... Счастливо добраться вам, ребята...

Он протянул сразу обе руки, и они попрощались. Сантиментов не было. Ган и Фор зашуршали легкими шагами по лестнице. Валька задержался на пороге:

— Они... Ты не обижайся, что они оба такие сейчас... Они переживают. Думают, что они виноваты...

— Виноваты? В чем?

— Анна... Девушка, которая сопровождала их. Я напрасно сразу им сказал, что она погибла.

Ким молча смотрел на Вальку. Потом с трудом выговорил:

— Откуда... Как это случилось?

Лицо Вальки потемнело.

— Это Кэн сообщил. Он выходил на связь с «Цунами». Пиратов... Нелюдь всю перебили, но они успели затопить тамбуры жидким воздухом... Или азотом... Не помню... Я думал — ты знаешь... Прости.

— Ничего...

Ким поднял руку в прощальном жесте. Валька нехотя, словно преодолевая какое-то сопротивление, ответил ему. Резко, рывком повернулся и загрохотал вниз по лестнице.

Привычная трель сигнала вызова словно разбудила Кима. Хотя он вовсе не спал. Просто, стоя у окна, старался не думать ни о чем, глядя на опустевшую площадь. Он поднес трубку блока связи к уху и нажал клавишу включения канала.

— Что там с вами, агент? — окликнул его голос Клауса. — Я жду вас уже второй час. Нам пора трогаться.

— Иду, — отозвался Ким и помахал рукой — он хорошо видел глайдер, приткнувшийся напротив Ратуши, и из глайдера было хорошо видно его самого. Потом резко повернулся и, не оборачиваясь, вышел из набитой электроникой комнаты.

Ледяной ветер кольнул лицо Кима редкими иглами снежной крупы. Кругом было пусто. Колонны беженцев успели отойти от Поселения, пожалуй, уже на пару-другую километров. Покидая навек родные места, кто-то из беженцев успел отключить макроклиматизаторы, и начинающаяся пурга уже забирала власть над улицами и площадью. Ким окинул почти невидящим взором все эти унылые дома и стены.

Гильде ожидал его, сгорбившись за рулем глайдера. К Киму он повернулся, словно впервые увидел за много лет.

— Что там наговорили эти ребята? — спросил он с видимым безразличием. — У вас очень потерянный вид, агент.

— Не обращайте внимания, Клаус. Просто много событий за эти дни.

Ким опустился на сиденье, чувствуя себя мешком, набитым никому не нужным хламом. Мотнул головой в сторону панели управления:

— На этом драндулете есть радионавигация?

— Есть, — кивнул Гильде, включая двигатель и трогая глайдер с места. — И неплохая. Я уже поймал сигнал. Волна тридцать пять-сорок, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

Киму было трудно говорить. Он молча уставился в окно, за которым все быстрее и быстрее проносились одинаковые блоки барачков и рифленый металл заборов, ограждавших склады и какие-то производства. В одном месте у такого забора снег начинал заносить что-то, что Ким сначала принял за странного вида кучи тряпья и только потом понял, что то были трупы охранников — пять или шесть. Почти сразу мимо них промелькнуло еще одно — точно такое же место поспешного расстрела «бывших». Еще и еще одно.

— Веселая у них была ночка, — пробормотал Гильде, для которого эти детали пейзажа тоже не остались незамеченными. — Разборки, видно, были еще те...

Ким молчал.

«Спасение... — подумалось ему. — Да, мы принесли в этот Мир спасение. Но и вражду и смерть — тоже...»

* * *

Поселение скрылось за горизонтом, и пейзаж стал гол и предельно скуден — только едва различимая в начинающейся пурге громада Седых хребтов над горизонтом и бесконечная, стремительно несущаяся назад под днищем глайдера заснеженная равнина. Казалось, время застыло и ничто не может измениться вокруг. Слишком медленно уходили вдаль, растворялись в белесом пространстве холодных небес далекие горы, и слишком неизменным, застывшим в своей геометрической прямизне был горизонт, к которому

упрямо стремился глайдер.

Они не спешили начать разговор — Ким и Клаус. Оба словно зачарованные смотрели на охватившую их со всех сторон снежную бесконечность — такую неподвижную и стремительную одновременно. Они и словом еще не успели переброситься, когда все пространство вокруг залил угрюмый, багровый свет.

Огненный сполох встал позади них. Заслонил Седые хребты. Налился ослепительным белым накалом. И исчез. Ударная волна и тяжелый, стонущий гром нагнали их позже. Глайдер повело, развернуло боком, но обошлось — Клаус выправил машину, и она продолжила свое стремительное скольжение вдаль.

— Ударили антипротонами, — констатировал Гильде. — Теперь там — небольшое озеро лавы... Мы вовремя убрались оттуда, агент.

— И люди достаточно далеко отошли уже... Надеюсь... — отозвался Ким.

Впереди стали заметны торчащие из снега скелеты древних вышек линии электропередачи — большей частью поваленных.

— Это где-то здесь... — пробормотал Ким, вглядываясь в даль.

И действительно — гигантская башня «Саратоги» вынырнула из-за горизонта и стала медленно увеличиваться в размерах по мере приближения к ней.

Не доехав совсем немного до места посадки, Клаус молча заглушил движок, отворил дверцу глайдера и спрыгнул на твердую корку наста. Кивнул Киму. Тот спрыгнул следом за ним. Он не стал задумываться над тем, почему его собеседник решил беседовать с ним не в относительно теплой кабине глайдера, а на ледяном ветру Чура. Может, боялся того, что кабина оборудована «жучками». Да нет, скорее, просто такое было у него настроение...

— Ну вот, кажется, мы наконец остались вдвоем... — глухо, не оборачиваясь к Киму, бросил Клаус.

Гильде присел на обломок поваленной башни электропередачи. Ким сел рядом с ним и накинул капюшон ветровки. Несильный ветер волочил над долиной редкую и очень колкую снежную крупу. Она еле заметной завесой простерлась до далеких отрогов, сделав невидимыми Седые хребты. И даже в километре — не далее — возвышавшаяся громада «Саратоги» казалась в этой реденькой метели всего лишь декорацией, небрежно намалеванным задником, на фоне которого вели свой диалог два героя странной пьесы, которая разыгрывалась в заснеженной пустыне, без единого зрителя окрест.

Клаус скинул рукавицу с правой руки. Потом, похлопав себя по карманам, вытащил сигарету, отрешенно глядя в заснеженную пустоту перед собой, воткнул ее себе в губы и, повернувшись спиной к ветру, довольно долго раскуривал. Закашлялся и наконец заговорил — все так же глухо и отрывисто...

— Наверное, это последний наш с вами разговор, агент... Надо отдать вам должное, Яснов, вы в мое дело вцепились мертвой хваткой.

— Вы немного преувеличиваете мои способности, — стараясь поглубже натянуть капюшон, вяло возразил Ким.

Усталость навалилась на него. Усталость, безразличие и колышущаяся где-то на границе сознания теплая трясина сна...

— Да нет... Вы заслужили того, чтобы узнать истину. По крайней мере то, что мне представляется истиной теперь — почти в конце пути... Хотя бы для того, чтобы нам не пришлось расставаться врагами. Знаете, почему-то мне не хочется, чтобы у вас осталось обо мне превратное мнение... Жаль, что вы не курите...

С минуту они продолжали молчать, пряча лица от секущего ледяной крупой ветра.

— Послушайте, Клаус, — наконец прервал молчание Ким. — Ведь это вы угрожали Кобольда? Чем он мешал вам?

— Такие, как Кобольд, гораздо опаснее всем вам, чем мне... Только для того, чтобы это понять, вам придется выслушать меня до конца, агент.

Ким не ответил, терпеливо ожидая, когда собеседник сам дозреет до необходимости говорить. Раз уж такая мысль овладела им. И ожидание принесло свои плоды — Гильде заговорил. Все так же глухо, срываясь временами на короткий, стреляющий кашель, перебивая свою речь судорожными затяжками табачного дыма, закуривая одну сигарету от другой...

— Всего за несколько месяцев мне пришлось пройти очень долгий путь, агент. А такие вещи даром не проходят... Ладно, об этом потом. Вот главное: вы, наверное, задумывались о том, какая сила смела прочь из этого Мира Предтечей? Я особенно не интересовался этой

проблемой. Ровно до тех пор, пока Судьба не свела меня с доктором Хайлендером и его осами... А сейчас я могу считаться кем-то вроде эксперта по этой проблеме. Собственно, с этого моего интереса к проблеме исхода Предтечей из Вселенной и началось то, что со мной произошло. Превращение...

Даже смешно, чего только не насочиняли досужие людишки для того, чтобы объяснить простой факт, который состоит в том, что всего пару миллионов лет назад в Галактике, кажется, плюнуть было нельзя, чтобы не попасть в кого-нибудь из Предтечей, а сейчас их в ней днем с огнем не сыщешь. И специалисты так и не разгадали того, как они, Предтечи эти, выглядели и были ли одни единственные Предтечи, или их была тьма разных... Самые отчаянные считают, что они никуда и не делись, а только научились очень хорошо прятаться от неуклюжих землян с грохочущими звездолетами и орущими на весь Космос радиопередатчиками... Другие — похитрее — сочинили теорию о том, что Предтечи за эти миллионы лет превратились в какой-то из видов разумных существ, обретающихся в Галактике, а может — в несколько разных. Может — во всех сразу. Пессимисты считают, что Предтечей уничтожил какой-то вселенский катаклизм. Только вот какой — не знает никто. Реалисты списывают все на тотальную войну типа той, что разразилась тысячелетия назад между Древними Империями Джея. Или той, что чуть не угробила все живое на Чуре. Оптимисты же считают, что Предтечи просто плюнули на этот Мир и перебрались то ли в параллельную Вселенную, то ли в подпространство, то ли просто куда-нибудь подальше от этих мест... И в каждой из этих выдумок есть доля истины. Но — только доля. С какого-то момента я стал понимать эту Истину целиком.

— Это был результат вашего заплыва по Сети? — поинтересовался Ким.

— Да нет... Мой Демон всегда знал ее — эту Истину. Просто он выдавал мне ее по частям — по мере того как я учился тому языку, на котором она была сформулирована. А он — тому, на котором мы формулируем наши знания. В общем, мы двигались друг другу навстречу...

— И встретились в кабинете доктора Кобольда... — подсказал ему завершение фразы агент на контракте.

— Примерно так...

Клаус чуть поперхнулся табачным дымом, вытащил сигарету изо рта и некоторое время укоризненно смотрел на нее, потом вернул на место и затаился еще более судорожно, чем у него получалось до этого.

— Это — очень неприятная процедура — психозондирование... — сообщил он. — Но профессор провел ее как надо: в моей памяти не должно было сохраниться никаких воспоминаний о сеансе...

— Ну и?.. — Ким посмотрел на него с недоумением.

— Я — Клаус Гильде — и действительно не запомнил ничего из того, что подумал и сказал тогда. Запомнил другой. ТОТ, КОТОРЫЙ ВНУТРИ МЕНЯ.

— И он, этот Демон, потом рассказал вам то, что доку Кобольду удалось выковырять у вас из подсознания?

— Рассказал? — Гильде усмехнулся — криво и невесело. — Неподходящее слово, агент. Очень трудно найти название тому, что начало со мной происходить тогда... в кабинете Кобольда. И потом — на душной вечерней улице... В каком-то ночном кафе, где я, не ощущая даже вкуса того, что было в чашке, обмирал над пропастью, которая разверзлась у меня под ногами... Пропастью предстоящей мне судьбы... Наверное, если бы я оставался

тем Клаусом Гильде, который хотел знать, что происходит с ним, но был еще бесконечно далек от этого знания, я проклял бы тех, кто эту бездну мне открыл...

— Так, может, вы попросту мстили Кобольду? За то знание, которое он невольно дал вам?

Гильде бросил на Кима косой взгляд:

— Я думал, что вы все-таки умнее, агент... Я сказал, что тот, кем был я, проклял бы и Кобольда и Хайлендера...

Да в какой-то степени и вас, агент. За то, что вы подвигли меня на тот сеанс. Этим вы сильно ускорили события. Но я не сказал, что все это прокликает тот, кем я стал. Постарайтесь понять, что я сейчас — это нечто совершенно иное, чем Клаус Гильде, который вошел в ваш офис несколько недель назад. Я, скорее, нечто вроде самонаводящейся ракеты, которая не знает ничего иного, кроме стремления к цели. И довольно большую часть своей дистанции эта ракета уже прошла.

— Тогда уж давайте говорить без лишних... виражей в различные стороны. Я уж сам постараюсь понять, что там у вас вышло с Альфредом Иоганном...

Ким почувствовал, что ему долго не высидеть на этом проклятом ветру:

— Вы говорили о том, что смысл вашей... миссии как-то связан с исчезновением Предтечей...

— Именно. — Сигарета Гильде превратилась в короткий, обугленный пенек, и он швырнул его себе под ноги. Не глядя вытащил и все так же мучительно принялся раскуривать вторую. Наконец, затянулся и продолжил: — Вам ничего не говорят слова «парадокс Ферми»?

— В школьные годы писал на эту тему какой-то реферат, — усмехнулся Ким. — Великий физик древности удивлялся, что за сотни миллионов лет разумные существа, будь они даже одной уникальной цивилизацией в Галактике и двигайся их корабли в тысячу раз медленнее скорости света, не распространились по всей Галактике. Похоже, что Предтечи этот парадокс опровергли.

— Не совсем, агент, не совсем... Они его, скорее, подтвердили. Точнее, их судьба указывает на решение этого парадокса. Дело в том, что Судьба ни одной из разумных рас не дает этих сотен миллионов лет. Даже сотен тысяч. Разум — это штука самоуничтожающаяся.

— Вы все-таки про тотальную войну?

— Да нет! Поймите вы, что войны, эпидемии, техногенные катаклизмы — это все частности. Лишь проявления общего закона...

— Никогда о таком законе не слышал... — мрачновато улыбнулся Ким. — Это вы его открыли?

— Его открыли Предтечи. И подтвердили своей судьбой.

Гильде повернулся к Киму лицом:

— Постарайтесь понять — мне пришлось переварить в считанные дни такую гору информации, какую непросто проглотить за всю мою жизнь. Это Послание так изменило меня... Но я не могу — просто не имею времени — вываливать перед вами, агент, все те факты и доказательства и вытягивать все те логические цепочки, которые эти факты связывают... Поэтому вам придется принимать все то, что я скажу, на веру. Так вот, закон, о котором я вам говорю, прост. Интуитивно о нем догадывались многие. Собственно, все так называемые «герметические» знания связаны с ним.

Разум не может обходиться без знания — истинного или ложного — порой это

безразлично. Потому что только знания ведут к действию. А именно действие и есть смысл существования разума. Но в знании же коренится и его гибель. Потому что разум существует не в абстрактной пустоте. Он тогда только и реален, когда множествен. Он и рождается во взаимодействии и борьбе за существование множества своих воплощений — индивидов. И он не может не быть противоречивым. Не может вести войны сам с собой.

Дело в том, что до поры до времени эта война не смертельна. Гибнут индивиды, иногда — целые народы. Но не вся цивилизация — только слагающие ее кусочки мозаики... Разум все-таки достаточно хорошо защищен сам от себя. Залогом тому — миллионы лет эволюции. Но все это до поры до времени, как я сказал... Разум решает проблемы — одну за другой. Если проблемы нерешаемы, находит обходные пути. И добывается своего. Но за все приходится платить. Как правило, все более и более возрастающим риском.

Мы, люди, уже несколько раз тяжело расплачивались за очередные шаги по лестнице прогресса. За море дешевой энергии — радиоактивным загрязнением планеты и угрозой ядерных войн. За познание тайн жизни — перспективой биологических войн и непредвиденными мутациями биосферы. За проникновение в глубины мозга и психики — угрозой всеобщего зомбирования, манипуляциями над сознанием целых народов...

И чем дальше идем мы по этой дороге, тем опаснее становится путь. По мере того как человеку — каждому человеку в отдельности — все легче и легче становится манипулировать материей, энергией и информацией, цивилизация, состоящая из таких чересчур могущественных «кирпичиков», становится менее стабильной. Тем ближе она ко всеобщему взрыву...

Предтечи так же, как и мы, прошли через это. И пошли дальше. И дорога эта привела их к гибели. Исчезновению в каком-то вселенском коллапсе, ими же и вызванном. Трудно, наверное невозможно, сейчас понять, что это было. Мы просто еще не достигли того уровня знаний и технологии, когда это становится постижимо. И — даст бог — никогда не достигнем! Это — единственное, о чем они успели позаботиться.

Они успели осознать угрозу, нависшую над ними. Наверное, понимали ее неизбежность. И начали принимать меры для того, чтобы забросить туда — за порог собственной гибели — что-то свое. Свою суть, если можно так назвать это... Чтобы возродиться, пройдя небытие..

По всей видимости, они осуществили эту свою программу в нескольких Мирах сразу — в каждом опираясь на тот биологический материал, который этот Мир давал в их распоряжение. Так сказать, написали свое Генетическое Послание на нескольких языках сразу. И неизвестно, на каком из них оно уже заговорило.

Я только еще начал понимать всю его сложность. Оно реализуется уровень за уровнем, этап за этапом — по какому-то довольно сложному алгоритму...

Шаг первый: «ужаленный» — получатель Послания — начинает перерождаться. Он еще ничего не понимает сам, но в нем уже посеяны и прорастают семена новых, необыкновенных способностей. Прежде всего способности перерабатывать, фильтровать огромные массивы информации. И одновременно изменяются его привычки, интересы... Он начинает работать на того Демона, который уже поселился в каком-то закоулке его сознания, но еще не имеет никакого представления о том мире, в который пришел, не знает того языка, на котором этот Мир говорит с ним. Но он учится, он очень быстро учится, этот Демон.

На этой стадии душа получившего Послание раздвоена. Он сам не понимает себя. Делает много глупостей — часто вопреки смыслу Послания. Привлекает к себе внимание —

вот как я привлек его, наняв вас...

Шаг второй: они вступают в диалог — Демон и получивший... Пока они еще плохо понимают друг друга. Но Демон уже начинает понимать тот мир, в который явился. Он уже отдает приказы. И первый из них — оценить обстановку. Понять, насколько Мир, принявший Послание, близок к гибели. От этого зависит вся последующая цепь действий.

Получивший Послание начинает поиск. Он ищет те «горячие точки», в которых наука и технология его мира вплотную подошли к тому, чтобы поставить Человечество на грань катастрофы. Демон подсказывает ему алгоритмы оценок научных результатов, ведет его по темному лесу заполняющей Сеть информации... Если бы до катастрофы было далеко, если бы не нужны были экстренные действия, то третьим шагом было бы умножение числа получателей Послания. Их нужно куда больше, чем их поставляет лаборатория профессора Хайлендера. Нужны даже не сотни таких, как я. Тысячи и десятки тысяч — во всех уголках Обитаемого Космоса.

— Нужно для чего? Для предотвращения катастрофы?

— А вы не можете не задавать вопросов, ответы на которые знаете сами, агент?

Ким пожал плечами:

— Просто мне кажется, что Человечество и само способно справиться с такими... С опасными разработками и изобретениями... Существует масса всяческих «комитетов по контролю» и общественных движений...

— У них нет одного, агент... — Клаус наклонился ближе к лицу Кима. — У них нет опыта собственной гибели. Того опыта, который Предтечи вложили в Послание. Которым они буквально пропитали его... И поэтому они не могут угадать, откуда придет беда. А угадав, не будут иметь достаточно воли и уверенности, чтобы противостоять ей. Не смогут пойти на неизбежные жертвы. Будут цепляться за призраки гуманизма и демократии... В то время когда пора — давно пора уже — резать по живому... Это и был тот следующий шаг, который продиктовал мне мой Демон.

Он замолчал, глядя куда-то в пространство за спиной Кима невидящими глазами. Потом заговорил снова.

— Я... Я неточно сказал... Когда я окончательно прозрел... — а это случилось с вашей, агент, подачи, в темном кабинете профессора Кобольда, — Демон уже не диктован мне. Он уже был мною... Так вот: на этой стадии мне стало предельно ясно, что произошло с Солом и Ником. И что должно произойти со мной...

На лицо Клауса снова вернулась ясность. Он смотрел уже не в пространство, а прямо в глаза Кима и говорил уверенно. Разве что чуть отрешенно.

— Мы оказались смертниками, агент. Штрафным батальоном, брошенным в прорыв. Просто дела оказались настолько плохи — и по многим направлениям сразу, — что потребовалось срочное, немедленное вмешательство...

— Значит, вы узнали судьбу тех двоих... Был еще и третий...

— Был. Видите ли, перед тем как идти... Перед тем как идти в бой, каждый из нас оставил в Сети послание. Для того, кто пойдет следом... На той стадии, когда Демон становится тобой, ты узнаешь, где его искать... Но это сейчас не важно. Важно то, что нам стало ясно, что самую большую опасность для Человечества представляют сразу несколько групп разработок. Они ведутся в различных частях Обитаемого Космоса. И уже поздно бороться с ними, создавая комитеты, раздувая различные настроения в обществе. Даже просто уничтожая отдельных лиц. Дело зашло слишком далеко. Надо уничтожать эти

исследовательские центры целиком. Пусть даже ценой собственной жизни...

— Так это была диверсия? — Ким теперь тоже не отрываясь смотрел в глаза Гильде. — Сол Файнштейн внедрился на «Вулкан-1001» для того, чтобы уничтожить этот комплекс?

— Именно так. Только он не закладывал мины в реактор и не занимался всей той ерундой, которую так любят нам показывать по видео. Он «заложил» под «Вулкан» идею. Весьма интересную в научном отношении. И абсолютно гибельную.

— Он подсунул им — людям, работавшим на «Вулкане», ложную теорию, а они смонтировали по этой теории какое-то устройство и взлетели на воздух?

— Ну, на воздух можно взлететь только там, где есть воздух. А «Вулкан» дрейфовал в Глубоком Космосе. Но не в том дело. Идея, которую Демон Сола предложил людям с «Вулкана», не была ложной ни в малейшей степени... Просто она была неполна. Она давала прекрасную возможность — «отсасывать» энергию прямо из недр звезд в нужную точку пространства. Но она не предсказывала масштаб эффекта переноса энергии. Этот эффект люди «Вулкана» рассчитали, исходя из устаревших теорий. Ну и... Жаль, что Сол не успел вовремя убраться оттуда. Он отнюдь не был самоубийцей. Думаю, что просто не успел...

— А Стокмана зачем отправил туда Демон? Дублировать Файнштейна, что ли?

— Эта операция должна была быть выполнена с очень высокой степенью надежности. И была выполнена. Теперь на два десятка лет катастрофа отодвинута.

— Что же такого страшного творилось на «Вулкане»? — В голосе Кима зазвучала нотка усталого раздражения. — Ведь там работала чертова уйма специалистов высочайшей квалификации. Неужели никто из них не был способен предвидеть хотя бы ближайшие последствия своей работы.

— Слепы не отдельные люди, агент. Слепо Человечество в целом. Разработки исследовательской группы «Вулкана» решали сразу две проблемы, которые сильно ограничивают космическую экспансию Человечества. Проблему получения неограниченных количеств энергии и проблему переброски этой энергии в нужное время в нужное место. Собственно, это оказалась всего-навсего одна проблема. Вся беда в том, что ее решение оказалось слишком легким. Слишком...

— Ну не они же одни решали эту задачу...

— Не они одни. Верно. Но группа «Вулкана-1001» наиболее близко подошла к ее решению. Это были люди с совершенно оригинальной, ни на что не похожей концепцией мироздания... И они не спешили делиться своими секретами. Собственно, Сегюр и Камински в заштатном университете Синдереллы из подручных материалов смастерили что-то вроде демонстрационной установки и лет пять с ее помощью обрабатывали сильных мира сего. В результате родился проект «Вулкан-1000», а затем «Вулкан-1001». Сами понимаете, если бы дикие идеи Сегюра не принесли реальных результатов, то никто не ассигновал бы на их работу ни гроша. Но он и его люди крепко держались за свои секреты. На это смотрели сквозь пальцы — понимали, что ненадолго. И действительно, большие секреты в науке долго не живут. Как только энерготрансляторы Сегюра расползлись бы по Обитаемому Космосу, его теории перестали бы казаться дикими, а через пару лет вошли бы в стандартные учебники. Сейчас это, слава богу, отсрочено на десятилетия.

— По-вашему получается, что избыток энергии вреден для Человечества?

— Для теперешнего — еще как!

Клаус «добил» вторую сигарету и принялся возиться с третьей.

— Для теперешнего Человечества — еще как! — продолжал он. — Для того

Человечества, которое состоит из трех с лишним десятков населенных Миров, не все из которых дружат между собой. Для того Человечества, которое разодрано политическими страстями. Разделено на сверхбогачей и одичавших нищих. Для Человечества, напичканного враждующими криминальными кланами... Для такого Человечества море даровой энергии будет подарком Сатаны.

Дело в том, что для передачи энергии тем способом, который разрабатывали на «Вулкане», нет нужды в передатчике. Им может служить любой ее источник. Важен приемник, от которого в «скрытых» измерениях протягивается нить-проводник. Щупальце... Протягивается практически к любой точке Вселенной. А сам приемник не превышает размерами стандартного микрочипа. Может быть сделан размером с почтовую марку. И главное: их, эти приемники, смогли бы производить сотни, тысячи сравнительно просто оборудованных предприятий. Даже достаточно квалифицированные кустари смогли бы собирать эти «девайсы», как говорится, «на коленке».

Теперь представьте себе последствия всего этого. Начиная с того, что такая фитюлька — с таблетку аспирина размером — может стать идеальным оружием террора. Помните эпоху атомного террора в Метрополии? Точнее, не самую эпоху — нас с вами тогда еще и в проекте не было, — а воспоминания тех, кому довелось захватить те «славные» времена. Они даже в генах сохранили страх тех лет. А ведь термоядерный или плазменный заряд — это сложная и невероятно дорогая штука... Но дело не только в этом.

Энергия решает чуть ли не все проблемы. Отпирает все замки. Делает исполнимой любую авантюру. Любой, самый дикий каприз. Представляете, какие капризы могут прийти голову, допустим, Императору Харура? Или... А впрочем, не будем копать в примерах. Поглядите на картину в целом. В семи из Тридцати Трех Миров тлеют войны между государствами. Еще в десятке — войны гражданские. Когда тамошние вояки получают такую энергетическую подпитку, Ад сорвется с цепи. И даже не военные проблемы выйдут на первое место. Море сверхдешевой энергии — это еще и полный крах финансово-кредитной системы всей Федерации. А это — кризис в условиях изобилия. Ну что ж, и такое экономика рода людского знала. Но не в таких масштабах, в каких это произойдет. И это будет только началом. Дальше пойдет эскалация. И политики просто ничего не успеют предпринять, прежде чем Федерация развалится на несколько полусожженных, агонизирующих Миров, в каждом из которых будут полыхать войны на полное уничтожение... Это — не мои личные фантазии. Это — точный прогноз. У Человечества не было бы ни единого шанса выжить, проглотит оно ту конфетку, которую приготовили для него на «Вулкане».

— Пока что заживо сгорели только сами ее изготовители... — пожал плечами Ким. — Примерно три сотни не самых глупых человек в Обитаемом Космосе. Все остальное... Все остальное, конечно, выглядит убедительно, но все-таки — нечто умозрительное. Реальны только эти триста погибших. Впрочем, они — не на вашей совести, Клаус. За вами числится только док Кобольд... А он-то за какое благое дело отдал жизнь? И вообще, что вас принесло сюда, в другой конец Вселенной?

Клаус скинул вторую рукавицу и нервно размял пальцы. Осторожно прикоснулся их кончиками к мерзлой стали поваленной опоры. Отбил по ней уже хорошо знакомую Киму мелодию. Поднял взгляд на собеседника.

— Я же уже сказал, что беда надвигается на род людской с нескольких направлений сразу. То, что Спецакадемия и «оружейники» Чура затевают здесь, вдали от присмотра всяческих комитетов и болтливых СМИ, не менее взрывчатая смесь, чем та, что готовили

всем нам люди с «Вулкана». У «оружейников» своя теория пространства-времени — не менее бредовая, чем выкладки Сегюра. И не менее продуктивная. У нас — технология и финансы. Первую искусственную черную дыру здешние гении уже соорудили. Еще несколько лет интенсивной работы — и Федерация получит в свои руки оружие, которое сможет уничтожить всю Вселенную. Ни больше и ни меньше.

— Стоп, стоп, стоп... — встревоженным жестом остановил его Ким, — Гравитационное оружие... Манипуляции с пространственно-временным континуумом... Да об этом шумели в парламенте, еще когда я был где-то на первом курсе юридического. И тогда же был принят Федеральный закон... Все эти штуки запретили...

— В сфере юрисдикции Миров, подписавших Совместный протокол. И ратифицировавших Федеральный закон. А на это раскачались далеко не все. Чур до сих пор формально не входит в Федерацию. Фронда из нее вышла. Миры, не обладающие высокими технологиями, даже не ставили закон на голосование в своих парламентах — там, где таковые вообще есть. Как неактуальный. Причем таким Миром без высоких технологий до сих пор считаются Прерия и Квеста — можете смеяться, но это так. Так что закон тот был принят больше для успокоения общественности. Другое дело, что в тот период он был не слишком актуален — не было подходящих теоретических подходов, а про то, что «оружейники» Чура занимаются не только упражнениями в магии, знали лишь посвященные.

Ким поморщился. То, что и его и всю Федерацию привычно водят за нос хозяева военной машины Тридцати Трех Миров, вовсе не было для него слишком большим сюрпризом. Он оборвал наступившее молчание:

— Скажите, Клаус... Вы хотите повторить тот же трюк, что проделал Сол Файнштейн?

— Мне не обязательно становиться камикадзе. Следующий мой шаг — проникновение... А там я найду, как их остановить. Посмотрим по обстоятельствам. У меня есть чем заинтересовать одну из групп исследователей, которые работают с «оружейниками»...

— Проект «Погружение»?

— Проект «Погружение». Работы по экзоргонической свертке пространства. В макромасштабах.

— Экзо...? — переспросил Ким.

— Не важно.

Гильде нервно хрустнул пальцами:

— Если бы не весь этот невысказанный идиотизм с захватом корабля... Впрочем, это-то как раз и можно было бы повернуть в нужную сторону... Я давно уже был бы на месте... Но вам приспичило сажать корабль именно сюда, в другое полушарие!...

Ким присмотрелся к лицу Гильде внимательнее. И словно разговаривая с больным, как можно более четко выговаривая слова, спросил:

— А вы убеждены в том, что так хорошо разобрались в вещах, которые секретились самым серьезным образом, что можете решать за людей — стоит ли их жизнь их тайны или не стоит? Вы убеждены в том, что ваш Демон не ввел вас в искус всезнания и вседозволенности?

— Уверен. Но вас, агент, и меня разделяет бездна. Бездна информации, которую я не смогу пересказать вам, даже если буду говорить с вами на этом злом ветру два семестра подряд. Или двадцать лет — безразлично. С того момента, как я сподобился присоединиться

к братству «ужаленных», мне пришлось пропустить через себя информацию, во много раз превосходящую ту, которую я переварил за всю остальную свою жизнь. Я уже предупредил вас, что ничего другого, чем принимать мои слова на веру, вам не остается...

— Итак, вы уверены, что выловили из Сети сведения, которые говорят о том, что на Чуре ведутся работы, смертельно опасные для нашей цивилизации?

— Не из самой Сети. Сеть — только инструмент, который открывает доступ к таким залежам информации, о которых не подозревают даже опытные хакеры. И на то, чтобы приобрести умение пользоваться этим инструментом, ушла чуть ли не половина моего компьютерного времени. Зато оно окупилось сторицей. Наши криптографы даже не представляют, в каких дырявых сундуках хранят они свои секреты...

Гильде замолк, подбирая слова.

Ким опередил его и заговорил первым:

— Подумайте, Клаус, вы хотите нанести огромный вред той цивилизации, сыном которой являетесь. Хотите, чтобы я стал вам помощником в этом деле. Вам нужны еще тысячи и тысячи помощников... Практически вы намерены посвятить свою жизнь — точнее, даже пожертвовать ею только ради того, чтобы фактически просто ставить палки в колеса прогрессу Человечества! И все это исходя из мыслей, которые у вас засели в голове в результате вмешательства чужого разума! Вы ведь действуете как его агент. Возможно, обманутый, одурманенный агент! Вам самое место было бы там, в Поселении И идея та же, что нам Валентин растолковывал, — свернуть род людской с дороги, которую он выбрал...

Гильде прикрыл на секунду глаза и молитвенно соединил перед лицом кончики пальцев.

— Вы сейчас почти точно повторили то, что сказал мне Кобольд, когда я вернулся к нему в кабинет... Но, в отличие от него, у вас есть шансы поверить в мою правоту... Вы...

Он открыл глаза и, глядя поверх сложенных «домиком» ладоней, перехватил взгляд Кима. Теперь они смотрели друг другу в зрачки.

— У вас теперь есть опыт, которого не было и не могло быть у Кобольда... Опыт неповиновения... Подумайте хорошенько: вы вините меня в том, что во имя навязанной мне идеи я превратился в исполнителя чуждой людям, возможно, враждебной воли... А теперь давайте прикинем, кто же из нас всех действительно агент чужих? Агент Тартара — Темного Царства... Того Тартара, который изобрели древние в противовес светлomu и понятному миру людей...

Он «не отпускал» взгляда Кима, и у того уже начало щипать глаза от невозможности мигнуть.

— Кто? Тот несчастный мальчишка из Поселения? Клини и его зомби? Я — Клаус Гильде? Или, может быть, вы сами, агент? Недаром у вас такая профессия и такое прозвище... Чью волю вы выполняли, когда помешали «своим» уничтожить тысячи искусственно выращенных, обученных Злу человеческих существ? Существ, в каждом из которых может таиться Сатана! Вы осуществили неповиновение! Вы фактически предали Человечество. Действовали именно в интересах Тартара. Стали его агентом!

— Я просто не стал сволочью! — Голос Кима звенел. Гильде поднялся и наклонился над ним, продолжая взглядом фиксировать его зрачки.

— Скажите на милость... Сейчас, пожалуй, вы скажете, что вами двигала совесть... А вы уверены, что не принимаете за голос совести голос заложенной в вас программы? Чужой программы...

Ким тряхнул головой, сбрасывая надвинувшееся на него одурение. Смог наконец моргнуть:

— Вот что, Гильде... У меня пока что еще не поехала крыша... И я твердо знаю, на каком свете живу. И еще я знаю, что не подвергался никаким таинственным воздействиям. Никакие Демоны не владели моей душой. И я ни в кого не превращался...

Клаус снова перехватил его взгляд. Не обернувшись, снова опустил на ржавый металл.

— Как говорится, от сумы и от тюрьмы не зарекайтесь, агент... И от странных превращений — тоже... Впрочем, как видите, вы и так хорошо поработали на Тартар, без всяких особенных воздействий...

Ким мучительно поморщился. Поправил циркониевый браслет. Червь сомнения, грызший его душу, получил теперь основательную поддержку извне.

— Поймите, агент... Вам уже нет дороги назад. Вы сорвали выполнение операции, которая стоит на контроле высшего руководства Федерации. У Высшего Директората. И не только сорвали, но и фактически рассекретили. Это отправит в отставку по крайней мере одного из Директоров... Практически вы — конченный человек, агент.

Он сделал паузу, давая Киму время на размышление.

— Я вовсе не требую от вас, чтобы вы подписывали новый контракт кровью... У вас есть время подумать. Но очень не советую вам возвращаться к вашим... работодателям. Ваше спасение — потеряться здесь, на Чуре... Это не так сложно. Здесь нет полиции и сыска. Только люди Чура и Нелюдь. И Сумеречные Стаи... Потеряться легко. Сложнее будет выжить. Но у вас, считайте, есть теперь здесь друзья...

— Я привык отвечать за свои действия, Клаус, — напряженным голосом оборвал его Ким.

Получилось это у него искусственно и натужно. Как у артиста, играющего не свою роль. Они оба заметили это.

— Похвально, — усмехнулся Гильде. — Если вы мне расскажете еще, что ваш лучший друг — налоговый инспектор, а на закрытых процессах выносят только справедливые приговоры, то я просто расплачусь. Скажите мне человеческим языком, вам сильно хочется встретиться со следователем военной прокуратуры? А ведь такая встреча неизбежна. Понимаю, вам сложно перестроиться на марше. Требуется тайм-аут на размышления... Так я посоветую вам предаться этим размышлениям на борту «Саратоги». Я не буду вмешиваться... Более того, пусть считается, что я взял вас заложником. Это упростит задачу...

— Чего я не люблю, — уже своим настоящим, хотя и неровным голосом произнес Ким, — так это когда меня шантажируют. Так что спасибо за заботу, но свои проблемы я буду решать сам. Задержать вас у меня, скорее всего, не получится. У вас есть оружие, у меня его нет. Но я попытаюсь...

— Не стоит...

Пистолет возник в руках Гильде словно по мановению волшебной палочки.

— Вопрос в другом, Клаус... Уберите, пожалуйста, пушку — она как-то не способствует... — Ким подождал, пока Клаус вернет «ствол» в кобуру на поясе. — Допустим, вам удастся посадить корабль на том полушарии... Вы думаете, что вас там встретят с распростертыми объятиями? Вас сдадут властям Федерации. И сдадут немедленно. Людям Чура ни к чему ссориться с Федерацией. Тем более тем из них, кто ведет совместную работу с нашими физиками.

— Так бы и было, агент, если бы я на них свалился с неба в буквальном смысле этого слова... Но вы не учитываете одного — того, что я успел подготовить почву для такого своего, несколько экстравагантного прибытия. Я связался кое с кем из проекта. Кинул им кое-какую затравку. Не думаю, что даже «наши», как вы говорите, физики так запросто выдадут меня властям. А Чур не то место, куда так легко прислать полицейский наряд... У вас есть еще вопросы, агент? Вы не передумали оставаться здесь?

— Не передумал, — помотал головой Ким. — А вопросы... Их слишком много, чтобы задавать их здесь и сейчас... Разве что вот... Перальта — Джанни Перальта — единственный из «ужаленных», кроме вас, кто остался в живых... Он ушел в эзотерику. Это ошибка Послания? Или у этой «ракеты» какая-то своя цель?

— Не знаете, как быть с ним? — усмехнулся Гильде.

— Просто хочется понять...

— Если вы хотите понять, то у вас только один путь — тот, которым пошел я... Если же вы хотите просто знать, чего ждать от Джанни, то имейте в виду — Послание не ошибается! Просто наше знание не совпадает со знанием Предтеч. Ни по содержанию, ни по структуре, ни по способам его получения... Что-то, чего наш мозг, наша система понятий и установок не могут воспринять, предстает в искаженном, изуродованном виде. Для нас это пока что — магия, эзотерика... Но, видно, что-то важное связано с той миссией, которая досталась Джанни, если Послание первым осуществило именно это — его — превращение... Может быть, она на очень дальний прицел рассчитана, эта миссия. И я боюсь, что небезопасное дело — мешать ей. Магия будущего может оказаться похлеще тех темных тайн, с которыми мудрят ученые мужи современности. — Клаус присмотрелся к лицу Кима. — Но ведь вы хотите именно понять, агент... Я не верю, что вас удалось отправить за мной следом, купив вас деньгами или воздействовав на вашу «сознательность». Вас затянуло в этот Мальстрем именно оно — желание понять Тайну...

«Он прав, — сказал себе Ким, — любопытство. Дурацкое любопытство...»

— Я угадал, агент? Тогда зачем вам изменять собственной природе? Подумайте в последний раз — с кем вы...

Ким молчал. Потом покачал головой:

— Вы тогда верно угадали, Клаус, когда говорили, что Демоном, который будет искушать меня, будете вы... Нет, Клаус... Нет. Пожалуй, мой роман с Тайной закончился... У вас своя дорога, у меня — своя.

Они оба замолкли.

— Вот, собственно, и все.

Клаус поднялся и зябко поежился, окидывая взглядом безрадостный пейзаж занесенной снегом равнины. Поднялся на ноги и Ким.

— Мы могли бы до бесконечности говорить обо всем этом, — устало сказал Гильде. — Но времени уже почти нет — я должен продолжать свою игру. Вы ведь не станете мешать мне, агент?

Ким молчал, рассматривая лицо Клауса так, словно видел его впервые.

— Я не должен был рассказывать...

Голос Гильде был теперь глух и невыразителен. Весь заряд страсти, если и был он у него, ушел на тот монолог, что он обрушил на собеседника минуту назад.

— Но иначе... Ты не оставил мне никакого выбора, агент...

То, что Клаус перешел на «ты», насторожило Кима. Нет, дело было не в фамильярности

такого обращения — ни тени фамильярности не было ни в интонации Клауса, ни в том, как он держал себя... Это «ты» было пронзительно грустной — на грани отчаяния — нотой.

Темой прощания.

Клаус прощался с человеком, с которым успел как-то сродниться в такой недолгой дружбе-вражде, что соединила их. И, прощаясь с Кимом, он, похоже, прощался с людьми вообще...

— Ты не оставил мне выбора... — повторил Гильде. — Ты и так узнал слишком много. И я должен тебя переубедить. Сделать своим. Или убить. Как Кобольда...

Он пристально смотрел в глаза Киму.

— Ты ведь не станешь... останавливать меня...

Это был не вопрос. Утверждение. Попытка внушить свои слова колеблющемуся сопернику. Все так же глухо и невыразительно, но так, что запоминалось каждое его слово, Клаус продолжал:

— Я не мог сделать Кобольда своим. Он был не из тех... Он и такие, как он, свято убеждены, что всякое знание есть благо. И не важно, спасет оно род людской или погубит! Человек обречен на знание — и все тут! В этом все концы и все начала!

— А может быть, это так и есть? — с неожиданной для самого себя жесткостью перебил его Ким.

— Нет!!!

Лицо Гильде посерело и дернулось. Голос сорвался в крик. И по сравнению с глухими, серыми словами, которые он произносил перед этим, крик этот был страшен.

— Нет, — повторил он уже снова глухим и спокойным голосом. — Я знаю тебя, агент, лучше, чем ты думаешь. Ты не станешь мешать мне. По крайней мере до тех пор, пока не продумаешь все до конца. Возвращайся туда, к людям... Когда придет время, мы найдем друг друга.

С Кимом давно не было такого. С детских лет. Он просто не мог сделать выбор. И поэтому понял — недолгий, но предельно ясный жизненный опыт четко говорил это ему, — что проиграл. Всегда проигрывает тот, кто задумался.

— Мы... Отсюда мы расходимся...

Гильде словно впечатывал каждое слово в мозг агента.

— Ты уже понял, я просто повторю: мне придется немного нарушить наши планы... Мне надо туда... На то полушарие. К «оружейникам». На глайдере туда слишком долго добираться. К тому же, как я подозреваю, мне будут сильно мешать. Так что для такого путешествия лучше подойдет корабль... Не бойся, я справлюсь. Ничего с вашим корабликом не станет.

«Он справится... — понял Ким. — Он справится с управлением кораблем. Он и со многим другим теперь справится...»

— Да и ты тут не пропадешь... — Гильде кивнул на глайдер. — Возвращайся к тем, к беженцам... Они еще недалеко ушли...

Он пригляделся к лицу агента, к его позе... Они стояли друг напротив друга, словно пара мастеров какого-то из восточных единоборств на ринге. Казалось, каждый угадывает, каким выпадом начнет схватку противник.

— Вот что... — тихо произнес Клаус. — Ты... не готов еще... Так будет лучше.

И успел ударить первым.

Ким подозревал, что Гильде не лыком шит по части приемов ручного боя — как-никак

даже прежняя его профессия к тому обязывала. Но и себя он полным профаном в этом деле не считал. Поэтому особенно обидно было, что Клаус «выключил» его как мальчишку — парой точных касаний в «волшебные точки». Пришел он в себя, когда спина Гильде маячала уже метрах в тридцати от него — на фоне далекой громады корабля.

Ким попробовал подняться, но снова кулем повалился в снег. С трудом сел. Повернулся вслед Клаусу. Тот уверенно уходил все дальше и дальше.

«Господи! — подумал Ким. — Он же идет к „Саратоге“!... Нельзя! Там — смерть! Как же я не успел...»

Преодолевая боль, преодолевая навалившуюся на него ватную, детскую какую-то, слабость, он смог поставить себя на колени.

Не удержался и снова ткнулся лицом в стеклянное крошево растоптанного наста. Никак не удалось заставить работать руки. И спазм все еще мертвой хваткой сжимал его горло.

Агент знал основные приемы боевого аутотренинга и понимал, что надо — надо — несколько секунд, может быть, минуту потратить на то, чтобы расслабиться и так — под самогипнозом снять сковавший его спазм, но мешал охвативший его ужас перед тем, что сейчас — вот уже в считанные десятки секунд — должно было обрушиться на них просто из-за того, что он не смог, не сумел вовремя вставить в их разговор — сбивчивый и похожий на дурной сон — всего два слова. Не успел объяснить, что «Саратога» превратилась сейчас в бомбу без предохранителя... На то, чтобы справиться с собой у него ушло довольно много времени.

Поэтому Клаус Гильде — или тот, кто когда-то был им — успел довольно далеко отойти от занесенной снегом поваленной мачты электропередач, прежде чем услышал за спиной, издав издав «Стойте! Стойте, Клаус!».

Его лицо дернулось.

«Все-таки... — сказал он себе. — Все-таки...» Несколько шагов вперед он сделал, не оборачиваясь. Надеясь, что выкрик за спиной не повторится. Снег словно колодки мешал ему идти дальше.

Но Ким окликнул его снова — уже более твердо, преодолевая сжимающую горло боль:

«Вы не понимаете, Клаус! Остановитесь! Нам надо...» Гильде стал поворачиваться — нехотя и угловато. Его рука рефлекторно рванулась к поясу. Так же рефлекторно отдернулась. Снова рванулась. Пистолет, словно ожив, сам оказался в его ладони своей рифленой рукоятью. «Клаус, стойте! Там — смерть!»

Клаус поймал в прицел смуглое пятно на фоне белого безмолвия — лицо агента. «Иначе не получается...»

Он надавил на спусковой крючок. Фигурка, четко очерченная на ослепительном фоне снегов, остановилась, пошатнулась. Стала на колени. Неуклюже, боком ткнулась в снег.

Клаус прикрыл глаза, провел рукой по лицу, повернулся спиной к Седым хребтам, бросил пистолет в снег и молча, сутулясь, зашагал дальше — к надвигавшейся на него, все еще плохо различимой в начинающейся пурге громаде «Саратоги» — близкой и далекой одновременно.

Агент на контракте в страшно неудобной для живого человека позе неподвижно лежал на снегу. Только пятно крови медленно ширилось на капюшоне его ветровки — вокруг почти незаметного выходного отверстия, пробитого в нем пулей. От того места, где он лежал, еще можно было слышать скрип удаляющихся шагов. Шорох несущегося над землей снега стал заглушать их. И наконец он один и остался — этот неутраченный, пронзительно

Потом издалека — от самых отрогов Седых хребтов — по равнине затрусил к нему зверь. Зверь долго дожидался того момента, когда люди, пришедшие на его равнину, закончат решать свои дела. И он наконец настал — этот момент. Он был по-своему изысканно красив — поджар и покрыт отливающей металлом шерстью. Когда-то, на далекой Земле, предки зверя были волками. Или, скорее, шакалами. Впрочем, теперь, после смены многих поколений, последние из которых умудрились пережить десятилетия «ядерной зимы», зверь не напоминал ни тех, ни других. В нем вообще было мало земного — разве что голодный блеск в глазах.

Зверь приблизился к неподвижно лежащему человеку. Принюхался и наклонился над ним. Но в последний момент что-то отвлекло его. Голодные глаза оторвались от горла беспомощной жертвы, уставились на стальную, громаду, высящуюся над равниной. И в них отразилось пламя.

Над бескрайним заснеженным пространством катился гром. Отражался в отрогах гор. Бродил в них.

Дюзы «Саратоги» извергли пламя. Оно стало ослепительно ярким, набрало силу, подняло корабль. Опираясь на башню огня, махина корабля словно росла ввысь. Поднялась над равниной, унося пламя с собой.

И вдруг сама стала пламенем.

Гром — теперь уже другой, в сотни раз громче грома реактивных движков — обрушился на зверя. Вдавил его в снег. Лишил воли.

Свет ярче тысячи солнц залил сверкающую снегом бесконечность. И «Саратоги» не стало. Она превратилась в огненные клочья, заполнившие собой все небо. Устремившиеся к земле, угасающие на лету. Сотрясая землю, они стали входить в грунт. Усыпали равнину уродливыми чадящими пятнами.

Зверь не стал дожидаться конца светопреставления. Не издав ни единого звука, он развернулся и, под градом валящегося с небес раскаленного металла, почти точно по собственным следам потрусил вдаль, к отрогам.

Человек остался один — в бесконечности снежной равнины...

ЭПИЛОГ

АМНЕЗИЯ

Ему приснился холод. Ледяной ветер задувал за воротник, норовил продуть насквозь тонкий брезент штормовки, отвлекал от чего-то такого, что он старательно хотел вспомнить... Отвлекало еще и то, что он никак не мог понять — где он. Что за Мир снится ему. Он знал тот огромный серый валун, на который присел, чтобы подумать немного, — он часто сидел на нем в детстве, когда жил несколько лет на Кольском, у деда. Но небо... Это было недоброе, отчаянно прозрачное небо совсем чужого Мира. Он не должен был знать такого — судьба носила его только по хорошо обжитым, скучноватым Мирам со скучноватыми небесами. Откуда же в его сны пришла эта злая бездна над головой?

И еще ему приснился запах табачного дыма.

Он обернулся и встретился глазами с Анной. Та, нахохлившись, сидела рядом с ним на сером, шершавом камне и укрывала в ладонях от ветра крохотный огонек сигареты.

Только что — совсем недавно — он точно так же сидел рядом с кем-то другим. Тот — другой — тоже курил. И так же ветер норовил погасить его курево. Но держал он сигарету совсем не так. Да и сигарета была другая — как ни странно, Ким во сне научился различать их сорта по запаху дыма... Но мучительно не мог вспомнить того — другого.

— Как ты? — спросил он Анну. — Похоже, мы давно не виделись?

— Да нет. — Она задумчиво пожала хрупкими плечами. — Это у нас впереди... Здесь холодно. Пожалуй... Пожалуй, тебе не стоит задерживаться здесь. Там к тебе пришли. Ждут.

Ким почему-то подчинился ее словам. Поднялся. Сделал шаг и обернулся на беззащитную фигурку, скорчившуюся на холодном камне.

— А как же ты?

Анна отрешенно посмотрела на далекие изломы гор.

— Не стоит волноваться обо мне. Я же такая — всегда сама по себе. Уходи. Здесь холодно. И к тебе пришли, агент.

* * *

— К вам пришли, Яснов, — тихо, но очень веско сказала медсестра. — Какие-то два больших начальника. С крейсера. Вы с ними... Вы с ними пообщаетесь?

«Да», — хотел сказать Ким.

И не сумел.

Еще мгновение назад — в том продуваемом ледяным ветром сне — он знал, как это делается. Как произносятся слова. А сейчас — снова забыл.

Как, впрочем, и многое другое.

Это не было для него новостью. Поэтому он спокойно кивнул.

Слава богу — он помнил этих двоих. По-прежнему бодр и крепок был лысоватый полковник и по-прежнему рыхловат и рассеян белесый профессор. Полковник прибыл в госпиталь еще утром и успел побеседовать со здешним начальством. Потому держался куда более уверенно.

— Лежите, лежите! — Йонг жестом приостановил движение, которого Ким и не

собирался делать.

Медсестра, возившаяся с электродами на висках агента, на пальцах показала визитерам «пять минут!» и продолжила свое занятие. Ким слабо улыбнулся, переводя взгляд с одного из гостей на другого. Он почти не изменился за эти дни. Только осунулся. Да немного ниже левого глаза лицо его украсил аккуратный кружок биоактивной повязки.

— Вы хорошо понимаете нас? — осведомился Лошмидт.

Медсестра аккуратно пододвинула под руку Киму планшетку с карандашом, и он без особых усилий вывел на белом пластике «Да, спасибо».

— Вы прекрасно справились с заданием, агент, — уведомил его Йонг. — На ваш счет переведена оплата. Лечение осуществляется за наш счет. Вы скоро станете на ноги. И тогда мы поговорим подробнее. Не бойтесь — речь у вас восстановится...

Ким кивнул — «Знаю...»

Потом набросал на планшетке несколько слов и вывел вопросительный знак. Лошмидт нагнулся над надписью и прочитал:

«Ган... Фор... Валька. Анна?»

— С детьми все в порядке! — медово улыбаясь, заверил его полковник. — Все они уже у своих родителей... Все хорошо...

«Анна?» — еще раз написал Ким. Буквами побольше.

Полковник пожевал губами.

— Разве он?.. — тихо спросил Лошмидт.

— Не помнит. Я вам объясню позже... — так же тихо ответил полковник.

Ким перевел взгляд на профессора. Тот понял, что ответственность лежит на нем.

— Нет, — произнес он глухо. — С Анной Лоттой Крамер — нехорошо...

Ким прикрыл глаза. Сестра неодобрительно покосилась на приборы.

— Пожалуй, на сегодня хватит, господа... Я должна подготовить пациента к гипнопроцедурам. Потом он заснет.

— У нас к вам будут вопросы... — предупредил ее Йонг. — Мы подождем в коридоре, пока вы закончите...

* * *

— Господин агент родился в рубашке, — констатировал профессор Лошмидт, передавая тощую папку с распечаткой отчета капитана Манцева полковнику Йонгу.

Оба они не торопясь прохаживались по коридору орбитального космического госпиталя «Химмель-4», накручивающего потихоньку свои обороты в тысяче километров над недобрыми скалами и снегами Чура. У обоих на плечи были накинuty кипенно-белые халаты, предназначенные для посетителей. Оба были сосредоточены — каждый на чем-то своем. Но Йонг счел нужным согласиться с мнением профессора.

— Там отмечено, — он постучал по папке кончиком пальца, — что обломок аэродинамического оперения — что-то около тонны металла — вошел в грунт не более чем в пяти метрах от него. На десяток метров в глубину. Там вообще все было усеяно обломками «Саратоги». Фейерверк был еще тот...

— И с тем, что с орбиты засекали радиописк его браслета, ему тоже повезло, — продолжил Лошмидт. — Но больше всего ему повезло с пулей. Точнее, с траекторией, по

которой она прошла сквозь его череп...

— Это нам, профессор, повезло с той пулей... — полковник жестко сжал губы. — Если бы наш подопечный, после всего того, что он натворил там, на поверхности, погиб, как говорится, при невыясненных обстоятельствах, то это слишком уж напоминало бы попытку замести следы. Да и потеря человека, как таковая, отчетность не украшает... — Йонг подкинул на ладони папку с отчетом, но заглядывать в нее не стал. — Очень редко черепно-мозговые ранения остаются вот так — без всяких последствий. Временная потеря речи и только. Врачи обещают полное восстановление всех функций в течение двух-трех недель.

— А памяти? — несколько отрешенно спросил Лошмидт. — Насколько полно у него восстановится память вообще и в особенности — память о происшедшем? Что вам сказал его врач?

— У них только косвенные данные. Ничего путного сказать они не смогут, пока у Яснова не заработает речь. Но уже сейчас ясно, что будет наблюдаться довольно сильная ретроградная амнезия. Что-то около суток-полутора до момента ранения он вспомнить не сможет... Но есть радикальные методы, которые позволяют...

— Очень жаль, что агент не может предоставить нам детальный отчет за этот период... Очень жаль... — Всем своим видом Лошмидт выражал сожаление об этом обстоятельстве. — Но, с другой стороны, с этим ему тоже повезло. Пожалуй, даже больше, чем с траекторией пули...

— Что вы имеете в виду? — недоуменно воззрился на него Йонг.

Лошмидт некоторое время со значением смотрел на своего собеседника в надежде, что тот сам дойдет до сути дела. Но полковника Бог не наделил нужной степенью догадливости. Он просто замедлил шаг и выжидающе уставился на профессора. Тот вздохнул:

— Безусловно, отчет господина Яснова дополнил бы и наш с вами отчет наверх. Точнее — украсил бы его... Но на нет, как говорится, и суда нет... Мы, слава богу, имеем прекрасную запись той своего рода исповеди Клауса Гильде, которая предшествовала его выстрелу в агента. Она, собственно, содержит в себе разгадку тайны Генетического Послания. От нас не требовалось большего. А вот некая проблема, связанная с принятием решения в отношении Яснова, снимается сама собой. Ведь нам, полковник, необходимо было бы как-то отреагировать на те действия, которые наш подопечный предпринял в последние несколько часов до получения ранения...

— М-да...

До Йонга наконец дошла вся двусмысленность сложившейся ситуации:

— Что правда, то правда, профессор. Как говорится, тот случай, когда не знаешь, что делать с человеком — отправлять его под трибунал или представлять к ордену...

— Вы совершенно правильно меня поняли. Парадокс ситуации состоит в том, что исполнитель акции спасения населения «фермы» является и единственным юридически правомочным свидетелем этого... то ли подвига, то ли преступления... Анна Лотта Крамер погибла. Тот отставной навигатор, что осуществил посадку, пропал без вести. Подался в бега — и, похоже, не без оснований... Люди Чура вряд ли подходят в качестве свидетелей. Они обычно не сотрудничают со всякого рода комиссиями. Тем более что проблема более чем деликатна. Их просто не станут трогать. Нет, нет свидетелей! А ведь только наличие свидетелей и заставляет нас принимать в этом направлении хоть какие-то меры. А коль свидетель лишен памяти, то...

— Х-хе... Получается, что наш человек жив, а все равно никаких свидетелей и нет... И

что уж случилось, то и случилось. Разгрести это дерьмо — не наша головная боль!

— Вы совершенно правильно меня поняли, полковник. Коли расследование само по себе невозможно, то нет ни заключения по такому расследованию, ни тем более никаких оргвыводов из этого заключения.

— В конце концов, — развил свою мысль Лошмидт, — наш агент полностью справился с поставленной перед ним задачей: выяснил смысл и цель создания Генетического Послания и даже в некотором роде предотвратил некие действия, которые Объект намерен был предпринять, — действия, совершенно очевидно, негативные и разрушительные. Его в этом отношении нельзя упрекнуть ни в чем. А значит, нельзя упрекнуть и нас...

— Именно, — подтвердил Йонг. — Что же касается того, что параллельно с этим Яснов практически сорвал, обесмыслил миссию боевого корабля Федерации «Цунами», то трактовать это можно по-разному. Очень по-разному...

— В частности, — уточнил Лошмидт, — совершенно по-разному могут быть оценены его действия в зависимости от того, знал он или не знал о сущности миссии «Цунами». Для него самого, в конце концов, было бы благом не ставить потом перед собой подобного вопроса.

— Я думаю, — прервал повисшую в воздухе напряженную тишину Йонг, — что господин ведущий врач с пониманием отнесется к тому, что мы оценим его прогнозы на восстановление этого маленького кусочка памяти господина Яснова, как э-э... Ну как чересчур оптимистические... Соответственно он и сформулирует окончательный диагноз.

— А чтобы никому в голову не взбрело диагноз этот проверять, — в тон ему продолжил Лошмидт, — надо позаботиться о том, чтобы господин агент не болтался под руками у всяческих охочих до взаимопроверок инстанций. Пусть его хорошенько подлечат здесь, а потом... Я думаю, что вам не составит труда выхлопотать для него после выздоровления еще один контракт. Какую-нибудь синектуру в местах, от Метрополии достаточно удаленных. Только не на Чуре, конечно.

— М-м... — Йонг на секунду предался не слишком глубоким размышлениям. — Ну... Ну, скажем, где-нибудь на Прерии-2? Можно поговорить с людьми Управления. У них там какие-то проблемы с архивами времен Империи. Юридически грамотный человек за годик-другой...

— Вот и чудесно! — Лошмидт выпрямился и, улыбаясь, потер руки. — Поговорите, обязательно поговорите с этими людьми из Управления расследований. Уверен, что год или около того спокойной, хорошо оплачиваемой работы в тамошнем здоровом климате пойдет Яснову на пользу во всех отношениях. Лишь бы он сам не проявлял ненужного любопытства...

Полковник хорошо понимал профессора и уже начинал, рассуждая вслух, лепить некую, предназначенную для Кима, псевдоквазию.

— Постараемся настроить его соответственно, — задумчиво сказал он. — Яснову вообще не стоит знать, что он побывал на Чуре. Пусть думает, что пулю Гильде ему «подарил» где-то там, в переходных тамбурах. Или даже — на борту «Цунами»... И впоследствии — погиб на поверхности планеты. При неудачной посадке или взлете... Тут возможны варианты — в зависимости от того, что сохранится в памяти агента. О судьбе Крамер его можно информировать почти полностью. Дети... Ну, дети были благополучно доставлены на Чур, а тот странный мальчишка, что ушел с ними... Ну пусть думает, что его увезли родители — на новое место работы. Вряд ли Яснов станет особенно интересоваться

судьбой того навигатора... Мы не обязаны ее знать. Вот и вся версия. А остальное отрежем от него, да и от других любопытных, обычным грифом секретности. Возьмем уровень доступа повыше...

Йонг и Лошмидт обменялись понимающими взглядами. Оба были довольны друг другом и найденным решением.

* * *

Из палаты на редкость вовремя выпорхнула медсестра — белобрысая скандинавочка, похожая на молоденькую, но чрезвычайно озабоченную моль.

— Пациент?.. — задал ей наводящий вопрос Лошмидт.

— Пациент Яснов уснул, — сообщила медсестра. — И будет спать как минимум до следующего утра. Господин Искандеров считает, что на данном этапе восстановления функций сон ему весьма полезен.

— Искандеров — это?.. — осведомился Лошмидт.

— Это врач, который ведет пациента Яснова, — объяснила медсестра. — Один из лучших наших специалистов.

— Нам надо будет обязательно поговорить с ним, — уведомил ее Йонг.

— Значит, Яснов быстро идет на поправку? — заинтересованно осведомился Лошмидт. — Когда к нему вернется речь? Он хорошо понимает слова?

— С речью не все будет так быстро, но уже через год не останется даже мелких нарушений... — пожалала плечами сестра. — А читать и писать он может уже сейчас. Вот — написал ответ своей невесте... бывшей.

В руках она вертела распечатанный конверт с эмблемой «Ультрафаст-пост».

— Сначала я боялась передавать ему это... — робко сообщила медсестра. — Мало ли какая могла быть реакция... Даже если бы у него было не такое тяжелое ранение, то все равно это было бы жестоко — сообщать раненому, прикованному к больничной койке...

— Короче, если можно, — раздраженно попросил Йонг. — И почему вы не отдали это на прочтение мне? Я же ведь распорядился...

— Жестоко сообщать раненому, прикованному к койке, что его любимая женщина выходит замуж за другого, — твердо продолжила сестра, всем своим видом давая понять, что распорядиться полковник может у себя в казарме, но никак не в неврологическом отделении госпиталя космической медицины.

— На конверте пометка «личное», — добавила она, снизойдя до ответа на вздорное замечание.

— Но вы-то сами знали содержание письма! — как-то по-детски взъерепенился полковник. — Кстати, как вас зовут, мисс?

— Зовут меня Гунилла Свенссон. А вскрыл это заведованием, — пояснила медсестра. — Это его служебный долг — определить, не нанесет ли полученная информация вреда пациенту...

— И он решил, что не нанесет? — с ядом в голосе осведомился Лошмидт.

— Он оставил это на мое усмотрение. Как женщины.

— Очень мило с его стороны, — признал профессор. — И вы, несмотря на то что это столь жестоко, все же решили.

— Я просто не могла вынести этого, — пояснила медсестра, демонстрируя прекрасный образец женской логики. — Того, что бедный мальчик пребывает в неведении и, может быть, строит какие-то свои планы...

— Ну и как отреагировал господин Яснов на столь горестное для него сообщение? — продолжил допрос Лошмидт.

— Мужчины всегда были бесчувственны! — с горечью в голосе констатировала Гунилла. — Я сначала подумала даже, что он и своей возлюбленной не помнит тоже. Покрутил письмо перед носом, нацарапал на обороте ответ и попросил отправить за свой счет. Ответ и заказ в цветочный магазин в какой-то Канамаге — прислать букет на пятьдесят местных долларов утром двадцатого числа по адресу — тут адрес — Мэри Энн Мак... Нет, не Мак... Тут зачеркнуто. Написано: «Мэри Энн Курихаре»... С запиской следующего содержания... В общем, свадебное поздравление... Счет за цветы и доставку предъявить... Тут банковские реквизиты... Вот. Нацарапал все это и снова заснул.

«А тебе бы хотелось, чтобы пациент, прочитав письмо, изошел бы слезами и соплями?» — подумал профессор, но промолчал, скептически поджав губы.

— Дайте мне эту бумажонку! — сурово приказал Йонг. — Это, может быть, просто набор кодовых фраз!

Строптивая Гунилла подчинилась-таки на сей раз и протянула конверт полковнику.

«Дорогой Ким! — прочитал он. — Мне очень жаль, что я не могу сообщить тебе лично новость, которая, наверное, огорчит тебя: сегодня мы были помолвлены с Джимом Курихарой (помнишь, он показывал нам такие забавные фокусы в „Принце Колымском“?). В следующем месяце (двадцатого) у нас свадьба. Не огорчайся, агент, ты еще встретишь девушку своей судьбы. А я — явно не она.

Удачи тебе!

Остаемся друзьями?

Мэри Энн.

Р. С. Лорд Иерихонский жив, здоров. Только немного тоскует по тебе. Он, разумеется, передает тебе привет. Он ужасный сквернослов, и тетушка долго пыталась отучить его от этой скверной привычки. Но, к сожалению, все получилось наоборот. Бывает. С кем поведешься...»

Дальше был нарисован смайлик. Немного грустный и немного веселый.

И инициалы: «М. Э. Б. (скоро К)».

— Что это за каракули? — недоуменно спросил Йонг, тыча пальцем в смайлик.

— В старину, говорят, так часто выражали свои чувства, — объяснила Гунилла. — А теперь — снова в моде...

— А при чем здесь Лорд Иерихонский? Такой лорд есть только где-то в Метрополии. Нет, это — какой-то код...

Лошмидт, к которому был обращен вопрос, недоуменно пожал плечами.

Йонг перевернул листок и прочитал написанное почерком Кима — почерком, ставшим теперь слегка детским:

«Мэри!

Мои тебе и Джиму поздравления! Конечно, ты порядком огорчила старого друга, но старый друг постарается не помереть от тоски и одиночества.

К сожалению, я застрял в здешних краях, и надолго. Так что не смогу появиться на вашей свадьбе. Пусть мою персону представляет лорд Джерико. Кстати, считай его моим вам с Джимом свадебным подарком. Я уже говорил тебе, что он — талисман и приносит удачу. Я свою долю уже получил.

Всего тебе — и побольше!

Ким

P.S. Надеюсь, тетушка Розалинда на свадьбе не будет ругаться, как пьяный шкипер...

К.»

Далее тоже шел смайлик — и тоже грустный и веселый одновременно

— Опять этот лорд, — констатировал Йонг. — Только теперь пофамильярнее — просто «Джерико»...

— Вполне возможно, что это прозвище какого-то их общего друга, — пожал плечами Лошмидт.

— Или кота, — предположила Гунилла. — Что-нибудь в этом духе... А общих друзей все-таки обычно не дарят молодым на свадьбу. — Она с подозрением поглядела на важных посетителей: — Надеюсь, вы не будете его будить ради такой глупости?

Полковник Йонг благоразумно промолчал

— Пусть спит, — согласился Лошмидт. И, помолчав, добавил. — Сон дарит забвение.

* * *

Бесконечно далеко внизу, на сверкающей снегом равнине колонна — первая из шести — заканчивала свой путь. Ветер стих. И чуть приотставший от колонны мальчишка наклонился, набрал в ладони пригоршню снега и стал привычно умыться им. Потом поднял лицо к небу, снова ставшему прозрачным и глубоким. Там, отсвечивая крохотной звездочкой, быстро катился к горизонту какой-то из крупных спутников, повешанных над Чуром землянами.

Валька помахал звездочке рукой и заторопился вслед колонне. Правда, теперь отстать было не так уж страшно до колодцев оставалось часа два пути. И ветер больше не заносил следы.

Они тянулись длинной сероватой нитью через всю долину — от самого горизонта. Горизонту Валька тоже улыбнулся. Он уже перестал его бояться — этой призрачной, почти идеально вытянутой линии, отделившей небо от земли. Страх пришел к нему тогда, почти сразу после Исхода, когда словно второе солнце взошло оттуда — из-за этой линии — и глянуло в спины уходящих вдаль людей оком Дьявола. Когда нескончаемый, рыдающий гром катился им вслед, а земля под ногами судорожно дергалась, словно норовя утащить их туда — назад, в огненную бездну, низвергнутую на Поселение боевым кораблем первого класса

«Цунами».

Но сейчас ничего страшного не было окрест.

Только бездна неба, бесконечная равнина и следы людей на ней.

Больше книг на сайте — Knigolub.net